

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра философии, политологии и социологии

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

*Сборник материалов
V Международной научно-практической конференции*

г. Грозный, 7-8 декабря 2018 года

Махачкала 2018

УДК 101
ББК 87
Г-94

Автор проекта:

Бетильмерзаева М.М., доктор философских наук,
профессор кафедры философии, политологии и социологии ЧГПУ

Научные редакторы:

Бетильмерзаева М.М., доктор философских наук,
профессор кафедры философии, политологии и социологии ЧГПУ

Гадаев В.Ю., кандидат философских наук,
профессор кафедры философии, политологии и социологии ЧГПУ

Г-94 Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов V Международной научно-практической конференции (ЧГПУ, г. Грозный, 7-8 декабря 2018 года). – Махачкала: АЛЕФ, 2018. – 332 с.

ISBN 978-5-00128-141-2

Материалы сборника посвящены проблемам духовной безопасности российского общества в условиях современного геополитического соперничества, роли гуманитарного знания и научного сообщества в эффективном противодействии духовной экспансии и обеспечении духовной безопасности российского социума.

Сборник предназначен для ученых и специалистов, занимающихся проблемами теории и практики духовной безопасности в условиях усиления рисков и угроз национальной безопасности общества и личности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Тексты статей публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-00128-141-2

© Коллектив авторов, 2018
© Чеченский государственный педагогический университет, 2018
© Издательство «АЛЕФ», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Абазов Б.З., Табухова Ж.Х. Роль традиций и обычаев в формировании гармоничной личности	7
Алдиева М.Ш. Экстремизм и терроризм как угроза духовной безопасности человека и общества.....	11
Алиев М.Р., Магомедов К.М. Специфика субъекта в различных конфессиях и типах мировоззрения	15
Арпентьева М.Р. О ресентименте в образовании: духовная vs правовая безопасность.....	20
Бажутина Т.О., Бажутина Н.С. Этические аспекты речи как фактор гармонизации личности	28
Бакина А.В., Новоселова А.Ю. Ценностные ориентиры современных подростков и молодежи (на примере старшеклассников г. Комсомольска-на-Амуре).....	34
Батырова М.Д. Экологическая культура современного школьника	41
Берсанова З.Х.-А. Уважение к старшим – основа этикета чеченцев.....	45
Бетильмерзаева М.М., Керимов М.М. Проблема духовной безопасности в парадигме когнитивных наук	49
Бесолов В.Б. Традиционное архитектурное наследие горцев Большого Кавказа как определитель творческого дарования зодчих, источник фундаментального гуманитарного знания и показатель духовной безопасности горских народов	57
Бишенова М.М., Ширитов А.Б. Соотношение науки и религии	83
Викторов А.Ш. Справедливость и доверие как ключевые категории социально-гуманитарного знания	89
Гадаев В.Ю. Толерантность суфизма в контексте духовной безопасности чеченской молодежи	95
Гусенова Д.А. Феномен путешествия как предмет социально-гуманитарного знания.....	108
Залибекова А.З. Задачи образовательной системы в полиэтноконфессиональном регионе.....	113
Денильханова Р.Х. Особенности рационального познания в исламской философии.....	117
Денильханова Р.Х. Современное понимание фикха в мусульманской юриспруденции	127
Ибрагимова Э.М. Трансформация ценностных ориентаций социально-экономического поведения чеченцев в условиях рыночной экономики.....	136
Иналкаева К.С. Гражданское общество и национальные интересы ...	145

Исмаилова Л.М. Особенности организации социальной политики в Чеченской Республике	151
Исмаилова Л.М. Девиация как двигатель прогресса	155
Калинин С.Ю., Скаредов С.Ю., Asante Kissi Этнорелигиозная толерантность как фактор влияния на уровень напряженности политического поля и инструментарий её преодоления в рамках демократической политической системы (на примере Ганы)	160
Каныгина Н.А. Проблема духовной безопасности человека (на примере российского государства)	164
Корпачев П.А. Рассмотрение проблемы религиозной радикализации в современных западных исследованиях	169
Кочесоков З.Х., Кочесокова М.К. Некоторые проблемы противодействия экстремистским проявлениям радикального религиозного фундаментализма на современном этапе	173
Курбанова Л.У., Чиббура Ш. Проблема концептуализации гендерного равенства в контексте американских, европейских и российских исследований	178
Лысцева И.В. Православно-исламский диалог, его формы и методы на фактах повседневной жизни в калуге видных общественных, религиозных ссыльных горцев Северного Кавказа середины XIX – начала XX века	184
Львов А.А. Французская модель в философии: национальные особенности или диалог традиций?	194
Ляпанов А.В. Роль православия и ислама в поддержке традиционных ценностей в России	199
Магомедова А.Н. Истинное содержание фольклорного знания	203
Максименко М.В. Нравственные основы наказания за совершение преступления	206
Макушина О.П., Пукасев Д.А. Психологический анализ любви и проблемы любовной зависимости с позиции духовной безопасности	210
Маслакова М.В. Гармоническое и экологическое взаимодействие человека, природы, цивилизации	217
Махадов А.К., Гусейнова А.А. Глобализация и проблема современных этноконфессиональных противоречий на Северном Кавказе	222
Мухаджиева Т.А. Влияние психофизиологических и личностных качеств спортсменов и тренеров в их взаимодействии на успешность совместной деятельности	228
Муханова И.В. Духовная безопасность, религиозность и психологическая устойчивость личности	232
Павловская О.А. Духовно-нравственная безопасность	238

Почтарева Е.Ю. Личностно-профессиональное самоопределение субъекта педагогической деятельности	244
Сайдумов Д.Х. О некоторых исследованиях современного периода ..	252
Сайдумов Д.Х. К вопросу о предложениях и рекомендациях для включения в единую концепцию духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики	259
Саркарова Н.А. Проблема духовности в информационном обществе ..	271
Сугаипова Э.И. Аксиология религиозного сознания	276
Сулейманова Р.Р. Ценностные аспекты духовности в современной культуре	280
Султанахмедова З.Г., Билалова Б.М. Экзистенциальный кризис как причина суицида	283
Тарамова М.С. Анализ эволюции религиозных верований вайнахов ...	287
Туманова О.И. Наука и технологии как приоритетное направление развития Российской Федерации	291
Хабаев И.Д. Язык как основа духовной и национальной безопасности народа	295
Хажмурадова Х.З. Категория отрицания в древней философии	304
Циватый В.Г. Концепты «справедливость» и «несправедливость» как ценностные компоненты современного гуманитарного знания: институционально-исторический дискурс	307
Чемурзиева Е.М. К вопросу о соотношении понятий «духовность» и «право»	313
Шаваева Ш.А., Шогенова А.А. Семантический анализ этикетной речевой формулы карачаевцев и балкарцев	316
Эльбиева Л.Р. Роль интеллигенции в современном российском обществе	323
Юлдашев Э.С. Креативные индустрии как часть духовного возрождения страны	328

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных статей содержит материалы V Международной научно-практической конференции «Гуманитарное знание и духовная безопасность», проходившей на кафедре философии, политологии и социологии Чеченского государственного педагогического университета 7-8 декабря 2018 года. География участников конференции представлена исследователями из различных регионов России и зарубежья: *Барнаул, Владикавказ, Владимир, Воронеж, Екатеринбург, Комсомольск-на-Амуре, Липецк, Махачкала, Москва, Нальчик, Новосибирск, Пермь, Пятигорск, Санкт-Петербург, Тверь, Тюмень, Ханты-Мансийск, Республика Беларусь, Республика Гана, Республика Узбекистан, Украина.*

В рамках заявленной тематики конференции нашли отражение научные интересы как известных ученых, так и молодых исследователей, которые рассмотрели различные аспекты гуманитарного знания и духовной безопасности глобализирующегося мира.

Содержание публикуемых статей отражает исключительно точку зрения их авторов, которая, в силу объективно существующего плюрализма научных взглядов, может отличаться от мнения редакционной коллегии.

Хочется надеяться, что данный сборник вызовет интерес у представителей гуманитарной науки, занимающихся проблемами теории и практики духовной безопасности в условиях усиления рисков и угроз национальной безопасности общества и личности.

РОЛЬ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ В ФОРМИРОВАНИИ ГАРМОНИЧНОЙ ЛИЧНОСТИ

Б.З. Абазов, Ж.Х. Табухова

Россия, г. Нальчик

*ГБПОУ «Кабардино-Балкарский
гуманитарно-технический колледж»*

E-mail: zhanti.2011@mail.ru

Аннотация. В настоящее время актуализировались проблемы нравственного воспитания молодежи. Особое значение приобретает переосмысление педагогического опыта и этнических традиций. Становится все более очевидным, что современное образование не может и не должно дистанцироваться от педагогического опыта и наследия предков.

Ключевые слова: нравственное воспитание; традиции; обычаи; гармоничная личность; духовные ценности.

В настоящее время актуализировались проблемы нравственного воспитания молодежи. Это связано с тем, что сегодня наблюдается резкое обострение воспитательных проблем, усиление негативных явлений в молодежной среде. Особое значение в связи с этим приобретает переосмысление педагогического опыта и этнических традиций. Все более становится очевидным, что современное образование не может и не должно дистанцироваться от педагогического опыта и наследия предков, от особенностей национальной психологии народа, его обычаев и традиций. Более того, полноценное всестороннее воспитание подрастающего поколения невозможно в отрыве от народных традиций, проникнутых высоконравственным национальным идеалом. Связка далекого прошлого и настоящего в педагогическом опыте имеет прагматическое значение. Этнопедагогическая культура и историческое прошлое народов – это тот фундамент, на котором строится воспитание. Использование народных образовательных традиции приводит к повышению уровня образованности и воспитанности учащихся.

Народная педагогика не утратила своей ценности и в настоящее время, так как, говоря словами выдающегося педагога К. Д. Ушинского, "школьное воспитание живым далеко не представляет всего воспитания народа. Только народное воспитание является живым органом в процессе народного развития" [5, с.121]. Для этнопедагогиче-

ской системы образования, по утверждению академика РАО Г. Н. Волкова, важнейшим руководством является формула, которая может быть условно названа "золотой": без памяти (исторической) – нет традиций, без традиций – нет культуры, без культуры – нет воспитания, без воспитания – нет духовности, без духовности – нет личности, без личности – нет народа [2, с. 82]. Становится очевидным, что в современных реалиях необходим учет этнорегиональных особенностей культуры, что находит свое отражение и в Законе Российской Федерации «Об образовании», где среди важнейших принципов называется и принцип защиты системой образования национальных культур, традиций в условиях многонационального государства.

Духовные ценности, традиции и обычаи молодое поколение начинает усваивать в семье, где родители передают детям свой нравственный опыт, унаследованный от старшего поколения. Учебные заведения и, в целом образование, должны использовать и приумножать накопленное веками богатство народной педагогики, поддерживая тесную связь с семьей. Мы исходим из того, что игнорирование народного опыта педагогики, национальной культуры, утрата исторических и духовных ценностей, созданных нашими предками, разобщенность и отчужденность поколений может привести к бездуховности, дисгармонии личности. В таком случае неизбежны подчинение чужой (а то и чуждой народу) культуре, заимствование, подражательство, примитивизм во многих сферах жизнедеятельности.

К.Д. Ушинский утверждал, что народная мудрость по силе наблюдательности, точности мысли, идейному содержанию настолько оригинальна, «что никто не в состоянии состязаться с педагогическим гением народа». Каждый народ богат своей многовековой культурой. И в этом богатстве самое сокровенное - народная мудрость, которую передавали из уст в уста.

В связи со сказанным вспомним известного педагога С. И. Гессена, который отметил: «Но вот, в силу тех или иных исторических условий, наступает вдруг решительный перелом во внешней культуре: появляются новые взгляды, новые мысли и чувства, усложняется борьба общественных интересов. В застоявшуюся культурную среду врываются иностранные влияния. Всё это сопровождается быстрым ростом литературы, внезапным расцветом искусства, сразу надвигающимся вихрем политической борьбы, наконец, просто приходом массы новых людей, разрушающих старые навыки, предрассудки, обычаи». Великий педагог прозорливо отмечает: «Человек теряет сам себя, начинает мыслить чужими мыслями, чувствовать чужими чув-

ствами, действовать по-чужому... Самобытная личность уступает бездушным автоматам...» [3, с.125]

Прав С. И. Гессен, а нам, педагогам, родителям, учёным, надо подумать (пока еще не поздно) о сохранении и трансляции самого ценного в народной педагогике, методике творения человека средствами объединения всех усилий (внешних и внутренних). Нужно продумать, как и в какой системе воспитывать молодое поколение, которое соблюдало бы кодекс чести, а девушка несла бы в себе качества женщины, хранящей своё целомудрие, ценностный выбор которой был бы направлен на сохранение и укрепление семьи.

Идеалы народной педагогики выработаны тем или иным этносом в течение всей его истории, в них все естественно и гармонично, все порождено жизнью, ее требованиями к человеку, нуждающегося в постоянном, непрерывном и беспредельном развитии. Только через усвоение обычаев и традиций, национальных особенностей народа лежит путь приобщения к общечеловеческой культуре. Перед нами стоит задача – научно осмыслить многовековой народный воспитательный опыт, преемственность традиций. Без бережного отношения к духовным сокровищам народа, которые сохранились и в устном народном творчестве, и в традициях, и в играх, и в этнографических и археологических материалах немислимы прогресс в общественной жизни, формирование исторического самосознания и миропонимания народа. А. Э. Измайлов конкретизирует основную цель народной педагогики – «воспитывать и обучать молодое поколение на лучших идеалах народных масс» [4, с.123]. Также надо отметить, что основным критерием результативности современного воспитания стали знания, «ценности» личного преуспеяния. Существующее воспитание неадекватно жизни как универсальной ценности, самосохранению человека, его природе и назначению. Человеческий мир, накопив колоссальный опыт воспитания и обучения, на основе его, набрав невиданные темпы создания новых моделей жизни, производственных и информационных технологий, стремительно движется к самоуничтожению. Народная же педагогика традиционно видит смысл воспитания, в первую очередь, в духовно нравственном воспитании, она вновь возвращает к главным проблемам человека.

Очень часто идеал поведения человека, пример нравственности, представленный современной массовой культурой, резко отличается от идеала, основанного на истоках народной культуры. В данном контексте хотелось бы отметить идею Волкова Г. Н. о влиянии примера-идеала [1, с.375]. По словам Волкова Г. Н. пример-идеал олицетворя-

ется во всех составляющих народной педагогики: это и фольклор, в котором так или иначе обозначен «талант высокой нравственности», и традиции, которые охватывают и народное искусство, и труд. В своей книге «Этнопедагогика» Волков Г. Н. предупреждает о том, что отрицательный пример может нести страшные последствия, особенно, если он ложится на неокрепшую психику ребенка. В заключение, хотелось бы отметить, что система воспитания не изобретается каждым народом, а усваивается им, ее вырабатывает все человечество и передает последующим поколениям. Народная педагогика, являющаяся многоликой в своей основе, по своему назначению является общечеловеческой. История педагогики показывает, что общечеловеческий идеал гармонично развитой личности создается только совместными усилиями всех народов, этот идеал присущ каждому народу, характерен для него. Гуманистическое воспитание, как высший этап развития всех исторических форм воспитания, когда-либо имевшихся у человечества, вбирает в себя положительные педагогические достижения всех народов.

Список литературы:

1. Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: Академия, 2000.
2. Волков Г. Н. Мы озабочены единым словом "Человек». Народное образование, № 5, 1997.
3. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию.: М., 1995.
4. Измайлов А. Э. Народная педагогика: педагогические воззрения Средней Азии и Казахстана. М., 1991.
5. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 1 / Сост. С.Ф. Егоров. - М., 1990.
6. Фролова С. Л. О реализации приоритетных направлений воспитания учащихся: формирование идеалов и ценностей / Фролова С.Л./ Историческая и социальнообразовательная мысль - 2012.-№1.
7. Этнологический словарь. / Сост. С. А. Арутюнов и др. - М.: 2002. - Вып. 1: Этнос. Нация. Обществ.

ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

М.Ш. Алдиева

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

E-mail: aldieva79@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем духовной безопасности человека и общества. К одним из самых опасных угроз считаются экстремизм и терроризм в современном мире. Выявлены причины возникновения этих явлений и их взаимосвязь. Определены качественные черты духовного мира личности, социальных слоев и групп, их социальные отношения в аспекте стабильности, динамики развития и воспроизводства. Социально-философский анализ духовной сферы, как фактор национальной безопасности, фокусируется на рассмотрении универсальных значений, основных особенностей и характеристик, глубоко актуализированных явлений социальной жизни. Даны определения понятиям «экстремизм», «терроризм», охарактеризованы виды терроризма «внутренний терроризм» и транснациональный. Целью исследования является выявление способов решения глобальной проблемы экстремизма и терроризма, ставшим угрозой духовной безопасности человека и общества.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, человечество, глобализация общества, духовная безопасность.

Все особенности современного развития цивилизации, вызванного глобальной информатизацией общества радикально новы. Они появились в течение последних двух-трех десятилетий и не имеют аналогов в историческом прошлом человечества. Поэтому эти проблемы недостаточно изучены до сих пор. Некоторые из них даже не нашли свое адекватное отражение в массовом сознании, которая в настоящее время значительно отстает от темпов глобальных процессов информатизации общества. Такое отставание - еще одна глобальная угроза безопасного и устойчивого развития цивилизации. Вот почему очень важно изучить процессы информатизации современного общества всесторонне, принимая во внимание их взаимозависимость с двумя другими стратегическими проблемами глобализации общества и его устойчивого и безопасного развития.

В современных условиях духовное развитие общества становится одним из самых важных факторов обеспечения национальной безопасности. Противоречивое влияние глобализации на современную жизнь показывает, что наряду с его положительными тенденциями есть и негативные, связанные с ростом духовных угроз. В этой связи, только ознакомившись с бесценным культурным наследием, современными достижениями, формирование свободного, независимого мышления поможет развить среди населения, особенно создать иммунитет среди молодого поколения в отношении духовных угроз. Поэтому качественные черты духовного мира личности, социальных слоев и групп определяют состояние социальных отношений в аспекте их стабильности, динамику развития и воспроизводства. Социально-философский анализ духовной сферы, как фактор национальной безопасности, фокусируется на рассмотрении универсальных значений, основных особенностей и характеристик, глубоко актуализированных явлений социальной жизни [2, с.29].

В современном мире наблюдается обострение большого количества противоречий, в связи с чем, наблюдается рост экстремизма и терроризма. Противодействие экстремизму и терроризму является одной из главных задач всего человечества.

Согласно исследованию Корнилова Т.А., термин «экстремизм» сначала был употреблен в положениях теории государства. С середины XIX столетия термины «экстремизм» и «экстремист» появились сначала в Англии, где они широко использовались в политической прессе. В США эти концепции возникли во время Гражданской войны (1861-1865), когда члены жесткой линии обеих воюющих сторон Севера и Юга называли «экстремистами в обеих частях страны». Понятие «экстремизм» во Франции появилось в Первую мировую войну (1914-1918), после конфронтации друг с другом несколько десятилетий левых и правых политических сил [3, с.17].

Несмотря на то, что сторонники крайних взглядов и мер существовали на протяжении всей истории человечества, этот термин широко встречается только в первой половине XX века. Социология определяет экстремизм как «приверженность крайним взглядам и действиям, проявляясь в соответствующем социальном поведении» [5, с.78].

Криминология предполагает, что преступный экстремизм социально опасен. Деятельность его выражается в преступлениях, мотивированных политическими, идеологическими, расовыми, этническими

или религиозными противоречиями или ненавистью. Иногда и ненавистью к определенной социальной группе.

Существуют следующие виды преступного экстремизма: политический, идеологический, этнический, религиозный. Их дифференциация осуществляется по характеру ненависти или враждебности[1, с.167].

В международных правовых актах до 2001 года не было определения «экстремизма» хотя этот термин был использован. Например, в резолюции Генерального секретаря ООН на Генеральной Ассамблее 09.12.1994 № 49/60, в которой говорится, что «... Генеральная Ассамблея глубоко обеспокоенный тем, что во многих регионах мира все чаще совершенные террористические акты, основанные на нетерпимости или экстремизме...»[6, с.8].

Понятия «экстремизм» и «терроризм» неразделимы. Если говорить о последовательности появления этих явлений в обществе, очевидно, что экстремизм появился сначала в форме какой-то очень радикальной идеи, которая противостоит признанному обществу, правительству морали, и после этого идет терроризм. Описывая эти явления с точки зрения роли, которую они выполняют, экстремизм может быть представлен как главная движущая идея, сила, цель, а терроризм в этом тандеме служит способом, средством достижения этой цели. Если мы рассмотрим эти явления с точки зрения их структуры, экстремизм - это основное внутреннее содержание, в то время как терроризм является внешним проявлением этого явления.

Понятие терроризм концентрируется на трех группах участников, коими являются исполнители, жертвы и аудитория. Помимо террористов –агентов и так называемых «одиноких волков», нельзя исключать терроризма, спонсируемого государством, где правительство тайно помогает террористической группе различными способами, включая поставки оружия, безопасное убежище, разведку, подготовку, финансирование или безопасный проход. В течение последнего десятилетия «холодной войны» было много государственного спонсорства терроризма с такими группами, как организация Абу Нидаль, выступающая в качестве террористической группы для найма[4, с.312]. «Аудитория» относится к коллективу, который террористы пытаются запугать посредством своей бессмысленной жестокости. При достаточном и устойчивом запугивании. В последнем случае итальянские власти разобрали итальянские красные бригады в 1980-х годах.

Так называемый «внутренний терроризм» является доморощенным и представляет собой наиболее распространенную форму терро-

ризма. Для внутренних террористических актов преступники, жертвы и зрители находятся в одной стране, где происходит нападение. Гражданские войны часто связаны с многочисленными внутренними террористическими нападениями до и во время конфликта со стороны противников.

Терроризм является транснациональным, когда инцидент в стране пребывания касается лиц, совершивших преступления, или жертв из другой страны. Если террористическое нападение в Великобритании совершается террористами из Йемена, то этот инцидент является транснациональным терроризмом. Когда террористический акт во Франции наносит ущерб голландским гражданам, нападение является транснациональным. Если одна или несколько жертв или исполнителей не являются гражданами страны пребывания, то террористическое нападение является транснациональным. Похищение в январе 2002 года и последующее убийство американского репортера Даниэля Перла в Пакистане классифицируются как транснациональный террористический инцидент. То же самое можно сказать о почти одновременных бомбардировках посольств США в Кении и Танзании 7 августа 1998 года. Террористические нападения на посольство другой страны, даже когда они совершаются гражданами страны пребывания, являются транснациональными террористическими акциями, потому что территории посольства представляют собой иностранную почву. События произошедшие в США 11 сентября, крушение башен близнецов, также является транснациональным террористическим актом, поскольку жертвами стали граждане из 80 стран, а преступники были иностранцами. Похищение американского журналиста Джеймса Фоули в Сирии 22 ноября 2012 года и его обезглавливание 19 августа 2014 года является транснациональным террористическим актом. Жертвой был американец, тогда как убийца, как утверждается, являлся британским гражданином из исламского государства (ИГИЛ) в Ираке и Сирии.

Таким образом, нам видится важным в сложившейся обстановке необходимость развития у подрастающего поколения духовно-нравственных качеств, так как духовность, прежде всего, защищает нацию, национальную культуру, образ жизни. Она выполняет функцию социального и культурного фильтра и пытается предотвратить проникновение инородных явлений в национальную жизнь, подрывающих национальность, не соглашающихся с моральными, эстетическими, философскими убеждениями нации.

Список литературы:

1. Артемов А.А., Клейменов М.П. Понятие и виды криминального терроризма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010 №3(24) С.167-174.
2. Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. // ВЕСТНИК Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010/1(21). – С. 29.
3. Корнилов Т.А. Международные аспекты противодействия экстремизму: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. – С.17.
4. Bruce Hoffman. Inside Terrorism/ New York, Columbia University Press, 2006.- P.312.
5. Kozlov A. (Ed. Ivanov V.N.) (2003). Extremism social. Sociological Encyclopedia. *Journal "Thought"*, 2(2), 863p.– P.78.
6. Резолюция Генерального секретаря ООН на Генеральной Ассамблее 09.12.1994 № 49/60.– С.8.

СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТА В РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЯХ И ТИПАХ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

М.Р. Алиев, К.М. Магомедов

Россия, г. Махачкала

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

E-mail: magomedov49@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются некоторые особенности субъекта в различных исторических типах мировоззрения и религиозных конфессиях. Показывается одновременность появления некоторых местоимений, которые отражают различные ступени субъектной идентификации человека. Дается критика установки на бессубъектность исламского мировоззрения, имеющейся в литературе

Ключевые слова: мировоззрение, мифология религиозные конфессии, философия, субъект, бессубъектность

Различные культуры и типы мировоззрения характеризуются множеством своеобразных особенностей. Одно из этих различий культур и мировоззрений заключается в том, что в них по-разному субъектом осмысливается свое место в мироустройстве. И это не случайно: всем хорошо известно о том, что любая культурная матрица,

будь она мифологической, религиозной или рационально - философской, различается, прежде всего, степенью выделенности в них субъекта, мерой осознания человеком своего места в структуре мироздания [1].

В мифологии персональный субъект культуры еще не сформирован, он предельно расплывчат, надындивидуален, является выразителем «мы-сознания». Не случайно любая историческая мифологема, за редким исключением, выступает как анонимный продукт коллективного творчества.

Дальнейшим шагом на пути индивидуализации и персонификации субъекта выступает религиозная культура, в которой появляются новые, неизвестные мифологической культуре, стороны личностной самоидентификации. Это выражается, в том числе, в появлении молитвенных механизмов обращения к богу. Ведь любая молитва, каким бы коллективным ни было ее протекание, и каким бы заученным ни был ее текст из Священных писаний, являет собой всегда сугубо личное обращение к Богу, персональную просьбу укрепить свою веру, волю, дать силу, защитить, сохранить, помочь в преодолении различных искушений и т.д. Убедительным доказательством наличия в религии этого личностного начала является знаменитый ответ Иисуса во время Тайней вечери своему сподвижнику и ученику «Я есть истина и свет», приведенный во многих евангелических сказаниях.

И, наконец, полноценное превращение личности в ядро сознания происходит в рациональной культуре, где и появляются подлинные субъектно-объектные культурные механизмы. Это время совпадает с возникновением философии, в которой происходит окончательное освобождение сознания от пут коллективности и становление субъектного «Я». Это особенное место философии в целостной культуре сохраняется до настоящего времени. Поэтому никакой коллективной философии нет и быть не может. Есть философия Платона, Аристотеля, Гегеля, моя философия. Поэтому любой учебник, написанный коллективом авторов, всегда эклектичен по содержанию, поскольку представляет собой конгломерат различных взглядов, не поддающихся до конца унификации. Следовательно, вопрос «Что мы понимаем под философией?» некорректен в своей основе. Не случайно, знаменитая работа и одноименная статья М. Мамардашвили называется «Как я понимаю философию?». А одна из ключевых идей работы заключается в том, чтобы запретить преподавание философии, представляющей обобщенный и надличностный взгляд на мир и человека в нем. Такая философия, загнанная в клетку общезначимости, может

стать только средством формирования тотального единодушия и стандартизации личности [2].

В связи со сказанным, становится понятным культурологическая и методологическая важность личных местоимений. Последние выступают не только и не столько как простые языковые формы, хорошо нам знакомые из филологии, сколько как фундаментальные философские категории, отражающие различные ступени становления человека в качестве индивидуального и социального субъекта. Не секрет, что местоимения третьего и второго лица в филогенезе и онтогенезе формируются намного раньше местоимений первого лица. Навыки обращения к себе в первом лице единственного числа формируются у человека и человечества позже остальных, поскольку они выражают завершающую ступень становления человеческой субъектности. Например, ребенок не сразу начинает обращаться к себе в первом лице, становление личностной субъектной идентичности происходит несколько позднее. Это можно проследить и у взрослых людей. Скажем, когда индивид обращается к себе преимущественно через «мы» («мы горцы», «мы дагестанцы», «мы кавказцы» и т.д., это больше говорит о неразвитости личности, чем о ее развитости. Согласитесь, сказать, что ты представляешь, как горец, дагестанец, кавказец – неизмеримо труднее и ответственнее, чем говорить от имени коллектива, прятаться «в тени» той или иной общности).

Из всего изложенного вытекает с очевидностью еще один важный вывод: «бессубъектного» мировоззрения нет и быть не может. В этом плане даже в мифологической культуре, как бы там слабо там ни был выражен субъект, но он существует. Следовательно, субъект неустраним из любых культурных механизмов и всех форм познавательных действий человека с момента его возникновения. Поэтому речь может идти только о степени выраженности субъектного начала в различных культурах.

В плане сказанного, очевидно, что формула современного постмодернизма «смерть субъекта» вовсе не означает буквального исчезновения человека из драматургии современной культурной жизни. Она, скорее, метафора, означающая несколько иной вектор действия классической субъектно-объектной культурной парадигмы. Можно даже сказать, что «смерть субъекта» есть не что иное, как дальнейшая субъективация и плюрализация мышления, отказ от линейного, одномерного видения субъекта и переход на позиции мультикультурализма и мультисубъектности.

Конечно, отмеченное присутствие субъекта во всех исторических типах мировоззрения вовсе не означает, что он в них не видоизменяется. На протяжении всего исторического развития происходят существенные субъектные метаморфозы. Например, изменяются пропорции соотношения в совокупном субъекте познания гносеологических составляющих, где субъектная динамика идет от чувственного созерцания до глубин рационально-логического познания; существенно изменяются также эмпирические и трансцендентальные составляющие человеческой субъектности:

- в мифологии едва ли можно говорить о присутствии гносеологического измерения субъекта, как эмпирического, так, тем более, трансцендентального. Как мы уже отмечали, для мифологии характерна коллективная идентификация человека;

- в религии присутствие эмпирического субъекта познания и постижения мира, в единстве с его жизненным укладом и чувственно-эмоциональным видением мира, налицо. В качестве гипотезы, осмелимся даже сделать вывод о присутствии в религии достаточно развитого всеобщего, трансцендентального субъекта, способного к высотам абстрагирования и умеющего освободиться от мира повседневности. Наличие божественных Писаний, аккумулирующих и синтезирующих многовековой человеческий опыт, в Талмуде, Библии или Коране, в которых присутствуют общеобязательные императивы мышления, действия и оценок, подтверждают нашу гипотезу о формировании трансцендентального субъекта;

- в научно-философском мировоззрении происходит окончательная трансцендентализация и гносеологизация субъекта. Философия как специфическая форма постижения мира, вообще невозможна без формирования такого субъекта. Ведь философия – это «мышление о мышлении», т.е. искусство работы в пространстве чистой трансцендентной и трансцендентальной мысли, не связанной ни с каким конкретным опытом.

Необходимо также отметить, что различные религиозные конфессии несколько по-разному демонстрируют эту изначальную свою субъектность. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Прежде всего, необходимо отметить, что в иудаизме и христианстве человек изначально наделен статусом субъектности, поскольку он – единственное существо, сотворенное Богом по Своему образу и подобию, обладающее сознанием и самосознанием. Иного вывода при таком статусе человека и быть не может: иначе можно поставить под сомнение всемогущество Бога. Известно, что ислам категорически

отрицает данный постулат; мало того, это считается тягчайшим грехом, как введение многобожия и форма придания Богу сотоварищей. Во всем же остальном ислам также признает за человеком право на индивидуальность и субъектность во всех сферах бытия.

В культурах, где действуют механизмы реинкарнации, также действуют свои особенные представления о человеке, субъекте. Здесь субъектное присутствие человека в мире начинается задолго до его рождения, в других телесных воплощениях. Например, Будда, до того, как он приобрел свой знаменитый статус, дающее право на просветление, десятки раз перерождался и в облике животного, и в облике иных людей.

В плане сказанного представляется абсолютно некорректной позиция, согласно которой исламская культура, в отличие от иудаизма и христианства, объявляется бессубъектной, поскольку там действуют механизмы абсолютного предопределения [3, с.166].

Еще более рельефно звучит эта позиция у Н.М. Ракитянского, который отмечает: «Монотеизм ислама, догматически отвергая личностные и субъектные установки иудаизма и христианства, как наделенные особым смыслом и реальной значимостью, сам по себе бессубъектен. Неудивительно, что маленький, но суперсубъектный Израиль со своими англо-американскими союзниками успешно противостоит огромному как океан, но аморфному, разобщенному, внутренне конфликтному, а главное – бессубъектному исламскому окружению» [4].

Подобные странные умозаключения вызывает удивление, поскольку абсолютной, да и всякой другой «бессубъектности», в любом постижении мира нет и быть не может, хотя бы потому, что субъект всегда выступает в бинарной оппозиции с объектом. Тот, кто хоть немного знаком с диалектической логикой, которую еще никто не отменял, должен знать, что субъект и объект – это такие абстракции и противоположности, которые и предполагают, и отрицают друг друга. Действительно, без субъекта нет объекта, и наоборот.

Утверждать о бессубъектности ислама - это идти против очевидных фактов и оставаться в рамках традиционного конфессионального эгоизма. Не секрет, что ислам – нецерковная структура, где нет канонической метрики видения мира и соблюдается культ иджитхада, согласно которому каждому мусульманину дано право своего видения и толкования смысла Священных текстов. Разве не в этом заключается изначальная субъектность ислама?

Список литературы:

1. Магомедов К.М. Субъектные метаморфозы в различных типах мировоззрения и картинах мира // Вестник Иркутского гос. технического университета. 2015, №5(100). - С.411-415.
2. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
3. Можаровский В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. – СПб: ОВИ-ЗО, 2002.
4. Ракитянский Н. М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии// [www. Law-inrussia.ru/node/217241](http://www.Law-inrussia.ru/node/217241). (Обращ. 8.02.2015 в 14-20).

О РЕСЕНТИМЕНТЕ В ОБРАЗОВАНИИ: ДУХОВНАЯ VS ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

М.Р. Арпентьева

Россия, г. Ханты-Мансийск

ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Аннотация. Современное образование в России и во всем мире – арена сражения самых разных сил и тенденций, ведущими среди которых являются традиционные ценности и ориентации культуры и капиталистические ценности и ориентации бизнеса, создающего и заменяющего традиционные ценности все более вненравственными правовыми нормативами и установлениями: духовная и правовая безопасность сходятся в жестком конфликте, в котором в разных регионах, организациях, коллективах, выигрывает та или иная сторона. В странах посткапитализма и некоторых «примитивных» культурах сохраняется или восстанавливается примат нравственных ценностей, система образования этих стран выходит на первые места в мире, в США, в Британии, а также перенимающих их деструктивные схемы и модели образования России и многих иных странах бывшего СССР – ныне странах «дикого капитализма», образование становится все более коммодифицированным и стремительно разрушается.

Ключевые слова: образование, духовные ценности, правовые нормы, посткапитализм, капитализм, ресентимент.

Современное образование в России и во всем мире – арена сражения самых разных сил и тенденций, ведущими среди которых являются традиционные ценности и ориентации культуры и капиталистические ценности и ориентации бизнеса, создающего и заменяющего традиционные ценности все более вненравственными правовыми нормативами и установлениями: духовная и правовая безопасность сходятся в жестком конфликте, в котором в разных регионах, организациях, коллективах, выигрывает та или иная сторона. В странах посткапитализма и некоторых «примитивных» культурах сохраняется или восстанавливается примат нравственных ценностей, система образования этих стран выходит на первые места в мире, в США, в Британии, а также перенимающих их деструктивные схемы и модели образования России и многих иных странах бывшего СССР -ныне странах «дикого капитализма», образование становится все более коммодифицированным и стремительно разрушается. Об этом с тревогой пишут преподаватели и ученые Кембриджа, Итона, Сорбонны, МГУ и т.д. однако, ряд ученых до сих пор сохраняет веру в то, что современные реформы, ведущие не только к качественному, но и даже к чисто количественному уничтожению образовательных учреждений, способны обеспечить Россию и иные страны необходимым количеством квалифицированных специалистов. Это происходит потому, что образ таких специалистов резко изменился. Ранее - это был всесторонне развитый и гармоничный человек, профессионал, достигающий стадии суперпрофессионализма и наставничества, управляющий собой и трудовым коллективом в направлении взаимного совершенствования и развития в целях социального служения. Сейчас- это компетентный потребитель, готовый в любой момент оказаться безработным, пройти очередную переподготовку и способный конкурировать с роботами и иными псевдоспециалистами, работающий в целях выполнения заказов государства и сросшихся с государством ТНК.

При этом и образование и иные сферы социальных отношений в России и иных странах существенно деформированы и кризисны. Но вместо того, чтобы остановить бездумное падение вниз, ради удовлетворения амбиций беспредельной власти и богатства одной, маленькой, кучки людей, а также защиты от страхов и невежества другой, массовой, группы, государство все наращивает обороты деструктивных реформ. Чем больше напряженность и жесткость общесоциального кризиса, в котором находится Россия, тем более активно и безоглядно проводятся реформы его образования и культуры. Однако, не так уж и давно по поводу инноваций писал Б. Беттельгейм, за годы

своей жизни повидавший их немало: «Во времена великих кризисов, внутренних и внешних революций в любых сферах жизни может случиться, что человек будет иметь лишь такой выбор: либо покончить с жизнью, либо достичь высшей самоорганизации... мы делаем лишь первые шаги к овладению новыми условиями существования. Но не стоит и обманывать себя: борьба будет долгой и тяжелой, и потребует от нас всех интеллектуальных и моральных сил. Если, конечно, мы хотим очутиться в мире разума и человечности, а не в «1984» Дж. Оруэлла» [5, с. 280; 11].

Однако, уже сейчас в зарубежной и отечественной педагогике и форсайте образования активно дискутируются вопросы разговоры о возможно более ранней профессиональной ориентации и подготовке детей и подростков к конкурентной борьбе за рабочие места с другими детьми и взрослыми, а также с роботами и иными цифровыми устройствами и т.д. [16]. При этом сам продавец своих компетенций и покупатель «непрерывно» формирующего их образования, желающий оставаться «валидным» в мире корпоративных запросов, выбирает модель и форму образования, которая бы позволяла ему встроиться в систему «наилучшим образом»: наилучшим для корпорации и, отчасти, для самого себя. Эта система была прописана еще Дж. Дьюи и его предшественниками, превозносившими роль профессионализации и практической ориентированности образования как процессе формирования необходимых государству и ТНК работников [17; 18]. При этом, на «самого себя» в мире стандартизаций и сертификаций остается все меньше времени и места, а в образовательном стандарте это место резервируется лишь в связи с необходимостью управления человеком и на уровне его нравственных ориентаций. Т. Иглтон и иные прогрессивные исследователи видят причину разрушения университетского образования за рубежом в игнорировании моральных принципов, а также в жалком состоянии всей системы образования и воспитания молодежи [6]. Описывая процессы развала университета на западе, они, как очевидно, описывают его полностью аналогичным образом распаду университетов в России.

Другим фактором снижения качества зарубежного и отечественного образования является его бюрократизация и сопровождающая бюрократизацию коррупция, ведущие к деградации начального, среднего, высшего образования [12], ущемлению прав и достоинства участников образовательного процесса, преподаватели и студентов, учителей и школьников [2]. Более того «исследователи мировых глобальных тенденций отмечают, что образование в современном мире

является одним из основных мест социальных, политических и криминальных баталий, полем жесточайшей конкуренции и коррупции» [3], в которую благодаря БРС и иным системам тотального контроля жизнедеятельности преподавателей и учителей, они включились на правах жертв и соучастников.

В отношениях сотрудников к власти и между сотрудниками возникает ресентимент (ressentiment). Ресентимент выступает как следствие проводимой в стране государственной образовательной политики в отношении обеспечения качества трудовой деятельности педагогов: от педагогов требуется огромное количество бессмысленной работы, не дающей им не только возможности качественно работать с учащимися и выполнять непосредственные обязанности, но и не дающей возможности оставаться собой и жить своей собственной жизнью. Невозможность самореализации приводит к феноменам ненависти к руководителям и иным сотрудникам.

Такая ненависть формируется как ресентимент, злопамятность или озлобленность, мстительность и ненависть, заставляющая вновь и вновь переживать и представлять ситуации страданий, унижения, обиды и т.д., чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врага»), бессильная зависть, тяжелое сознание тщетности попыток реализоваться или поднять свой статус в жизни или в обществе, проживание состояния слабости или неполноценности, зависти и негодования по отношению к «врагу» и формированию системы ценностей, отрицающих ценности «врага», создаваемого для того, чтобы избавиться от чувства вины и какой-либо ответственности за собственные неудачи /неполноценность, характеристика морали рабов (Ф. Ницше), замена реальности идеологическими фикциями, сублимация неполноценности в особую систему морали, самоотравление души, которое возникает в результате систематического запрета на выражение тех или иных душевных переживаний и представлений, порождающего склонность к ценностно-смысловым иллюзиям, деформациям (М. Шелер), результат бессилия, соперничества и зависти. Это – одно из «реактивных состояний», наряду с гневом, отвращением, благодарностью, счастьем и чувством вины (П.Ф. Стросон) [10, с. 424; 13, с. 49; 21, р. 1-29; 27]: «Ресентимент противоположен чувству симпатии и связан с чувством ненависти, переживанием тщетности жизни, ощущением собственного бессилия и, как следствие, глубоким общественным и личным отчуждением, антипатией, враждой, злобой и мезтью» [6; 7; 12].

Таким образом, «мораль господ», которая как мораль благородная произрастает из торжествующего “Да”, сказанного самому себе, дополняется «моралью рабов», которая с самого начала говорит “Нет” “внешнему”, “иному”, “не-себе”, выражаясь в синдроме ущербной агрессивности. Это, т.о., мораль, основанная на противостоянии и своим отрицанием дающая косвенное согласие на то, что делают «господа». В итоге соответствие или несоответствие стандартам, в том числе стандартам управления, создает новую зону квинтинга (социально нежелательной, но не наказуемой «инаковости»): наряду с инвалидами, членами ЛГБТ и т.п. «маргинальных» сообществ. Выживание коснулось, особенно в малых городах и университетах, и самых талантливых специалистов: носителей научного знания и опыта, нравственного знания и опыта, самостоятельность и творческой свободы [21]. Люди формируют и усваивают речь вражды (hate speech), применяя «механизм, когда собственные проблемы и неспособность с ними справиться переносятся на других через барьер снижения этих других» (М. Дубинин), а сами они для себя самих остаются “слепым пятном”, отказываются от собственных поступков, “не видит” себя». «Ресентимент – это ненависть раба ко всему, где ему чудится свобода» (Я. Кротов) [7], где чудится humiliation and betrayal – унижение и предательство, следствие длительного, постоянного и всеобъемлющего угнетения человека, сообщества, народа, рождающего многочисленные виды «лишних и «подпольных людей», феномены массового социального иммобилизма, государственного патернализма (словного рабства) и социального паразитизма, а также дискурс обиды на окружающий мир.

На основе развития последнего «класс профессиональных обиженных, которые под видом «гласа народа» транслируют волю «хозяев дискурса» и по сути своей являются эффективным инструментом репрессий, всепроникающей цензуры коллективного бессознательно» [8; 20 и др.]. Государство при этом «законодательно оформляет «волю народа», выраженную в ... истериках, доносах и коллективных письмах – но по сути он эту волю конструирует и ею же манипулирует» [31]. Отчуждение от способности и готовности влиять на свою и чужую жизнь, от реальности связано с кризисом институций не только в России, но и во всем мире [8; 9; 15]. Для рядового сотрудника и гражданина этот кризис выражается в тотальной перверсии функций государства и его органов власти, в том числе правоохранительных органов (и органов безопасности), в разрушении и превращении функций здравоохранения и образования. Для госу-

дарств же кризис институций связан с отмиранием и обесмысливанием национального суверенитета, отказ от следования институциональным нормам и процедурам на всех уровнях социума государства, жизнь в пространстве и времени «антиполитичных» (Э. Балибар) «потоков» всеобщего, глобального уровня (З. Бауман), превращающих национализм и популизм в опереточные, театральные и нефункциональные стратегии, создающих существующую по принципу лжи (нереальности), дефактуализированную (defactualization, Х. Арендт) реальность [1], управляемую «государственностью без государства». Все в этом мире – версия реальности, мнимость, что ведет к снижению гражданской активности, к нарастанию инертности и безразличия (М. Ямпольский) [7; 14; 15]. Дефактуализация используется и гражданами, и государством ради «сохранения лица» и создания образа «несокрушимой силы» (Х. Арендт) .

Принуждающая сила истины, напротив, противостоит власти, основанной на лжи – «политической власти» [1]. При этом, как писал М. Шелер, «Максимально сильный заряд ресентимента должен быть в таком обществе, где равные политические права и соответственно формальное, публично признанное социальное равноправие соседствует с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования, т.е. в таком обществе, где каждый имеет «право» сравнивать себя с каждым и не может сравниться реально» [13, с. 21]. Сам Ф. Ницше: «не ограничивает анализ «господ» и «рабов» лишь социальными рамками, для него эти определения характеризуют и то, что он называет «духовной» природой» [10], это ориентация на «золотое правило» любви (мораль прощения, закон любви) или на талион (закон отмщения, мораль воздаяния, кровной мести).

Современная система образования – формирует и намеревается и дальше формировать рабов, работающих на талион. Единственное, что держит рабов «в узде» - правовая норма. Нравственные ценности в отношениях рабов и господ, как демонстрирует ресентимент – излишни.

Таким образом, современная система образования в капиталистических странах несет вполне очевидную духовную опасность: опасность потери людьми человеческого, десакрализацию и отказ от развития. Противоположная тенденция – свойственная посткапиталистическим странам – тенденция возврата к нравственным ценностям, предполагает решительно ограничение и освобождение образования от интересов и вмешательства ТНК и даже государства. Ни ТНК, ни

государства, не оказывающие реальной поддержки учащимся и обучающимся, образованию в целом, разрушающие образование бессмысленными реформами и «инновациями», не должны участвовать в образовании. Лишь государство, реально и продуктивно участвующее в развитии культуры, ориентированное на нравственные ценности, на любовь, а не расправы и отмщение, может быть продуктивным организатором перемен в образовании.

Список литературы:

1. Арендт, Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли [Текст] / Х. Арендт. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 416 с.

2. Афанасьева В. Пять причин, по которым не следует становиться профессором [Электронный ресурс] / В. Афанасьева // URL: [http: \[Текст\] //www.vzsar.ru/blogs/3174](http://www.vzsar.ru/blogs/3174) (дата обращения: 18.06.2018).

3. Барроуз М. Будущее рассекречено. Каким будет мир в 2030 году / М. Барроуз. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – С. 37-41.

4. Беспалова Ю.М., Кондаков В.А. Межпоколенный разрыв в современной России как проблема ресентимента [Текст] / Ю.М. Беспалова, В.А. Кондаков // Глобализация: мифы и реальность. Тюмень: ТГАМЭУП, 2009. С. 165-172.

5. Беттельхейм Б. Самоучитель по выживанию в концлагере [Текст] / Б. Беттельхейм // Психология господства и подчинения : Хрестоматия / Сост. А.Г. Чернявская. – Минск: Харвест, 1998. – С. 157-281.

6. Иглтон Т. Медленная смерть университета [Электронный ресурс] / Т. Иглтон // Скепсис: Научно-просветительский журнал. – 2015. – 23 окт. – URL: [http: //sceptis.net/library/id_3672.html](http://sceptis.net/library/id_3672.html) (дата обращения 11.11.2018).

7. Кротов Я. Свойства без человека [Электронный ресурс] // Библиотека Я. Кротова. – URL: [http: \[Текст\] //krotov.info/yakov/essai/2_svoystva/resentiment.htm](http://krotov.info/yakov/essai/2_svoystva/resentiment.htm) (дата обращения: 18.06.2018).

8. Медведев С. Обиженные и оскорбленные: как «письма трудящихся» помогают репрессиям [Электронный ресурс] / С. Медведев // FORBES.RU. – 4 февраля 2014 г. – URL: [http: //www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/250429-obizhennye-i-oskorb...](http://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/250429-obizhennye-i-oskorb...) (дата обращения: 18.06.2018).

9. Медведев С. Русский ресентимент [Электронный ресурс] / С. Медведев // Отечественные записки. 2014. №6 (63). – URL: [http: //www.strana-oz.ru/](http://www.strana-oz.ru/) (дата обращения: 18.06.2018).

10. Ницше Ф. К генеалогии морали [Текст] / Ф. Ницше. // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. М., Мысль, 1990. – 829 с.
11. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет [Текст] / Дж. Оруэлл. – М.: Прогресс, 1989. – 384 с.
12. Смолин О.Н. Высшее образование: Борьба за качество или покушение на человеческий потенциал [Текст] / О.Н. Смолин //СоЦИС. – 2015. – № 6. – С. 91-101.
13. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей [Текст] / М.Шелер – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.
14. Эко, У. Пять эссе на темы этики. [Текст] //У. Эко; пер. с итал. Е. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2000. – 93 с.
15. Ямпольский М. В стране победившего ресентимента [Электронный ресурс] // COLTA.RU. – 6 октября 2014 г. – URL: <http://www.colta.ru/articles/specials/4887> (дата обращения: 18.06.2018).
16. Aoun J. E. Robot-Proof: Higher Education in the Age of Artificial Intelligence [Текст] / J. Aoun. – New York, London: MIT Press, 2017. – 216 p.
17. Cubberly E.P., Public School Administration [Текст] / E.P. Cubberly. – New York: Nabu Press. 1905/ 2014. -546 p. – P.338.
18. Dewey J. My Pedagogical Creed [Текст] / . – New York: Forgotten Books, 1897/2017. – 50p. – P. 45.
19. Foresight Education: Values, Models and Technologies of Didactic Communication of the XXI Century [Текст] / Ed. by M. R. Arpen-tieva, etc. – Canada, Toronto: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., 2018. – 560 p.
20. Lampert L. Nietzsche and Modern Times. [Текст] / Lampert L. – New Haven, Conn.: London: Yale Univ. Press, 1985. – 301 p.
21. Strawson P. F. Freedom and resentment and other essays[Текст] / P. F. Strawson. – London: Methuen and Co. Ltd. 1974. – P. 1-25; New York, London: Routledge, 2008. 278p. P.1-29.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧИ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Т.О. Бажутина

Россия, г. Новосибирск

*ФГБОУ ВО «Новосибирский военный
институт войск национальной гвардии»*

E-mail: tatol13@mail.ru

Н.С. Бажутина

Россия, г. Новосибирск

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет»*

E-mail: kafedra@ngs.ru

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что формирование личности – это процесс, связанный с умением формировать образ мира, сквозь призму существующих этически нагруженных смыслов и значений в речи.

Ключевые слова: личность, образование, текст, речь, этика, культура.

Этика – философская наука, объектом которой являются нравственность и мораль как формы индивидуального и общественного сознания. При этом этикет (фр. *etiquette* – ярлык, этикетка) это совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда), но вовсе не обязательно внутренние убеждения, принципы, ценности или представления личности. Поэтому следует различать понятия «речевой этикет» и «этика речевой деятельности».

Поскольку под речевым этикетом понимается система устойчивых формул(форм) общения, используемых для установления контакта собеседников, поддержания общения соответственно их социальным ролям в официальной и неофициальной обстановке, проанализируем содержание, которые эти формы порождает.

По мнению Р. Барта все, что есть в социальной действительности, начиная от социальных систем и до совокупности различных предметов, имеет языковую основу, поскольку все, что когда-то было воспринято, как-то названо, обозначено человеком. Мир означаемых предметов есть мир языка. И именно язык отражает и инициирует те

смыслы и значения, которые потом отображаются в поведении человека и в содержании его взаимодействия с миром. Например, общеизвестная героиня романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова Эллочка Щукина имела активный словарный запас в 30 слов, в которые умещался более широкий спектр Эллочкиных эмоций и впечатлений о мире. Но этот «более широкий спектр эмоций и впечатлений» не мог расширяться именно из-за ограничений имеющегося словарного запаса, ограничивающего не просто «кругозор», но и все мировоззрение жены инженера Щукина, не выходящего за пределы моды на одежду и предметы быта. В результате у несчастной Элочки не было перспектив на малейшее изменение собственного образа жизни по собственной инициативе. Эллочка просто не видела и не знала, что можно жить как-то иначе.

Эллочка была способна оценивать окружающих ее мужчин по критерию «насколько он способен- не способен обеспечить ей, Эллочке, привычный образ жизни»; а женщин - «насколько она способна быть Эллочке конкуренткой или приятельницей». В активном словаре Элочки просто не было слов, фиксирующих и позволяющих видеть в людях их человеческие качества, хотя бы такие примитивные, как передовые для 8-9 века до н.э. представления Гомера об Одиссее и Пенелопе.

Как известно, Одиссей был положительным художественным героем своего времени потому, что был хитроумен и смел, а Пенелопа стала идеалом своего времени потому, что была беззаветно верна своему мужу Одиссею. Но, хотя других положительных морально-нравственных качеств Гомер у своих героев не отметил, для Элочки Щукиной и такие оценки были не просто чужды, но неизвестны. Для нее люди были всего лишь говорящими и платежеспособными / не платежеспособными вещами. Именно поэтому ее и обмануть мог, по сути, каждый.

Очевидно, что люди с обширным запасом активного и пассивного словаря личности более гибко и осмысленно не просто ориентируются в окружающем мире, но и более целенаправленно и изобретательно решают возникшие перед ними проблемы. Между тем легко обнаружить, что словари современных молодых людей, под влиянием рекламы, интенсивности и бессистемности других потоков информации, неудачных реформ системы образования и т.д., активно стремятся к предельной минимизации, достигая у отдельных личностей такого же примитивного набора знакомых слов, как у Элочки Щукиной. «Классно, круто, кайф, шик, блеск, отпадно, круто, супер, коронно,

зверско, клево, чудовищно, потрясно, ништяк - положительная оценка; фигово, муть, мура - отрицательная оценка» - вот почти законченный набор оценок из молодежного сленга.

Уже упомянутый выше Барт, пытаясь выявить общие механизмы порождения и функционирования различного рода языковых систем, при этом в таком виде, чтобы все явления культуры выглядели связанными друг с другом через их знаковую природу, утверждал, что любые знаки и символы человеческой речи имеют морально-нравственное значение в тот момент, когда система соединяется с социально-исторической практикой. Его формула семиотической системы в ее развитии выглядит как «образ-знак-дело», а код, на котором строится система, у него упорядочивает и дарит человеку эйфорию, поскольку, по мнению Барта, «человек любит знаки и любит, чтобы они были ясными» [1, с. 390].

Еще один аспект этической нагруженности речи - всеобщая открытость семиотических систем обыденной речи для домысливания адресатом. Но границы, пределы допустимого домысливания устанавливает сообщество, формируя значения слов в ходе своей истории. Так, уникальное и неповторимое для европейских народов понятие «мама» имеет иное значение у некоторых северных этносов, например, у эвенов. Там понятие «мама» применяется изначально к обозначению всех старших родственниц ребенка. Это позволяет, в случае гибели или смерти родной матери, безболезненно и естественно заместить мать другой родственницей, которая при этом будет считаться даже не «суррогатной», не мачехой, а именно родной матерью.

Можно, при желании, выявить градацию различных культурных сообществ по степени «открытости» их семантических систем. И именно открытость, эксплицитная выраженность всех передаваемых сообщений будет служить критерием моральной оценки знаковых систем, которые на практике всегда оцениваются человеком, даже при нейтрально-методическом описании. Например, при упоминании такого нейтрального для морально-нравственной оценки слова, как «дорожный знак».

Еще один этический предел знаковых процессов, где они теряются уже не в плотности социального действия, а в неуловимости чисто субъективного представления, - это образ. Любой образ, наполненный смыслами, имеет весьма ограниченное значение, если понимать под значением исторически выверенное всем сообществом содержание, а под смыслом - содержание понятия, полученное в процессе личного опыта индивидом. Возрастание в обыденной речи слов, наполненных смыслами, а не значениями, ведёт не только к возраста-

нию представлений о личной уникальности и свободе, но разобщает сообщество, повышает уровень непонимания и массовое ощущение безысходности и одиночества.

Аристотель считал, что этика должна находиться между учением о душе (психологией) и учением о государстве (политикой): основываясь на первом, она служит второму, поскольку ее целью является формирование добродетельного гражданина государства. И в этом представлении, даже для современной науки, имеется рациональное зерно. Дело в том, что ограниченный словарный запас ведёт не только к примитивизации личной жизни индивида. Примитивизацию личности можно было бы счесть личным выбором индивида или объективным следствием интенсификации и бессистемности информационных потоков современности. Но практический опыт таких «высокоразвитых» стран как Америка показывает, реформирование классической системы образования от разнородности и разноуровневости по критерию теоретичности в сторону раннего узкоспециализированного обучения «по интересам», формирует такой тип личности, который не способен переучиваться во взрослой жизни и задолго до наступления зрелости теряет смыслы вкус жизни. Не получившая разностороннего и разноуровневого образования личность в лучшем случае становится потребителем, просто потребляя ресурсы общества и засоряя окружающую среду, а в худшем случае - становятся активными врагами собственного государства, поскольку реально могут видеть пользу от собственных действий только для настоящего или недалекого будущего. Так, значительная часть жителей Детройта, имеющая низкую профессиональную квалификацию и, следовательно, недостаточное образование, после банкротства автомобилестроения просто ушла в банды, т.е. превратились во врагов государства.

Поскольку нравственность это не просто одна из форм общественного сознания, но такая форма общественного или личного сознания, которая, являясь системой убеждений о том, что и как должно делать человеку среди людей и в этом мире в целом, является и главным мотиватором жизнедеятельности человека.

Знание о нормативном как общезначимом задаётся культурными пределами. Соответственно мы можем говорить о плюрализме тех или иных ценностей, заложенных в том или ином знаке. Но из этого веера человек и выбирает то, что значимо конкретно для него. Сущность направленной избирательной активности индивидуального субъекта в процессе жизни состоит в нацеленности 1) на взаимодействие только с теми предметами, свойствами или явлениями, которые представлены образом мира как значимые и ценные и 2) на избегание

значимых, но «антиценных» взаимодействий. Каждый поступающий стимул, таким образом, проверяется сознанием на ценность (или антиценность) и значимость; *значимое* всегда выражено в некоторых формализованных маркерах («значениях»). Однако ко многим стимулам извне образ мира попросту не задаёт никакого отношения; в таких случаях личность вынуждена их значение *домысливать* и они наполняются личностными смыслами. В результате картина мира превращается в *текст*, многомерное измерение которого формируется из *смыслов* и *значений*. Собственно «текст» образуют значения, а система смыслов формирует «контекст», расставляющий смысловые акценты текста. «Смысл относителен, постольку, поскольку он относится к конкретному человеку, вовлечённому в особую ситуацию. Можно сказать, что смысл меняется, во-первых, от человека к человеку и, во-вторых, от одного дня к другому, даже от часа к часу»[2, с.287].

Текст, изъятый из контекста, по мнению Ю.М. Лотмана представляет собой музейный экспонат – хранилище константной информации. Он всегда равен самому себе и не способен создавать и формировать новые информационные потоки. Текст в контексте это работающий механизм, который постоянно воссоздает себя в меняющемся облике, параллельно генерируя новую информацию.

Однако отделение текста от контекста возможно только лишь умозрительно, поскольку всякий сколь либо сложный текст (текст культуры) имеет способность воссоздавать вокруг себя контекстную ауру и, одновременно, вступать в отношения с культурным контекстом аудитории.

Кроме того, любой сложный текст может быть представлен как система субтекстов, для которых он выступает в качестве контекста, некоторое пространство, внутри которого вероятностным, проблемным образом совершается процесс семиотического смыслообразования.

В этом отношении система: текст – контекст рассматривается Ю.М. Лотманом как частный случай смыслогенерирующих семиотических систем. Всякий сложный текст, входящий в культуру, может быть представлен как конфликт двух тенденций, как проблемную ситуацию, которую решает индивид. «С одной стороны, по мере повышения степени упорядоченности повышается и мера предсказуемости, происходит структурное выравнивание, т.е. рост энтропии. С другой - даёт себя чувствовать противоположная тенденция: повышается внутренняя неравномерность семиотической организации текста, его структурный полиглотизм, диалогические отношения входящих в

него субструктур, напряжённая конфликтность в звене «текст-контекст». Эти механизмы работают в сторону повышения информационной ёмкости и имеют антиэнтропийный характер»[3, с. 677] – отмечает в этой связи Ю.М. Лотман.

Образование, как социальный институт, целенаправленно корректирует картину мира у членов конкретного сообщества, в этом отношении не сводится ни к познанию, ни к практике, ни к их сумме, поскольку знания (основной продукт познания), и нормы (основной продукт практики) играют лишь вспомогательную роль средств образовательной деятельности.

Основная цель и ценность образовательной деятельности – формирование человека как культурного существа, способного к саморазвитию, т.е. формирование личности, умеющей в *определённой степени креативно* вырабатывать механизмы собственного становления и занимающей социокультурную личностную позицию. Другими словами, основная цель образовательной деятельности – научить членов культуры производить и осваивать *тексты*, т.е. такие образы мира, которые одновременно обладают как однозначностью (значениями), так и неоднозначностью (смыслами).

Личностная позиция, которую необходимо иметь индивиду для того, чтобы успешно реализовывать себя в обществе, в этой связи не может быть сведена к сумме социальных ролей, её главная направленность – определиться по отношению к другим людям как к потенциальным сформированным, но *развивающимся* личностям и равноправным партнёрам по сотрудничеству и общению. Контекст проблемы образования, проблемы формирования личности – это контекст истории культуры, истории форм деятельности и общения людей, включающих в себя и исторически особенные формы передачи культуры от поколения к поколению. «Культура» при этом – это система норм, ограничивающая некоторыми «профессионально» значимыми пределами и алгоритмами самовоспроизводства творческую деятельность личности.

Список литературы:

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры.- М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.-512 с.
2. Франк В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.-368 с.
3. Лотман Ю.М. Архитектура в контексте культуры // Лотман Ю. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000. С.676-683

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ Г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ)

А.В. Бакина, А.Ю. Новоселова
Россия, г. Комсомольск-на-Амуре
ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»
E-mail: bakina_anna@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования ценностно-смысловых ориентаций современных подростков и молодежи (исследование было проведено в период 2015-2016 гг.). В целом, для молодежи, как и раньше, ценными являются близкие межличностные отношения и социально-бытовой комфорт. Специфика мотивационной сферы современной молодежи проявляется в повышении ценности “уверенности в собственных возможностях” и снижении практической направленности. Кроме того, в группе подростков в отличие от молодежи обнаружено снижение значимости интерперсональных связей, и повышении мотивации личностной автономии. Результаты исследования подтвердили гипотезу о наличии различий в иерархии ценностей 15-летних и 17-летних молодых людей.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации подростков и молодежи, терминальные и инструментальные ценности.

В отечественной психологии "ценностно-смысловые установки" понимаются как смысловая природа ценностных образований личности. В.Б. Ольшанский рассматривает ценности, как своеобразный метроном, помогающий заметить в потоке информации то, что наиболее важно для человека, а если это противоречит ценностям, неизбежно игнорируется или не воспринимается [1]. Н.Ф. Наумова, Ю.М. Жуковвыделяет ценностные ориентации, как один из механизмов целеполагания, который даёт основание для выбора из имеющихся альтернатив действия (целей и средств), основания для порядка предпочтений отбора и оценки этих альтернатив, определяя границы действия, т.е. не только направляют, но и регулируют эти действия [2,3]. Б. Г. Афаньев рассматривает ценности и ценностные образования, как базисные, «первичные» свойства личности, определяющие мотивы поведения, а также формирующие склонности и характер [4].

Цель нашей работы заключается в том, чтобы выявить специфику ценностных ориентаций современной молодежи и подростков. Мы предположили, что данные группы респондентов будут иметь различия связанные со спецификой ситуации развития.

В исследовании принимали участие молодые люди в возрасте 15-17 лет, проживающие в г. Комсомольске-на-Амуре. Общее число респондентов 80 человек, среди них 40 человек 15 – летних и 40 человек 17-летних. Исследование проведено в период 2016-2017 г.г.

На наш взгляд, наиболее методически обоснованным методом исследования ценностных ориентаций является тест прямого ранжирования ценностей, предложенный М. Рокичем. Его подход к изучению ценностей наиболее полно отражает и наш взгляд на данную проблему. «Ценность» определяется Рокичем, как "устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования" [5,6]. Рокич различает два класса ценностей: терминальные и инструментальные. Терминальные ценности – это убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения заслуживает того, чтобы к ней стремиться. Инструментальные ценности - это убеждения в том, что определенный образ действий с личной и общественной точек зрения является предпочтительным в любых ситуациях.

Результаты исследования ценностных ориентаций молодежи представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ценностные ориентации старшеклассников

Ценности	9 класс		11 класс	
	Среднее значение ранга	Позиция	Среднее значение ранга	Позиция
Терминальные ценности				
Активная жизнь	9,65	11	11,25	13
Жизненная мудрость	8,275	7	9	8
Здоровье (физическое и психическое)	5	1	4,8	1

Интересная работа	9,025	9	9,55	11
Красота природы и искусства	13,025	17	13,075	18
Любовь	8,975*	8*	5,75*	2*
Материально обеспеченная жизнь	7,725	5	8,55	7
Друзей	6,975	2	7,575	5
Общественное призвание	13,025	17	13	17
Познание	10,325	12	9,125	10
Продуктивная жизнь	10,725	13	10,3	12
Развитие	9,275	10	7,65	6
Развлечения	11,35	15	12	15
Свобода	8,15	6	9,025	9
Счастливая семейная жизнь	7,425	4	6,1	3
Счастье других	11,225	14	12,55	16
Творчество	12,775	16	11,725	14
Уверенность в себе	7,275	3	7,475	4
Инструментальные ценности				
Аккуратность	10,25	13	8,45	8
Воспитанность	4,95	1	5,75	1
Высокие запросы	13,325	17	14,075	16
Жизнерадостность	6,825	2	7,525	4
Исполнительность	12,65	16	11,6	15
Независимость	8,9	7	7,846	7
Непримиримость	14,725	18	14,675	17
Образованность	7,1	3	5,775	2
Ответственность	9,225*	9*	7,175*	3*
Рационализм	9,625	11	11,025	14
Самоконтроль	9,175	10	7,825	6
Смелость	9,1	8	9,45	10
Твердая воля	8,775	6	9,825	12
Терпимость	9,8	12	9	9
Широта взглядов	8,625	5	10,9	13
Честность	7,175	4	7,725	5
Эффективность в делах	10,875	15	10,9	13
Чуткость (заботливость)	10,45	14	9,55	11

*значимые различия по критерию Манна-Уитни при $p \leq 0,05$

Анализ блока терминальных ценностей показал, что для учащихся девятых и одиннадцатых классов наиболее значимым оказалось: физическое и психическое здоровье (средние значения ранга 9кл.-5; 11кл.-4,8); наличие хороших и верных друзей (средние значения ранга 9кл.-6,975; 11кл.-7,575); уверенность в себе, внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий и сомнений (средние значения ранга 9кл.-7,275; 11кл.-7,475); счастливая семейная жизнь (средние значения ранга 9кл.-7,425; 11кл.-6,1). Но обнаружены и расхождения – так, материально обеспеченная жизнь и отсутствие материальных затруднений (средние значения ранга 9кл.-7,725; 11кл.-8,55), а также свобода (средние значения ранга 9кл.-8,15; 11кл.-9,025) более значимы для девятиклассников (15 лет), чем для юношей одиннадцатого класса (17 лет). Данные ценности одиннадцатиклассниками смещены в середину рангового ряда. Для них ценность любви, духовная и физическая близость с любимым человеком оказалась намного важнее (9кл.- 8,975; 11кл.-5,75), чем ценность свободы и материальной обеспеченности. Ценность любви они поставили на второе место, а девятиклассники отодвинули на восьмое. Обнаруженные различия являются значимыми. П.М. Якобсон, С.А. Гапонова, Д.И. Фельдштейн, В.С. Мухина и др. отмечают, что значительное место в эмоциональной жизни юношей и девушек в ранней юности занимают чувства, связанные с интимной сферой отношений людей, в частности чувство любви. В ранней юности появляется ожидание любви, неосознаваемая готовность к переживанию влюбленности, появляется активное эмоциональное отношение к вопросам общения юношей и девушек. Данная особенность социальной ситуации развития и отразилась в выборе предпочитаемых ценностей.

В середине списка старшеклассники поместили следующие ценности: жизненная мудрость (средние значения ранга 9кл.- 8,275; 11кл.- 9); интересная работа (средние значения ранга 9кл.-9,025; 11кл.-9,55); продуктивная жизнь с максимально полным использованием своих возможностей и способностей (средние значения ранга 9кл.- 10,725; 11кл.-10,3); активная деятельная жизнь (средние значения ранга 9кл.- 9,65; 11кл.-11,25); познания (средние значения ранга 9кл.- 10,325; 11кл.-9,125). Более значимой для одиннадцатиклассников, в отличие от девятиклассников, является ценность развития (средние значения ранга 9кл.- 9,275; 11кл.- 7,65), данную ценность они поставили на 6 место, а девятиклассники на 10-е.

В конце рангового ряда оказались ценности: развлечения (средние значения ранга 9кл.- 11,35; 11кл.-12), творчество (средние значения ранга 9кл.- 12,775; 11кл.-11,725), счастье других (средние значения ранга 9кл.- 11,225; 11кл.-12,55), общественное призвание(средние значения ранга 11кл.- 13; 9кл.-13,025), красота природы и искусства(средние значения ранга 9кл.-13,025; 11кл.-13,075).

Таким образом, можно сделать вывод, что школьники стремятся и для них значимы: здоровый образ жизни, межличностные отношения (наличие хороших и верных друзей), внутренняя гармония, счастливая семейная жизнь. Полученные данные не противоречат исследованиям Бубновой С.С. и Крылова В.Ю., которые были проведены в конце 90-х годов прошлого века на старшеклассниках [7]. Полученные данные показывают, что сегодняшние старшеклассники, также как и их сверстники, в подавляющем большинстве, ориентированы на ценности семейно-бытового круга и ближайшее окружение, и менее всего – на широкую социальную общность. Для молодежи незначимыми оказались ценности развлечения, возможность творческой деятельности, счастье других, уважение окружающих, а также красота природы и искусства. Необходимо так же отметить, что для одиннадцатиклассников более значима ценность любви, в отличие от девятиклассников.

Анализ блока инструментальных ценностей показал, что наиболее значимыми для школьников являются следующие качества личности: хорошие манеры (среднее значение ранга 9кл.- 4,95; 11кл.- 5,75), широта знаний, высокая общая культура (среднее значение ранга 9кл.- 7,1; 11кл.-5,775), жизнерадостность (среднее значение ранга 9кл.- 6,825; 11кл. -7,525), правдивость и искренность (среднее значение ранга 9кл.- 7,175; 11кл.-7,725). Для одиннадцатиклассников также важным качеством является ответственность, в отличие от девятиклассников (среднее значение ранга 9кл.- 9,225; 11кл.- 7,175), а девятиклассники, в свою очередь, более важным качеством считают умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки (среднее значение ранга 9 кл.- 8,625; 11кл.-10,9). Значимые различия были обнаружены по качеству ответственности.

В середину списка школьники отнесли следующие качества: независимость (среднее значение ранга 9кл.- 8,9; 11кл.-7,846); аккуратность (среднее значение ранга 9кл.- 10,25; 11кл.-8,45); сдержанность и самодисциплина (среднее значение ранга 9кл.- 9,175; 11кл.-7,825), терпимость (среднее значение ранга 9кл.- 9,8; 11кл.-9); твердая воля (среднее значение ранга 9кл.- 8,775; 11кл.-9,825) .

Менее значимыми оказались следующие качества: трудолюбие, продуктивность в работе (среднее значение ранга 9кл.- 10,875; 11кл.- 10,9); чуткости заботливость (среднее значение ранга 9кл.- 10,45; 11кл.- 9,55); рационализм (среднее значение ранга 9кл.- 9,625; 11кл.- 11,025); смелость в отстаивании своего мнения, взглядов (среднее значение ранга 9кл.- 9,1; 11кл.-9,45); исполнительность (среднее значение ранга 9кл.- 12,65; 11кл.-11,6); непримиримость к недостаткам в себе и других (среднее значение ранга 9кл.- 14,725; 11кл.-14,675); высокие требования к жизни и высокие притязания (среднее значение ранга 9кл.- 13,325; 11кл.-14,075).

Итак, наиболее значимыми качествами личности старшеклассники считают воспитанность, образованность, жизнерадостность и честность. Для одиннадцатиклассников также значимыми качествами являются ответственность, чувство долга, умение держать свое слово, в отличие от девятиклассников, для которых данная ценность не столь важна. Можно предположить, что чувство ответственности возрастает в силу увеличения предъявляемых требований общества к выпускникам, появления ситуации выбора жизненного пути, будущей профессии.

Подводя итоги исследования, необходимо обозначить основные выводы. Анализ терминальных и инструментальных ценностей показал, что молодые люди, выше всего ценят здоровье, семью и друзей. Для молодежи очень важны межличностные отношения, что ярко отражено в выборе важных, личностных качеств: воспитанность, образованность, чувство юмора и честность. Данный набор характеристик личности указывает на традиционные нормы поведения в российском обществе – коллективное бытие, ориентация на открытые и честные взаимоотношения. Для учащихся старших классов, особую важность приобретает любовь и ответственность в отношениях, что является необходимым сочетанием для гармоничных отношений в обществе. Практическая направленность является менее важной для обеих групп исследуемых, что указывает, в целом, на отсутствие четких ориентиров в профессиональном самоопределении. Молодежь пытается найти свое место в обществе, но пока практическая деятельность, как способ занять достойное место в обществе, ими не расценивается как возможный вариант.

Процесс самоопределения современных юношей и девушек происходит в крайне неблагоприятных социально-экономических условиях, что означает непредсказуемость, а значит, невозможность прогнозировать собственное поведение. Новые социально-

экономические реалии современного российского общества не предоставляют гарантий получения желаемого образования, трудоустройства, приобретения жилья и т.д. [8]. Данные трансформации общественных условий требуют и перестройки в системе ценностных ориентаций, иной иерархии мотивов, иных жизненных устремлений. Для успешной самореализации необходима уверенность в собственных силах, уверенность в собственном успехе, возможно поэтому, данная ценность приобретает для молодежи особую важность.

И последняя особенность, на которой необходимо остановиться - в отличие от учащихся одиннадцатых классов, девятиклассники очень высоко ценят свободу (без понимания важности ответственности) и уверены в себе, но одновременно недооценивают важность любви. Данное сочетание ценностных ориентиров является, с одной стороны, отражением психологических особенностей ранней юности: максимализм, нигилизм и отверженность. С другой стороны, это сочетание является опасной смесью для радикализации. По данной проблеме написано много трудов, приведу лишь некоторые цитаты. Сократ считал, что свобода – это внутренний порядок и добровольная дисциплина. Н.А. Бердяев рассуждал так: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы» [9, С. 43]. Свобода без ответственности, «приправленная» уверенностью в своей правоте - это вседозволенность и анархия, которая ведет к разрушению человека и общества.

Таким образом, в результате проведенного исследования была обнаружена определенная специфика мотивационной сферы молодежи, проявляющаяся в повышении мотивации «уверенности в собственных возможностях», и подростков, проявляющаяся в снижении интерперсональных связей и повышении мотивации личностной автономии.

Список литературы:

1. Ольшанский В.Б. Социология личности в России [электронный ресурс] <http://docplayer.ru/61223468-Glava-16-sociologiya-lichnosti-v-rossii-v-b-olshanskiy.html> (дата 28.12.2017).
2. Журавлева Н.А. Ценностные ориентации личности в изменяющемся российском обществе / Н.А. Журавлева// Психологический журнал. - 2012, Т. 33. - С. 30-39
3. Наумова Н. Ф. Целеполагание как системный процесс / Н. Ф. Наумова. -М. - 1992.
4. Ильин Е.П. Мотивы и мотивация. – Спб., Питер. - 2011.

5. Rokeach M, The nature of human values. N.Y.: Free press, 1973. - 322 p 5.
6. Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values. San Francisco, 1968, p 148-152.
7. Бубнова С.С., Крылов В.Ю. Ценностные ориентации личности как система с многомерной структурой. Тезисы докладов научной конференции института психологии. Психологическая наука: традиции; современное состояние и перспективы. – М.-1997. - С. 48.
8. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов.// Социологический журнал. – 1994. - № 1.- С.32-52.
9. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа - С. 43.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

М.Д. Батырова
Россия, г. Грозный
*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*
ritadaur@gmail.com

Аннотация: В статье поднимается проблема развития экологической культуры школьника. Автор статьи наряду с известными педагогами современности утверждает, что в основе экологической культуры личности лежит ответственное отношение к природе, человеку и ко всему, что создано трудом человека. Также автор отмечает, что немаловажное место в формировании нового отношения к окружающей среде занимает разработка «новой бережливой этики», нового восприятия мира. Большое значение в ее формировании имеет введение изучения философских аспектов экологической проблемы. Это может дать возможность подойти к решению данной проблеме более комплексно.

Ключевые слова: экология, культура, экологическая культура, экологическое образование, учащиеся, экологический гуманизм.

На современном этапе развития школа представляет собой сложную социально-педагогическую технологию подготовки подрастающего поколения к социальному функционированию. Школа пытается решать задачи развития, воспитания, образования и социализации детей. В связи с этим актуализацией проблемы выхода из экологического кризиса перед общеобразовательной школой на первый

план выдвигается задача формирования и развития экологической культуры школьника. Именно это является основной целью экологического образования на современном этапе развития общества. Осмысление современной сущности экологической проблемы, острая необходимость подготовки подрастающего поколения, способного сочетать экологическое образование с практической деятельностью по улучшению состояния окружающей среды, дает основание к дальнейшему уточнению и конкретизации понятия экологическая культура.

В своем автореферате «Формирование экологической культуры студентов педагогических вузов в процессе изучения естественнонаучных дисциплин» Файрушина Сакина Минисалимовна выделяет следующие этапы в развитии формирования экологической культуры:

«- 60-е гг. XX в. – усвоение системы знаний о взаимодействии общества и природы, природоохранные знания и практических умений, навыков, воспитание патриотических чувств по отношению к родной природе;

- 70-е гг. XX в. – готовность общества к гражданской ответственности, экологическому предвидению, к пропаганде экологической информации и обретение целостных экологических ориентаций;

- 80-е гг. XX в. – осознание экологической проблемы, регламентация природных ресурсов, нравственно-экологическая деятельность в природе, обеспечивающая сближение природы и культуры, решение национальных задач экологического развития и организация международного сотрудничества;

- 90-е гг. XX в. – овладение новыми понятиями: экологический гуманизм, экологическая этика, экологизация, оценочность ресурсного потенциала, сочувствие, сопереживание, взаимность, адаптация технических средств в природе, ценностный экологический потенциал;

- 2000-е гг. XX в. – формирование активной экологической позиции и поведения, мировоззренческо-нравственных, ценностных ориентаций, позитивно-экологической деятельности; гармонизация взаимоотношений человека и природы» [3, 9].

В проекте «Об экологической культуре», внесенном в Госдуму РФ в 2000 году, определяются принципы взаимоотношения органов государственной власти, физических и юридических лиц в области реализации конституционного права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду[2].

Таковыми педагогами современности как Зверев И.Д., Захлебный А.Н., Суравегин И.Т. понятие экологическая культура рассматривается, как наличие у человека определенных экологических знаний,

убеждений, моральных установок, а также готовности к практической деятельности, согласующейся с требованиями бережного отношения к окружающей среде [1, 45].

В основе экологической культуры личности лежит ответственное отношение к природе, человеку и ко всему, что создано трудом человека. При наличии экологической культуры исключительно потребительский подход к окружающей среде и человеку должен уступить место сохранению и разумному культивированию природной среды, а также развитию внутренней природы человека.

Развитие экологической культуры личности в свою очередь направлена на то, чтобы выпускники наших школ в своей последующей деятельности руководствовались требованиями экологически целесообразного природопользования.

Если мы обратим свое внимание на современные условия формирования и развития экологической культуры современного школьника, то прежде всего возникает необходимость упомянуть о проблеме экологического образования в школе. Система знаний может быть раскрыта благодаря лишь средствам всех видов учебных дисциплин. Экологическое образование не должно выделяться как самостоятельная часть общего образовательного процесса, не имеет смысла разрабатывать самостоятельные курсы для учащихся, так как не обойтись в данном процессе формирования экологической культуры без дублирования определенных школьных предметов, в частности, географии и биологии, химии и физики. При изучении, например химии, учащийся сталкивается с технологиями заимствования у живой природы и использование в медицинской, пищевой, химической промышленности полупроводниковых и чистых материалов, что позволяет предотвратить сброс в водоемы особо вредных стоков. Таким образом мы можем говорить о том, что полноценное экологическое образование возможно лишь при условии экологизации содержания всего школьного образования.

Реализация в учебно-воспитательном процессе принципа экологического подхода будет способствовать осуществлению межпредметных связей, позволит объединить знания о природе, обществе и человеку в единую взаимосвязанную систему. Следует отнести экологический подход к числу педагогических принципов обучения и воспитания. Он выдвигается как следствие меняющихся целей обучения и воспитания в связи с современным экологическим кризисом, охватившим практически всю нашу планету.

Необходимым условием формирования и развития экологической культуры школьника является организация в школе экологического краеведения. Школьное экологическое краеведение – это меж-

дисциплинарный педагогический процесс, направленный исключительно на формирование экологической культуры учащихся посредством разностороннего познания окружающей среды, выявление местных экологических проблем, поиск и совместную практическую деятельность учителя и учащегося по доступным для его региона, края способам их выявления и разрешения. Необходимо сосредоточить усилия совместной деятельности педагогических коллективов и учащихся, родительской общественности по выявлению местных экологических проблем и осуществлению полезных дел по улучшению экологического состояния своего региона.

Природа представляет собой субъект деятельности человека; человек и природа должны находиться в постоянном взаимодействии на паритетных позициях. Именно на таких позициях возможно построить воспитание новых отношений между окружающей средой, человеком и обществом. Природа – целостная живая система, человек – ее часть и в то же время целостная живая система только в миниатюре, а человеческое общество – социально-природная живая система. Человек является как бы «посредником» во взаимодействии этих систем, между которыми должны быть субъективные отношения.

Таким образом, каково сознание этого «посредника», какова культура, таковыми будут взаимоотношения всего общества и природы в целом. Немаловажное место в формировании нового отношения к окружающей среде занимает разработка «новой бережливой этики», нового восприятия мира. Большое значение в ее формировании имеет введение изучения философских аспектов экологической проблемы. Это может дать возможность подойти к решению данной проблеме более комплексно.

Список литературы:

- 1.Зверев И.Д., Захлебный А.Н. Принципы и условия экологического образования в школе и педвузе // Советская педагогика, 1984. - №7.
2. Проект федерального закона РФ «Об экологической культуре» №90060840 (внесен 13.07.2000) [Электронный ресурс] <https://dic.academic.ru> (дата обращения 10.11.2018).
3. Файрушина С. М. Формирование экологической культуры студентов педагогических вузов в процессе изучения естественнонаучных дисциплин: автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02 – К., 2007.-23с.

УВАЖЕНИЕ К СТАРШИМ – ОСНОВА ЭТИКЕТА ЧЕЧЕНЦЕВ

З.Х.-А. Берсанова

Россия, г. Грозный

Академия наук Чеченской Республики.

E-mail: Zalpa@list.ru

Аннотация. Одним из основополагающих принципов чеченской этики является почтительное отношение к старшим. Старшие являлись авторитетом для всей общины, рода, а дальше – всего общества. На протяжении веков чеченцы выработали различные этикетные нормы, вытекающие из почитания старших по возрасту. Описанию этих этикетных норм и посвящена данная статья.

Ключевые понятия: культура общения; этноэтикет; общество; семья; правила поведения; традиция; нравственность.

«Культура общения, как совокупность регламентированных норм поведения индивидов, выполняла важнейшую для общества задачу обеспечения взаимопонимания и взаимодействия людей... Общение выступало реальным способом единения и консолидации общества, поскольку выступало «средством, с помощью которого в единое целое объединялась организованная деятельность» всего этноса», – пишет доктор философских наук Б. Б. Нанаева. – Культура общения служила жизненно важным целям – установлению взаимоотношений людей, основанных на принципах толерантности – терпимости, деликатности, уважительности. Иначе и не могло быть, ведь без соблюдения регламентированных правил поведения, «работающих» на создание, сохранение и выживание этноса, были немыслимы ни процесс труда, ни проведение досуга, ни процесс воспитания, и многое другое, что необходимо для функционирования общества [1, с.286-287].

Важным элементом этноэтикета чеченцев считается вежливость, деликатность, учтивость в общении с окружающими.

Особенно тщательно эти принципы общения соблюдаются по отношению к пожилым людям.

«У них очень большое почтение к возрасту, и они прислушиваются к своим старикам», – пишет о чеченцах Флориан Антуан Жиль [2, с. 109].

«Поучительным примером может служить безусловное почтение горца к старшим», – сделал вывод в своем дневнике С. Беляев, русский солдат, бывший в плену у чеченцев во время Кавказской войны XIX века [3].

В юности человек осознавал, насколько важно заслужить доброе мнение о себе, высокую оценку людей почтенного возраста. Именно старшие являлись авторитетом для всей общины, рода, а дальше – всего общества. Поэтому особо тщательно молодые люди соблюдали *гИллакх* (этикет) по отношению именно к пожилым людям.

На протяжении веков чеченцы выработали много этикетных норм, вытекающих из почитания старших по возрасту. Например, когда в пути встречаются разные по возрасту люди, то младший путник приветствует старшего, затем интересуется, нужна ли ему какая-либо помощь. В случае, если старший несет какую-то поклажу, то младший без разговора забирает ее и несет по месту назначения.

Если младший при встрече ехал верхом, то он обязательно должен был спешиться (в современных условиях выйти из машины) и ждать приветствия старшего (или старших). При этом он должен стоять, повернувшись правым (правая сторона – почетная) плечом к старшим. В старину при встрече со старшим молодой человек должен был сопровождать первого до тех пор, пока ему не разрешат следовать своим путем.

Если пожилой мужчина ехал на лошади и его сзади догонял младший по возрасту, то последний должен был приветствовать старшего, подъезжая с правой стороны по направлению следования. После приветствия он обязан был держать свою лошадь, пропуская старшего, а сам – занять положение с левой стороны.

При прощании младший не должен первым отвернуться и отойти от собеседника: следует дождаться, пока это сделает старший.

Если старший по возрасту следует впереди, то молодые ни в коем случае не должны обгонять его. Следует медленно идти следом до тех пор, пока старший не скажет ему настойчиво, уступив при этом дорогу: «*Со сиха вац. Хъай гИуллакхе дIа гIо*» (Я никуда не спешу, иди по своим делам!).

Данное этикетное правило направлено на то, чтобы пожилой не почувствовал свою слабость, немощность по отношению к младшему, который может идти гораздо быстрее.

Ни в коем случае нельзя пересекать дорогу старшему, как бы настойчиво он ни уступал дорогу.

«Не переходи дорогу старшему, уступи дорогу спешащему, не останавливайся, преграждая путь другим», – учат чеченцы своих детей.

Сам порядок устройства семейной жизни (управление семьей, организация труда, прием гостя, организация досуга, трапезы и т.д.) у чеченцев, как и у многих других народов, зиждется на главенствующей роли старшего. В любой семье возникают проблемы, конфликтные ситуации. Если каждый будет настаивать на своем варианте решения проблемы, это приведет к бесконечным спорам, обидам, взаимным упрекам и т.д. В доме, где слово старшего – закон, такие ситуации исключены. Как старший сказал, так и должно быть. Тем более, он имеет право авторитарно принимать решения в силу наличия жизненного опыта.

Таким образом, мир, согласие и взаимоуважение в чеченской семье обеспечивается за счет того, что существует культ старшего.

Старики – воплощение мудрости, носители высокой культуры, нравственности, хранители традиций, люди, которые являются живой нитью между прошлым и будущим. Именно поэтому этикет предписывает относиться к ним с большим почтением.

Вставать, когда входят старшие по возрасту, незамедлительно исполнять их поручения и сдержанно вести себя в их присутствии (нельзя громко разговаривать, смеяться, не говоря уже об употреблении нецензурных слов и выражений и т.д.) – все это считается долгом младших членов общества.

«Сыновья никогда не сидят перед своим отцом», – писал в XIX веке о чеченцах Флориан Антуан Жиль [2, с.112].

При пожилых не обсуждаются такие вопросы, как ухаживание за той или иной девушкой, чувства к ней. Не говоря уже о том, что молодые не должны стоять на свидании на том месте, где может оказаться старший. Зная об этом, пожилые люди не появлялись в местах, где традиционно проходили свидания молодых людей, например, «*хин йистехь*» (у родника) [4].

Не принято садиться на постель старшего. С уважением следует относиться не только к лицу старшего возраста, но и к его вещам, важнейшими из которых являются головной убор и посох.

Обычай запрещал молодым бывать в одной комнате со старшими без особого приглашения последних. Этот обычай избегания молодые строго соблюдали не только в кругу своих родственников, но и других пожилых людей.

В семейном застолье пожилым лицам, а тем более престарелым, предоставлялось самое почетное место.

Уважение к старшим проявляется и в обычае гостеприимства.

Как известно, гостю, как уважаемому лицу, переключивают в отдельный поднос (*шун*) голову, грудинку и курдюк барана, зарезанного в его честь. Гость отрезает кончик уха (*лерг*) и передает его младшему из присутствующих, что означает: «Слушай старших!» [5]

Пожилой человек, каким бы он порочным ни был (например, пьяницей), никогда не становился предметом насмешек младших.

Отличительной чертой этикета чеченцев является не только почтительное отношение к престарелым. Заботой, вниманием и бережным отношением к ним бывает пронизана вся атмосфера в семьях чеченцев. Сыновья, возвращаясь с работы домой, в первую очередь должны заходить в комнату родителей, справляться об их здоровье, беседовать с ними. Каждое утро сноха должна заходить к родителям мужа, ставить кувшин и тазик для омовения, убирать в помещении, где они проживают.

«В прошлом народы Кавказа, в том числе и чеченцы, считали себя обязанными заботиться об одиноких; чеченец-старец никогда не просил милостыню и не потому, на наш взгляд, что наши предки жили лучше, чем сегодня, а потому, что это считалось позором для всех его родственников», – пишет этнограф З.И. Хасбулатова, [6, с.323].

Надо отметить, что нарочитое подчеркивание роли старших, почтительное отношение к ним – все это направлено на то, чтобы они не чувствовали себя лишними, ненужными, тем более – обузой для молодых. К старцу, даже если в этом нет никакой потребности, обращаются за советом, чтобы подчеркнуть, что последнее слово в решении того или иного вопроса принадлежит именно ему. Ему отводят самую почетную роль при совершении разных обрядов, связанных с бытовой жизнью семьи, рода, регулированием отношений с родственниками, односельчанами и т.д.

Осознание того, что они востребованы в обществе, что востребован их бесценный жизненный опыт придает старикам особую выносливость, не только физическую, но и моральную. Помощь и внимание, идущие от членов семьи и всего общества, вселяют в них уверенность не только в своей полноценности, но и полезности. Это обязывает их быть всегда в форме, не опускаться, не жаловаться на здоровье и разные недуги.

Таким образом, уважение к возрасту – один из основополагающих принципов морали чеченцев, который наиболее яркое выражение нашел в этикетных нормах этого народа.

Список литературы:

1. Нанаева Б.Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. Москва-Ростов-на-Дону. Социально-гуманитарные знания. 2012.
2. Флориан Антуан Жиль. Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.» 2009.
3. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев. Libking.ru
4. Полевые материалы автора. Инф. Ибрагимова Заман Ахматовна. 1933 г.р. г. Грозный.
5. Полевые материалы автора. Инф. Берсанов Хож-Ахмед Ахматович. 1926 г.р. с. Шаами-Юрт Ачхой-Мартановского р-на. Записано в 2014 г.
6. Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX-начало XX вв.)

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПАРАДИГМЕ КОГНИТИВНЫХ НАУК¹

М.М. Бетильмерзаева
Россия, г. Грозный

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

E-mail: maret_fil@mail.ru

М.М. Керимов

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Аннотация. Проблему духовной безопасности необходимо рассматривать в парадигме принятия решений, так как исследование методологии принятия решений в рамках анализа духовности и в процессах поиска обеспечения его безопасности, гарантирует продуктивность при обращении к нейроэкономическим основаниям человеческой общности.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 18-412-200001 «Модели исследования коммуникативного поведения чеченцев-билингвов».

Ключевые слова: духовность, духовная безопасность, принятие решений, когнитивная наука, нейроэкономика.

Введение

Проблема духовной безопасности играет немаловажную роль в современном глобализирующемся мире и вопрос ее вербализации сопряжен с различными факторами, что требует от исследователя использования различных инструментов, позволяющих расширить объем знаний. Различные аспекты духовной безопасности являются объектом современных исследований [2, 6, 10]. В последние десятилетия получили развитие целый ряд междисциплинарных областей знания, которые, адаптируя методологию различных наук, делают попытку углубленного познания человека как физического, духовного, психологического, экономического, политического, в целом социального существа. Основной тезис автора заключается в том, что духовная безопасность есть, с одной стороны, онтологическое основание успешного протекания процесса принятия решений и, с другой стороны, аксиологический потенциал духовной безопасности гарантирует этот успех. Новизной нашего подхода в рамках сказанного является экспликация проблемы духовной безопасности в новейшей парадигме когнитивных наук.

Актуальность теоретического осмысления формальных и содержательных причин социальной активности субъекта в тех или иных социальных процессах определяется возрастанием системных угроз фальсификации исторических реалий и (или) реверсии к исторически значимым периодам трагического (стрессового) опыта субъекта при определенных социальных катаклизмах.

В начале своего исследования уместно определиться с содержанием используемой терминологии. Когнитивная наука есть «область междисциплинарных исследований, изучающая познание и высшие когнитивные функции с помощью моделей переработки когнитивной информации» [14, с. 364]. Или если сказать еще точнее, «область междисциплинарных исследований познания как приобретения, хранения, преобразования и использования знаний живыми и искусственными системами» [13], наука о том, как приобретается и применяется знание. Как отметил один из пионеров «когнитивных наук» Джордж А. Миллер, их возникновение обусловлено идеей единой науки, «которая исследовала бы, как человеческий разум представляет мир и обрабатывает информацию», и в каких функциональных структурах человеческого мозга эти возможности находят отражение [9].

Своим становлением когнитивная наука обязана изобретению компьютера, развитию экспериментальной психологии и теории порождающей грамматики. В основу когнитивистики легли шесть наук («когнитивный шестиугольник»): компьютерные науки, психология и лингвистика, которые представляли основное поле междисциплинарных исследований познания в течение первых десятилетий становления и развития когнитивной науки; философия, антропология и нейронаука, основные направления междисциплинарных исследований начала XXI века [9; 13]. Первые десятилетия своего становления когнитивная наука к своим исследованиям привлекла компьютерную метафору познания, которая трактовала познавательные процессы человека как процессы переработки и передачи информации, осуществляемые мозгом. В последующем произошел «внутрипарадигмальный сдвиг от моделей переработки информации к изучению мозгового субстрата познавательных процессов и функций, вызванный развитием новых методов регистрации активности мозга», привлечших в состав когнитивной науки поведенческую экономику и эстетику [13]. За последние десятилетия в связи с изобретениями различных диагностических методов (методов функциональной магнитно-резонансной томографии, магнитоэнцефалографии, транскраниальной магнитной стимуляции) содержание парадигмы когнитивной науки претерпело изменения [13]. Новые методы дали возможность визуализировать картину работающего мозга при решении различных познавательных задач. И в нейронауке, в которой изучают нейронные процессы на основе оригинальных научных технологий, возникли принципиально новые области междисциплинарных исследований. Например, транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС) позволяет провести проверку причинно-следственных гипотез о вкладе тех или иных областей головного мозга в выполнение когнитивных задач посредством воздействия магнитными полями непосредственно в ходе решения задач. Активное использование метода ТМС привело к развитию новой исследовательской области когнитивистики – «нейроэкономика», объектом внимания которой стали мозговые механизмы осуществления выбора и принятия решений не только экономических, но и моральных [13].

Термин «нейроэкономика» определяет междисциплинарную область нейронауки и экономики, предметом исследования которой служит то, как мозг взаимодействует со своим внешним окружением, чтобы произвести экономическое поведение [11, с. 157]. В широком смысле нейроэкономика, по В.А. Ключареву, – это нейробиология

принятия решений [8, с. 15]. Возникновение нейроэкономики, или нейробиологии принятия решений, стало следствием нейронаучных достижений, позволивших раскрыть биологические основы принятия решений.

Как отмечает автор [5], «на современном этапе развития когнитивной науки, который называют нейросетевым или коннекционистским, детерминация сознания и познания связывается с регулятивным участием культуры в функционировании сознания и познания человека». Когнитивная система находит выражение в равнобедренном треугольнике, вершины которого представлены мозгом, телом и внешней средой, или культурой. Сознание есть «способность идеального отражения действительности, превращения объективного содержания предмета в субъективное содержание душевной жизни человека» [12, с. 78]. Сознание эксплицируется «как сложный феномен, не сводимый к анатомии или нейрофизиологии мозга», формирующийся на стыках природного и культурного. Один из сторонников коннекционизма Д. Деннет убежден в равной причинной обусловленности сознания природой и культурой: «Человеческое сознание в очень большой степени есть продукт не только естественного отбора, но также и культурной эволюции» [16, с. 202].

Помимо сознания в структуре психики человека выделяют пласт ментального [4, с. 20], сущность которого заключается в том, что он коррелирует индивидуальный опыт человека с коллективным представлением. Человеческое общество существует в специфических условиях, обусловивших становление и развитие индивидуального сознания и определяющих историческое многообразие человеческой культуры. Бытие человека во всех своих нюансах может быть представлено как единая культурная матрица. В структуре социокультурной матрицы, как пишет автор [3, с. 11], смысловыми механизмами трансляции ментальности являются культ, миф, религия, традиция, язык, ценности, нормы, мода, физические факты (как-то материальные вещи, процессы, явления), которые, с одной стороны, презентуют ментальность, с другой стороны, обуславливают ее природу. В.Х. Акаев [1, с. 60] верно заметил, что «народная культура сосредоточена в умах и сердцах людей». Духовность, дух народа находит выражение в процессах принятия решений. Вспомоществование реализации духовности в условиях безопасного функционирования человека как субъекта социального акта должно способствовать положительной динамике принятия решений, в которой индивид находит удовлетворение и, соответственно, консенсус с социальной средой.

Жизнь субъекта представлена чередой каждодневных принятий решений по поводу глобальных и локальных, знаменательных и повседневных, тотальных и личных событий.

Феноменальность процесса принятия решений

Рассматривая проблему духовной безопасности в парадигме когнитивных наук обратимся к описанию базовой нейроэкономической нейронной модели теории принятия решения. Суть модели заключается в том, что «на вход нейронной сети поступает сенсорный, мотивационный, когнитивный или любой другой сигнал, а на выходе мы получаем результат сравнения в пользу наиболее оптимального решения» [8, с. 17]. Исследователи выделяют ряд этапов процесса принятия решений: формулировка задачи, представления о цели и контексте решения (1); определение ценности выбора той или иной поведенческой альтернативы (2); сравнение альтернативных вариантов решения и выбор наилучшего (3); обработка результатов выбранного действия и оценка эффективности (4); обновление хранящейся в памяти информации для наибольшей эффективности последующих действий (5).

Нейроэкономические исследования в первую очередь нацелены на изучение этапа определения субъективной ценности альтернатив, на котором происходит оценка и выбор действия. Классическая нейробиология показала, что существуют параллельные системы оценки ценности поведения и, соответственно, поведение обусловлено тем, какая система оценки используется в данный момент времени. Как наиболее важные системы оценки полезности авторы [8, с. 18] выделяют классический павловский условный рефлекс и концепцию целенаправленного поведения. Классический условный рефлекс Павлова (стимул – реакция) фиксирует момент автоматичности процессов и адаптивная ценность поведения закодирована и закреплена генетически. Целенаправленное поведение обусловлено осознанными действиями и обладает большей пластичностью. В перспективе целенаправленное поведение может стать привычкой и превратиться в автоматизм.

Таким образом, в процессе принятия решения задействованы павловский условный рефлекс, автоматизмы и целенаправленное поведение, которые могут действовать согласованно и рассогласованно. Принятие наиболее оптимального решения требует доминирования целенаправленного поведения, но часто можно наблюдать торжество привычек или автоматизмов. Актуален вопрос о природе нерационального поведения человека.

Дениэл Канеман, Нобелевский лауреат (2002), предположил о существовании дуалистической модели принятия решения: а) быстрой, автоматической, или бессознательной, и б) медленной, целенаправленной, произвольной. Авторы [8, с. 20] соотнесли предложенные три биологические системы определения ценности с моделью Д. Канемана, и в настоящее время ведется активное исследование взаимодействия рациональной и эмоциональной систем в рамках дуализма Канемана.

В исследовании Д. Канемана для нас актуально, что «при принятии решения доступная информация оценивается с помощью разных нейронных сетей – “когнитивной” и “эмоциональной”» [8, с. 22]. Принятие окончательного решения обусловлено разницей в результатах сравнения когнитивной и эмоциональной оценок. Исследователи отмечают, что иррациональное поведение человека объяснимо активностью эмоциональных зон мозга, которые имеют ряд преимуществ перед когнитивными.

Нейроэкономические исследования взаимодействия систем произвольной и произвольной обработки информации во время принятия решений оказались применимы к изучению процессов принятия решений, связанных с системой моральных норм. Исследования в этой области позволили выделить две конкурирующие системы нормативного («не убий») и утилитарного подхода («выбирай, что лучше») к морали.

Естественно, что человек как существо социальное вовлечен в процесс социального взаимодействия. Поведение человека регулируется социальными нормами. Человек испытывает постоянное социальное влияние, определяющее становление его личностного статуса. Процесс принятия решений обусловлен биологическими, психологическими, духовными и социальными системами, которые во взаимодействии формируют личность человека.

Экономическая подоплека взаимосогласованности процессов духовной безопасности и принятия решений

Применение нейроэкономической терминологии при экспликации социальных фактов показывает большую результативность. Если представить схему механизмов принятия решений с точки зрения нейробиологии, то она выглядит следующим образом: гены – нейрон – мозг – восприятие – социум – среда. Ведущую роль в процессе принятия решения имеют произвольные и произвольные системы оценки ценностей, которые обуславливают функционирование рациональных и эмоциональных систем мозга. Основными свойствами этих двух систем являются то, что β – «эмоциональная» система

предпочитает немедленное вознаграждение; δ – «рациональная» система рассчитана на долговременный эффект. В теории принятия решения при доминировании рациональной системы актуализируется категория «полезность» (utility) – это мера привлекательности того или иного решения или действия.

Во время принятия решения мы замечаем только часть информации. И человек склонен игнорировать ту информацию, которую не ожидает в данном контексте. Существующие в голове системы принятия решений часто находятся в состоянии конфликта и, соответственно, при выборе того или иного решения субъект полагается или на опыт, или на интуицию, или выбор имеет случайный характер. Важное место в процессе принятия решения занимает социальное влияние.

Р. Докинз [7] предположил существование эволюционно стабильного поведения большинства в определенном социальном контексте, которое испытывая постоянную проверку на оптимальность в данной среде, имеет предпочтительный характер для популяции. Поэтому в традиционном обществе наиболее приемлем вариант следования за большинством с целью получения общего одобрения или поддержки. Социальное одобрение гарантирует как социальное согласие, так и экономическое поощрение субъекту социального акта и, следовательно, обеспечивает духовную безопасность.

Логика процесса принятия решения в национальной культуре, обусловленная взаимодействием как индивидуального опыта, социальной среды и нейробиологических систем, наиболее яркое выражение находит в критические периоды жизни субъекта. Авторы [15, с. 120], исследуя этническую систему чеченцев в контексте современной синергетики, обратили внимание на основные причины социокультурного кризиса, который наблюдался в 90-ые гг XX века: «в период военных кампаний (1994–2000 гг.) развитие этнической системы характеризуется сложной траекторией, процессы объединения, вызванные внешней агрессией, сменяются развитием в направлении социокультурного кризиса. Первоначальная бессознательная массовизация процесса принятия решений, которая в тот момент позволила индивиду почувствовать свободу своего волеизъявления ввергла как его самого как актора социальных трансформаций, так в целом весь народ в пучину духовной, физической опасности.

Заключение

Таким образом, необходимо отметить, что проблему духовной безопасности необходимо рассматривать в парадигме принятия решений, так как исследование методологии принятия решений в рамках

анализа духовности и в процессах поиска обеспечения его безопасности, гарантирует продуктивность при обращении к нейроэкономическим основаниям человеческой общности.

Список литературы:

1. Акаев В.Х. Ментальность народов Кавказа в исследованиях Яна Чеснова: философско-антропологический анализ. – С. 57-62 // Наследие веков. – Краснодар, 2017, № 4 (12).

2. Бетильмерзаева М.М. Духовная безопасность как предмет исследования в современном гуманитарном дискурсе (по материалам конференций). – С. 124-132 // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 1-3 декабря 2017 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. – 672 с.

3. Бетильмерзаева М.М. Онтологические основания ментальности как социокультурного феномена. – С. 9-11 // Общество: философия, история, культура. – Краснодар, 2016, № 6.

4. Бетильмерзаева М.М. Сознание как свойство социального бытия: ментально-когнитивное осмысление. – С. 16-20 // Вестник психофизиологии. – Санкт-Петербург, 2017, № 4.

5. Богданова М.А. Когнитивная наука как успешный проект междисциплинарного синтеза наук. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F944096855/Bogdanova> (дата обращения: 08.07.2018).

6. Гадаев В.Ю. К вопросу об угрозах духовной безопасности северокавказской молодежи. – С. 81-86 // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Грозный, 18 мая 2018 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников), 2018. – 360 с.

7. Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 512 с.

8. Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений. – С. 14-35 // Экспериментальная психология, 2011, т. 4, № 2.

9. Миллер Джордж А. Когнитивная революция с исторической точки зрения // Вопросы психологии, 2005, № 6, с. 104–109. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-980.html> (дата обращения: 08.07.2018).

10. Мусханова И.В., Батчаева Х. Личность. Духовность. Нравственность. – Грозный: Издательство ЧГПУ. – 224 с.

11. Сланевская Н.М. Мозг, мышление и общество. Часть II (мозг и сознание, нейроморальность человека, социальные нейронауки, мышление и общественное устройство). – Санкт-Петербург: ООО Центр Междисциплинарной Нейронауки, 2012. -

12. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. – М., Политиздат, 1972.

13. Фаликман М.В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // Психологические исследования. – 2015. Т. 8, № 42, с. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.07.2018).

14. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

15. Dadashev R.Kh., Muskhanova I.V. Ethnic system of Chechens in the context of modern synergetics. – С. 111-120 // Таллам. – Грозный, 2017, № 1 (12).

16. Dennett D.C. Consciousness Explained. – Boston: Little, Brown and Company, 1991.

**ТРАДИЦИОННОЕ АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГОРЦЕВ
БОЛЬШОГО КАВКАЗА КАК ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ
ТВОРЧЕСКОГО ДАРОВАНИЯ ЗОДЧИХ, ИСТОЧНИК
ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ
И ПОКАЗАТЕЛЬ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ГОРСКИХ НАРОДОВ**

В.Б. Бесолов

Россия, г. Владикавказ

Международная Академия архитектуры

(отделение Евразия в Москве)

E-mail: archgrad101@yandex.ru

Аннотация: Методологической основой и теоретическими принципами углубленного исследования средневекового архитектурного наследия горцев Большого Кавказа, как самого сложного художественного явления и культурно-исторического процесса у коренных горских народностей, является метод натурного обследования всех видов памятников традиционного зодчества, дальнейшей интерпретаций, датировки, этнической и художественной атрибуции, а также и незыблемый принцип архитектуроведческого компаративизма.

Ключевые слова: Большой Кавказ, Северный Кавказ, биосфера, география и экология, эстетика и горское общество, история, этнология, мифология и религия.

I. Горные ландшафты

Преамбула. Биосфера древних стран Альпийско-Гималайской горного пояса Евразии и, в частности, Большого Кавказа, изобилует всеми видами природного богатства, столь необходимого и приемлемого для жизнеобеспечения и жизнедеятельности человека и общества. Надо полагать, поэтому в сложных по морфологии рельефа ущельях рек, на труднодоступных склонах и вершинах гор Большого Кавказа издревле обитают люди. Археологическими раскопками установлена жизнь человеческих обществ, с древнейших времен обитающих по обе стороны и на всем протяжении Главного Кавказского хребта, и которые являются создателями замечательных по типу, форме, пластике и декору, образу и стилю архитектурно-планировочных и художественных произведений и изделий декоративно-прикладного искусства эпохи древности и средних веков [1].

1.1. Природные этнокультурные территории на склонах гор. Древние племена и коренные горские народности, с глубокой древности обитающие на первозданном лоне Большого Кавказа, вели интенсивный образ жизни и, несмотря на сложнейшую морфопластику горного ландшафта и резкую изменчивость сурового климата, занимались земледелием и скотоводством. Ныне нетрудно обнаружить следы террасного земледелия и садоводства почти на всех горных склонах уходящих вглубь ущелий Большого Кавказа. Более того, сочное и жирное разнотравье альпийских лугов предрасполагало разведению домашних животных.

1.2. Природные этнокультурные биосферные резерваты в горах. Образ жизни и специфика хозяйственной деятельности разноязычных племен в особых ландшафтно-климатических условиях, обладающих целебными свойствами и отличающихся насыщенным кислородом, ароматом хвойных лесов и альпийских лугов воздухом, а также экологически чистые продукты питания – все это и многое другое сопутствовало демографическому росту и развитию людей. Самим Всевышним созданные на лоне Большого Кавказа изумительные биосферные оазисы невольно становились естественным очагом эволюции генофонда коренных горских народностей Кавказа.

1.3. Естественно-исторические ареалы и среда обитания горцев. В Горные ущелья Большого Кавказа способствовали сохранению

архаического образа жизни, и этническое общество руководствовалось горскими обычаями и древними законами. Отрадно отметить, что социально-экономическое устройство и нравственные устои коренных горских народностей Большого Кавказа базировались на гуманистических основах. Кавказские горские племена из первобытного уклада, минуя рабовладение, сразу перешло к феодальному образу жизни. Инерционно этому способствовали принципы иерархического устройства большой патриархальной семьи, древнего рода и патронимии.

1.4. Антропотип, язык и верование коренных горских народностей. Представителями исторической антропологии установлен в целом единый физический морфотип людей на Большом Кавказе – кавкасионский тип. Разумеется, у горских народностей наблюдаются некоторые отклонения от основного кавкасионского типа, что вполне понятно и обоснованно многими жизненными факторами. Однако феноменальным реальным фактом является обилие языка и речи на Большом Кавказе и, в особенности, в Дагестане, который является уникальным ареалом зарождения и развития кавказских языков. Ныне коренные горские народности Большого Кавказа разговаривают на языках разных групп и семей: осетинский язык – это восточно-иранская группа Иранской языковой семьи; карачаево-балкарский, кумыкский и ногайский языки – это печенежская группа Тюркской языковой семьи, а все остальные языки обитателей Большого Кавказа относятся к Иберийско-Кавказской языковой семье.

Важно отметить, что каждое горное ущелье Большого Кавказа, издревле заселенное конкретными племенами и народами, изобилует языческими святилищами, ибо горские народности традиционно почитали местные божества.

1.5. Атрибуты среды обитания коренных горских народностей. Вовсе не секрет, что Большой Кавказ является одним из очагов доместикировки растений и животных, прародиной древних автохтонных племен и этногенеза современных горских народностей. Много тысячелетий в горах Большого Кавказа жили и развивались древние племена, а ныне проживают многие народности, отличающиеся самобытным этническим образом и специфичным языком, высокой и своеобразной материальной и духовной культурой. Вполне очевидно, что формированию образа жизни той или иной горской народности способствовало наличие в горах Большого Кавказа источника питьевой воды (родника), дров для отопления (леса), пастбищ для выпаса скота и заготовки сена (луга), участков земли, пригодных для посева культурных злаков (почвы) и прочее.

II. Горные поселения

2.1. Местонахождение и характер горных поселений на склоне и вершине гор. На протяжении веков и тысячелетий среди горных вершин Большого Кавказа обитали племена и народности, отличающиеся четким антропотипом и архаическим языком, семейно-бытовым укладом и этническим психическим складом, эстетическими представлениями и этическими нормами, мужеством и стойкостью духа. Неизменно обитая в глубине горных ущелий и находясь в почти полной изоляции от внешнего мира, горские народности Большого Кавказа непоколебимо придерживались норм и принципов традиционного образа суровой жизни. Стиль мышления, символ и ритуал, творческое мастерство и строительные навыки горских народностей сполна воплощены в лапидарных по художественному образу, но предельно функциональных и цельных по внешнему облику горных поселениях.

Анализируя систему расселения в горах Большого Кавказа эпохи древности и средневековья, важно выявить и понять его этнические и социальные особенности, экономические и производственно-хозяйственные факторы, природные строительные ресурсы и стратегические преимущества местоположения горных поселений (аулов), характер их планировочной структуры и пространственной композиции, условия длительной осады и долговременной обороны, специфику дорог, мостов, родников и других дорожных и придорожных сооружений. Все это также важно постичь на основе таких этнологических дефиниций, как тейп, тухум, джамаат, семейная община или большая патриархальная семья, патронимия, соседская община, но с ясным представлением семантического значения каждого понятия.

Надо полагать, что процесс закономерного формирования и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных аулов происходил с глубокой древности у всех горских народностей Большого Кавказа: дагестанских народностей, чеченцев и ингушей, осетин, балкарцев и карачаевцев, поныне обитающих на северных склонах, а также мохевцев, гудамакарцев, пшавов, тушинов, хевсуров, рачинцев, лечхумцев, сванов, живущих на южных склонах Большого Кавказа.

2.2. Большой Кавказ: уникальные горные поселения средневекового Дагестана как исторически сложившийся единый и целостный функционально-оборонительный организм горского общества. Характерной особенностью архитектурно-планировочных традиций горских народностей Большого Кавказа, являются реалии

планировки и формирования поселений в труднодоступных местах, удобных для обороны от неприятеля. Можно смело утверждать, что в горах Дагестана был создан особый архитектурный морфотип поселения, представляющий собой гармонично сложенный телесный организм, синтез логики и интуиции, симбиоз природного и культурного. Горские народности Дагестана словно одухотворяли дерево и камень, именно тот традиционный строительный материал, из которого сложены, непрерывным титаническим трудом, на основе эмпирических знаний и умений, профессиональных навыков, и не без волнительных чувств душевной любви и этнической гордости, удивительно компактные поселения, с особым художественным тактом вписанные в крутые горные склоны.

Местонахождение, планировочная структура и пространственная композиция горных поселений средневекового Дагестана. Уникальная природная среда и гениальное творение человеческого сознания и духа, по своей исключительности и функциональности, представляют симбиоз естественного и рукотворного, семантически обоснованную и символически впечатлительную, если хотите, вершинную культурно-экологическую реальность с предельно оптимальной системой обороны. Ведь морфологическое развитие поселения не происходит в какой-либо конкретной плоскости, оно зарождается и органично вырастает из первоначального материально-организованного ядра – древнейшей архитектурно-планировочной основы, и разрастается вегетативно, вовсе не по оси координат, т.е. не в горизонтальном и вертикальном направлениях, а, как ни парадоксально, только лишь по наклонной поверхности развивается планировочная структура и пространственная композиция горного аула. Исходя из совокупности реально существующих факторов, теоретическая мысль и творческое мастерство народного зодчего породили особую, предельно осмысленную эстетическую категорию реального воплощения архитектурно-планировочного замысла – наклонную пространственную композицию, планировочное развитие структуры поселения по наклонному вектору, направленному под углом от 25 до 45 °.

Более того, в процессе постепенного формирования поселения на горном склоне, его, казалось бы, хаотичном росте снизу и вверх по конкретному склону горы, в его внутреннем пространстве образуются кривые и неопределенные, подобно лабиринту, улицы, которые, обычно, представляют собой единую коммуникационную сеть. Зная систему улиц, житель конкретного горного поселения, в любой мо-

мент может оказаться как у его подножия, так и на самых верхних его площадках, откуда непрестанно ведется обзор всей видимой окрестности. К тому же, и это вообще уникально, столь хаотичные улицы-лабиринты нередко бывают перекрыты наравне с жилищами и составляют с ними единое целое. При этом создается впечатление, будто бы архитектурный морфотип надежно укрепленного поселения всецело покрыт вечным и прочным гигантским панцирем.

Древнее и средневековое поселение горного Дагестана как определитель традиционного социального строя моноэтнических горных обществ. Если идентифицировать, казалось бы, внешне неразличимый квартал крупного дагестанского аула с тухумом (или патронимией), то историку архитектуры и градостроительства не представляет особого труда определить семантическое назначение особых мест квартальной общины, чаще всего это небольшая крытая площадка, где каждый вечер сходятся мужчины. Подобными знаковыми территориями соседской общины являются общесельские общественно-торговые площади социально-экономического, политического и стратегического назначения. Отсюда следует вывод: каждая патронимия (или тухум) генерировала свою материально-организованную структуру в планировочно-пространственной композиции горного поселения, т.е. постепенно создавала единый архитектурный комплекс жилого и оборонного назначения. И причем, по всей вероятности, формирование архитектурного комплекса и всего поселения являлось следствием разрастания семейной общины, образования большой патриархальной семьи и возникновения патронимии. Оборонно-жилой комплекс эволюционировал от первоначального жилого ядра – жилища прародителей семейной фамильно-родовой общины, при этом вектор формирования продвигался по склону к вершине, чаще всего южного или юго-восточного горного склона, что способствовало постепенному и непрерывному образованию единого, но отнюдь не единовременного, художественно совершенного и архитектурно-цельного организма, биосферного целого, а вовсе не «...конгломерат тесно пристроенных друг к другу жилых домов»[2].

При стадийной эволюции изначального архитектурного морфотипа древнего продольно-вытянутого жилища горного аула, одновременно предусматривались и конструктивные связи, и функционально необходимые проемы, а также улицы-туннели, исходя из футурологических соображений и стратегических предпосылок. Итак, кажется, мы выяснили и определили то, что по типологическому и формообразовательному процессу развития укрепленного социально-

жилого комплекса и горного поселения в целом происходило на основе многофункциональных факторов и по принципу стадияльного разрастания кровно-родственной семейной общины из конкретной жилой ячейки древнейшей и неотъемлемой основы или изначального ядра единого каскадного планировочно-пространственного сооружения – горного поселения.

Характер местности, особенности строительной техники и принципы организованной фортификации в средневековом Дагестане. Целостность архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных поселений (аулов) также мотивируется учетом естественных условий и исторических факторов, а именно: предельной надежностью и устойчивостью существования на горном склоне, надлежащей прочностью на воздействия сейсмических волн и иных грозных и опасных природных явлений, неразрывной схемой сообщений по предусмотренным инженерно-строительным коммуникациям, единой сетью оперативно функционирующих информационных связей и контактов, единовременной готовностью и согласованностью совместных действий жителей аула к сохранению личной и социальной безопасности, длительностью процесса жизнеобеспечения в случае непрерывной и долговременной осады аула вражескими захватчиками.

По существу, средневековые поселения горного Дагестана представляют собой композиционно целостный планировочно-пространственный организм и являются единой неприступной крепостью, по оборонительной функции, отличающейся абсолютной огнестойкостью и предельной неуязвимостью. Горные поселения как оригинальные историко-архитектурные явления, зародившиеся в глубокой древности и непрерывно формирующиеся удивительно гомогенные материально-пространственные конструктивные структуры, имеют исключительные возможности для неограниченного роста и развития. Процесс разрастания цельного архитектурного организма происходит по направлению вектора наклонной композиции и на основе закономерностей, присущих бионическим принципам и методам развития архитектурного организма. Фактически, горное поселение выглядит как нерасторжимый архитектурно-ландшафтно-климатический симбиоз, весьма согласованно и совместно действующий единый этносоциальный организм и непрерывно функционирующий оборонительный каркас. Иными словами, горное поселение Дагестана – это целостно функционирующий гомогенный архитек-

турно-планировочный организм и универсальное пространство жизнеобеспечения.

Горное поселение Дагестана как целостно функционирующий гомогенный архитектурно-планировочный организм и универсальное пространство жизнеобеспечения. Нет никакого сомнения в том, что миграционные потоки древнейших племен, надо полагать, выходцев из Передней Азии, носителей прадагестанской этнолингвистической общности, обосновавшись на территории Северо-Восточного Кавказа, продолжали возводить присущие им жилища-фаланстеры. Именно такой архитектурный морфотип древнейшего жилища стал неотъемлемой основой, исходным началом планировочно-пространственного формирования на естественном горном склоне террасовидного поселения, или, иначе, поселения каскадной морфологии. Столь оригинальное поселение формировалось снизу и вверх по наклонной поверхности горы, и росло по всему ее склону, при этом жилища-фаланстеры сопрягались между собой посредством, характерных для горных поселений, узких, но, в данном случае, крытых, улиц. Оно, при необходимости, четко выполняло и оборонительные функции, могло выдержать долговременную осаду, потому что для жизнеобеспечения имело все необходимое: запасы продуктов питания, источник родниковой воды, дрова и кизяк, и все прочее. Более того, враг не мог проникнуть на его территорию, ибо в лабиринте крытых улиц он сразу же становился легкой добычей для обитателей такого уникального поселения. Совершенно прав С.О. Хан-Магомедов, утверждая: «По-видимому, в условиях Дагестана больше внимания обращалось на организацию обороны в масштабах аула или тухумного квартала».

III. Горные жилища

3.1. Архитектура центрического жилища – квадратного или прямоугольного в плане с деревянным уступчато-пирамидальным перекрытием и светодымовым отверстием. Генезис и эволюция архитектурных морфотипов центрического жилища и причем, изначально в одном и том же универсальном по средоточию этноантропологических, этнолингвистических и этнокультурных фактов Кавказском ареале, но при длительной хронологической непрерывности, этноязыковой последовательности и неперемнной, устойчивой творческой преемственности в абсолютно различные культурно-исторические эпохи, является историко-художественным фактом первостепенной важности и всеобщей значимости.

Среда как лоно формирования эпохального историко-культурного и художественного явления. Палеоархитектурный мор-

фотип реликтового центрического жилища срединной зоны Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии является уникальным творческим достижением мастеров зодчества эпохи древности и ярким показателем неимоверно высокого уровня развития архитектурно-художественной мысли и строительно-технического опыта, творческого дарования. Древнейшему жилищу центрической композиции, с развитой вертикальной осью и четкой пространственно-тектонической структурой с пирамидально-уступчатой формой перекрытия и светодымовым отверстием в зените над открытым очагом, присуще органическое единство функции, конструкции и формы, предельная лаконичность и эстетическая выразительность интерьера, универсального по характеру организации и строго дифференцированного внутреннего пространства, имеющего огромное семантическое содержание и символическое значение.

Архитектурный морфотип центрического жилища лучше всего сохранился на территории исторической прародины индоевропейцев в Передней Азии, точнее – на территории Армянского и примыкающих к нему частей Иранского и Малоазийского нагорий, где еще в глубокой древности начался процесс филиации индоевропейского праязыка и иррадиации миграционных волн ранних индоевропейских племен, т.е. произошел распад греческо-армянско-арийской диалектной общности. Тогда же, в эпоху энеолита (VI – середине IV тыс. до н. э.), а возможно и гораздо раньше, вследствие подъема уровня пассионарного напряжения наиболее ранние миграционные волны начали свое движение именно с того места, где стыкуются и сходятся три Переднеазиатские нагорья: Армянское, Иранское и Малоазийское. Движение самой первой миграционной волны началось с обособления от индоевропейского праязыка и смещения на Запад древних индоевропейских языков – хеттского и родственных ему палайского, лувийского, ликийского, лидийского и независимого, друг от друга, их развития на территории Малой Азии в последующее время.

Ареал и эпоха: архитектурогенез в реальном контексте этногенеза. Архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища возник не сразу, а на протяжении длительного пути исторического развития постоянно совершенствовался, обретая кристально четкую тектоническую систему и ясную художественную форму. Возникший в глубочайшей древности, но не позднее IV тыс. до н. э., в определенной естественно-экологической и культурно-исторической среде обитания праиндоевропейцев, на конкретной территории индоевропей-

ской прародины, рудиментарный архитектурный морфотип центрического жилища непрерывно развивался и совершенствовался. Зародившийся в недрах праиндоевропейской этноязыковой общности архитектурный морфотип центрического жилища стал, по существу, древнейшей генеративной традицией и универсальной константой индоевропейской созидательной мысли, феноменом архитектурного творчества и эстетического выражения домостроительной идеи обитателей Балкано-Кавказо-Памирского горного пояса Евразии.

Удивляет весьма поразительное совпадение этногеографического и этноисторического ареала генезиса, направлений и ритма распространения и эволюции древнейшего центрического жилища с пирамидально-уступчатым перекрытием и отверстием в зените над открытым очагом с последней по времени всеобъемлющей теорией локализации прародины индоевропейцев в Передней Азии, в естественно-историческом ареале трех озер – Севан, Ван и Урмия, и направления движения миграционных волн ранних индоевропейских племен в исторические места их обитания на территории Евразии³.

Центрическое жилище: композиция, структура, образ, его семантика и символика. Четкость, предельная архитектоничность и необычайная цельность композиционного замысла обусловили гармонический строй и строгую соподчиненность иерархической структуры внутреннего пространства древнейшего центрического жилища и, что удивительно, при этом каждый из десяти планировочных элементов внутреннего пространства не теряет самостоятельности, художественной согласованности и композиционного единства. По структуре внутреннего пространства и характеру расстановки столбов в интерьере и, следовательно, по устройству перекрытия можно определить несколько разновидностей архитектурного морфотипа центрического жилища, составляющих две группы: первая, *с пристенными опорами* – двенадцатистолбный /2×4+4/, а вторая, *со свободно стоящими опорами* – двухстолбный /1+1/, далее, трехстолбный /2+1/, затем, четырехстолбный /2+2/ и, реже, восьмистолбный /2×4/ морфотип. Это – основные производные от единого, рудиментарного архитектурного морфотипа древнейшего центрического жилища. Конкретные цифровые обозначения в наклонных скобках указывают не столько на количество столбов, сколько на их позицию в плановой и пространственной структуре интерьера, являющуюся самой важной, весьма характерной особенностью композиции и архитектоники центрического жилища.

Этнос и жилище квадратно-центрической плановой композиции и пространственной структуры и формы. Также важно принять во внимание, что пирамидально-уступчатое куполообразного очертания перекрытие с верхним светом – это основной элемент центрического жилища, который получил дальнейшее преемственное развитие в самых первых монументальных центрально-купольных мемориальных и культовых сооружениях стран Кавказа и Византии, а позднее и других стран Восточной и Юго-Восточной Европы, Передней, Средней и Центральной Азии. Сравнительный анализ организации структуры внутреннего пространства, создания конструктивной системы и художественной формы центрического жилища и монументальных памятников центрально-купольной архитектуры показывает, что главное в многовековом опыте строительства жилища, усыпальницы и церкви, мавзолея и мечети – это идея купольности. Однако здесь не менее важно отметить, что в разработку идеи купола на квадрате, который является основной сущностью и главенствующим смыслом центрического жилища, в выработку архитектурной композиции и структуры, и художественного образа купольных сооружений, строящихся на протяжении тысячелетий почти во всех странах мира, наряду с мастерами архитектуры раннесредневековых стран Кавказа и иранские зодчие эпохи Сасанидов также внесли свой весомый творческий вклад. Вероятно, с удивительной историчностью и предельно закономерно зарождающаяся культура раннехристианского мира, а еще точнее, формирующаяся восточнохристианское зодчество вскоре воспользовалось раннекавказскими и древнеиранскими инвенциями, уходящими своими корнями вглубь тысячелетий, т.е. к древнейшей индоевропейской традиции центрического домостроительства.

Архитектуроведческой наукой почти установлено, что идея купола на квадрате получила творческое воплощение в Сасанидском Иране, где из первых объектов возведения купола на квадратном основании посредством тромпов или парусов считаются зороастрийские храмы Огня, возведенные в II/III – V веках.

Жилище как свидетель эпохи и надежный исторический источник. Древнейшее центрическое жилище как историко-архитектуроведческий источник способствует выявлению весьма разносторонних этнокультурных взаимосвязей и взаимовлияний в ареале обитания раннеземледельческих племен и создания раннеземледельческих культур Кавказа и Передней Азии, а также осознанию этнической идентификации этих племен и этнической принадлежности созданной ими культуры и, тем самым, стимулирует определение места

древнего и средневекового Кавказа в едином всемирно-историческом процессе Старого Света, начиная с эпохи неолита-энеолита и на протяжении последующих семи-восьми тысячелетий. Более того, важно иметь представление о том, что в изначально рудиментарном, но уже архитектурном организме, была заложена, неизменная в веках и тысячелетиях, творческая идея купола на квадрате. Именно эта, совершенно уникальная и новаторская творческая находка, несомненно, предопределила хронологическую непрерывность и невероятно высокую, недостижимую степень художественно-творческого совершенства и стала основой длительной социальной востребованности функционально-универсального центрального архитектурного морфотипа.

3.2. Архитектура центрального жилища – квадратной в плане высокой многоярусной жилой башни. Надо полагать, что башенное сооружение изначально появилось во всех горных странах мира в качестве укрепленного жилища, по контуру квадратного очертания плана и слегка наклонными во внутрь объема, к центральной оси внутреннего пространства вертикальными плоскостями четырех стен, соответствующих четырем странам света. Башенное жилище представляет собой квадратной конфигурации единую жилую ячейку универсального назначения. По композиции плана – это четкий квадрат или почти квадрат, реже слегка вытянутый прямоугольник. Внутренний абрис и наружный контур плана идентичны по конфигурации, но различны по размерам с разницей в толщину утоняющейся каменной стены. Плоскости каменных стен и линии граней отличаются четким геометризмом, все четыре стены в равной степени наклонены во внутрь и, как следствие этого, постепенно уменьшаются по вертикали, именно поэтому все четыре фасада и весь объем получают трапециевидный образ.

Арочного очертания лаз, как правило, устроен на уровне второго яруса башни, в стенах имеются узенькие оконные проемы, необходимые для освещения естественным светом и осмотра прилегающей территории.

Обычно жилая башня состояла из нескольких ярусов: в нулевом ярусе зимой содержался домашний скот, первый ярус всегда имел универсальное назначение – это была жилая ячейка старейшин семьи, в его центре находился домашний очаг, на нем пекли, варили и жарили, там же обедала вся семья. Во втором и третьем ярусах жили сыновья, в следующем ярусе неизменно обитали дочери, они имели возможность получать энергетику из Космоса.

3.3. Архитектура удлиненного жилища – одно- или двух-этажной сакли, т.е. бионически растущего фаланстера. Жилая ячейка универсального назначения стала изначальным ядром, основой зарождения плановой композиции и пространственной структуры горской сакли. Что представляет собой архитектура горской сакли? Этот морфотип жилища, присущий кавказским горцам, представляет собой основную квадратную ячейку универсального назначения, т.е. являющуюся комнатой старейшины дома и хранительницы домашнего очага, общей комнатой-залом и кухней-столовой для большой патриархальной семьи. В древности и средние века очаг располагался по центру универсально функционирующего пространства, а переместился к стене комнаты уже в новое время.

По мере роста и взросления детей, девушек выдавали замуж, а сыновей поочередно женили. Перед тем, как женить старшего сына, к основной и самой большой квадратной жилой ячейке пристраивали такой же формы ячейку, но чуть меньшего размера, на 1,5-2 метра она углублялась от линии фасада. Затем, с наступлением времени женитьбы второго, третьего и других сыновей, к новой ячейке старшего сына пристраивалась жилая ячейка второго, потом третьего и в такой последовательности образовывались ячейки остальных сыновей.

Вместе с тем, с целью рациональной коммуникации всех членов большой патриархальной семьи в любое время суток и во все времена года – в летнюю жару, весенние и осенние ливни и лютую снежную зиму, перед дверным и оконными проемами каждой жилой ячейкой, по всей ее ширине устраивались анты – портик на деревянных колоннах. По возрастании количества жилых ячеек, эти портики срастались и таким образом получалась длинная многоколонная галерея с покрытием. Эта галерея вела прямо к дверному проему, предусмотренному в боковой стене основной, самой большой и высокой жилой ячейки универсального назначения.

Если рост количества жилых ячеек прекращался из-за рельефа горной местности, тогда в идентичной последовательности над ними устраивался второй этаж, который сообщался с первым этажом посредством деревянной лестницы, устроенной в середине длины галереи.

В конечном итоге композиция плана сакли получала завершение, а по объему формировалась двухэтажная структура внутреннего пространства с многоколонной галереей в два яруса. Весь постепенно формирующийся новый объем не выходил за красную линию основной, первоначальной квадратной формы башенной ячейки. Весьма

отрадно то, что несмотря на формирование сакли во временной протяженности, она обрела единый и цельный органично связанный с ландшафтом архитектурно-художественный объем, представляла собой симбиоз двух начал: природного и рукотворного.

Более того, наряду с архаичным, замкнутым и укрепленным монопространством изначальной жилой ячейки универсального назначения, образовались новые и не менее замкнутые жилые ячейки, но что весьма удивительно, перед всеми жилыми ячейками образовалась многоколонная структура промежуточного пространства, объединяющего все замкнутые микропространства с открытой естественной средой, изумительным по красоте природным окружением.

По этой еще не известной в науке жизненной закономерности и с учетом бионических принципов вегетативного роста и развития, в глуши горных ущелий Большого Кавказа недипломированные горские племена и народности, оснащенные эмпирическими знаниями, обладающие чувством меры и такта, имеющие ясное представление о мироздании, создали одно- и двухэтажные сакли, а по сути этот морфотип жилища представляет собой фаланстер, созданный по законам архитектурной бионики.

IV. Хозяйственные постройки и производственные сооружения

В жизнеобеспечении и жизнедеятельности горских народностей Большого Кавказа важное значение имели хозяйственные постройки и производственные сооружения. В компактных горных поселениях горских народностей к жилищу, как правило, обычно примыкали хозяйственные постройки (амбары для хранения зерна, сараи для хранения сена, дров и другого назначения) и производственные сооружения (для ремесленной и промысловой деятельности, в частности, производства и хранения самогона, вина, сыра, копчения и сушения мяса и др.). Водяные, или иначе, проточные мельницы всегда сооружались в непосредственной близости горного и равнинного поселения, на самом подходящем месте стремительно текущей горной речки.

V. Сооружения святилищ

Вблизи горных поселений или по дороге к нему, а нередко и на его территории, на возвышенных местах обычно находятся каменные, реже, деревянные святилища. Эти святилища не имеют интерьера, а всего лишь рудиментарное внутреннее пространство для дарений, но, что характерно, наружный объем обычно бывает пирамидально-ступенчатой формы, напоминая собой ступенчатую микропирамиду. Святилищ такой классической архаической формы в горах Центрального Кавказа сохранилось крайне мало.

Иногда вместо искусственного сооружения, на этих намоленных предками местах находится груда камней или же растет священное дерево, а рядом журчит кристально-чистая и холодная родниковая вода. У всех святилищ путники всегда останавливаются и молятся с хлебом и солью.

VI. Склеповые сооружения

На территории горного поселения или вблизи него, как правило, находятся фамильно-родовые усыпальницы, т.е. склеповые сооружения весьма оригинальной архитектурной формы, не имеющие аналогов в мировой архитектуре. Нам удалось выявить этнокультурную закономерность: территория распространения склеповых сооружений полностью совпадает с ареалом кобано-тлийской культуры эпохи древности. Архитектурный морфотип склепового сооружения состоит из трех основных разновидностей: 1) подземный – это когда все уходящее вглубь внутреннее пространство устроено в массе земли и только фасадная часть с лазом выступает на склоне горы; 2) полуподземный – это когда значительная часть удлиненного внутреннего пространства, т.е. фасад с лазом, боковые стены и ложный свод, снаружи имеющий ступенчатое перекрытие, выложены из камня; 3) наземный – это каменные, почти квадратной композиции, сооружение с вертикальной пространственной структурой, перекрытой внутри ложным сводом, имеющим снаружи пирамидально-ступенчатую форму.

По настоящее время в науке нет исследования, объясняющее, почему трупы усопших людей не разлагаются в склеповых сооружениях, а подвергаются естественной мумификации без какого-либо вмешательства живых людей.

VII. Оборонительные сооружения

7.1. Башенные сооружения: сигнальные и оборонительные. Характер рельефа местности, естественная среда, образ жизни и стиль мышления горских народностей Большого Кавказа – все в совокупности стали побудительной основой строительства высоких башенных сооружений, крайне необходимых в целях обороны населения. Как правило, сигнальные башни возводились на самых высоких и стратегически выгодных местах, хорошо просматриваемых с верхнего яруса башен. Сигнальные башни предназначены для сторожевой функции, каждый дозорный наблюдал за отдельной частью горного ущелья, а все они вместе контролировали ущелье от его начала и до самого Главного Кавказского хребта. В случае появления вражеских полчищ, то дозорные моментально подавали огненный сигнал, который за несколько минут достигал всей глубины горного ущелья.

Оборонительные башни возводились на территории каждого горного поселения и вокруг него и, в случае его осады, вооруженные стрелами горские рыцари отважно сопротивлялись и уничтожали вторгшихся в ущелье врагов. В нижних ярусах жилых и оборонительных башен обычно прятались жители конкретного горного поселения со своими детьми и провиантом. Боеспособные парни и мужчины всячески обороняли свое поселение, ибо оно нередко являлось их родовым гнездом.

7.2. Замки и крепости в горах Большого Кавказа. Неповторимые, поистине уникальные по архитектуре и строительной технике замки и крепости чудом сохранились в горах Большого Кавказа. Обычно они возводились на труднодоступных и совершенно неприступных местах горных отрогов и вершин и, тем самым, составляли с природной субструкцией единое целое, органический симбиоз естественных скал и рукотворных созданий. Вольные феодальные общества Большого Кавказа создали настоящие шедевры наскальной архитектуры – замки и крепости первостепенной социальной важности и высокой фортификационной значимости.

7.3. Заградительные стены. Всегда заинтересованный в странах и народах Кавказа высококультурный Древний Иран, уверенно господствовавший на обширной территории Передней Азии, в целях сохранения своих земель, на их окраинах обычно возводил мощные каменные стены, защищавшие от проникновения воинственных племен с Юго-Восточной Европы. До настоящего времени сохранились остатки каменных стен, некогда перекрывающих горные ущелья северных склонов Большого Кавказа. Эти стены имели ритмично расположенные башни с бойницами и укрепленные ворота, которые бдительно охранялись стражей.

VIII. Концепция воссоздания исторической объективности в фамильно-родовой принадлежности древних поселений Большого Кавказа

На протяжении веков и тысячелетий длился процесс кристаллизации канонического морфотипа, эстетической выразительности облика жилища и поселения горских народностей Большого Кавказа. Именно в горных поселениях воплощены особенности художественного мышления конкретного этноса, его эстетические представления о мифологических воззрениях и строении мироздания. В планировочной структуре и пространственной композиции каждого горного поселения, в семантике эстетического облика и символике художественного образа отображено мировоззрение конкретных племен и

народностей Большого Кавказа, архаичность его представлений о жилище для живых и усопших, о характере материальной организации сакрального пространства, т.е. фамильно-родовое представление Кавказских горских народностей о строении мироздания и, в частности, о непрерывности двустороннего интенсивного движения энергетических потоков между Землей и Космосом.

8.1. Волны миграции автохтонного населения с гор на равнинные территории и значительное оседание их в столичных и крупных городах. Архитектурное наследие средневековых горных стран и народов Большого Кавказа представляет собой весьма самобытное историко-художественное явление не только всего кавказского региона в целом, но, и в ареале Балкано-Кавказо-Памирского горного пояса Евразии, составляет самобытную локальную ветвь. Да, смело можно констатировать, что Большой Кавказ является, и это очевидно, мощным и, причем, многовекторным формообразующим эпицентром генерирования неизменно оригинальных архитектурных морфотипов поселений и жилища, святилища, склепа и башни, оборонительных и инженерных сооружений, и формирования этнолокальной специфики их планировки и застройки, композиции, структуры и образа глубоко самобытной художественной стилистики. В горных поселениях и отдельных сооружениях воплощены издревле продолжающиеся строительные традиции и оборонительные функции, присущие горским народностям эстетические нормы и художественные каноны.

Как свидетельствует реальная жизнь в полиэтничных горных изолятах Большого Кавказа и Западного Памира, высокий уровень традиционной архитектуры стабильно развивался до того момента, пока этнокультурный регион не оказывался в единой системе инфраструктуры с предгорной и равнинной территорией. Изолированность, замкнутость, закрытость являлась абсолютно неповторимой биосферой, естественно-историческим условием имманентного развития народного зодчества, художественного творчества, этнической культуры, хозяйства и быта, в частности архитектуры горных поселений и отдельных сооружений. Вопреки этому, открытость и налаженные коммуникации с внешним миром, стремительно отразились на качестве и характере архитектуры горных народов и стран. Новые веяния резко меняли, казалось бы, неизменные, уже устоявшиеся строительные традиции, и вследствие этого исчезала культурная самобытность горских племен и народностей древнего и средневекового Большого Кавказа.

8.2. Семейно-родовая принадлежность древних поселений Большого Кавказа как константа в аспекте воссоздания и сохранения исторической объективности минувших эпох. Как известно, горные поселения народов и стран Большого Кавказа успешно функционируют на протяжении многих веков и даже тысячелетий. Каждое из них было основано первой жилой ячейкой большой патриархальной семьи, старейшиной рода и фамилии, можно сказать родоначальником. Но по истечении веков и, возможно, тысячелетий, эти семьи размножились и разрастались, сыновья женились, а дочери выходили замуж, поэтому некоторые более архаичные горные поселения превратились в огромные по территории и численности населения этноцентры, ставшие в минувшем веке центрами конкретных районов национальных республик Северного Кавказа и центрами локальных этнокультурных территорий на южном склоне Большого Кавказа.

По такому естественно-историческому пути развивались горные поселения, которые фактически превратились в сельские патронимии или, иначе, самостоятельные тухумы, со своими этнокультурными традициями, соседскими отношениями и социальным укладом. Более того, в каждом горном поселении изначально развивавшийся род за века и тысячелетия превратился в огромное многоствольное и достаточно ветвистое родовое древо, являющееся семантическим отображением невероятной мощи и могущественности сельской патронимии (или тухума) и символическим выражением зримой телесности конкретного родового древа.

Иными словами, за длительный период времени патронимия обрела организованную по законам гор и седовласых горских рыцарей уникальную материально-пространственную среду обитания, наиболее рациональную для жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Необходимо иметь достаточно ясное представление о том, что культурно-психологическая система мироощущения, мировосприятия и миропредставления, как стержневая «...основа национального своеобразия культуры», непрерывно возобновляется при динамичном пребывании конкретной этнической общности в материнском лоне природы, т.е. в свойственных ей естественных условиях, материальных структурах и географических параметрах.

Особая биосфера горных народов и стран Большого Кавказа и неповторимый психический склад горских народностей, феноменальность их антропологического сходства и этноязыковой общности – эти древнейшие первоначала являются исходной и движущей силой динамичного развития всей этносферы, которая создает и оставляет в

наследство материально-художественные и духовные ценности высокого порядка и подлинного человеческого достоинства, как рукотворную и органическую культурно-экологическую реальность, такую структурно организованную по законам композиции и архитектоники гармоничную и биологически необходимую среду, «...в которой человечество существует, которая противостоит природе и связывает человека с природой, среду, которую человечество создает, чтобы жить, и оставлять потомкам в наследство, как улитка раковину – иногда жемчужную» [3].

IX. Традиционное архитектурное наследие горцев Большого Кавказа как источник фундаментального гуманитарного знания и показатель духовной безопасности горских народов

IX. Методология постижения этнокультурного развития горских народностей – обитателей биосферы Большого Кавказа как источник фундаментального гуманитарного знания

Важно отметить, что тема научного исследования представляет громадный интерес, как для географа, этнолога, историка, так и для архитектуроведа, искусствоведа и культуролога. Как ни удивительно, столь актуальная исследовательская тема обратила наше внимание на то, что в горных регионах проживали воинственные племена, успешно существовали историко-культурные области и страны, и поныне живут и создают смелые и отважные народности, в частности, в административно-территориальных субъектах южной горной зоны Северо-Кавказского федерального округа Юга России.

Ведь ознаменованную научной целью, высочайшей национальной, социальной, политической и государственной значимостью судьбоносную тему исследования мы рассматриваем с гуманистических теоретических основ и веских методологических позиций человековедения. Почему? Потому что само понятие «Большой Кавказ» вполне возможно истолковать в аспекте ландшафтоведения и климатологии, дикой флоры и фауны, т.е. физической географии, ботаники и зоологии. Нас же основательно интересуют проблемы и причины стремительных темпов иссякания людского ресурса в горных поселениях Большого Кавказа и других горных стран, являющихся прародительной фамильно-родовых больших патриархальных общин, исторически постепенно сформировавшихся в сельские общины, патронимии, а ныне постепенно превращающихся в развалины и руины.

9.1. Биосфера горных стран как изначальное материнское лоно и ведущая стратегия этнокультурного развития горских народностей. Надо полагать, что процесс закономерного формирова-

ния и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных аулов происходил с глубокой древности и уже тогда существовали отдельные квартальные площадки и общесельские площади, предназначенные для «мужских союзов», т.е. заседания Народного Совета старейшин. Так что, порожденные древними законами суровых гор функционально столь необходимые Дома мужских союзов, появились в горных аулах Большого Кавказа и других горных стран Евразии еще в глубочайшей древности. Именно главные, т.е. общесельские площади горных поселений имели основополагающее значение в формировании планировочной структуры и пространственной композиции домостроительства и поселения, как единого архитектурного организма террасовидной морфологии и эстетически четкого, предельно выразительного образа.

При рассмотрении, интерпретации, датировке и атрибуции архаичного архитектурного морфотипа поселения горских народностей Большого Кавказа, также важно учитывать и проблему автохтонности конкретного архитектурно-планировочного явления как стадийного реликта и степень его национального своеобразия. Ведь при рассмотрении конкретного культурно-исторического факта, важно осмыслить как на сравнительно небольшой территории сформировались и сохранились до настоящего времени языки и самобытная культура малочисленных горских народностей Большого Кавказа. Нельзя не согласиться с концепциями некоторых кавказоведов – историков, этнологов, лингвистов о том, что «...эндогамия помогла патриархальной семейной общине сохранять свои материальные и людские ресурсы. И, кроме того, она придавала устойчивость языку и местной культуре, препятствуя ассимиляции».

Отсюда следует, что ученые-кавказоведы также придают ведущее значение естественной изолированности от внешнего мира и эволюции общества в пределах тухума (или патронимии). Хотя эта концепция давно известна в географической, биологической и гуманитарной науке о горных странах, где развитие жизни и формирование культуры происходило по своим совершенно уникальным особенностям. В многоэтничной среде биосферы Большого Кавказа материально-художественная и духовная культура зарождалась и формировалась по особым, свойственным только горным народам и странам, естественно-историческим закономерностям.

На данном этапе современной жизни стратегически важно если не приостановить, то хотя бы замедлить движение миграционных по-

токов коренных народностей Большого Кавказа с гор на равнину, чтобы сохранить этнокультурную особенность горных поселений Большого Кавказа и других горных стран Балкано-Кавказо-Памирского горного пояса Евразии.

Ныне уже настал тот шаткий момент, когда древние горские народности Большого Кавказа окончательно лишатся своих родовых корней и истоков выдающейся культурной самобытности, художественного и духовного своеобразия, неповторимого и архаического языкового родства. Родимая Мать-Земля не прощает заброшенности и неуважительного отношения к родовым горным поселениям, за проявление скепсиса роковая судьба сильно наказывает потомков тлеющих очагов родовых жилищ, возведенных мудрыми и дальновидными предками.

9.2. Архитектурное наследие горских народностей Большого Кавказа как источник фундаментального гуманитарного знания. До конца XIX – начала XX века исследованием памятников архитектуры и строительной техники занимались, преимущественно, археологи и, отчасти, историки, географы и этнологи. Архитектурное наследие ими рассматривалась как материальная ценность, но отнюдь не как ясный, архитектурный и созданный по композиционным принципам художественный организм. Наряду с историками искусства, постепенно и из среды зодчих выделялись отдельные личности, которые начали уделять планомерное внимание натурному обследованию и камеральному исследованию памятников архитектуры эпохи древности и средних веков.

Ко второй трети и середине из комплексной науки истории искусства стало выделяться в самостоятельную отрасль гуманитарной науки особое научное знание «Архитектуроведение»! Вместе с тем, одновременно формировались вспомогательные и дополнительные знания: история архитектуры, история градостроительства, теория архитектуры, теория градостроительства, введение в архитектуроведение, архитектуроведческая методология, архитектуроведческое источниковедение, архитектуроведческая историография, библиография архитектуроведческая, персонология архитектуроведов и другие направления.

К концу второй трети XX века отечественное и зарубежное архитектуроведение превратилось в самостоятельную фундаментальную науку, а теория и концепция проектирования зданий и сооружений предстала как прикладное архитектуроведение. Важно отметить, что с интенсивным развитием фундаментального архитектуроведения

в СССР стремительно исследовалось архитектурное и градостроительное наследие отдельных народов, конкретных стран и целых историко-культурных регионов мира.

Начиная с 1920-х и, особенно, с 1930-х годов, с основанием Академии архитектуры СССР в конце 1933 года, в орбите научного осмысления оказывалось и архитектура народов Большого Кавказа эпохи древности, средних веков и нового времени. Со временем постепенно нарастал научный интерес к архитектурному и градостроительному наследию стран и народов мира, а начиная с 1944 года в свет стали выходить на русском языке монографические и обобщающие труды по истории архитектуры, по истории градостроительства, атласы и своды, каталоги и увражи об отдельных памятниках и целых ансамблях.

Обретая прочные знания в области консервации и реставрации отдельных объектов архитектурной старины, реконструкции и регенерации древних планировочных структур, двигаясь в унисон развития строительной техники и прогресса в организации строительства и технологии производства строительных работ, мы не в состоянии или же не желаем сохранить наши родовые горные поселения. Вместо того чтобы приступить к реанимации горных поселений и воссозданию их первоначального образа, к налаживанию соответствующей инфраструктуры в горных странах, почему-то горские народности без оглядки покидают родные очаги и, тем самым, предают хуле и забвению своих достойных предков и их творения. Разумеется, в сложившейся ситуации повинны не только бывшие обитатели горных поселений, но, так же, в не меньшей степени и руководители горных стран Большого Кавказа.

9.3. Архитектурное наследие горских народностей Большого Кавказа как показатель духовной безопасности стран и народов. С незапамятных времен горские племена Большого Кавказа обретали свое природное лоно и свою окружающую естественно-географическую среду и этнокультурную реальность. Исторически формируясь в особых суровых условиях горские племена постепенно адаптировались и на протяжении веков и тысячелетий непрерывно генерировали. Проживая в естественных горных изолятах и под звездным небосводом, у, казалось бы, примитивно мыслящих горцев сформировались свои представления о мире и Вселенной, свои изначальные верования, которые ныне именуются традиционной религией.

Этнические особенности образа жизни и хозяйственной деятельности, этнокультурное развитие в меняющейся только по временам года изумительной географической среде и суровой экологической обстановке, разумеется, накладывало свой отпечаток на характер и стиль мышления горских племен и народностей Большого Кавказа. С первобытных времен горские племена останавливались, поклонялись и воздавали дань внимания и имманентного отношения своим святилищам. Они верили и поныне веруют своим идолам и почитают традиционную религию в надежде сохранения личной жизни и благоговения детей.

Горские племена и народности Большого Кавказа воспринимают природные резерваты не только как лоно их благополучного развития и не только как благословенную рекреационную среду обитания, но и почитают свои поселения и жилища как родные святыни, в которых на протяжении тысячелетий ярким пламенем горел родовой очаг – святыня жилища большой патриархальной семьи, фамилии и рода! Высокая духовность горских обществ становилась гарантом благополучия и безопасности семьи, тейпа, квартальной общины, тухума и всей сельской патронимии.

Ныне все горские народности Северного Кавказа, кроме подавляющего большинства осетин, несмотря на принятую ими в новое время исламскую религию, все же имманентно следуют верованиям своих мудрых предков, ибо они и сама духовность появились в горах Большого Кавказа, где дух места и дух времени оберегал их жизнь и деятельность, продлевали старческие дни и сопутствовали рождению новых генераций той или иной народности Большого Кавказа.

Резюме. Духовная безопасность населения конкретного горного резервата и на всей сложной территории Большого Кавказа – это такое свойство природы, когда человек не в силах оторваться от родимых мест, от той географической среды и тех исторических событий, очевидцем и свидетелем которых он являлся. Ныне необходимо оживить чувства быть истинным горцем и горянкой, живущих в горах в своем родовом жилище и поселении. Для пробуждения первостепенных нравственных основ крайне важно определиться со своими корнями, чтобы иметь возможность вернуться к изначальным жизненным истокам.

1. Для повышения духовной безопасности незыблемой константой должно быть право на приобретение участка земли в конкретном горном поселении национального административно-территориального субъекта Большого Кавказа под строительство жи-

лица или его аренда для (под) земледелия, садоводства и скотоводства, должны иметь только нынешние представители фамилльно-родовых общин из этого же исторического поселения.

Почему? Потому что ныне происходящие странности, когда лучшие участки и плодородные земли, некогда принадлежащие древнему поселению, всей сельской общине, безапелляционно продаются выходцам из других поселений и даже ущелий или отдаются им в аренду. Однозначно, что все это будет становиться яблоком раздора и приведет к братоубийственным войнам. Поныне практикуемую на всех уровнях районной и республиканской власти крайне недальновидную практику распродажи ранее обжитых культурно-исторических участков и плодородных земель, прилегающих к горным поселениям и относящиеся к разряду этноисторических территорий, категорически следует искоренить и запретить.

2. Весьма важно теоретически четко сформулировать требования и подготовить задание на Общекавказский научно-творческий конкурс по выработке государственных методических и научных рекомендаций для современных проектировщиков: архитекторов, градостроителей, инженеров, конструкторов и технологов строительства, дизайнеров по интерьеру жилища и благоустройству дворигов, выполняющих проекты горного жилища, ныне столь необходимых частным застройщикам.

3. На государственном законодательном уровне категорически запретить ввозить в горы Большого Кавказа современный строительный материал: кирпич, бетонные фундаментные и стеновые блоки, иной синтетически стеновой материал для воссоздания облика прежних и строительства новых жилищ. Напротив, следует использовать камни из древних развалин и руин для воссоздания этих же сооружений различного функционального назначения с целью сохранения уникального образа и колорита древних горных поселений и нового их благоустройства.

Но для этого, прежде всего, нужно провести тщательное натурное обследование всего комплекса разрушений древнего горного поселения, выполнить обмерные чертежи и провести грамотную фотофиксацию, изучив весь этот материал подготовить проект реконструкции планировочной структуры, воссоздания объемов строений и пространственной композиции горного поселения.

4. Составить государственную программу по удовлетворению этнической потребности и социального заказа на жилище и поселение отдельных горских народностей Большого Кавказа. И, одновременно,

подготовить, оформить и выставить теоретическое задание на архитектурно-планировочный творческий конкурс на морфотипы жилища в горах, с учетом особенностей национального образа жизни и хозяйственной деятельности, ландшафтно-климатических условий, планировочных, конструктивных и художественных традиций всех горских народностей, поныне обитающих в каждой республике Северного Кавказа.

5. Разработать и основательно изучить все экскурсионные маршруты, подготовить и издать компактного формата красочные путеводители с цветными иллюстрациями и детальными картосхемами. И только после этого приступить к выделению определенных участков горных территорий и по каждому участку подготовить отдельное задание на Всероссийский архитектурно-художественный творческий конкурс с целью выполнения государственной программы по созданию современных высоко комфортных архитектурно-планировочных комплексов и ансамблей, предназначенных для развития туризма различной временной продолжительности пребывания в горах Большого Кавказа.

6. Приступить к составлению всеобъемлющего Свода памятников культурного и природного наследия каждого горного ущелья и горной части республики в целом. Такие Своды имеют не только научное значение, они способствуют познанию культурного наследия минувших времен и ушедших поколений, осмыслению природного достояния родного поселения, ущелья и горной страны, пробуждают любовь к Родине. Память мыслящего человека сохраняет материальные, художественные и духовные ценности горских племен и народностей, неизгладимый образ уникальной среды его обитания и жизнедеятельности.

7. При Правительстве Чеченской Республики и всех остальных республик Северного Кавказа крайне важно создать Отделения по реанимации и воссозданию горных поселений, но с соответствующими научно-творческими и методическими секторами, несущими ответственность по координации и планомерной регенерации горных поселений и ежегодно представляющий Председателем Правительства Национальный доклад Главе конкретной республики Северо-Кавказского федерального округа Юга России. После основательного обсуждения доклада с представителями национальной элиты, а также его экспертизы, Глава каждой из семи горных республик Северного Кавказа готовит соответствующий Указ. Более того, Глава конкретного субъекта Северного Кавказа представляет вниманию Президента

России обстоятельный Государственный доклад о проделанной многогранной работе, что крайне важно с целью получения финансирования по особой статье.

Итак, надо полагать, что только при строгом учете реальных условий и явных фактов, и тщательном выполнении каждым специалистом своих служебных обязанностей в иерархически возрастающей последовательности, при неуклонном соблюдении гражданской и профессиональной ответственности, появится возможность вернуть горные жилища и поселения не кому попало по клану или денежному состоянию, а только новым поколениям больших патриархальных семей, представителям сельской общины и патронимии. Должно же настанет такое время, что мы сами будем всячески стремиться вернуться к все еще тлеющим очагам наших мудрых предков, в жилые ячейки родимого лоно морфопластики древних горных поселений своей Отчизны!

Примечания:

1. Я не совсем согласен с куцым, каким-то урезанным и обезличенным названием темы научного форума «Гуманитарное знание и духовная безопасность», ибо в горных регионах проживали воинственные племена, одаренные мастера зодчества, успешно существовали страны, и поныне живут отважные народности, в частности, в административно-территориальных субъектах горной зоны Северо-Кавказского федерального округа Юга России.

2. В своей научной концепции мы опирались на научные идеи, мысли и труды, выдвинутые такими представителями отечественного архитектуроведения, как Н.Б. Бакланов, Э.Б. Берштейн, И.А. Мамиев, Г.Я. Мовчан, Н.Ф. Пащенко, С.О. Хан-Магомедов, А.Ф. Гольдштейн, В.Б. Бесолов и другие, а также искусствоведения, как А.С. Башкиров, А.Я. Кузнецова и другие. Но только с С.О. Хан-Магомедовым принципиально не согласны в его определении ведущей роли именно квартальных и главной в ауле мечетей с минаретами в зарождении тухумного принципа планировки и застройки аула. Выражаясь иными словами, автор этих строк отнюдь не приемлет в качестве постулата предположение С.О. Хан-Магомедова о конфессиональном обосновании процесса поквартального образования крупных материально-организованных жилых структур дагестанского аула.

Надо полагать, что процесс закономерного формирования и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и про-

странственной композиции горных аулов происходил с глубокой древности и уже тогда существовали отдельные квартальные площадки и общесельские площади, предназначенные для «мужских союзов», т.е. заседания Народного Совета старейшин. Так что, функционально столь необходимые порождения исламской религии, каковой являются мечеть и минарет, появились в горных аулах Дагестана гораздо позже и не имели основополагающего значения в формировании планировочной структуры и пространственной композиции домостроительства как единого органического организма террасовидной морфологии и эстетически выразительного образа и стиля.

3. См. посмертно изданную книгу известного советского мастера и теоретика архитектуры: Буров А.К. Об архитектуре. – М.: Госстройиздат, 1960. – С. 52.

СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ

М.М. Бишенова, А.Б. Ширитов
Россия, г. Пятигорск

*Северо - Кавказский институт ФГБОУ
ВПО Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
E-mail: mbishenova@gmail.com, ashiritov@mail.ru*

Аннотация: в статье исследуются проблемы соотношения науки и религии, научного и религиозного мировоззрения, веры и знания.

Ключевые слова: наука, религия, научное мировоззрение, религиозное сознание.

Изложение взаимоотношений науки и религии необходимо начать с определений понятий «наука» и «религия». Исследование науки и религии проводится как в общефилософском контексте, так и в контексте специальных дисциплин (социологии, экономики, истории и других). В результате сформировались два направления: науковедение и религиоведение.

Многозначность этих понятий определяет комплекс проблем при их раскрытии, например, наука изучается как система знаний, социальный институт и культурно-исторический феномен. В свою очередь при изучении религии исследуются религиозные убеждения и

верования, религиозные тексты, религиозные конфессии и другие её проявления.

При анализе взаимоотношений науки и религии акцент был сделан на проблеме совместимости религиозных представлений и научного познания.

Говоря о становлении европейской науки проходило под влиянием христианского мировоззрения, была проникнута верой в человека как подобия божья понимать замысел Творца. Например, В. Гейзенберг, писал, что основой доверия к математическим структурам, которое было присуще И. Кеплеру, Г. Галилею и другим деятелям научной революции, была *религиозной*; для них математическая физика являлась непосредственным отражением божественных творящих идей. «Эти математические законы выступали зримым выражением божественной воли, как мы читаем у Кеплера, и Кеплер загорался воодушевлением по поводу того, что он первый увидел через них красоту божественного творения. С отходом от религии новое мышление явно не имело поэтому ничего общего. Даже если новое знание и противоречило в некоторых аспектах церковной доктрине, это мало что значило перед лицом столь непосредственного переживания божественного действия в природе» [2, с. 329].

Однако накопление научных знаний и необходимость в формировании научных теорий на основе этих знаний приводит к изменению сознания ученых. Если первоначально у ученых мировоззрение было религиозным, то практика, опыты, которые они проводили приводят к необходимости разработки методов и методологии для их обобщения и здесь религия не может быть основой разрабатываемых ими научных теорий. В связи с чем и происходит изменение их сознания и формируется атеистическое мировоззрение. Основания науки становятся религиозно индифферентными. Однако то, что наука не является неким однородным образованием говорит о разнообразии мировоззренческих представлений и мы не можем отрицать существование религиозного сознания у когорты ученых. Ученые не могут получить новые знания, если бы у них не было расхождения во взглядах по теоретико-методологическим вопросам и результаты поиска не подвергались совершенно различным интерпретациям. В результате мы можем утверждать, что наука не может «рассуждать о мире в целом. Контекст оснований науки весьма диффузен; он допускает самый широкий круг различных представлений, в т.ч. и представлений религиозного характера» [7].

В современном научном мире отношение к религии не однозначно. Отмечается, что отношение к религии зависит от того, зани-

маются ли ученые созерцательными разделами науки или практической наукой.

Наука в первую очередь отличается от религии тем, что формирует знания рациональными методами, безличностно и объективно, а религия использует механизмы эмоциональных переживаний.

Научное познание мира – это познание взаимоотношения его частей и элементов и не может охватить мир как целое и определить его соотношение с Абсолютом. Религиозное познание мира – это познание Бога как к сверхъестественному началу, высшей силе, определение обязательств мира и человека к Богу. Наука определяет истинность знания внешними доказательствами, вера же определяется своей внутренней силой. Знать возможно лишь о том, что доступно чувствам, а «Вера является залогом того, на что мы надеемся, – доказательство вещей невидимых» (Евр. 11, 1). Иначе говоря, наука базируется на внешнем, чувственном опыте, вера же – на внутреннем, духовном [6].

Также нужно отметить, что для ученых интересны религиозные темы и в результате участия в дискурсе формулируют различные гипотезы и идеи.

Например, оживленные дискуссии в свое время вызвал так называемый *антропный принцип* (Дж. Барроу, Ф. Типлера в «Антропном космологическом принципе» (1986).

В основе антропного принципа положена идея единства Вселенной и человека. Особенность этого принципа заключается в том, что – эта идея разрабатывалась во многих религиозных и философских учениях. В данном контексте этот принцип нас интересует как попытка возродить телеологию и антропоцентризм, данная интерпретация антропного принципа впервые появилась в исследованиях Уоллеса, из его трудов можно вынести важнейший момент и основную идею о том, что человек – это венец органической сознательной жизни и не мог развиваться просто так, по случайности. Уоллес писал о том, что огромное количество Вселенных вполне может существовать в бесконечном пространстве [1].

Однако антропный принцип с точки зрения науки можно интерпретировать – как доказательство потенциала самоорганизации природы, наличия в ней эффективных механизмов саморегуляции. Таким образом личная позиция ученого определяет трактовку того или иного явления.

Работы физиков Ф. Капры «Дао физики» (1975), Д. Бома «Целостность и внутренний порядок» (1980), Э. Вигнера, Дж. Уиллера, А. Янга и др. показывает возросший интерес ученых к религиозной те-

матике. Во многих работах критикуются установки традиционной науки с целью наметить новые идеи познания мира. Например, развитие квантовой механики было обусловлено появлением множества явлений, которые упорядочить с помощью старых понятий невозможно и тогда возникла необходимость введения новых понятий для преодоления границ замкнутой теории. «Понятие «замкнутая научная теория» возникло впервые в такой форме в квантовой механике. В современной физике мы знаем, по сути дела, четыре крупные дисциплины, которые можем в таком смысле назвать замкнутыми теориями: помимо ньютоновской механики, это теория Максвелла вместе со специальной теорией относительности, затем учение о теплоте – со статистической механикой, наконец, (нерелятивистская) квантовая механика вместе с атомной физикой и химией» [2].

В результате, с появлением новых понятий преодолеваются границы предыдущей замкнутой теории и появляется возможность проведения новых исследований, формирования нового, более сложного мышления о мире.

В современном мире многие ученые и философы говорят о мировоззренческой незавершенности науки и для научного познания существует потребность в религиозной идее.

Однако несмотря на то, что такая точка зрения является сегодня наиболее популярной интерпретацией соотношения науки и религии в данной статье автор придерживается взгляда о несовместимости научного познания и религиозной веры.

Также нужно отметить, что ученые признающие существование неких высших сил, неких разумных начал природы и т.п., в полной мере не принимают христианскую веру. Обрядовая, духовно-практическая, богословская стороны христианского вероучения учеными не выполняются, считая их пережитками.

Отношение между религией и наукой можно, как мы уже видели, кратко сформулировать таким образом: в то время как почти три четверти двухтысячелетней истории все философско-научные усилия вращались в рамках церкви, естественнонаучное исследование едва ли могло появиться. Все изменилось за последнюю четверть: постепенно возникла современная форма науки. Благодаря тенденции к независимому мышлению наука с самого начала находилась в противоречии с интересами церкви, и это противоречие перерастало подчас в жестокий спор. Церковь боролась с новейшими достижениями науки и предавала их проклятиям; наука же, в свою очередь, склонялась к тому, чтобы провозглашать учения церкви отсталыми и несовместимыми с прогрессом [3, с. 160].

Однако в этом противостоянии науки и церкви можно выделить такие исключения как ученые в Великобритании, которые проводят серьезные исследования, соединяя в них естественную науку с религией, например, это такие светила науки, как ученый в области квантовой физики, лауреат Нобелевской премии сэр Невил Мотт, биохимик Артур Пикок, математик Джон Падефут или ученый из области математической физики Джон Полкингхорн. В немецкоязычном пространстве также встречаются исключения, например, физик и философ Карл Фридрих фон Вайцеккер или астрофизик Арнольд Бенц. Можно назвать еще немало имен, но в широком потоке наук, особенно в области естественных наук, такие ученые являются исключениями, которые только подтверждают данную общую концепцию [3, с. 166].

В заключении сопоставим два понятия веру и разум. Теологи определяют веру в Бога духовной и молитвенной жизнью, и вера в Бога «есть откровение Бога в нас. Сам Бог открывается нам, и оттого непререкаемо и невыразимо словами живое ощущение Его присутствия. ... Бог открывается душе лишь через молитвенную и духовную жизнь. «Блаженни чистие сердцем, сказал Господь, ибо они узрят Бога». Чтобы чувствовать Бога, нужно чистое сердце, свободное от пороков, мелких и больших страстей, любящее чистоту и правду. Но не менее нужно, чтобы ум не мешал движению сердца, т. е. чтобы в нем не было тех или иных неверных идей, учений» [5].

Религиозная вера не требует внешних доказательств существования Бога, очевидность его существования определяется как непреложная истина, которая передается другим людям. Протоирей В. Зеньковский считает, что вера живет внутри души – благодаря вере в Бога, душа по-новому освещает нам и весь мир, человека в мире, – тут именно и совершается то «обновление ума» во Христе, о котором говорил Ап. Павел (Римл. 12,2).

Таким образом вера в Бога основана на свободном выборе человека, требует его ответственного участия и имеет для человека жизненное значение, не требует внешних доказательств.

По мнению В.И. Несмелова вера тоже есть особого рода *знание*, но такое, предмет которого невозможно подвергнуть непосредственному эмпирическому изучению. В.И. Несмелов показывает, что вера и знание совместимы в логическом плане, т.к. они не вызывают противоречия в принципах научного мышления. Противоречие религиозной вере составляет лишь атеистическая метафизика, усвоенная учеными. В унисон данному мнению о соотношении веры и знания пишет В.В. Зеньковский. На его взгляд «путь христианской рецепции

и добывания знаний в свете обновленного ума труден. Он был подмечен на Западе простым разграничением знания и веры. В этом случае религиозное сознание не преодолевает ограниченность человеческого естественного разума, а лишь склоняется перед ней. Далее он говорит поиск истины не есть только дело одного разума, а есть «обращенность всего духовного нашего состава к познанию подлинной реальности». Познание должно быть не гипертрофировано, но органично связано со всей полнотой духовной жизни. «Эта зависимость работы от общей духовной жизни и есть одно из основных положений христианского учения о познании» [5].

За время своего исторического развития наука определила границы своих исследований и не приемлет никакие религиозные идеи, сближения с религией. Научный процесс осуществляется без влияния церкви и говорить о сближении науки и религии не приходится. В особенности данный тезис характерен для естественных наук: математики, инженерии, естествознания и т.д. В подтверждении сказанного можно привести как пример данные приведенные астрофизиком Арнольдом Бенцем, в докладе «Вера и наука». Он поинтересовался в интернете разделом «Астрономическая система данных», чтобы узнать, насколько часто встречается понятие «Бог» в 590 000 специальных статей. Результат этого просмотра крайне интересен. Данное понятие было упомянуто 27 раз, но в результате специальной проверки данных выяснилось, что 26 раз слово «Бог» было применено в аллегорическом или историческом смысле; а тот единственный раз, где речь действительно шла о Боге, автор статьи не являлся астрофизиком, он был теологом и его статья появилась в сообщениях о конференции, организованной в рамках Ватикана [3].

Таким образом, можно констатировать, что ученым для обоснования своих теоретических выкладок нет необходимости применять понятий «Бог».

Список литературы:

1. Антропный принцип Вселенной. Антропный принцип в философии. URL: https://www.syl.ru/article/166497/new_antropnyiy-printsip-vselennoy-antropnyiy-printsip-v-filosofiiht
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. - М., 1987. – 273 с.
3. Зеннхаузер В. Наука и религия // Вестник РХГА. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-religiya>: 14
4. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации: Учебное пособие для вузов. М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 428 с.

5. Протоиерей Василий Зеньковский. Вера и знание. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/vera-i-znanie/#0_5

6. Религия и наука. Характеристика соотношения. URL: <http://www.mudriyfilosof.ru/2015/11/religiya-i-nauka.html>

7. Ушаков, Е.В. Введение в философию и методологию науки: Учебник / Е.В. Ушаков. – М.: Издательство «Экзамен», 2005. – 528 с.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ДОВЕРИЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ КАТЕГОРИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

А.Ш. Викторов

Россия, г. Москва

ФГОУ ВО «Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова»

E-mail: aviktorov@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования новой идеологии социально-гуманитарного знания, где особую роль занимают категории справедливости и доверия, которые в условиях противостояния мира традиции и мира современности и усиления дегуманизационных процессов, создают реальные условия для решения проблемы социального неравенства. Показано, что понятие социальной справедливости может служить критерием оценки гуманных взаимоотношений в обществе, а доверие становится значимым фактором гуманизации современной социальной системы.

Ключевые слова: кризис капитализма, неравенство, социально-гуманитарные знания, справедливость, доверие.

Системный кризис капиталистической модели общественного развития, связанный с противопоставлением двух разных миров (традиции и современности) [1] и усилением дегуманизационных процессов во всех сферах и уровнях взаимоотношений с необходимостью поставил вопрос формирования новой ценностной идеологии социально-гуманитарного знания взамен прежней. С одной стороны, она оказалась неспособной решать ключевые проблемы современного общества, где особое место занимает рост социального неравенства [2, с. 148-152], а с другой – евроцентрическим миропониманием большинства современного научного этоса, основанного на гуманитарном [3] и интеллектуальном [4, с. 87-89] империализме. Исходя из

этого, рассмотрим понятия справедливости и доверия в качестве концептуальной основы формирования новой идеологемы социально-гуманитарного знания.

«Категория справедливости» как социально-гуманитарное понятие дает возможность установить меру неравенства (норм, действий, благ, заслуг) между людьми и социальными группами, в контексте определенного общества (его системы доминирующих ценностей, общественного идеала, порядка, понимания добра и зла, духовно-нравственного состояния). Суть социальной справедливости – это беспристрастное и соразмеренное распределение общественных благ в соответствии с имеющейся иерархией ценностей. Поэтому это понятие непосредственно связано с определением как объективных (что есть), так и субъективных (как представляется) критериев в оценке социального неравенства, которые должны иметь конкретно-исторический характер и базироваться на общечеловеческих и национальных ценностях. Причем как оценочная категория эти критерии могут различаться в отношении различных социальных групп, страт, слоев и др., т.е. имеющих неодинаковые социальные статусные позиции, и может рассматриваться как показатель проявления социальной несправедливости в качественной характеристике состояния общества или отдельных его сфер (в политике, экономике, праве, культуре и др.).

В сфере социальной жизни неравенство имеет прямое отождествление с социальной несправедливостью, где она выступает как конкретная мера проявления равенства и неравенства через соотношение объективных и субъективных критериев в положении различных социальных групп (реализация возможностей, доступ к материальным благам и др.). В основе традиционного понимания социальной справедливости (изначальное стремление к уравнительности) лежат два принципа:

«всем поровну» – распределительная справедливость;

«равновесия противоположных деяний» (деяние – воздаяние, преступление – наказание, права – обязанности, заслуги – привилегии) – воздающая справедливость.

Если в классовом обществе (классовом подходе) социальная справедливость (несправедливость), социальное равенство (неравенство) носят классовый характер и оцениваются как выражение интересов господствующих классов, который оправдывает существующий строй как справедливый, то в социалистическом обществе она признавалась ограниченной, поскольку распределялась по труду (т.е. фак-

тическое неравенство). По словам В. Ленина «справедливости и равенства первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве остаются и различия несправедливые, но невозможно будет эксплуатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства в частную собственность» [5, с. 93].

Поэтому поддержание социальной справедливости и социальной несправедливости определяется в первую очередь характером существующей социальной системы, ориентированной по преимуществу или на общественный или частный сектор в распределении материальных благ. Гипотетически, в оценке социальной справедливости (несправедливости) можно выделить высшие, средние и низшие критерии, но они будут иметь некий воображаемый характер (позитивный или негативный) и означать извечный критерий любого общества: «Каждому свое».

По мнению Уолцера, универсального принципа справедливого общества не существует, а вместо него должен быть принцип человечества в конкретном обществе, которое должно признавать его членство и гарантировать безопасность и благосостояние [6, с. 110-111]. Поэтому в социально-гуманитарном плане в условиях глобальных и национальных изменений, социальная справедливость как мера должна быть выражена в конкретных критериях сохранения и развития человека, группы, общества. И тем самым может выступить значимым элементом формирования новых общественных отношений и преодоления кризисного и небезопасного состояния.

Согласно данным социологических исследований, высокая степень чувства социальной несправедливости россиян коррелируются с нереализованными возможностями недостигнутых целей, которое они испытывают по отношению ко всему происходящему в современной России [7]. Это чувство свидетельствует о нелегитимности существующего миропорядка в России (свыше 90%), причем 38% испытывают его часто. Оно (устойчивое чувство несправедливости) наиболее представлено среди представителей возрастных групп старше 40 лет (свыше 40%) и сельских жителей (48%).

По мнению некоторых авторов, в стратегическом плане в России необходимо подготовить условия для осуществления перехода от финансово-паразитологического общества к обществу социальной справедливости, которое должно базироваться на новой научной и мировоззренческой парадигме системы образования и воспитания. Человек и общество в целом должны быть достойны общества социальной справедливости на основе принципов и положений гумани-

стической экономики (служить благу всех людей и гармоничному развитию человека), распределение доходов в обществе социальной справедливости должно иметь не форму «луковицы» или «перевернутой воронки» со стрелкой, стремящейся в бесконечность, а эллипса [8, с. 61-62, 68].

Таким образом, понятие социальной справедливости может служить критерием оценки существующего общества и выступать основой формирования как новых гуманитарных отношений, так и создания новой нормативно-правовой базы для преодоления социального неравенства и социальной несправедливости.

Когда человек становится свободным от ответственности, то он начинает жить по своим собственным законам, где главным становится личностный интерес, а общественный – рассматривается как средство реализации амбиций. Но освобожденный от общественного контроля (законов, традиций, ценностей) он превращается в манипулируемое существо и легко попадает на «крючок» различного рода социальных технологий, в основе которых лежат два биологических принципа: страх смерти и жажда удовольствия. Собственно говоря, на ней и покоится вся повседневная реальность современного общества, которая построена на парадоксе: люди, лишённые чувства ответственности, стремятся к его искоренению у других людей. Но первые имеют все, а вторые – ничего. Стать безответственным, т.е. выйти за границы ответственности, способен только весьма эгоцентричный человек или зомбированная некой «высшей идеей» группа или группы людей. Различного рода социальные мифы, религии и идеологии в этом контексте как раз и уводят человека от его личной ответственности не только за свои поступки, но и за положение в стране. В обществе, лишённом реального гуманизма и социальной ответственности, не может быть социальной справедливости, а потому оно обречено на вечное социальное неравенство.

Своеобразным знаменателем, точнее критерием реального гуманизма выступает категория доверия, которая как бы фиксирует качественную основу и конкретную направленность деятельности социальных институтов по решению проблемы неравенства в современном обществе, выступая тем самым значимым понятием для анализа социального неравенства людей в тех или иных условиях общественного существования настоящего и будущего времени. Согласно принципам этнометодологии, доверие необходимо рассматривать в двух основных аспектах: во-первых, через призму веры и порядочности к одному и тому же сообществу (нации), что требует проявления соли-

дарности, а во-вторых, как готовность следовать правилам игры (институтам), принятым в обществе (следовать установленным обычаям). Иначе говоря, доверие закрепляет порядок сложившихся отношений в обществе и делает его устойчивым. В соответствии с этим общества (по характеру устойчивости) делятся на теплые и холодные. Холодные – это те общества, где люди договорились о правилах игры (законы, обычаи, традиции), которые регулируют их отношения равенства и неравенства в разрешении тех или иных стандартных ситуаций. В отличие от них теплые общества характеризуются обратными качествами. Здесь люди не сумели договориться между собой об общих правилах, а потому вынуждены их компенсировать личными взаимоотношениями или иными правилами (драконовскими, мистическими и другими) [9, с. 3-25]. Отсюда отсутствие нормативно принятого действенного права вынуждает прибегать к идее справедливости. Согласно П. Штомпке, для возникновения климата доверия необходимы пять обстоятельств:

- нормативная сплоченность общества и непротиворечивость системы ценностей и правил;

- стабильность институций, установленных общественных структур;

- прозрачность общественной жизни;

- дружественное окружение среды, в которой происходит общественная жизнь;

- уверенность в том, что все существующие институты будут следовать общепринятым правилам игры [10, с. 414].

Согласно Гидденсу, человеческая история не образует единого процесса и отмечена различного рода «разрывами» (переходами от одной стадии общества или социального порядка к другому). В конце XX века наметился переход к новой эре, то есть возникновение нового типа системы, которую он обозначает не как капиталистический строй, а как новый индустриальный социальный слой. Он резко отличается от предыдущих форм жизни не только в количественной (социальной связи распространились по всему миру), но и в качественном (основы повседневного индивидуального и общественного существования) отношении. В данном случае речь идет о возникновении новых форм социального неравенства, которые несут в себе различного рода угрозы и опасности. Отсюда, на взгляд Гидденса, ключевым понятием социологии должно стать решение не проблемы порядка, а проблемы связи социальных систем, которые он обозначит термином «доверие» – уверенности в надежности системы челове-

ских взаимоотношений [11, с. 114-122]. Логика подобного рассуждения сводится к тому, что в условиях перехода к новому индустриальному строю и появлению новых форм социального неравенства возникают реальные и потенциальные социальные опасности, которые можно преодолеть с помощью инструмента доверия как значимого фактора гуманизации современной социальной системы.

В заключении можно сказать, что гуманистическая (не либеральная, не медийная) идеологема социально-гуманитарного знания, связанная с приоритетом ценностной значимости качества человеческой жизни и раскрытием его творческого потенциала, должна быть направлена в первую очередь на решение проблемы социального неравенства (преодоление социальных различий) через установление реальных отношений социальной справедливости и доверия.

Список литературы:

1. Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты. 17.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <http://deadland.ru/node/20463>

2. Викторов А.Ш. Введение в социологию неравенства. – М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2015. – 240 с.

3. Хомский Н. Гуманитарный империализм [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.net/library/id_2334.html

4. Алатас С. Преподавание социальной теории как альтернативный дискурс // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8. Науковедение. РЖ. №4. М., 2013.

5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33.

6. Капиталистическое общество. Проблема справедливости. Под ред. Ю.В. Веселова. – СПб.: НИУ ВШЭ, 2011. – 292 с.

7. Чего опасаются россияне? // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН, №6. М.: Институт социологии РАН, 2008. – 72 с.

8. Об уязвимости государственного режима «социальной справедливости» (СССР, Куба, Беларусь) // Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 8 (46). М.: Научный эксперт, 2012.

9. Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования доверия как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 4.

10. Штомпка П. Доверие – основа общества. – М: Логос, 2012. – 440 с.

11. Гидденс Э. Последствия современности. –М.: Праксис, 2011. – 343 с.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ СУФИЗМА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЧЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В.Ю. Гадаев

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

E-mail: gadaev_v@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются гуманистические идеи толерантности суфизма и их влияние на процесс обеспечения духовной безопасности чеченской молодежи.

Ключевые слова: толерантность, суфизм, мюридизм, суфийские шейхи, вайнахские суфии.

Проблема формирования толерантной культуры у наших граждан и особенно у современной молодежи вызывает повышенный интерес всего нашего общества и государства, что отразилось в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Этот интерес обусловлен тем обстоятельством, что Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических), поликультурных, полирелигиозных и многоконфессиональных государств мира. На ее территории проживают представители 193 национальностей, использующих 277 языков (в том числе и диалектов), верующие всех трех мировых религий, а также последователи многих национальных религий и конфессий.

Особо актуальной является данная проблема в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) и обусловлена она следующими его особенностями. 1. Занимая по объему площади последнее место среди 8 федеральных округов РФ, по плотности населения идет почти вровень с самым густонаселенным Центральным федеральным округом. 2. Самый многонациональный макрорегион Российской Федерации (более 100 различных этносов и этнических групп). 3. Здесь функционируют все мировые религиозные системы (ислам, христианство, буддизм), национальные религии и конфессиональные образования. 4. Представлен самыми различными культурами народов, проживающих испокон веков на этой земле, а также культурами пришлых соседних этносов и недавних мигрантов. 5. По показателям рождаемости занимает первое место, оставляя далеко позади другие реги-

оны Российской Федерации. 7. Это молодежный макрорегион, около 2/3 его населения составляет молодое поколение.

Как видно, из приведенных данных, культурно-демографическая и этноконфессиональная палитра Северного Кавказа весьма богата и отличается многообразием красок и оттенков. Сравнивая эту палитру с атомным реактором, можно назвать ее молодежным полиэтноконфессиональным реактором: при штатном режиме он способен функционировать на благо всему региону и российскому народу. В противном случае он может взорваться с катастрофическими последствиями для всего общества и государства, на что так надеются падкие на наши территории и природные ресурсы геополитические конкуренты.

К сказанному важно добавить, что новое поколение Северного Кавказа, в том числе и Чеченской Республики, до сих пор испытывают на себе «издержки» постсоветской смены фундаментальных политико-экономических устоев нашего общества, породившие кризисные явления во всех сферах нашего общества. Данные кризисные явления были отягощены известными трагическими событиями в республиках Северного Кавказа, особенно в Чеченской Республике. «Одиннадцать лет, – говорил Первый Президент Чеченской Республики А.А. Кадыров, – мы жили по волчьим законам – по законам волчьей стаи, когда сильный беспощадно подавлял слабого, беззащитного, и наше сознание, к сожалению, этому привыкло» [1].

К имеющимся проблемам добавился и глобальный финансово-экономический кризис, различные запреты, ограничения и санкции Запада, что негативно затронуло не только социально-экономическую, но и духовную сферу жизни северокавказских народов, в том числе и их нового поколения. Образовавшийся неимоверно тяжелый груз названных трехуровневых проблем обуславливает важность и актуальность усилий по совершенствованию духовно-нравственной сферы чеченского общества, в том числе толерантной культуры его нового поколения.

Важным направлением реализации намеченной в «Стратегии» молодежной политики является деятельность «в воспитании культуры межнационального общения, основанной на толерантности, уважении чести и национального достоинства граждан, духовных и нравственных ценностей народов России... что является основой обеспечения национальной безопасности» [2].

Среди эффективных факторов, влияющих на развитие толерантной культуры современной молодежи, по праву можно назвать традиционный ислам, особенно такое важное его течение, каким является

суфизм. В этой связи Президент РФ В.В. Путин отмечал: «...и традиционные конфессии РФ, и ядерный щит России являются теми составляющими, которые укрепляют российскую государственность, создают необходимые предпосылки для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны»[3].

Суфизм исходит из ключевых принципов ислама, которые провозглашают основополагающие моральные принципы справедливости, великодушия, взаимоуважительности и т.д. В Коране прямо возносятся добродетель верующих «сдерживающих гнев, прощающих людям» (Коран, 3:134). В качестве идеала высокой толерантности выступает Пророк Мухаммад (мир ему и благословения), который отличался такими качествами как великодушие, снисходительность, справедливость, прощение, терпение, стремление ответить добром даже на зло. В Исламе принципы толерантности признаются необходимыми не только в межличностных отношениях, но они обязательны и в межэтнической практике. Ислам требует от правоверного быть великодушным, милосердным, терпимым не только в мусульманской общине, но и среди других этносов и конфессий. Терпимое, уважительное отношение к иноверцам вовсе не означает признание их религий истинными, однако толерантность и уважение к выбору верующего признается Исламом. В Коране констатируется факт сосуществование разных культур, цивилизаций, народов и религий, указывается на необходимость терпимого отношения к ним, стремление к диалогу и взаимообогащению. «И если бы пожелал твой Господь, сделал бы людей одной общиной, но они продолжают разногласить, кроме тех, над кем смилостивился твой Господь. Ведь для этого он создал их». Конечно, Ислам призывает иноверцев принять истинную религию, и при этом обязательно руководствуется указанием Корана: «Зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещанием и препирайся с ними тем, что лучше». (Коран, 16:125). Но насилие при этом категорически запрещается: «Нет принуждения в религии» (Коран 2:256). Однако, если добрые увещания, сильные доказательства не действуют на иноверцев, то и здесь нет никакого насилия. «У вас ваша религия, а у меня – моя» (Коран, 109:6), заключает наш Творец в своем слове. И так, из самого существа учения Корана видно, что оно глубоко толерантно и что нетерпимость, враждебность, насилие вовсе не исходит из него.

Следует сказать, что дух исламской толерантности в большей мере проявляется в исламском суфизме, как пишет Харун Яхья: «великодушие и толерантность проходит красной нитью в исламском суфизме». Суфизм возникает в исламе как течение, возвеличивающее

и воспевающее любовь к богу, к его творению, проповедующее равенство всех людей как потенциально несущих в равной мере в себе божественное начало. Распространяясь по миру, суфизм активно приносил в духовную культуру других народов идеи любви, равенства, демонстрировал безмерную терпимость и уважение к местным верованиям, обычаям и традициям. По своей сути принципиальные положения вероучения суфизма проникнуты духом толерантности. Принцип монотеизма здесь пронизан подлинным гуманизмом: любой человек независимо от его убеждений является носителем высшего духовного начала, любая религия – один из многочисленных путей к единому Творцу. Конечно, путь суфизма к богу является истинным, но выбор других путей к богу также заслуживает уважения, ведь кораническая традиция считает Моисея (Мусу), Иисуса (Ису) и Мухаммада (мир ему и благословение) великими пророками и учителями всего человечества. Выражая толерантную традицию суфизма в стихотворной форме великий суфий Джалолиддин Руми писал:

Мотылек не различает,
Вспыхнув в пламени любви,
Где горит огонь мечети,
Где – монастыря огни. [4,177].

Суфийские проповедники в своем утверждении толерантной культуры исходят и из того, что пороки, живущие в обществе, не относят полностью к своим оппонентам, винят и себя в их существовании. «Если ты увидишь у своих родных изъян, - пишет Джалолиддин Руми, - это есть отражение твоего порока». Эта позитивная идея Д. Руми как никогда актуальна в наше драматическое время, - время столкновения культур и цивилизации, бурного всплеска взаимной ненависти, расизма, национализма, ксенофобии. Толерантная доктрина суфизма утверждает общечеловеческую гуманистическую идею, согласно которой «каждая цивилизация «смотрится» как в зеркало в другую цивилизацию, чтобы лучше разглядеть и понять саму себя, чтобы видеть в иной цивилизации не опасность, а новую возможность расширения сотрудничества, взаимного развития, поскольку цивилизации не альтернативны, а скорее взаимодополнительны» [5,15]. Перефразируя слова Д. Руми можно сказать, что если какая-то цивилизация пытается найти изъян в другой цивилизации, то это есть отражение порока собственной цивилизации.

Наиболее ярко толерантно-гуманистический потенциал суфизма проявился в общественной жизни народов Северного Кавказа, в том числе и чеченского народа. Суфизм в северокавказском регионе имеет

глубокие исторические корни, и, несмотря на бурные полные драматизма события, всегда выступал в роли прогрессивной миротворческой идеологии и вероучения, пытаясь ужиться здесь с аутентичной, самобытной домусульманской культурой и культурой соседних народов, внося покой и духовный комфорт в души своих последователей.

Как свидетельствуют многочисленные источники, многие века суфизм является органической частью духовной жизни, неотъемлемым компонентом нашей богатейшей и самобытной культуры, основой образа жизни чеченцев. Следует сказать и о следующих особенностях утверждения суфизма в Чечне. Как известно, среди чеченцев не были, как среди их кавказских соседей, развиты социально-имущественное неравенство и классово-антагонистические отношения (не были лай и элий) и, как следствие, не получили своего формирования и утверждения государственные формы правления в классическом их виде. Поэтому ислам не мог обслуживать верхний, сословно-бюрократический слой общества, государственно-чиновничий аппарат и его официальное, догматическое, шариатско-правовое оформление не получило своего должного развития. В этих условиях ислам больше адаптировался к местной традиционной культуре, к общепринятым народным обычаям и традициям. Существующие социально-экономические, традиционные морально-правовые условия обусловили в большой мере «чеченизацию» ислама, чем исламизацию чеченцев. Вот почему ислам пропитал собою местную традиционную культуру, проник в толщу народных обычаев и традиций, о чем красноречиво говорят суфийские предписания, разнообразные обряды и культовая практика.

Отмечая толерантный потенциал местного суфизма, следует сказать и о заслугах суфийских шейхов в формировании основ научных знаний, образования, письменности среди чеченского народа. Проникновение ислама к чеченцам в обозримом историческом прошлом происходило в суфийской форме, следовательно, уже первые вайнахские суфийские богословы и шейхи знали арабский язык и арабское письмо, заимствованное в процессе взаимодействия с другими народами близкого и дальнего зарубежья. Освоившие богатейшую суфийско-мусульманскую культуру чеченские богословы и шейхи не могли не использовать арабскую графику для чеченского письма в многогранных экономических, семейно-бытовых и т.д. связях и отношениях. Еще П.К. Услар отмечал, что «уже много веков тому назад горцы сознали необходимость письменности для скрепления разного рода гражданских договоров» [6,44]. Эту необходимость реа-

лизовали суфийские шейхи. Видимо, еще далеко до XIX века арабографическая чеченская письменность, созданная суфийскими шейхами, использовалась в делопроизводстве, официальной и частной переписке, для составления завещаний, обозначения местных топонимов и антропонимов, пропаганды и передачи новым поколениям проповедей, назиданий, поучений, притч, легенд, преданий, медицинских и целебных предписаний, в том числе и для общения с другими народами.

Исходя из воспоминаний С. Арсанова и Х. Ошаева, наиболее компетентных в этой области старожиллов Чечни, можно утверждать, что еще до Шамиля достаточно активно использовался чеченский язык на арабской графической основе. Об этом свидетельствует огромное количество написанных суфийскими богословами тептаров, жайнов (книг), которые имелись в Чечне и были сожжены в советское время по указанию властей.

Чеченские шейхи-авлия активно распространяли среди широких масс шедевры суфийской поэзии, создавали собственные религиозно-поэтические и философские произведения – назмы и жайны, в которых значительное место занимали идеи братства, дружбы народов, что сказывалось на процесс развития толерантной культуры вайнахов. Исходя из сказанного, можно утверждать, что чеченские шейхи-устазы по существу заложили первые основы в создание единого для всего чеченского народа литературного языка и выполняли важные просветительские функции, что способствовало развитию толерантной культуры чеченцев.

Огромную роль сыграл суфизм в консолидации чеченских родов и племен. С распространением и утверждением среди чеченцев суфизма более интенсивно стали преодолеваются тайповые различия, деление на «своих» и «чужих», межродовое и межплеменное отчуждение. Суфизм позволил чеченцу выйти за рамки своего тайпа и обрести принадлежность к более широкому понятию – «народ» (нохчийн къам).

Гуманистические идеи толерантности активно внедряли в сознание вайнахов великие проповедники, суфийские шейхи, важное место среди которых занимает шейх-устаз Кунта-Хаджи. Еще в 50-е годы 19-го века он выступил с осуждением любой войны, с призывами к смирению и самосовершенствованию. Важный пафос его проповедей состоял в утверждении идеи миролюбия, хладнокровия, снисходительности, терпения в конфликтных ситуациях. За такой ненасилиственный, пацифистский подход к конфликту Кунта-Хаджи поз-

же назовут «Чеченский Гандий». В самое смутное время Кавказской войны он провозгласил среди горцев свою знаменитую заповедь: «Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура, дружба и взаимопомощь, прощение друг другу обид и оскорблений, помощь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куса чурека»[7,3]. Огромное значение для нового поколения имеет его призыв беречь добрые отношения с русским народом. Российский исследователь А.Д. Кныш утверждает, что «кадырийский суфий Кунта-Хаджи действительно призывал к мирному сосуществованию с русскими...». Примечательным является то, что находясь в ссылке в Устюжено, жестоко страдая от невыносимо тяжелых условий, специально созданных для него царскими властями, шейх Кунта-Хаджи писал своему ученику Варе Гехинскому: «Тебе завещаю соединить народы в братстве, примирить русских и вайнахов или смирить народы России свободой».

Следует сказать, что начало 20 века ознаменовалось бурными, эпохальными событиями, оказавшими глубокое воздействие на судьбы миллионов людей, в корне изменившими геополитический ландшафт мира. Этот наиболее кровавый век в человеческой истории начал свой драматический ход с первой русской революции, за которой последовали 1-я мировая война, Октябрьская революция (1917 г.), Гражданская война. Трагические процессы той эпохи не обошли стороной кавказское междуморье (Черное и Каспийское), в том числе и Северный Кавказ, где важное место занимает Чечня. В тот период история, в том числе и чеченская, ускорила свой бег, и на ее динамику значительное воздействие оказали влиятельные в обществе личности с различными идейно-мировоззренческими взглядами, социально-политическими установками, духовно-интеллектуальными возможностями. На этом судьбоносном отрезке истории толерантный, миротворческий потенциал суфизма проявился в полной мере. Знаменитые чеченские шейхи-эвлия Бамат-Гирей-Хаджи, Сугаип-мулла, Али Митаев и многие другие пытались всеми силами затушить периодически возгорающиеся огненные смерчи, погасить вражду и ненависть, поразившие души многих людей в начале 20-го века, внедрить в сознание горцев умиротворенность и принципы ненасилия своего духовного наставника Кунта-Хаджи. Особенно плодотворной была миротворческая деятельность Дени-Шейха, который пытался утвердить мир на кавказской земле, преодолеть противоречия и конфликты между чеченскими тайпами, чеченцами и казаками и другими народами Север-

ного Кавказа. Выполняя эту богоугодную суфийскую миссию он и погиб 1917 году.

Толерантный потенциал суфизма в полной мере проявился в тяжелейших условиях сталинской депортации. Как известно, в результате этой депортации в середине 20-го века в среднеазиатском регионе очутилось огромное количество людей, переселенных из разных географических, природно-климатических районов огромной империи, принадлежащие к разным нациям, народам и этносам, имеющие свои обычаи, традиции, религиозные верования, культурно-языковые особенности, ментальное своеобразие и т.д. Это было уникальное явление в истории человечества, причем оно произошло в кратчайшие сроки и в самое трудное не только для страны, но и для тех народов время. По-разному складывались отношения между представителями депортированных народов, в частности между чеченцами и другими народами, однако в основном эти отношения были дружескими, братскими, конструктивными, и ключевую роль в этом играли вековые толерантные традиции суфизма чеченцев. В процессе трудовой, общественно-политической, деятельности, в семейно-бытовой сфере чеченские последователи суфизма развивали между представителями разных национальностей братские, интернациональные отношения, преодолевали (порой имевшее место) этническую замкнутость, национальный эгоизм и шовинизм, неприязненное отношение ко всему инонациональному со стороны некоторой части нечеченцев.

В процессе совместной жизни и интенсивного устойчивого общения чеченские спецпереселенцы знакомились с традициями, обычаями, религиозными верованиями, духовно-нравственными ценностями своих соседей, перенимали их друг у друга, создавая благоприятные предпосылки для дальнейшего развития толерантной культуры и интернациональных отношений. Особенно интенсивно этот процесс протекал в семейно-бытовой сфере. И в радости, и в горе, независимо от национальной принадлежности, люди были рядом, все происходящее переносили вместе, ходили в гости, совместно праздновали свадьбы, дни рождения, в трагическую минуту подставляли друг-другу плечо, облегчали боль утраты и т.д. Все это происходило в том числе и благодаря толерантным установкам исламского суфизма. Страшная трагедия сплотила депортированные народы, объединила для достижения главной цели – выживания, мобилизовала их богатый духовно-нравственный потенциал во имя спасения настоящего и до-

стижения счастливого будущего. Для чеченцев основой этого потенциала был исламский суфизм.

Следует особо подчеркнуть, что толерантные традиции исламского суфизма имеют неисчерпаемый потенциал. Современный суфизм мог бы выступить в постсоветских многонациональных мусульманских регионах в качестве стабилизирующей идеологии, Это тем более важно, что после развала СССР в духовной жизни его народов образовался идеологический вакуум, который и поныне не заполняет ни одна идеология, что приводит к духовному разложению, особенно молодежи. Вот такой идеологией и мог стать мусульманский суфизм. Суфийская идеология (совместно с национально-патриотической идеологией) могла содействовать ликвидации межнациональной и межконфессиональной напряженности в российских регионах с мусульманским населением, исправить смещенные современной жизнью ценностные ориентации, стать здесь консолидирующим центром всех здоровых сил.

Такую высочайшую миссию, возложенную историей на мусульманский суфизм, глубоко осознал в свое время Первый Президент ЧР А.А. Кадыров. В этой связи следует подчеркнуть, что за всю многовековую историю нигде не фиксировались политические предпочтения чеченцев. А.А. Кадыров впервые на основе волеизъявления чеченского народа, на высоком политическом уровне достойно и окончательно завершил в начале 21-го века начатый еще в 16-м веке мудрым политиком чеченским суфием Ших-мурзой Окоцким сложный, но в то же время стратегически верный и перспективный путь сближения чеченцев с русским народом, единения с Россией. По инициативе А.А. Кадырова и под его руководством впервые в истории чеченцев был проведен известный всему миру референдум, на котором чеченский народ официально подтвердил свой исторический выбор. Продолжая толерантные, пророссийские традиции своих далеких исторических предшественников, в особенности, опираясь на заветы своего Устаза Кунта-Хаджи, А.А. Кадыров, таким образом, политически реализовал исторический выбор чеченского народа и осуществил его сокровенную мечту жить в составе России, строить свою жизнь в мире и согласии в семье братских российских народов.

Важнейшим результатом деятельности А.А. Кадырова является то, что ему удалось наладить процесс консолидации чеченского общества на нескольких уровнях: в сфере этнической (внутри самого чеченского этноса), конфессиональной (внутри последователей ислама и вирдовых общин) и межнациональной (среди разных этносов, населяющих республику) преодолеть политическую и духовную разобщенность населения.

Первый Президент ЧР не ограничился лишь выполнением своих прямых функциональных обязанностей в ЧР, а выступил надежной опорой Президенту РФ В.В. Путину в проведении его политики не только на Юге России, но и по всей стране. В своих поездках по стране, в выступлениях в разных аудиториях он разъяснял и поддерживал титанические усилия В.В. Путина по развитию всех сфер жизни многонационального российского общества на сложнейшем этапе его бытия. В центральных СМИ, во всех своих выступлениях он сурово и бескомпромиссно разоблачал провокационные действия наших внутренних и внешних недоброжелателей, которые активно муслировали чеченскую и кавказскую тему, настойчиво рисовали образ «зловещего кавказца», пытались обвинить кавказцев во всех смертных грехах, приписывали им склонность к предательству, патологическую неуживчивость, агрессивность, чернили толерантную природу ислама и в особенности суфизма и т.д. Одновременно он пропагандировал истинное братство народов России, которое своими корнями уходит в седую древность, и убедительно показал что, говоря словами Л. Гумилева, ни Запад и ни Восток, а именно Россия является матерью и истинным домом всех населяющих ее 193 народов.

А.А. Кадыров внес огромный вклад не только в развитие межнациональных отношений, но и попытался преодолеть многие межрелигиозные противоречия, еще сохранившиеся среди православных и мусульман России, причем он это делал и на догматическом уровне, и в повседневной практической жизни. Он также наладил диалог известных мусульманских богословов страны, объединил усилия исламского сообщества для развития основ традиционного ислам-российского суфизма, мобилизовал их знания и огромный жизненный опыт для борьбы против чуждых социокультурных ценностей, враждебной идеологии экстремизма и терроризма. Для разъяснения политики российского руководства в межнациональной и межконфессиональной сферах и развенчания клеветнических измышлений в адрес кавказских народов, их духовной культуры, религиозных верований, традиций и обычаев за сравнительно короткое время А.А. Кадыров побывал во многих странах мусульманского Востока, в 2000 г. выступил в Нью-Йорке перед всемирно известными религиозными деятелями. Обладая уникальными дипломатическими способностями и необычайно глубокими и разнообразными светскими и религиозными познаниями, он сумел в своих поездках по миру разрушить негативные стереотипы в общественном мнении зарубежных обывателей в отношении кавказских горцев, уникальной кавказской суфийской культуры, восстановить доброе имя чеченцев, поднять их имидж на

новую высоту. Важной заслугой А.А. Кадырова является его активная полемика по фундаментальным религиозно-догматическим проблемам с видными богословами исламского мира, которая способствовала укреплению основ суфийского вероучения, его толерантных оснований, позиций традиционного ислама мусульманской уммы России, в том числе и Чечни. Триумфальный взлет А.А. Кадырова, к сожалению, был трагически прерван в самом начале, однако его победоносное знамя стремительно было подхвачено и поднято на небывалую высоту его сыном Р.А. Кадыровым.

Под руководством Главы Чеченской Республики, Героя России Р.А. Кадырова разработана «Концепция государственной национальной политики Чеченской Республики», которая исходит из Указа Президента РФ «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025года», которая нацелена на развитие «межнационального и межконфессионального мира, государственной целостности Российского государства, сохранения этнокультурной самобытности народов Чеченской Республики» [8]. В соответствии с данной «Концепцией» в Чеченской Республике дополнительно разработана «Единая концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики», утвержденная Р.А. Кадыровым в 2013г.[9]. В названных документах предусмотрены цели и задачи по дальнейшему развитию и укреплению традиционного ислама в качестве духовно-нравственной основы чеченского общества. Для всестороннего развития суфизма, его вероучения, идеологии и культовой практики создаются все необходимые условия: открываются духовные учебные заведения, готовятся профессиональные кадры богословов, в СМИ, особенно по телевидению, регулярно ведутся религиозные передачи, опытные богословы активно выступают с проповедями по актуальным проблемам религии и современной жизни, в том числе и по проблемам развития толерантной культуры среди молодежи, издается религиозная литература, весьма плодотворно функционируют уже имеющиеся культовые здания, открываются все новые и новые мечети.

В системе эффективных факторов развития толерантной культуры молодежи важное место занимают мюридские общины, роль которых в этом важном процессе, к сожалению, в должной мере не изучена, что значительно снижает их идеологический потенциал. Мюридизм в Чечне представляет собой разветвленную и достаточно организованную религиозную систему, со своей сложной иерархически построенной структурой, занимающая важное место в социальной и духовной жизни современных чеченцев. В настоящее время в Чечне

мюридизм представлен двумя из 12 основных (суфистских) тарикатов. Они в разное время проникли в наш край из мусульманского Востока. Это Накшбандийский тарикат и Кадырийский тарикат.

Каждый тарикат в Чечне включает в себя определённое количество вирдов. Вирд - это объединение мюридов, восходящее к определённому шейху-устазу (местного происхождения), имеющее специфические особенности догматики и культовой практики, своеобразие в выполнении зиковых предписаний. Вирды называются именем их основателя, например, вирд Кунта-хаджи, вирд Солса-хаджи и т.д.

Каждое вирдовое братство имеет свою структуру. Как правило, это братство или вирд распадается на множество мюридских общин. Мюридская община – это организация мюридов в системе вирдового братства, объединяющая последователей данного вирдового братства. Руководит религиозной общиной тамада – авторитетный в вопросах догматики и культа член мюридской общины. В каждом селе или ауле имеются, как правило, несколько мюридских общин, входящих в разные вирдовые братства.

В больших селах, где имеется значительное количество приверженцев того или иного вирда, мюридские общины делятся на мюридские группы. Мюридская группа-это первичная мюридская организация в системе вирдового братства, возглавляемая активным мюридом (туркх), который подчиняется тамаде. В своей деятельности вирдовые братства обращают серьезное внимание привлечению молодежи в свои ряды, воспитанию их в духе высоких морально-нравственных принципов ислама, в числе которых одно из ведущих мест занимает толерантное учение. Наиболее эффективной является нравственно-воспитательная работа, проводимая мюридскими общинами, которые функционируют в каждом селе или ауле Чечни. Непосредственное же влияние на юношей и девушек оказывают мюридские группы. Жизнь и деятельность вовлеченной в мюридизм молодежи находится под постоянным присмотром мюридской группы и его руководителя - туркха. Мюридские общины и группы проводят необходимую, важную и весьма позитивную работу по развитию толерантной культуры молодежи. Служители мюридского культа собираются у своих приверженцев не только в дни печали, но и в связи с событиями, связанными с обычной жизнью: свадьба, призыв на воинскую службу и возвращение после её окончания, новоселье, окончания учебы, благополучное завершение любого важного для семьи мероприятия, где возникают условия для развития толерантной культуры молодежи.

В системе мюридского культа одно из главных мест занимает мавлюд, где весьма зрелищно (особенно у висхаджинцев), эмоцио-

нально насыщено, предельно емко и содержательно рассказывается о жизни и деятельности пророков, святых, шейхов - устазов, подробно подчеркивая нравственную суть и толерантные качества, говорится об их конкретных поступках во имя веры, правды, нравственной чистоты, развития межнациональных отношений и т. д. Чаще всего эти мотивы в наиболее развернутом виде звучат в мюридских проповедях, особенно в присутствии большого числа людей, среди которых немало молодежи. Такая религиозная практика является действенным фактором внедрения в сознание людей нравственных добродетелей, толерантной культуры, причем это внедрение осуществляется в процессе подготовки эмоциональной почвы для успешного развития нравственных всходов в умах верующих. Деятельность мюридских общин в нравственно-воспитательном процессе могла быть более успешной, если бы они включали в свои проповеди сюжеты о богатой толерантной культуре, подвижнической жизни и высоконравственных действиях и поступках верующих, мюридов, как в прошлом, так и в настоящем, а такие достойные герои у нас имеются. Их надо воскрешать в памяти, преподносить людям в качестве образца для достойной жизни. На мавлюдах надо воспевать не только далеких абстрактных святых, но и конкретных своих рядовых верующих, отличившихся высокой толерантной культурой, благочестивой высоконравственной жизнью. Мы же их после похорон тут же забываем навечно.

Из всего сказанного выше можно заключить, что проблема использования миротворческих функций суфизма для развития толерантной культуры молодежи, как фактора обеспечения ее духовной безопасности, продолжает оставаться актуальной, ибо, как сказано в «Стратегии», «сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма». Мы хорошо помним трагическую историю нашего недалекого прошлого, когда наши недоброжелатели, внедряя в сознание в первую очередь нашей молодежи межнациональную и межконфессиональную вражду и ненависть, уничтожили великую державу, на долгие годы обрекли нас на беспрецедентные страдания. Чтобы избежать трагического прошлого необходимо задействовать все имеющиеся духовно-нравственные ресурсы, в числе которых приоритетное место занимает толерантный потенциал исламского суфизма.

Список литературы:

1. Газета «Вести Республики». 26.09.2003.
2. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». ([zakonbase.ru](http://zakonbase.ru/content/part/1293590)) content/ part/ 1293590). Дата обращения 14.11.2018.

3. (www.golden_ship.ru/id/16/1645_dbrmvd.htm) (дата обращения: 14.06.2018)
4. Суфийская проза и поэзия. М., 1999.
5. Умарова З.Я. толерантное сознание и диалог цивилизаций. – Грозный, - 2008.
6. Гадаев Р.В. Формирование и развитие чеченской письменности. – Грозный, 2010.
7. Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. – Грозный: - 1994.
8. «Концепции государственной национальной политики Чеченской Республики». (docs.cntd.ru/document/432867330) Дата обращения 14.11.2018)
9. Единая концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики». (ddtesun.dod95.ru/upload/konsercija_chr.pdf) Дата обращения 14.11.2018.

ФЕНОМЕН ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Д.А. Гусенова

Россия, г. Махачкала

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

E-mail: gusenowa03111978@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются различные подходы к пониманию социокультурного феномена - «путешествия», с позиции различных социальных и гуманитарных наук. Отмечается, что данный феномен рассматривается в русле философии (феноменологии, аксиологии), культурологии, а также в сравнительно-языковых исследованиях. Необходимость исследования данного феномена объясняется автором тем, что путешествие, будучи одним из самых примечательных элементов культурных достижений человечества, даёт представления о картине мира, и раскрывает многогранность самой жизни. Кроме того, необходимость вовлечения в предметное исследовательское поле различных социально-гуманитарных наук данного феномена связано и с множественностью форм проявления этого феномена в повседневной социальной практике.

Ключевые слова: путешествие, паломничество, туризм, феноменология путешествия, философия путешествия.

Путешествие – одно из самых примечательных элементов культурных достижений человечества, дающее представления о картине мира, и раскрывающее многогранность самой жизни. Сам феномен путешествия исследуется в рамках различных социальных и гуманитарных знаний: в предметном поле культурологии, психологии, социологии, теории туризма, социальной географии и др. Как предмет философского анализа феномен путешествия чаще осмысливается в рамках философской антропологии и социальной философии, реже в контексте философии религии, хотя имеются множество исследований по проблеме религиозного паломничества.

Говоря о путешествии, вне зависимости от его формы и содержания, мы всегда предполагаем выход личности за пределы привычной среды обитания, его ойкумены. В Толковом словаре С.И. Ожегова, под «путешествием» понимается «поездка или передвижение пешком по каким-нибудь местам, странам (обычно для ознакомления или отдыха)» [9]. Большой толковый словарь русского языка уточняет это понятие, указывая на наличие определённых целей в таких поездках, в частности «с научной, общеобразовательной, спортивной и другими целями», а также то, что речь идёт о поездках именно «за пределы постоянного местожительства» [2]. Данный посыл находит своё отображение и в реальной социокультурной действительности. В условиях, когда путешествие как вид деятельности, по не бесспорному замечанию И.Л. Беккер, появился в условиях становления осёдлого образа жизни, поскольку «для того чтобы осознать себя путешествующим (путешественником), человек должен ощутить себя живущим на одном месте и получающим от этого образа жизни всё необходимое» [1, с. 81], само путешествие представляется отрицанием устоявшейся осёдлости на который отваживались незаурядные личности.

Переживаемый человеком опыт взаимодействия с окружающим пространством через путешествие, сформировал на уровне семантики многообразие вариаций слов, обозначающих «путешествие». По этому поводу имеются различные сравнительно-языковедческие исследования слова «путешествие». Так, Гасанова Э.Э. насчитала в английском языке 27 таких слов, в азербайджанском только 11, объясняя такое превалирование историческим опытом Англии, которая «развивалась более ускоренными темпами, нежели Азербайджан. Новые открытия, новые средства и способы передвижения предполагают возникновение новых лексических единиц для их описания» [3, с. 160]. В русском языке этимологически слово «путешествие» состоит как известно из двух существительных: «путь» и «шествие», что на наш

взгляд указывает на доминирование в этом слове в содержательном смысле именно пешего прохождения пути, хотя современные толковые словари вкладывают в это понятие и поездку, то есть преодоление расстояния с помощью технических средств.

В философии понятие «путешествие» пока основательно не проработано, о чём свидетельствует, к примеру, отсутствие данного понятия в философских словарях. Но, тем не менее, отдельные попытки философского осмысления данной проблемы всё же имеются. Так, Черепанова Н.В. в своём диссертационном исследовании дополняет представление о путешествии (реальном или виртуальном) как целерациональное, не пассивное перемещение «в чужое культурное пространство» с целью «выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности Другого» [10]. То есть автор выводит из содержания понятия «путешествия» такие формы перемещения как «скитание», «блуждание», «бродяжничество», ставя во главу угла наличие некой цели или замысла у путешественника. Иванова А.Н. в серии своих публикаций трактует путешествие более широко, как «вид трансцендирования за границы своей личности, традиций социума, ментальности, культуры и т.д.» [6, с. 51]. При чём границы предлагается автором рассматривать не только материальные или географические, но и ментальные и духовные (например, путешествие во сне, или травелог как литературный жанр о путешествии и т.д.). Методологически философским содержанием это определение наполняется через объединение всех возможных вариантов передвижения человека (как в физическом мире, так и метафизическом, границы между которыми условны), и выведение общих атрибутивных признаков, таких как, например, «перемещение, преодоление границ, обновление, возвращение и пр.» [6, с. 51]. Шестова В.П. акцентирует внимание на векторе этого перемещения, который всегда устремлён в направлении, «это путь в два конца»: «Потребность увидеть нечто новое...гонит путешественника из дома. Но, достигнув цели путешествия, он начинает думать о доме» [11, с. 5]. То есть в данном случае для автора здесь важен факт возвращения домой. Отметим здесь, что «возврат домой», предложенный Шестаковой В.П., и «возврат к собственным культурным истокам» [4, с. 275], предложенный Грегорьевым А.А. – это две принципиальные разницы смыслов и векторов путешествия. В первом случае речь идёт о возможно разовом перемещении в пространстве с целью удовлетворения некой потребности, с обязательным возвратом в пункт отправки. В этом смысле Шестакова В.П. ближе к пониманию путешествия в контексте туризма. Итогом или «продуктом» такого путешествия почти всегда становятся «рас-

сказы о путешествии». Во втором случае речь идёт о путешествии в котором сам смысл, исходная цель - «возврат к собственным культурным истокам» [11, с. 5]. В таком контексте путешествие ближе к понятию паломничества, которое предполагает по мимо трудностей с преодолением пространства, и духовное преодоление. Кочеляева Н.А. рассматривает паломничество как религиозный институт путешествия, этимологически связанный с христианской традицией в прежние времена привозить пилигримами с собой пальмовую ветвь с Палестины после посещения там святых мест [8, с. 8]. Сохранение паломничества как феномена религиозной культуры с древнейших времён до наших дней объясняется Кочеляевой Н.А. его связью «с институтом человеческой памяти» [8, с. 8]. «На бытовом уровне, пишет автор, этот феномен проявляется в форме посещения могил предков. На общечеловеческом - в традиции поклонения памятным местам, связанным с религиозными и гуманистическими ценностями» [8, с. 8]. Если в первом случае, по мнению Кочеляевой Н.А., происходит укрепление связи со своим родом, то во втором случае речь идёт об «определение своей принадлежности к одной из цивилизаций этого мира, посредством религии или идеологии» [8, с. 8].

На основе существующих ценностных различий, В.И. Ильин дифференцирует понятия «туризм», «путешественник», «паломник». Если турист имитирует путешественника, то последнего не интересуют достопримечательности, он ищет открытий, изучает регионы, страны. «Он вполне может прожить некоторое время в Москве, не посетив ни Кремль, ни Мавзолей, ни ресторан с русской пищей, ни магазины сувениров. Он понимает, что к русской жизни это не имеет почти никакого отношения». Турист же стремится посетить именно достопримечательности, которые выступают для него символами страны или региона. Турист конструирует свою идентичность, гонясь за новыми впечатлениями (но не за знаниями!)» [7, с. 30].

Зорин И.В., исследуя феноменологию путешествия исходит из исторического подхода и отмечает, что сам феномен «путешествие» историчен и «при глубоком изучении и осмысливании феномена...наше представление о нём меняется от эпохи к эпохе» [5, с. 12]. И действительно, на различных этапах развития общества человеком двигали самые разные причины и мотивы, побуждающие большое количество людей перемещаться в пространстве. Эти метаморфозы путешествия были подчинены пространству и времени, а также исторической обусловленности вектора прохождения маршрутов.

Список литературы:

1. Беккер И.Л. Путешествие как способ социального бытия и становления личности // Известия ПГПУ. Серия. Общественные науки. № 2 (6) 2006 г. Сс.80-86.
2. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов.
Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.
3. Гасанова Э.Э. Синонимические соответствия фразеологических единиц с концептом "путешествие/ travel / s0yah0t " в азербайджанском и английском языках // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). С. 159-162.
4. Григорьев А.А. Философская тематизация концепта «путешествие» / В кн.: Grand Tour: путешествие как культурный феномен / сост. и общ. ред. Шестакова В.П. – СПб.: Алетейя, 2012. – 304 с.
5. Зорин И.В. Путешествие как феномен и феноменология путешествий // Вестник РМАТ 2011 № 1 (1) Сс. 10-13
6. Иванова А.Н. Путешествие как потребность в трансценденции // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 51-59.
7. Ильин В. Товар как социальный конструкт // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 2. С. 29 – 39.
8. Кочеляева Н.А. Via Sacra влекомых духом: паломничество как путешествие / В кн.: Grand Tour: путешествие как культурный феномен / сост. и общ. ред. Шестакова В.П. – СПб.: Алетейя, 2012. – 304 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь. [Электронный ресурс] Режим доступа: свободный. URL <http://ozhegov.dicti.info/page/putejsestvie.php>
10. Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Том. гос. пед. ун-т. - Томск, 2006. - 19 с.
11. Шестакова В.П. Предисловие / В кн.: Grand Tour: путешествие как культурный феномен / сост. и общ. ред. Шестакова В.П. – СПб.: Алетейя, 2012. – 304 с.

ЗАДАЧИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПОЛИЭТНОКОНФЕССИОННОМ РЕГИОНЕ

А.З. Залибекова

Россия, г. Махачкала

*ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)» филиал
в г. Махачкале Республики Дагестан*

Аннотация. В статье рассмотрены задачи образовательной системы в полиэтноконфессиональном регионе на примере Республики Дагестан. Проанализированы проблемы образования в условиях эпистемологического, духовного и социального кризиса.

Ключевые слова: образование, духовный кризис, эпистемологический кризис, поликультурность, ислам.

Цивилизация, по мнению многих известных ученых, переживает эпистемологический, мировоззренческий (или культурно-семиотический) и духовный кризисы, которые обнаруживают себя на различных уровнях [1, С. 54]. Так в эпистемологической (научно-теоретической) плоскости этот кризис выражается в характерной для постмодернистской культуры и методологии утрате критериев истины и объективности. Как известно из социальной эпистемологии, условность и неопределенность присущи объекту, реальности, знанию, истине и другим понятиям как философским категориям.

Начало культурно-семиотическому кризису положило разрушение традиционной картины мира и человека, идущей от древнегреческой философии, далее до стройности доведено философией Нового времени и Просвещения. Сегодня подвергнуто сомнению основы традиционной картины мира – он не воспринимает ныне как объективный и происходит абсолютизация значения символических форм бытия. Ныне границы между миром физическим, социальным и символическим воспринимаются как очень подвижные, теряется ощущение первичности и вторичности того или иного мира.

Известные специалисты в области образования и культурной жизни российского общества (М.И. Билалов, Б.С. Гершунский, А. А.И. Субетто, В. Варава и др.) отмечают влияние духовных факторов на динамику образования. Однако духовный кризис российского общества стал фактором разрушения образовательной системы. Среди них есть обстоятельства как общемирового характера, так и особенные для нашей страны. Среди первых выделим негативное влияние-модернизационных процессов, бездумное заимствование западных

экономических и политических моделей, дезинформация с помощью СМИ общественного сознания и др.

Специфическим и особо разрушительным для базовых ценностей национальной культуры предстает фактор глобализации массовой культуры, ее переход на постмодернистские рельсы. Активный противник постмодернизма В.А. Кутырев отмечает: «Широкое, фактически никем не осуждаемое в своем принципе применение психотехники, вплоть до моделирования личности, - последняя, высшая стадия вытеснения из жизни людей духовно-ценностного фактора. В совокупности все это и означает конец культуры как вступление человечества в постисторию»[2, С. 23]. В результате «современность стремится растворить человека в мире газет, она создает свою «виртуальную реальность», требуя от человека забыть о той работе, которую лишь он сам может и должен совершать внутри себя. Яркие, слишком яркие образы внешнего мира предлагают подростку: потребляй, живи нынешним, живи мгновением, ибо «себе в удовольствии не откажешь»[3, С. 237].

Как отмечает М. Билалов «многообразие культур, как основа мировоззренческого плюрализма и социального обустройства человечества, заключается в разнообразии их составляющих. Ведь даже такая консервативная система как религия зависит от многообразия ментальных, этнических, климатических, психологических и т.п. особенностей своего ареала. Это онтологическое обстоятельство накладывает свой отпечаток на поиск истины в религиозных вопросах» [4, С.213-214]. Эти религиозно-духовные условия во всем мире в Дагестане получили своеобразное преломление в столкновении суфизма и салафизма, вылилось открытое противоборство двух течений в рамках одной исламской уммы.

Ситуация тревожная для всей системы образования Дагестана, для его сохранения в едином российском образовательном пространстве. Ведь мусульманское образование в республике набирает силу - в Дагестане система исламского образования включает в себя десятки исламских вузов (около 7 тысяч студентов), 150 медресе и 350 мактабов, в которых обучается более 10 тысяч учащихся. Данное количество даже для трехмиллионного Дагестана весьма ощутимо для раскола культурно-образовательного пространства и дистанцирования его от системы общероссийского образования.

Идеологический раздрой и мировоззренческая неразбериха вносят раскол и в кадровый состав педагогических коллективов, сказываются и в соперничающих образовательных программах, и на каче-

стве учебников. Особенно неблагоприятно в гуманитарном блоке дисциплин. Огромное число вариантов учебников по истории отечества, решение об обязательном преподавании с 2010 года предмета «Духовно-нравственное воспитание», в рамках которого ученики смогут получать знания по основам религиозной культуры и истории мировых религий, чреватые непредсказуемыми политическими последствиями. В результате уже в ближайшее время мы будем бессильны перед массовым проникновением в общеобразовательную школу нигилизма, примитивизма, мракобесия [5].

Очевидно, что образование всегда социально детерминировано, так как затрагивает коренные интересы общества, является объектом идеологической борьбы, столкновения различных классовых позиций и интересов. В то же время, именно образованию принадлежит важнейшая роль в изменении социальной структуры общества. Дагестанские философы М.И. Билалов, М. Вагабов, К.М. Ханбабаев издавна обращают особое внимание на роль социокультурных, этнических и религиозных факторов во внешней политике отдельных государств и международных отношений в целом, что ставит определенные задачи перед системой образования. Нарастающая в мире волна насилия нередко способствует разжиганию конфликтов между этническими, религиозными, языковыми и другими группами, ведет к росту ксенофобии и агрессивного национализма, религиозным проявлениям фанатизма и фундаментализма.

Российское образование в целом, дагестанское школьное и вузовское образование, в частности, соблюдают изложенные в документах ЮНЕСКО роль образования как основного средства решения задач по укоренению идеи защиты мира в сознании людей. Педагогическая и гуманитарная общественность выполняют заботу и задачи ЮНЕСКО по содействию подготовке учебных пособий по вопросам культуры мира, прав человека, толерантности и культурного плюрализма. Образовательные задачи в этой области решаются ассоциированными школами ЮНЕСКО, сеть которых включает более 4700 учебных заведений в 147 странах, [6, С. 65] есть такие учебные учреждения и в Дагестане.

Еще в 1998 году на Всемирной конференции по вопросам образования перед работниками, занятыми в сфере образования, был поставлен комплекс важнейших задач по созданию сопряженной системы гражданского воспитания, подготовке специальных учебников и координации национальных образовательных программ, изучению проблем мира как специальной учебной дисциплины. Международная комиссия по образованию для XXI века в докладе «Образование: со-

крытое сокровище», подготовленном для ЮНЕСКО, основную задачу образования в XXI веке сформировала как задачу «учиться жить вместе» [7, С. 29].

Рассматривая целостность, органическую связь убеждения, обучения и воспитания М.И. Билалов указывает на то, что: «...разрыв единства процессов познания и формирования мировоззрения» приведет к ситуации, когда человек «начиненный» знаниями «обнаруживает не только полную профессиональную беспомощность, но, как следствие, и мировоззренческую незрелость. Знания не выполняют своих практических функций, не становятся фактором деятельной активности личности» [8, С. 157]. Разрешению этой теоретической проблемы на образовательной практике в Дагестане направлены обозначенные в этой статье задачи.

Список литературы:

1. Запесоцкий А.С. Гуманитарное образование и проблемы духовной безопасности. // Педагогика.2002. - № 2.
2. Кутырев В.А. Экологический кризис, постмодернизм и культура.// Вопросы философии. 1996. - № 4.
3. Кураев А. Взрослым о детской вере. Ростов-на-Дону: Паломник, 2003.
4. Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017.
5. См. об этом: Залибекова А.З. Противоречия в образовательном пространстве Дагестана//// ÖZET KİTABI. I. ULUS-LARARASI DEDE KORKUT TÜRK TARİHİ KÜLTÜRÜ VE EDEBİYATI SEMPOZYUMU 20-23 Mart 2018 ANTALYA [ISBN – 978-605-9885-84-3]. SEMPOZYUM ÖZET KİTABI 20-23 MART 2018 www.iksadsummit.com
6. Субетто А.И., Селезнева Н.А., Майборода Л.А. Кудрявцев Ю.А. Долгосрочная образовательная политика как ядро внутренней политики российского государства. Российское образование: проблемы реформирования. Выпуск 2. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 1998. - № 12.
7. Образование: сокровище. Доклад Международной комиссии по образованию для 21 века. – ЮНЕСКО, 1997.
8. Билалов М. И. Истина. Знание. Убеждение. – Ростов-на-Дону, 1990. См. также: Билалов М.И. Детерминанты познавательной культуры//Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т.7. № 3. С.28-33

ОСОБЕННОСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В ИСЛАМСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Р.Х. Денильханова

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

E-mail: radimal@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются и сопоставляются основные взгляды исламских и европейских философов в описании рационального познания человека. Рассматриваются все возможные варианты описания разума, знания и чувственного познания человека, как со стороны эмпиризма, так и со стороны рационализма. Обосновывается актуальность данного направления для гносеологии, философии и религии. Приводятся основания для выделения различных подходов исламских философов к данной тематике, сопоставляя их с европейскими философами. Особое внимание уделяется сходству между идеями мусульманских и европейских мыслителей в описании разума. Акцент делается на важности истинного познания человека, в правильном использовании разума для постижения истины бытия, и ответственности человека перед Богом, несмотря на разные подходы в описании эмпиризма и рационализма.

Ключевые слова: Бог, человек, ислам, разум, рационализм, знание, эмпиризм, чувства, догматизм, религия, объективизм, идеализм, критицизм, истина, скептицизм, гносеология, мир, бытие, ответственность.

Введение

Как известно, термин рационализм происходит от латинского «ratio», что в переводе означает разум. Под рационализмом понимается философско-мировоззренческая установка, в которой фундаментальными основаниями мира и познания, а также поведения людей являются именно принципы разума. В философию этот термин попал из теологии (учение о Боге), где авторам хотелось подчеркнуть то направление, сторонники которого настаивали на очищении религии от всего неразумного объяснения. Многие из теологов, просто начали подвергать основные догматы веры, так называемому логическому анализу.

В книге «История Средневековой арабо-исламской философии», Е. А. Фролова отмечала, что рационализм, еще в эпоху античности многими философами противопоставлялся разуму, для которого был

характерен чувственный обман. Учитывая такую характеристику, нельзя было допустить приобретение достоверного знания. Для примера, можно сослаться на философию скептицизма или философию Демокрита [1].

Также, Фролова отмечала, что рационализм в среде арабо-исламской культуры и философии при появлении содержал в себе совсем другую линию ценности. То есть, именно рационализм стал опорной точкой для исламских мыслителей в разрешении всех видов спорных вопросов. Такой подход к рациональности выражает весь познавательный пласт проблемы, где концепция опоры на исходные эмпирические данные не противоречила самой оценке концепции как рационалистической. Строго говоря, в этой концепции нет противопоставления на данные органов чувств и данные разума [Там же].

Действительно, многие философы имеют одинаковую точку зрения в том, что именно разум упорядочивает, организует, а также проверяет данные наших органов чувств. Но нельзя забывать и о том, что имеется и другой пласт проблемы – характеристика рационализма арабо-исламской философии в онтологическом плане, где взгляд на разум обращен как на принцип, который пронизывает все мироздание, или бытие, где разум создает законы, по которым бытие упорядочено. И именно с этой точки зрения трудно однозначно дать ответ.

§1. Основные виды рационализма в философии

Помимо всего, принято выделять еще две разновидности рационализма: критический и догматический. Критический рационализм еще называют эмпиризмом. Это такой вид рационализма, который является эпистемологической теорией, противопоставляемый постмодернизму и релятивизму. Приверженцы критического рационализма, если можно, то назовем их эмпириками, исходят из того, что знание человека не сводится к тому, что они знают, оно является объективным. Основным моментом этого вида рационализма является потенциальная опровержимость, проверяемость знаний, или как еще они называют фальсифицируемость. Эмпирики рационально критикуют все научные теории, подвергают их различным эмпирическим экспериментам.

Из вышесказанного можно заключить, что знания можно считать научными, когда они потенциально опровержимы. И нельзя забывать еще, что немаловажное значение имеет сама серьезность приводимой критики в это потенциальное опровержение знания.

Следующий вид рационализма – это догматический рационализм. Всем понятно, что это вид рационализма, оперирующий догмами (от др. греч. мнение, учение или решение). Догматизм является особым способом мышления, который опирается на неизменные или же вечные положения, не подлежащих критике. Характерной чертой догматизма является не критичность и консерватизм мышления, слепая вера в авторитеты.

Философский догматизм – это разновидность философского учения, которое принимает какие-либо основы или положения в качестве абсолютно достоверных без иной предварительной проверки. С догматизмом никак не пересекаются такие учения как скептицизм, диалектика и критицизм.

Религиозный догматизм характерен для религий, требующих веры в догматы, утверждаемые в качестве непреложных истин и обязательных для всех верующих. И одной из таких религий является ислам. Но следует отметить, что догматизм в исламе не является слепым. Аллах во многих знамениях дает человеку возможность познать истину, открывает ряд путей, чтобы человек использовал свой разум согласно Священному Писанию (Коран). О чем будет сказано ниже.

Знание в арабо-мусульманской культуре, чуть ли не самый важный компонент для приверженцев ислама. Истинным мусульманином считается тот человек, у которого зрелые знания и здравого разума.

В доказательство всему этому, можно привести некоторые примеры из Корана, в которых отмечается важная роль разума для познания истины познающим мусульманином. Например, в суре «Ибрагим» 52 аят гласит, чтобы те кто обладает разумом опомнились, для увещевания истины и знания [2]. Далее, в суре 67 «Власть Аллаха» в 10 аяте говорится о том, что те, которые разумели не окажутся в огне ада, что свидетельствует спасению человека через знание и разум [2]. Согласно самой большой 2 суре «Корова» 171 аяту, неверующие подобны глухим, немым и слепым, что характеризуется неразумностью [2]. Достаточным аргументом в пользу разумности и знания в исламе является и тот факт, что первыми аятами, которые снизошли на Пророка Мухаммада через ангела Джабраила, были с 1 по 5 аяты суры 96 «Сгусток», в которых Аллах приказывает рабу читать [2]. Также в этой суре видно, что именно Аллах по Своей щедрости научил человека письму и всему что он не знал.

Из всего вышеупомянутого, истинный мусульманин должен сделать вывод, насколько важно рационально, или же разумно мыслить человеку, чтобы прийти к истинному познанию самого себя и бытия.

§2. Виды знаний в исламской философии

В арабо-исламской философии и культуре имеется два основных понятия, через которые обозначают знание. Это понятие «илм» и «маарифа». Как показал в своей известной книге «Торжество знания» Франц Роузентал, «илм» в рамках истории можно вознести к понятию «вехи». Другой вариант, возможно это понятие определяется как племя или знаки, хранимые как его символ [3]. Значит, изначально илм – есть нечто, указывающее на объект, то что чуждо для человека. А вот понятие «маарифа» наоборот, выражает знание, которое имманентно для человека, и оно не существует без самого воспринимающего субъекта или отделено от него [Там же]. Именно поэтому понятием «маарифа» стали обозначать познание, познавания и знания как личностного постижения. Что было очень характерным для концепции знания в суфизме – мистико-аскетическом направлении в исламе. И поэтому же, именно понятием «илм» стали определять знания как науки, т.е. того, что человек получает от кого-то другого извне, чему научается и что передает другим.

Еще в средние века термином «илм» определяли только божественное знание, и именно в «илме» была заключена сущности Бога. Это было своего рода определенным сущностным атрибутом Бога, который определял его отношение с сотворенным Им миром. Именно в этом божественном источнике, считалось, человек и находит свои духовные силы, которые и определяют его жизнь.

Термин «илм» нельзя не отнести и к божественной науке (теологии), так как это знание о Боге. Правда, юристы претендовали на предпочтительную принадлежность его к фикху (мусульманскому праву). Фикх у арабов имеет еще и другое значение кроме «права», это «понимание». Однако, к IX в. термин «илм» применялся в области светского знания, хотя вначале имел смысл не столько науки, сколько просто знания. Можно привести следующий пример: знание логики, умение обращаться с ее законами, применять ее правила. По мнению Фроловой Е.А., философские устремления, даже связанные с религиозными интересами, вели к различению знания и веры. Это различие имело большое значение для понимания истины как таковой.

Философия стала уже выглядеть и изучаться как доказательное знание. Основной чертой такой фальсафы (философии) стала аподиктичность ее основ. Помимо всего этого, также и сама способность выдержать все эти доказательства под испытанием логикой.

О важности этой науки (логики) немало сказал известный философ Аль-Фараби. Он считал логику основой разума, так как именно

она позволяет человеку отличить истинное знание от ложного. Этим истинная наука отличается от подобия науки, под которым имелись в виду диалектика, риторика, поэтика, охватывающие и знание религиозное. Так же как и Аль-Кинди, Аль-Фараби выделял две ступени познания: ощущение и мышление. И именно благодаря показаниям органов чувств разум постигает природу вещей. Даже связь с Богом, по мнению Аль-Фараби можно установить двумя путями: 1) «таффакур» - размышлением, и 2) «ильхам» - вдохновением.

Согласно Аль-Фараби, существуют три вида разума: страдательный, приобретенный и деятельный. Деятельный разум исходит от Аллаха, и благодаря нему возможно познание вообще. Разум является основой этики, и человеческая душа может достигнуть совершенства только благодаря развитию своего разума [6, С. 112-127].

Фролова Е.А. также отметила, что возможность самого сопоставления различных определений знания, излагающиеся многими мыслителями философского круга, с другими определениями в контексте теологии и богословия, дает нам возможность выявить значительное расхождение и отличие целей тех и других. Даже сами мутазилиты и ашариты, представляющие калам, в значительной степени расходились по теоретической подготовленности от многих ранних богословов. Также в их трудах была обнаружена обширная и разработанная эпистемология, основа которой уходила на базу логики, а также на отличные типы знания и по достоверности и по источникам [1].

Для определения непосредственно самого источника знания, можно обратиться к рассуждениям восточного перипатетика Аль-Фараби, который писал, что знания создаются в душе человека только путем ощущений или чувственного восприятия. А учитывая еще то, что знания реализуются в душе независимо от его воли, то человек не может вспомнить этот процесс. Именно поэтому, пишет Аль-Фараби, многие из людей воображают или представляют себе, будто бы знания постоянно находились у них в душе, что они были познаны путем нечувственного восприятия.

Специфическую трактовку дает Аль-Фараби и интеллекту, отнеся его по сущности не обладающим никаким присущим ему действием, за исключением способности постигать целостность или совокупность вещей в их противоположностях [4]. Вот определение согласно философу: «Интеллект – это не что иное, как опыт, и чем больше будет опыта, тем более совершенным интеллектом будет обладать душа» [Там же].

Также интенсивно разрабатывалось и физическое учение о разуме. Разработкой этого учения занимался персидский врач, философ

Ибн Сина, еще более известный как Авиценна. Он тесно связывал различные психические процессы человека с деятельностью различных отделов мозга. Например, хранилищем общего чувства Авиценна называл силу представления, по его словам она располагалась в передней части мозга. И если эта часть у человеческого мозга повреждена, то и сфера представления у него соответственно нарушается. Далее, хранилищем того, что воспринимает идею, Ибн Сина, считал является сила, называемая памятью, и она расположена в задней части мозга, а вот средняя часть мозга создана в качестве места силы воображения [5].

Далее в своих рассуждениях, Ибн Сина установил, что души возникают тогда, когда возникает телесная материя, которая еще и должна быть пригодной для того, чтобы ею пользовалась душа. Ну и соответственно это происходит, когда душа возникает вместе с возникновением некоей смеси, то и возникает определенное состояние, которое способствует разумным действиям человека [Там же].

Рассматривая и изучая разум человека в определенной плоскости метафизики, восточные перипатетики стали определять разум как одну из основных первооснов бытия, соединенную с материей, но и независимую одновременно от нее, находящуюся в теле, но не материальную и не физическую.

Исламская теология считало единым тело и душу, и утверждала их общее воскрешение в загробном мире. Но вот религиозные философы, в отношении души следовали тому мнению, что душа бессмертна, и после смерти она отделяется от тела и возвращается к мировой душе. Именно таким образом и разум сливается с мировым разумом.

Многие читатели находят противоречивыми взгляды на разумную душу и ее связь с телом у Аль-Фараби. Так как о бессмертии души, например, он пишет, что субстанция души существует отрешенно от материи; что она остается и после смерти тела [7]. И вслед за этим он сразу отмечает связанность и неотделимость души и тела, обращая внимание на то, что дарователь форм (Аллах) творит или создает ее тогда, когда появляется нечто, способное принять ее. Это нечто и есть тело. Когда же есть тело, и появляется и эта субстанция душа. Душа же не может существовать до появления тела, как это утверждал еще и греческий философ Платон [9]. Он отмечал, что точно также она не может и переселяться из одного тела в другое, как это утверждали сторонники о переселении душ» (Там же).

А вот Ибн Сина в своих трудах, больше склонялся к признанию бессмертия так им называемой индивидуальной разумной души. Он

так же, как Аль-Фараби, исходил из представления о том, что разумная душа не имеет тела. Это мы можем констатировать из его следующих слов: «Когда умопостигаемая форма, – пишет он, – возникает в разуме, она не занимает какого-либо положения, на которое можно было бы указать, так что ее можно было бы делить, расчленять или подвергать еще какому-либо подобному действию. Поэтому она не может быть чем-то телесным»[5].

То что является умопостигаемым не только само лишено тела, но также и процесс мышления нетелесен, отмечал Авиценна. Чего стоит его концепция «парящего человека», где человеку предлагается представить себя лишенным всех ощущений, всякой связи с внешним миром, и висящим в пустоте. «Может ли человек установить существование своей сущности, не сомневаясь в установлении того, что он существует именно в своей сущности?» Да. Но раз это возможно, то получается, что человек «есть в самом себе иной, нежели его тело и его органы» [Там же].

На основании того, что разумная душа, хотя и связана с телом, Ибн Сина сделал очень важный вывод о ее освобождении из тела после наступления смерти, и соединении ее с Мировой душой (со Светом). Это находит свое подтверждение и в Коране, где во многих аятах: «*Бойтесь того дня, когда вы будете возвращены к Аллаху. Тогда каждый человек сполна получит то, что приобрел, и с ними не поступят несправедливо*» (2:281); «*Каждая душа вкусит смерть, а потом вы будете возвращены к Нам*» (29:57); «*Неужели вы полагали, что Мы сотворили вас ради забавы и что вы не будете возвращены к Нам?*» (23:115) [2]. А соединение со Светом, можно считать аналогичным, что и соединение или возвращение к Аллаху, так как в Коране, есть аят гласящий следующее: «*Аллах – Свет небес и земли*» (24:35) [2].

Исламские мыслители внесли очень важный и отличный от теологии момент в теорию знания – в понимание, а также определение критерия достоверности. Учение о Боге у исламских теологов, кроме мутазилитов (обособившиеся), относительно темы достоверности знания, ссылались к авторитету Священного Писания – Корана. Именно мутазилиты впервые заявили о праве разума при решении различных спорных моментов. Признание за разумом функций установления истинности знания сохранилось и у ашаритов (последователи Аль-Ашари). Но большую часть работы по вознесению рационализма и внедрения различных логических методов для определения истинности знания проделали именно философы.

§3. Рационализм Р. Декарта

Очень близким к мусульманскому рационализму является рационализм Рене Декарта XVII века. Так как Декарт считал, что истинное знание должно быть всегда абсолютно достоверным и он подвергал все сомнению «процедурой радикального сомнения». Он был убежден, что оно существует абсолютно достоверное знание. Так как чувства нас подводят и обманывают, он их сразу отбросил. Декарт пришел к мнению, что если я сомневаюсь во всем, то очевидно, что существует сам сомневающийся. Итак, абсолютная истина Декарту представлялась тезисом: «Я мыслю, следовательно, я существую» или «*Cogito ergo sum*». При этом слово «следовательно» не означало, что перед нами какое-то умозаключение. Декарт направил естественный свет разума на сам процесс мышления. Далее возникал вопрос, «Что же такое это Я?» [8].

Я относится именно к процессу мышления. Это не человек, обладающий неким телом. Это сам процесс мышления. Здесь мы можем даже провести параллель с «парящим человеком» Авиценны. Разве не схоже его мнение с этим образом? Процесс мышления субъекта не безличен. И действительно, любой скептик вынужден согласиться с тем, что он сам мыслит и значит существует. Получив эту истину, Декарт всматривался в нее, как в образец, и выявил, что именно эта истина включает в себя важную характеристику для того чтобы считаться таковой, это во-первых ясность и во-вторых отчетливость [Там же].

Далее появляется возможность убедиться в том, что и многие геометрические аксиомы (к примеру, такая как «целое больше части» и т.д.) тоже являются ясными и отчетливыми. Ну, а что если предположить, вдруг человек именно таким образом устроен? Задается вопросом Декарт. Что если в некоторых утверждениях или вещах человек не может усомниться? Вдруг это разного рода расстройство или дефекты человеческого устройства? Видимо надо будет найти что-то иное для обоснованности и истинности перечисленных выше идей. Декарт, ничуть не колеблясь, продолжает поиски и находит ее в Боге. Для европейского рационализма, как мы видим, как и для исламского, фигура Бога, выступала гарантом истинности врожденных идей. Так как, иначе мы остаемся с нашим мышлением и с присущим ему идеями. Но гарантии, что нашим идеям присуща истинность у нас нет. Если же наши идеи ложны, то мы в принципе ничего не можем познать. Но разве Бог мог вложить в нас такие ложные идеи?

Декарт, в своем рассуждении отталкивается от того, что Бог сотворил и предназначил человека, в частности его мышление к познанию, позаботившись об этом, Он даровал человеку соответствующие для этого способности. Бог сотворил человеческое мышление таким образом, что оно должно принимать определенные аксиомы, и следовательно они являются сами по себе истинными в которых человек не должен даже сомневаться. Для Декарта врожденные идеи являются истинными не потому что они врожденны нам, а именно потому что заложены в нас самим Богом. Это очень важная и фундаментальная предпосылка философа, из которой непосредственно вытекает, что Бог определенно предназначил человека для познания. Бог, Сам как гарант истинности, не может вводить в заблуждение человека, а человек в свою очередь может полностью полагаться на наши идеи, так как они от истинного Бога [8].

А вот в ошибках людей, Декарт винил свободу воли человека. Знание, которое имеется у человека ограничено, а вот человеческая воля - нет, и именно из-за этого человеку свойственно, по мнению философа ошибаться. Желания человека не имеют границ, а вот человеческая воля толкает только вперед, до того как наши идеи проверятся разумом на предмет ясности и отчетливости. Вот именно в этот момент и возникают наши заблуждения. Если человек будет управлять своей волей и проверять и анализировать идеи на ясность и отчетливость, можно будет фундаментально прочно построить наше знание, начиная с истин, данных нам в интеллектуальной интуиции, которая как бы вскрывает идеи, заложенные в нас Богом [Там же].

Декарт полагал, что нужно обязательно дробить проблему или задачу на части, а вот затем уже рассматривать и изучать каждую часть отдельно, затем необходимо сделать список из всего того, что мы изучили и рассмотрели. После всего этого, человек должен осуществить логический прием обобщения, которое будет полной индукцией и потому это будет таким же безусловным знанием. Таким образом, как надеялся Декарт, можно будет выстроить описание мира, сформулировать законы движения и описать устройство вселенной. То есть вся задача - только из ума вывести само мироописание [8]. Мы же ошибаемся, когда перепрыгиваем через шаги вывода. Если мы будем опираться на разум, то процедура вывода станет пошаговой и тогда ошибок не будет [Там же].

Заключение

Подводя итоги всего вышеупомянутого можно отметить, что спор, который возник в XVII веке между европейским эмпиризмом (Дж. Локк, Ф. Бекон) и рационализмом (Р. Декарт, Лейбниц), задолго еще был между мусульманскими философами. Как и отмечает в своих лекциях Тауфик Ибрагим – российский философ и исламовед, специалист по классической арабо-мусульманской философии, философия «жива» благодаря мусульманским мыслителям. Таким как Аль-Кинди, Аль-Фараби, Ибн Сина и многие другие. Именно они являются источником, откуда все последующие философы черпали свои знания.

В свою же очередь, источником всех исламских философов является Коран. Именно обращение к этому Священному Писанию, а не к греческой философии, послужило важным аспектом существования всей философии вообще. Так как все истинное все равно становится явью, Истина – Аллах, и все что от Него истинно. Как говорил один из величайших арабских поэтов Лабида, которым восторгался и А. Х. Аль-Газали: «Разве не все ложно кроме Аллаха?»

Даже из философии известных во всем мире арабо-исламских мыслителей, таких как Аль-Фараби и Ибн Сины, которые немало времени уделили изучению философии, логики и другим наукам, несомненно вытекает вся европейская или западная философия Нового времени. Ведь неспроста их тексты были переведены на многие европейские языки, а имена их латинизированы.

Список литературы:

1. Фролова Е.А. История Средневековой арабо-исламской философии: Учебное пособие. – М., 1995. – 175 с.
2. Кулиев Э. Р. Коран: перевод смыслов и комментарии. Перевод с араб. Э. Р. Кулиева. – Изд. 9-е, стереотип. – М.: Эксмо, 2016. – 808 с. – (Религия. Коран).
3. Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. – М.: Главн. ред. вост. лит-ры: Изд-во «Наука», 1978. – 372 с.
4. Аль-Фараби. Об общности взглядов двух философов – Божественного Платона и Аристотеля // аль-Фараби. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970.
5. Ибн Сина. Книга о душе // Ибн Сина. Избранные философские произведения. Изд-во «Наука». – М., 1980.

6. Алтаев Жакыпбек. Монография. Изд-во «Кокжиек». – Алма-Ата, 2010. 240 с.

7. Аль-Фараби. Существо вопросов // Избр. произведения мыслителей Ближнего и Среднего Востока XI—XIV вв. М., 1961.

8. Декарт Р. Сочинения в 2 т.-Т. 1.- М.: Мысль, 1989. - 654 с.- (Филос. наследие; Т. 106).- С.250-296.

9. Лосев А. Ф. Комментарии к диалогам Платона Законы // Платон. Законы / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – М.: «Мысль», 1999. – (Классическая философская мысль).

10. Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма / М.Т. Степанянц. Гл. ред. вост. лит-ры. Изд-во «Наука». – М., 1987.

11. Ибн Сина. Книга знания // Ибн Сина. Избранные философские произведения. Изд-во «Наука». – М., 1980.

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ФИКХА В МУСУЛЬМАНСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Р.Х. Денильханова

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

E-mail: radimal@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются и сопоставляются основные взгляды мусульманских правоведов в таком важном понятии как фикх или мусульманское право. Рассматриваются различные варианты трактовки этого понятия в разных странах, известными современными мусульманскими правоведами. Обосновывается актуальность данного направления для политологии, права, философии и религии. Приводятся основания для выделения различных подходов мусульманских правоведов к данной тематике, сопоставляя правоведов с Запада и Востока. Особое внимание уделяется сходству и различию между их идеями на фоне различных примеров. Акцент делается на важности единого понимания, а также в правильном использовании термина фикх в современном мире. Учитывая разные подходы в понимании фикха, выделяются важные черты, которые характеризуют сходность Запада и Востока.

Ключевые слова: Фикх, религия, шариат, право, правовед, свобода, ответственность, политика, Запад, Восток, мусульманское право, истина, Бог, Сунна, фикх меньшинства, фикх большинства, юриспруденция, закон, ислам, иджтихад, иджма, кияс.

Введение

На многих современных конференциях, в различных дискуссиях, как на Западе так и на Востоке, очень часто стал употребляться такой термин как «фикх». Слово фикх имеет лексическое значение «понимание» и терминологическое значение «шариатское право». Чаще всего этим термином обозначается мусульманское право (шариатское право). Знатока шариатского права, принято называть «факихом», что в переводе означает правовед.

В обязанности факиха входит разработка шариатского права, в котором учитываются особенности определенного региона или страны, культура общества данной территории, а также исторические данные общества. Это применяется для того, чтобы знать, какие положения являются для данного общества необходимыми и приемлемыми.

Очевидно, что исламский правовед обязан знать не только науки относительно ислама, но и такие гуманитарные науки, как философия, социология, политология, право, экономика, история. Факих также должен знать, где и в какой ситуации, какие науки стоит применять, а какие и вовсе забыть. Важно еще отметить, что основной функцией исламского правоведа считается умение правильно и грамотно применить то или иное правовое положение из права. Это во все нелегко, так как ничего нового добавлять в догмы ислама нельзя. Нужно просто, как говорят «гибко» применить определенные исламские законы к определенным условиям. В условиях современного мира в мусульманской юриспруденции, такое гибкое применение права исламскими правоведами относится к «фикху меньшинств», которое преобладает на Западе, а остальную же часть, традиционно-исламский Восток принято называть «фикхом большинства».

§1. Проблема бинарности фикха.

Теперь, хотелось бы отметить основную проблему, которая сложилась в современном исламском мире. Эта проблема касается этой двойственности мусульманского мира, который делит всех мусульман на «право меньшинства» и «право большинства». Как известно, из многих исламских источников, мусульмане должны составлять единую умму (общину), которая должна быть единой не только в территориальном смысле, но и в понимании шариатских законов.

На Западе количество мусульман растет, во многом за счет переселения многих мусульманских семей. Дети, которые рождаются на

Западе, растут в условиях уже существующего там христианского общества, а также в условиях «иных» или «чуждых» для мусульман законов и прав. И в таких условиях становится актуальной фраза, что человек – это продукт окружающей среды.

Соответственно, у «фикха меньшинств» на Западе появляются многие вопросы и проблемы, сталкиваясь с которыми они должны прибегать к гибкому применению мусульманского права. Многие из этих правовых положений прямым текстом не описаны ни в Коране, ни в Сунне Пророка и ни в каких правовых школах.

В большинстве случаев, эти проблемы касаются следующих случаев: как относиться мусульманину к той или иной форме проявления светской демократии, как мусульманину взаимодействовать с обществом иной религии, какое участие имеет право принимать мусульманин в политической, экономической и военной жизни и многие другие вопросы. Ответы на подобные вопросы, которые предлагаются многими улемами, в большинстве случаев не учитывает особенности определенного общества, их культуру и ценности. И на этой почве также появляются разногласия уже среди мусульман и приверженцев иной религии. Все это обязывает многих мусульман с Запада, покидать «чуждые» исламу территории, и примкнуть к Востоку или к «фикху большинства».

Ответы улемов, которые основаны на многолетнем опыте жизни приверженцев ислама в кругу большинства на Востоке, сильно усугубляют жизнь мусульман живущих на Западе. Все это связано с тем, что порождает другую двойственную картину мира, а именно мир мусульман (Дар уль-ислам) и мир немусульман или территория войны (Дар уль-харб). Такое деление может очень пагубно сказаться на дальнейших отношениях между мусульманским и остальным миром.

Дабы предостеречь мир от подобного деления, во многих западных странах стали появляться новые улемы и факихы, чтобы разрешить подобные вопросы, отталкиваясь от «гибкости» фикха, и не изобретая что-то новое в исламе.

Один известный исламский мыслитель Ибн Халдун, писал, что фикх должно определяться как определенная классификация деяний в исламе, соответствующих первоисточнику – Корану, Сунне Пророка, а также решениям различных поколений ученых, которые подразделяются на дозволенные и запретные, обязательные и порицательные, разрешенные и запретные [3].

Важной темой для термина «фикха» считается утверждение, что человек – это наместник Аллаха на Земле, и человек должен быть го-

товым к повиновению воли Аллаха и соответствовать Его замыслу создания. Можно привести в пример 56 аят из 51 суры Корана, в котором Всевышний Аллах сказал, что джинны и люди сотворены Им только для поклонения Ему [1]. Также, одним из фундаментов фикха, считается тот факт, что за человеком ислам признает частью принятия решений и собственной судьбы человеческую волю и человеческий разум. Этот факт тоже подтверждается 13 сурой 11 аятом из Корана, в котором сказано: «Аллах не меняет положения людей, пока они не изменят самих себя» [1].

Все это свидетельствует о том, что фикх включает в себя не только положения из Корана, но и Сунну Пророка (С.А.В.), которые являются для каждого мусульманина образцом правильной жизни на Земле. Человек должен следовать этим правилам, как это делал Пророк Мухаммад (С.А.В.), и принимать решения, основываясь на исламском праве в этом меняющемся современном мире. Ведь мир, в котором жил Пророк тоже не был постоянным. Принимая во внимание всю мудрость Посланника, Его поступки в той или иной ситуации, мусульманин должен пытаться не менять сложившиеся устои и законы ислама, а пользуясь разумом (акль), трансформировать их под определенные ситуации в мире. Ведь Всевышний Аллах ниспослал свою милость человеку через Коран, в котором дано наставление для обладающего разумом.

Сотворенная Аллахом Вселенная, которая постоянно меняется, тоже в некотором роде является книгой, которую человек должен правильно уметь прочитать. Аллах сотворил нас разными народами, разделили языками и культурой, чтобы мы познавали друг друга, во благо же нам.

Важную роль в формировании фикха сыграл иджтихад (с араб. «усердие», «большое старание»), как средство интерпретации исламских законов шариата. Этот механизм был предписан самим Пророком для мусульманской общины, что разрешало применять неизменные предписания Корана и Сунны Пророка, к меняющимся условиям окружающей среды и жизни в целом. Как известно, даже многие неизменные столпы ислама (молитва, пост, закят, хадж), а также такие ритуалы как похороны и брак, тоже в течение времени были подвергнуты к правовым дополнениям. В основном эти дополнения касались правовых положений, которые были выведены из иджтихада, также на основе единого мнения улемов «иджма» и суждения по аналогии «кияс».

Конечно, саму же основу, будь то молитвы или поста, эти положения не меняли, но объясняли мусульманской общине, как в различных ситуациях правильно выполнять эти обязанности. Можно привести много примеров на этот счет: в какую сторону молится, если вдруг мусульманин, познавая творения Всевышнего, оказался в космосе; можно ли совершать хадж на различных транспортных средствах (будь то автомобиль или самолет); можно ли выплачивать закят, пользуясь различными электронными средствами (перечислить на счет, пополнить счет на телефоне); дозволено ли расторгать и заключать брак пользуясь телефоном и так далее.

Основополагающим моментом в таких ситуациях является правильная осведомленность факиха (мусульманского правоведа) с самой ситуацией, намерениями сторон, условиями в которых возникла данная ситуация или проблема. Потому что, все это в итоге, скажется на само выносимое решение. Очень важно ничего не упустить из виду осознанно, чтобы факих знал истинную суть проблемы.

Золотое правило фикха гласит, что изменения правовых положений дозволены с изменениями во времени. Как известно, всему свое время.

Подводя итоги, можно заключить, что в современном мире, мусульманские правоведы имеют огромную возможность улучшить шариатское право как на Западе, так и на Востоке. Факихи имеют возможность пользоваться современными технологиями (компьютером, интернетом и т.п.) для систематизации всего пророческого наследия. Теперь не обязательно пытаться сохранить огромное количество книг, что занимало много места прежде. Можно в компьютере быстро найти искомые книги, хадисы и многое другое. Это все облегчает ислам для многих верующих, что может способствовать к увеличению мусульманской уммы (общины).

Пользуясь всем наследием наших предков, мы должны извлекать полезное и нужное что они нам вверили, для того чтобы сделать ислам сближающим людей нежели отталкивающим. И мусульмане в западных странах, представляющие «фикх меньшинства», должны поддерживать друг друга внутри существующей системы, активно развивать новые стандарты в применении фикха к современным условиям в мире, при этом, не ущемляя их права и свободу.

§2. Современные представители фикха и их взгляд на проблему

Как было отмечено выше, фикх или же право представляющее мусульманское меньшинство, относительно недавно введенный тер-

мин. Одним из первых, кто употребил данный термин официально, считается представитель западных мусульман, а также председатель Североамериканского совета по фикху Таха Джабир Аль-Альвани. Это произошло в 1994 году, а чуть позднее, этот термин (фикх) был официально утвержден Советом Европы по фатвам, который возглавлял известный исламский факих Юсуф Аль-Кардави [4, 5].

Ознакомившись со многими острыми вопросами, которые возникли у мусульманского меньшинства на Западе, Юсуф Аль-Кардави отметил, что многие из этих вопросов достаточно специфичны, а также они сильно отличаются от тех, которые возникают зачастую у мусульманского большинства на Востоке. Правовед, также заметил, что многим из мусульман, которые проживают в странах Европы и Америки, приходится находиться не только под гнетом их культуры, а также под властью иных законов. Также, многие из этих законов не имеют никакой параллели с шариатским правом.

Мусульмане из «фикха меньшинства», проживающие на Западе, практически находятся в очень сложной для себя ситуации. Так как многие законы западных стран, такие как однополые браки, свободная продажа алкогольных напитков, наличие ночных клубов и многое другое никак не сочетаются с законами ислама. Кроме всего этого, сама культура поведения общества в западных странах является фактором формирования отличного от шариата мировоззрения. Мусульмане не имеют даже возможности изменить это все, так как все это так называемая свобода, и все это прописано в конституции этих стран.

На Востоке же совсем иная картина правопорядка, так как главенствует «фикх большинства» и законы шариата. В основном, эти законы шариата внедрены в политику следующих восточных стран: Саудовская Аравия, Иран, Йемен, Судан, Алжир, Иордания, Пакистан, Египет. Представителями «фикха большинства» в этих странах являются главы государств, которые контролируют право на основе шариата. Поэтому, мусульманину на Востоке проще соблюдать законы шариата, будучи воспитанником соответствующей исламу культуре и обычаям [7].

Если для «фикха меньшинства» много соблазна, с которым ему приходится сталкиваться изо дня в день, то для «фикха большинства» все намного проще. Каждый мусульманин знает, какое суровое наказание его ждет за несоблюдение шариатских законов, и более того, само государство лишает его возможности для совершения греха и преступления. Восточные страны с шариатскими законами в корне

сражаются с недозволенными для человека поступками, тогда как западные возлагают большие надежды на сдержанность и силу воли человека.

Очевидно, что перед Юсуфом Аль-Кардави и Тахой Аль-Альвани стоят непростые задачи. Это связано еще с тем, что им приходится основываться на выводах мусульманских факихов Востока, сопоставляя это с западными традициями и законами. Приходится учитывать всю их специфичность, и что очень важно, ничего не менять в самих исламских законах. Именно поэтому по поводу, они строят свои идеи на основе «гибкости» фикха. То есть, если многие из «фикха большинства» за сохранение традиций и законов ислама, то «фикх меньшинства» стремиться приспособить их для облегчения жизни мусульманских меньшинств.

Для того, чтобы изучать и рассматривать подобные проблемы на Западе, возникающие у мусульманского меньшинства, было принято решение создать для этого соответствующие направления отрасли. К таким направлениям относится Североамериканский совет по фикху, который был создан в 1986. Его возглавляет Музаммиль Сиддики. Также этими вопросами занимается Европейский совет по фатвам, возглавляемый с 1997 года шейхом Юсуфом Аль-Кардави.

Конечно, представители этих направлений «фикха меньшинства» подошли к решению возникшей проблемы своих единомышленников на Западе со всей серьезностью. Об этом свидетельствуют многочисленные труды Юсуфа Аль-Кардави [4,5], в которых автор пытается детально раскрыть все возникшие вопросы для «фикха меньшинства». Одним из самых заметных и важных трудов Ю. Аль-Кардави в этом направлении является его книга «Фикх приоритетов в свете Корана и Сунны» [4]. Юсуф Аль-Кардави также заложил методологические и научные основы права для меньшинства, которая укоренилась и в методологии всего мусульманского фикха. Позже она получила научное и правовое обоснование. Основными составляющими принципами этой методологии считаются следующие принципы:

Устранение и облегчение затруднений при решении сложных вопросов;

Содействие миссии исламского призыва;

Ориентация на коллективные вопросы, нежели на индивидуальные;

Использование мнения всех мазхабов (школ шариатского права)

Устранение препятствий разделяющих мусульман.

§3. Критика фикха меньшинств.

Конечно, как и следовало ожидать от «фикха большинства» последовала незамедлительная критика в сторону Запада. Появление «нового фикха» в правовом поле ислама не осталось незамеченным. Многие представители «фикха большинства» стали трактовать это все «нововведением» (бида), что вовсе считается недопустимым в исламе. Это все повлекло за собой многочисленные дискуссии по данной теме, дабы избежать некой революции в правовой мысли мусульманской общины.

С одной стороны, критика направлена на то, что мусульмане в западных странах не должны иметь особый, своеобразный раздел посвященный фикху. Появление чего-то нового в понимании фикха недопустимо. С другой стороны, критика касается разных фетв внутри мусульманского «фикха меньшинства». Подобные богословско-правовые заключения также недопустимы, так как сильно облегчают жизнь западных мусульман, и расходятся со многими нормами шариата. Подобные проявления в праве мусульман только разъединяют мусульманскую умму, нежели сплавляют ее.

В свою защиту, представители «фикха меньшинства» приводят факт растущей численности мусульманского населения в западных странах. Действительно, судя по демографическим данным, численность мусульман на Западе растет, и с этим трудно спорить. Исходя из роста мусульманского населения, представители «фикха меньшинства» считают, что никакого «нововведения» нет. Просто мусульманам на Западе нужен особый правовой подход, который позволит им решить проблему. Создание нейтральной территории между «дар уль-ислам» и «дар уль-харб» (между пространством ислама и пространством войны), где возможен постепенный переход либо в одну, либо в другую сторону, особенно необходимо в современном мире. Это позволит многим мусульманам участвовать в политической жизни западных стран, и кто знает, многим будет суждено достичь успехов и высот. Всего этого, по мнению «фикха меньшинства» не стоит лишать мусульманское общество на Западе.

Заключение.

Очевидно, что сложившаяся ситуация совсем не проста. Так как находятся доводы, подтверждающие правоту как «фикха меньшинства» так и «фикха большинства». Но истинному мусульманину стоит помнить еще об одном особенном аспекте в исламе, который определяет важность и истинность того или иного деяния. Здесь речь идет о

намерении. Как всем известно, деяния мусульман будут оценены Аллахом по намерениям. И для того, чтобы уяснить доводы обоих фикхов, давайте оценивать их тоже по их намерениям.

Понятно, что «фикх меньшинства» пытается решить своеобразный конфликт, возникший у мусульман Запада с существующими трудностями при соблюдении религиозных норм на территории иного государства. С одной стороны законы определенной страны, на которой они проживают, культура иного населения, а с другой любовь к религии и закону Аллаха. И для решения этой проблемы, предлагается снять определенные правовые барьеры, которые были еще возведены факихами средневековой эпохи. Все это изжило себя, и современный мир не нуждается в этом. Если раньше весь мир представлял из себя территорию ислама с одной стороны, и территорию неверных с другой, то современная ситуация совсем иная. Все это нуждается в переосмыслении и пересмотре без всякого изменения основных положений ислама.

В свою же очередь, очевидны и намерения «фикха большинства», которое пытается защитить основу и фундамент исламских законов, неизменных в своем роде с течением времени. Они советуют оставить территорию чуждую мусульманским законам. Так как это все может пагубно отразиться на будущем мусульманском поколении. Как известно, человек считается продуктом среды, и трудно говорить о том, что иная культура и законы не скажутся на дальнейшем развитии мусульманской уммы.

В итоге, учитывая все вышесказанное, выбор в ту или иную сторону следует сделать только самому человеку. Что для человека лучше и правильно знает только Аллах, а свобода выбора является лишь определяющим фактором всей судьбы самого человека.

Список литературы:

1. Кулиев Э. Р. Коран: перевод смыслов и комментарии. Перевод с араб. Э. Р. Кулиева. – Изд. 9-е, стереотип. – М.: Эксмо, 2016. – 808 с. – (Религия. Коран).
2. Денильханов М-Э. Х. Шариат и светское право в общественном сознании народов Северного Кавказа. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2011. – 168 с. – (Серия: РОССИЯ и ИСЛАМ, 8).
3. Смирнов А.В. Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник 2007. М.: «Наука», 2008. – 530 с.
4. Аль-Кардави Ю. Фикх приоритетов в свете Корана и Сунны / Ю. Аль-Кардави, 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://islam.com>.

ua/medias/books/17496-yusuf-aly-karadavi-fikh-prioritetov-v-svete-korana-i-sunny

5. Аль-Кардави Ю. Современные фатвы / Ю. Аль-Кардави, В 2 т. – Каир: ас-Салям, 2010.

6. Аль-Кардави Ю. Исламское возрождение в свете дозволенного расхождения и осуждаемого раскола. Перевод с англ. Р. Кулиева. – Киев: «Ансар Фаундейшн», 2011.

7. Али-заде А. А. Фикх : [арх. 1 октября 2011] // Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с. – (Золотой фонд исламской мысли).

8. Сюкияйнен Л. Р. / Мусульманское право // Монголы – Наноматериалы. – М.: Большая российская энциклопедия, 2013. – С. 516—517. – (Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов ; 2004—2017, т. 21).

9. Сюкияйнен Л. Р. Фикх // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – С. 254-259.

10. Фролова Е.А. Арабская философия. Прошлое и настоящее / Е.А. Фролова. – М., 2010.

11. Кирабаев Н. С. Политическая мысль мусульманского средневековья. – М.: РУДН, 2005. – 256 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ¹

*Э.М. Ибрагимова
Россия, г. Грозный*

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*

E-mail: ELAI-555@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу взаимосвязи этнических и социально-экономических процессов, влиянию этнокультурной специфики на ценностную составляющую экономического поведения чеченцев в современных условиях.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке внутривузовского гранта Чеченского государственного педагогического университета на инициативное научное исследование

Ключевые слова: Чеченцы, национальный характер, ценностные ориентации, социально-экономическое поведение, рыночные отношения, религия, семья.

Целенаправленное изучение различных наций и народностей в рамках различных наук ведется уже достаточно давно. Наряду с особенностями исторического развития разных народностей постепенно выявляются общие законы и закономерности функционирования этносов, определяются экономические, социальные, демографические и экологические факторы их существования. Важную роль при этом играет анализ взаимосвязи этнических и социально-экономических процессов, исследование национальных особенностей экономического поведения.

Одним из основных факторов формирования особого этнонационального социально-экономического поведения является национальный характер. В этой связи, большое значение имеет исследование влияния национальной психологии на экономику, и наоборот. Так, уже Дж. М. Кейнс отмечал, что на поведение в сфере экономики заметное влияние оказывают особенности национальной психологии [1.С.36].

Данное утверждение работает и в конкретно нашем случае, так как, действительно, Чеченская Республика, включившись с начала XXI века, с запозданием, примерно, на десять лет в силу известных причин в принципиально изменившееся экономическое пространство Российской Федерации, не без проблем, «вписывается» в уже сформировавшуюся в значительной мере рыночную структуру регионов Северного Кавказа и всей страны. Сложность адаптации состоит не только в утраченном временном лаге, но и, прежде всего, в том, что республика включается в общероссийский и международный рынок после того, как лишилась мощного индустриально-промышленного и социально-инфраструктурного потенциала, практически «с нуля», «с чистого листа» [2. С. 149].

Для изучения этнокультурной специфики ценностной составляющей социально-экономического поведения нами было проведено эмпирическое качественное исследование методом глубинного интервью. В качестве респондентов выступили мужчины и женщины чеченской национальности, проживающие сейчас или ранее на территории Чеченской Республике (г. Грозный, г. Гудермес, с. Ведено, Энгель-Юрт, с. В. Герзель, с. Тухчар) 20-65 летнего возраста. (N = 25), (женщин – 14 человек, мужчин – 11 человек). Все интервью с респон-

дентами проводились на территории их проживания (квартира, частный дом), реже в общественных местах – парках, кафе, на русском языке.

Национальные традиции чеченского, как, наверное, и любого другого, народа – это не только отражение его самобытности и присущих ему нравственных постулатов, но и, прежде всего, его исторический опыт. На протяжении столетий они помогали этносу преодолевать жизненные трудности, социально-экономические потрясения, сохраняя при этом свою национальную идентичность, историю и культуру. Национальные традиции чеченцев в этом плане представляют особую ценность. Их жизнеспособность и созидательная сила проверены временем, суровыми условиями жизни в горах, войнами и репрессиями. Они помогали народу не просто выживать, но и достойно принимать удары судьбы[3].

Однако в современных условиях, новые социально-экономические условия начали, как отмечает В.Ю. Гадаев, «беспощадно теснить традиционные духовно-нравственные святыни: долг, честь, совесть, достоинство, верность слову, почитание старших и женщин, защита слабых и близких, взаимопомощь, бескорыстие, скромность и т.д... Названные духовные ценности, составляющие стержневую основу традиционной нравственной опоры чеченцев, начали размываться, и на их месте стали утверждаться капиталистические «святыни»: алчность, лицемерие, корысть, материальный интерес и т.д.»[4. С.16].

Результаты нашего исследования также свидетельствуют о постепенной утрате некоторых традиционных духовно-нравственных устоев, присущих чеченскому народу. Среди спектра моральных и этических норм в современное время выделяется экономическая детерминированность, свидетельствующая о сближении с, когда-то чуждыми, западными ценностями. Об этом говорят наши респонденты:

Р.: В советское время мы просто работали и старались жить по законам Аллаха, сегодня все не так. Просто работа с какой-то зарплатой никого не устраивает, все стремятся разбогатеть любыми путями. <...> Работают много, достаток считается важным показателем для чеченца, раньше было не так, показателем было другое. (мужчина, 55 лет, декабрь, 2017)

Действительно, для традиционной чеченской культуры, впрочем, как и для Кавказа в целом, не был характерен культ «богатого» человека, но существовал культ «достойного» человека. Как подчер-

кивает чеченский этнограф С.-М. Хасиев: «...Здесь живут под лозунгом: «Все безнравственное – антисоциально». Достоинство человека не связывается с его «мошной» и с занимаемым постом» [5.С.18-20]. Тем не менее, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что «выживание и процветание» в современное время допустимо достигать любыми путями, отношение к честному труду достаточно своеобразное: злоупотребление служебным положением в бюджетных сферах (медицина, образование, социальная сфера и т.д.) представляет собой «норму» – люди безропотно платят чиновнику или сотруднику:

Р.: Я деньги давала, чтобы работать в школе, без этого не возьмут, обязательно нужно заплатить. (женщина, 43года, январь, 2018)

Р.: У меня дочь – отличница в школе, но за медаль, сказали, я должна заплатить... (женщина, 45 лет, январь, 2018)

Р.: За 150 тысяч рублей я сделал себе пенсию побольше, можно было раньше себе инвалидность сделать, но я не стал (мужчина, 65 лет, декабрь, 2017)

При этом, качество оказываемых услуг, со слов наших респондентов, низкое, что связывается как с общим низким уровнем образования, так и коммерциализированными механизмами и/или практиками nepoтизма в занятии должностей различного уровня, от нянечки детского сада до «кресел» чиновников.

Важным фактором экономического поведения чеченцев во все времена была взаимопомощь. Особого внимания заслуживает такая практика взаимопомощи как «белхи», представляющая сложный по своей структуре обычай, являющийся чертой национального экономического поведения чеченцев, в центре которого находится совместный неоплачиваемый труд. Жизнь горцев в суровых географических и климатических условиях, а также постоянная внешняя угроза создавали необходимость совместно решать социальные проблемы, помогать друг другу, особенно слабо защищенным слоям общества посредством различных обычаев. Среди них у чеченцев как важная составляющая духовной культуры выделялась традиционная форма коллективной помощи, включающая в себя философию добрых дел, братского бескорыстия и дружбы[6. С.187]. Данный обычай распространен издавна и его анализ, отталкиваясь от целей исследования представляется значимым, помогающим раскрыть его современную реализацию в качестве экономического поведения под давлением модернизационных процессов и этнических стереотипов. Д.Д. Межидов,

И.Ю. Алероев отмечают, что этот обычай уходит своими корнями в глубокую старину и является порождением суровых условий жизни горца: «Ведь нередко приходилось связываться одной веревкой, чтобы выкосить на почти отвесном склоне горы траву, невозможно было действовать в одиночку и там, где приходилось отвоевывать у гор скудные участки под посевы. Любое горе, несчастье, потеря кормильца – и село должно было брать на себя заботу о потерпевших. Оставшиеся в селе мужчины не садились за трапезу, пока часть ее не была отнесена в соседний дом, где малые дети, но нет мужчины – кормильца. Нередко бывало и так, что человек пожилого возраста что-то начинает делать по хозяйству. Вскоре возле него оказывался один, второй, третий из тех, кто живет по соседству или на этой же улице. Получается так, что начатое им дело продолжают и заканчивают эти помощники» [7]. На «белхи» приглашалась молодежь – для того, чтобы молодые люди познакомились и общались между собой, определяли свое «общественное» лицо в процессе не только общения, но и трудовой деятельности. Организовывала «белхи», как правило, женщина, при этом мужчины же не всегда принимали в нем участие или же принимали в определенной форме, например, помогали женщинам при выполнении тяжелой работы: подносили или выносили вязанки урожая, убирали отходы и т.д., т.е. выполняли тяжелую работу, – отмечает этнограф З.И. Хасбулатова. Обычай «белхи» включал в себя несколько взаимосвязанных между собой этапов, каждый из которых мог иметь свои варианты. Так, обычай включал разнородные элементы: хозяйственно-трудового, бытового, праздничного и другого характера.

Нравственные принципы помощи бедствующему и нуждающемуся, соседской взаимопомощи, а также соответствующие им этические нормы (культура поведения, нормы общения и т.д.) формировались общественным мнением. При этом, существенную хозяйственную и нравственную роль играл институт «белхи», как одна из форм коллективных работ, где вырабатывались, укреплялись и передавались в межпоколенной трансмиссии трудовой и социальный опыт, знания и Наблюдения[8]. Спустя столетия и по сей день, даже в условиях 21 века традиция взаимопомощи не утратила свою актуальность и востребованность. Об этом свидетельствуют и наши респонденты:

Р.: Если бы не соседи, я бы дом не построил, им большое спасибо. (мужчина, 45 лет, декабрь, 2018)

Р.: Надо ходить помогать, кто-то из семьи обязательно должен там появиться и не раз и не два. (женщина, 35 лет, февраль, 2018)

Современное общество уже редко сталкивается с отсутствием благ цивилизации, но по-прежнему сталкивается со многими проблемами. Различные катаклизмы, болезни, пагубные пристрастия, банкротство приводят к тому, что часть общества либо отдельные его члены оказываются за чертой бедности и с трудом сводят концы с концами. В таких условиях эта категория людей нуждается в помощи не только государства, бюрократическая система которого часто слепа к нуждам отдельных людей, но и общества. Именно окружающие должны протягивать руку помощи. Люди должны возвращаться к истокам, быть чуткими к чужой боли. И в первую очередь это касается молодежи Кавказа, где традиция взаимопомощи имеет глубокие исторические корни [9.С. 100-101].

В последние десятилетия, в Чеченской республике, как собственно говоря, и во всем мусульманском Кавказе, наблюдается тенденция повышения роли религии во всех жизненных сферах. Чеченская Республика на протяжении многих лет находилась в состоянии затяжного системного кризиса, который являлся следствием гражданского противостояния внутри чеченского общества, принявшего религиозную окраску. В образовавшемся идеологическом вакууме переходного периода растет влияние исламского экономического учения. По мнению некоторых специалистов, оно занимает срединное место между социалистическим и капиталистическим экономическими учениями [10. С. 198].

Тем не менее, наблюдается определенное расхождение, между тем, чему учит религия, и тем, что предлагает современная социально-экономическая реальность. Дело в том, что духовно-нравственное воспитание в современной чеченской семье издавна происходит по принципу максимальной адаптации к реальной жизни, сущность которого заключается в том, что ребенок как член семьи, взаимодействующий с социальной и природной средой, находил с помощью взрослых адекватные пути и способы выживания, принимал активное участие во всех делах семейного сообщества. Для воспитания детей отсутствовали какие-либо особые «тепличные» условия – все необходимое в жизни они познавали и приобретали в деятельности, в процессе повседневного участия в работе, согласно, в том числе и религиозным нормам, коррелирующим с социально-экономической реальностью. По данным А. Саракаевой, в современных условиях се-

мейное чеченское воспитание в некоторой степени сохранило черты исторически отдаленного времени, сохранив идущие из глубины веков традиции и ценности [11.С.319]. Но как свидетельствуют наши исследования, все-таки, налицо качественное изменение спектра социальных ролей, как в семейной жизни чеченцев, так и в их экономическом поведении, не характерных для мусульманской религии.

Р.: Раньше все смеялись над женщиной за рулем автомобиля, вот, 10 лет назад посмеялись бы, так как это мужское дело, у них, значит в семье мужчин нет (настоящих мужчин, имеется ввиду), раз женщина села за руль. А она на красивом автомобиле на свадьбах подрабатывает (мужчина 29 лет, декабрь, 2017)

Р.: Сегодня и отец с детьми посидит, и дед посидит, и приласкать может. Мой отец, например, пришел ко мне, а жены нет дома, а ребенок в коляске плачет. Я не могу его взять при отце, только женщина может, нам адаты (обычаи) не позволяют. Мне отец сказал, чтобы я взял ребенка и успокоил, а в сторону тихо сам себе сказал: «Зачем нам такие адаты, если они запрещают собственного ребенка на руки взять». Я это слышал и навсегда запомнил (мужчина, 34 года, декабрь, 2017).

По мнению К. Межиевой, причиной данного явления выступает тот факт, что для чеченской национальной культуры характерен симбиоз восточной (арабо-мусульманской) и западной (европейской) мировых культур. Причем, арабо-мусульманская культура оказала исключительно сильное влияние на нравственные представления и сознание чеченского народа, в то время как влияние западной (европейской) культуры наиболее полно отразилось на материально-бытовой сфере [12.С.31]. Сегодня в Чеченской Республике в условиях рыночной экономике под влиянием глобализационных процессов религия скорее приспосабливается к существующим реалиям, нежели чем определяет допустимое и не допустимое. Ее адаптация реализуется, зачастую, в виде деятельности по разрешению сотрудничества, например, с представителями других религий или одобрения экономической занятости женщины вне стен дома. Мы соглашаемся с С. Абдулаевой, которая подчеркивает, что рост мобильности населения, урбанизация, секуляризация ведут за собой расшатывание «семейных устоев», обуславливают падение семейных ценностей. Национальные традиции выступают как консолидирующий и адаптационный факторы одновременно. Являясь своеобразным «консервантом», мы их «разбавляем» в синкретичном глобализующемся мире, тем самым подчеркивая адаптационные свойства традиционной культуры

[13.С.176]. Результаты наших исследований также свидетельствуют об этом:

Р.: Я уже давно работаю, мне муж не запрещает. У нас женщина может неплохо зарабатывать. Помимо детских садов, школ, больниц, можно на базаре работать, в магазине, можно предпринимательством заниматься, в огороде. Работы для женщин полно. Но есть и такие, которым мужья запрещают (женщина, 29 лет, январь, 2018)

Справедливо выделяют Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко взаимосвязь между значимостью ценностей на культурном уровне и установками на экономическое развитие и уровень психологического благополучия личности. Высокая значимость ценностей *консерватизма* способствует установкам на экономический патернализм, одобрение политического авторитаризма, позитивному отношению к действующим политикам [14]. Как отмечает профессор Муса М. Ибрагимов, за период существования советской власти люди привыкли к тому, что государство контролирует и обеспечивает весь жизненный цикл человека – от рождения до смерти. Эта парадигма настолько укоренилась в сознании десятков миллионов дееспособных граждан страны, что ее до сих пор не смогли устранить ни условия рыночной экономики, ни ее разнообразные последствия. Преобладание патерналистских установок в сознании граждан негативно сказывается на их экономической активности, сдерживает ориентацию на свои собственные силы в достижении жизненных целей. Эти установки, по мнению Ибрагимова М., усилились в последние годы, когда материальное благополучие населения Чечни в поствоенный период, в условиях массовой безработицы и отсутствия реальных источников трудовых доходов, обеспечивалось, ориентируясь, в основном, на разнообразную гуманитарную помощь, пособия и компенсации. Около 80% студентов считают, что благополучие населения ЧР зависит от различных уровней власти. В то же время, достаточно велик и процент молодых людей считающих, что благополучие – следствие активности и инициативы самих граждан - 52% опрошенных. Немаловажным фактом остается, то, что около 30% опрошенных считают, что их благополучие зависит лично от Президента Чеченской Республики Р.А. Кадырова. С, одной стороны, это подтверждает высокий авторитет и веру молодежи в лидерские качества Президента, с другой, свидетельствует об их иждивенческих жизненных установках [15.С.212-216].

Важно отметить, что для успешной адаптации в современном глобализирующемся мире чеченское общество обречено на дальней-

шую социальную модернизацию. А поскольку процесс глобализации неотделим от интенсивного взаимного проникновения различных культур, то со всей остротой встает вопрос о судьбе чеченской национальной культуры. Очевидно, что на сегодняшний момент отсутствует традиционный, самобытный образ жизни чеченцев, известный даже с советских времен. Формируется уникальная траектория, характеризующаяся особенной этнокультурной социально-экономической стратегией формирования поведения современных чеченцев, что вызвано действием модернизационных процессов и внутренних факторов, выдающих в результате, отмеченный феномен.

Список литературы:

1. Павлов К.В. Национальные особенности экономического поведения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2006. № 4 (7).

2. Устаев А.Л. Экономика чеченской республики: инновации и приоритеты отраслевой структуры // Вестник Чеченского государственного университета. 2014. № 1.

3. Ибрагимов М.М. Миграция и политика. Формирование и реализация государственной миграционной политики в 1990-е гг. Саратов: из-во «Аквариус», 2003. С.199-238; Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Войны, переселения и депортации чеченского народа. Грозный, 2015. С.196-220.

4. Гадаев В.Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. Грозный, 2011.

5. Ахмадов М.М. К вопросу об адаптации этнической культуры к современности // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2

6. Хадисова К.В. Социальные и этические аспекты в традиционной культуре чеченцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III.

7. Межидов Д. Д., Алироев И. Ю. Обычай, традиции чеченцев / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://checheninfo.ru/18378-obychai-tradicii-chechencev.html>

8. Хасбулатова З.И. Этикет общественной жизни чеченцев XIX-XX вв. (по этнографическим материалам) // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-239-5/978-5-88431-239-5_45.pdf

9. Борисова Т.П., Хусаинова З.З. Социально-психологические особенности национальной самоидентификации чеченского народа // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016.

10. Идилов И.И. Чечня: от системного кризиса к устойчивому развитию. М.: Дашков и К, 2010. 204 с. // Положихина М.А. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: экономика. Реферативный журнал. 2011. № 3.

11. Саракаева А.Х. Влияние ценностей семейной культуры чеченцев на воспитание подрастающего поколения // Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: философия. Социология. Право. 2011. № 2.

12. Межиева К.Х. Духовные ценности чеченцев как регулятор общественной жизни и модернизационные процессы // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3.

13. Абдулаева Э.С. Семейные ценности чеченцев // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2015. № 5-2.

14. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Высшая школа экономики, 2007. 527с.

15. Ибрагимов Муса М. Власть в Чеченской Республике глазами студенческой молодежи// Инновационные технологии в производстве, науке и образовании: Материалы Юбилейной международной научно-практической конференции в 2т. Т.2.- Грозный, 2010.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

К.С. Иналкаева

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

E-mail. Kazban1961@mail.ru

Аннотация. Целью данного исследования является анализ категории «гражданское общество» и «национальные интересы» с точки зрения отечественных исследователей, также официальных документов («О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»). Анализируется соотношение национальных интересов, государства и гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, национальные интересы, государство, политические партии, общественные организации

Статья 10 Конституции Российской Федерации гласит, что власть реализовывается на основании разделения ее на три ветви (законодательная, исполнительная и судебная), что проявляется в реализации в том, что каждая из них является самостоятельной, независимой структурой государства [3]. Предупреждая монополизацию государственной власти каким-нибудь институтом государства, воздействуя как система сдержек и противовесов, ее ветви уравнивают друг друга [4]. Эти государственные структуры являются основным средством, запускающим механизм политической системы общества и государства в целом, а также всех входящих в нее структур и элементов.

Под гражданским обществом понимается особая, независимая от государства, организация общественной жизни, отражающая сектор интересов различных групп населения и во взаимодействии с государством защищающая эти интересы. Для защиты своих интересов, а также стремясь обезопасить себя от любых попыток государства превысить существующие полномочия, члены гражданского общества должны, во-первых, иметь возможность объединяться в ассоциации, действующие самостоятельно от государства, и, во-вторых, принимать непосредственное участие в деятельности государства, как непосредственно, так и через свои ассоциации (общественные объединения или организации).

Гражданское общество, как отмечается в научной литературе, необходимо рассматривать не в статистике, в развитии. Уникальность этого понятия состоит в том, что оно носит одновременно консервативный характер. С одной стороны, гражданское общество является не чем другим, как результатом изменения устройства государства и общества, но с другой стороны, – это объединения подлинных личностей и только посредством взаимодействия их интересов и воли возможно определение содержания и направленности политического процесса, всей политической жизни общества в целом.

Важно помнить, что, несмотря на то, какую роль играют в жизни гражданское общество, в конечном итоге, главным субъектом общества выступает национальный интерес. Необходимо отметить, что национальные интересы вытекают, в основном, из насущных проблем нации, при этом, являясь детерминирующим лейтмотивом всего государственного внутреннего и внешнего управления.

Продолжающиеся на протяжении двадцати последних лет в российской научной среде дискуссии по поводу национального интереса в свой черед отразили отсутствие единодушия в понимании этого понятия. Так же, как и зарубежные политологи, наши теоретики разделились в споре не столько на сторонников или противников объективизма, сколько на приверженцев реализма или либерализма в паре с идеализмом. Реалисты полагают, что национальный интерес сохраняет свои главенствующие позиции для абсолютно всех стран на планете. Поэтому относиться к нему с пренебрежением было бы не просто ошибкой, а, скорее, опасностью [2]. Иными словами, национальный интерес, по их мнению, не ограничивается спектром гражданских интересов, потому что принимает в расчет много реальных общественно-экономических, геополитических и других факторов.

Либералы считают, что «происходит преувеличение роли национальных интересов (скорее всего, что-то имеющее под собой материальную базу, например, нефтепродукты, финансы, землю, военную силу) и недооценка роли более деликатных психологических аспектов» [9]. Представители либерализма уверены в том, что формирование национального интереса в демократичном обществе происходит посредством обобщения гражданских интересов, а авторитарное или тоталитарное общество опирается на «державное» воззрение, подразумевающее превалирование государственных интересов над интересами личности [7]. Это объясняет существующую между государством и социумом непрекращающуюся борьбу за власть и влияние. Точнее сказать, государство пытается упрочить свои позиции, и усилить контроль и влияние, а общество противостоит такому усилению, вопреки тому, что интересы общества и государства вовсе не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

Не вызывает сомнений подчиненность общественных интересов в какой-то мере происходящим событиям на международной арене. При этом национальные интересы зависят от положения экономики внутри государства, уровня его общественной и политической устойчивости, гражданской и нравственной атмосферы. Вдобавок, огромное значение имеет то, что государствам с переходной экономикой свойственна не только ориентированность на взаимное влияние национальных и общественных интересов, но и упрочнение позиций общественных интересов, их приоритетного положения перед интересами государства. Наша страна, на данный момент, пребывает именно в таких условиях.

Поэтому в утвержденном документе под названием «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» националь-

ные интересы разделены на интересы, находящиеся в поле деятельности внутренней и мировой правовой системы, и это разделение является вполне правомерным [8].

Исходя из существующих сегодня реалий, российские внутриполитические национальные интересы нуждаются во всеобъемлющей сосредоточенности на основной проблеме. Это необходимость возрождения страны, ее экономики и благополучия граждан, внешнеполитический курс должен отражать в полной мере эту задачу. Ключевым элементом правового механизма согласования национальных интересов является большая социальная общность. Поэтому назревшим можно считать вопрос об увязывании интересов групп с интересами общества в целом. Другими словами, во взаимосвязи между национальными и общественными интересами первенствующее положение занимают интересы гражданского общества.

Исследователь М.В. Ильин полагает, что «национальный интерес представляет собой интерес нации, объединяющий в себе и содержащий такие категории, как суверенное территориальное государство и гражданское общество» [1]. Раздвоенность категорий «государственный интерес» и «интересы гражданского общества» регулируется таким образом, что «они имеют связь с национальным интересом не только из-за своего содержания, но и в значительной степени являются понятиями, определяющими те смысловые элементы, из которых он состоит». В данном контексте подтверждается мнение исследователей, предпочитающих понятие «национально-государственные интересы». Но, остается неизменным тот факт, что в мировой правовой системе государство олицетворяет собой образ нации. Поэтому, в данной сфере под национальными интересами чаще всего понимаются интересы государства, которые, в свою очередь, отображают национальные интересы.

При рассмотрении всех этих интересов в комплексе национально-государственные интересы детерминируют, отталкиваясь от геополитических данных и запасов государственных ресурсов, с учетом большого количества интересов, структур, предпочтений и пр., которые взаимно переплетаются и имеют разную направленность. Формирование этих предпочтений происходит в соответствии с существующим уровнем развития экономики государства, его авторитетностью и ролью в мире, национально-культурными традициями и т.д.

Составление совокупности национальных интересов происходит последовательно и в течение длительного времени в условиях непростого исторического взаимопереплетения различных факторов в экономической, социальной, культурной, политической и национально-

психологической сферах. Как раз по этой причине у национальных интересов наблюдается прочная связь с носителями этих факторов, которыми являются народ и его история. Национальные интересы крепко-накрепко взаимосвязаны с таким явлением, как самоопределение нации [5].

При рассмотрении природы, характеристик и явлений нации, соединенных в специфическую общественную форму содружества и взаимодействия личностей, рекомендуется руководствоваться первым делом тем, что мы имеем перед собой сообщество, объединенное в монолитный организм. Описываемая теория ставит своей целью затронуть помимо всех характеристик, признаков, явлений национальной жизни в их общности и сплоченности, еще и проблему выявления, в первую очередь, того, что ранее было скрыто: сокровенной интегральной национальной связи, основного качества, объединяющего, связывающего серьезными душевными ниточками личности и целые поколения в одну коллективную общность, т.е. государство.

Государство создает необходимые условия для функционирования гражданского общества и одновременно контролирует соответствие деятельности общественных организаций законодательству. Для решения этой задачи государство устанавливает правовой режим деятельности общественных организаций, при котором государственные органы регистрируют общественные объединения; контролируют соблюдение законности в их деятельности, а также привлекают их к участию в делах государства. В свою очередь общественные организации оказывают непосредственное влияние на государственную власть. Организации, выражающие политические интересы населения (политические партии), выдвигают своих кандидатов в органы государственной власти и соответственно могут влиять на их деятельность. Организации, выражающие экономические интересы населения (ассоциации предпринимателей, профсоюзы), оказывают влияние на экономическую политику государства [6].

В этом видна непосредственная связь между национальными интересами и гражданским обществом как формирующей базой для возникновения нации. Основным средством, запускающим механизм согласования интересов, является деятельность политической системы общества и государства в целом, а также всех входящих в нее структур и элементов.

В современных реалиях политическая власть не является имперсональной силой капитала и материальной выгоды. Она заключается в работе совершенно реальных политических, хозяйственных и идеологических структур, действующих на базе народного доверия. Это

объясняет важность выяснения всех реальных и ожидаемых слабых мест, несоответствий между интересами политических сил и народными интересами с преодолением многих анахроничных представлений.

Исходя из практического опыта, можно утверждать, что на устойчивость общественного строя влияет вера в применение административно-командных методов управления с целью достижения таковой устойчивости. При этом, чем сильнее эта вера, тем ниже стабильность общественного строя. Следовательно, переустройства российской политической системы подразумевают такую модель осуществления централизованной власти, которая обеспечивала бы воплощение в жизнь всего спектра интересов, предопределяемых запутанностью социальной общественной структуры, и вместе с тем не допускала бы применения бюрократических методов.

Также для осуществления этого необходимо, чтобы люди, находящиеся под управлением, постепенно становились людьми, которые управляют. Иначе говоря, требуется некое перераспределение политической власти между как можно большим количеством институтов и субъектов, что, в свой черед, предполагает переложение существенных функций от правящих органов, лиц, непосредственно стоящих у власти, политическим структурам на местах.

Список литературы:

1. Ильин М.В. Критерий современности в политике //Полис. Политические исследования. 2015. № 1. – С. 81.
2. Картунов СВ. «Имперское» и национальное в российском сознании //Международная жизнь. 2018. № 1. – С. 80.
3. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 года (ред. от 21.07.2014) //СПС Консультант Плюс.
4. Кононец А.Н., Листопадова Е.В., Мерецкая Н.А., Стрелкова Е.В., Туркулец С.Е., Филатов А.Е. Правоведение: курс лекций / А.Н. Кононец, Е.В. Листопадова, Н.А. Мерецкая [и др.]; под общ. ред. С.Е. Туркулец. - Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2013. – 202 .
5. Общая теория национальной безопасности /Под ред. А.А. Прохожева. - М.: Изд-во РАГС, 2016. – С.13
6. Правоведение: учебное пособие /Балеева Е.А., Епифанцева Т.Ю., Корнакова С.В., Лобанова М.С., Лысков В.М., Осипова М.А., Романова Ю.И, Чигрина Е.В.: Байкальский государственный университет (Иркутск). 2011, С. – 453
7. Современные международные отношения: Учебник /Под ред. А.В. Торкунова. - М.: РОССПЭН, 2011. – С. 468.

8. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть II). ст. 212

9. Фурман Д. Внешнеполитические ориентиры России //Россия и мусульманский мир: Бюллетень реферативно-аналитической информации. 2015. -№12 (42). – С. 11.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Л.М. Исмаилова

Россия, г. Грозный

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*

Аннотация. В данной работе исследуются особенности социальной политики в организации социальной помощи молодым и неполным семьям, приведены примеры специфических, эффективных методов работы с различными типами семей, характерных для региона (Чеченской Республики). Определена популяризация ценности семьи как самого важного института социальной системы. В работе определена роль института семьи, как естественной природной средой формирования семейных ценностей, которые являются непрерывным духовным стержнем становления личности.

Ключевые слова: Социальная политика, семейные ценности, социальная работа, социум, личность, проблема, общество, государство, проект, общественный институт.

В атмосфере трансформирующейся действительности, когда генерируются нетрафаретные системы воспитания детей, институт семьи оказывается ведущим в цепочке социализации личности. Кризисные феномены, происходящие в России, явились источником тяжелых социальных осложнений, затронувшие подавляющее большинство семей. Максимальное проявление внимания к семьям ныне связано с тем, что в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса и духовно-психологического шока, семьи (особенно многодетные) занимают первоочередное место среди тех, кто нуждается в помощи. Трудности, с которыми сталкиваются семьи усложняются существующими в обществе ложными стереотипами отсутствия перспектив достойного выхода из возникающих кризисных ситуаций. В

данной работе мы планируем определить особенности социальной работы с разными типами семей, применение нестандартных форм и методов, которые успешно практиковались на наш взгляд в некоторых регионах России.

В быстро изменяющейся повседневности надобность в креативной модели социальной работы, эффективных технологиях, в осознании цивилизных эмпирий социального обслуживания оказываются еще более насущными.

Семья представляет собой часть социокультурного пространства общества, часть цивилизации, которая переживает естественные трансформационные процессы, обусловленные изменениями социальных институтов [1. с. 102].

В результате этого популяризируется процесс исследования институтасемьи, как важной составляющей социальной системы, анализируются взаимоотношения семьи и государства, изучаются методологические основы государственной семейной политики. Сегодня все чаще обсуждаются проблемы молодых семей, не полных и не благополучных семей. Поэтому вовремя выявить трудности этих семей, обнаружить предмет, который требует срочного внимания, найти непереносимые каналы их решения, имеет огромное значение. Проблеме матерей-одиночек изучали такие ученые как А.Г. Волков, Ю.П. Азаров, Э.Г. Эйдемиллер. А также отражали в своих статьях И. Деметьева, Н. Дружинина, Б. Нусхаева. Известные в научной литературе работы таких деятелей как Коляда М.Г., Л.В. Ковинько и многие другие. В последние годы наблюдается тенденция роста обращаемых с семейными проблемами в службы социальных учреждений. Безусловно, это ставит социальную работу с семьей в ряд приоритетных направлений деятельности социальной сферы. Сотрудникам социальных служб приходится анализировать не только проблемы клиентов, но и по мере надобности предоставлять им помощь в проведении консультации с другими специалистами. Этот процесс является ключевым элементом в деятельности специалистов социальной работы. В каждом конкретном случае работы с клиентом специалист рассматривает и индивидуально выбирает те способы воздействия и методы работы, которые соответствуют прежде всего проблеме и поставленной цели в решении конкретной кризисной ситуации. Так в работе специалиста социальных учреждений необходимыми личностными и профессиональными качествами выступают позитивная направленность, честность, доверительность, стремление к раскрытию и приведению в движение сущностных сил самой семьи, ее потенциал. Семья выступает в роли посредника между индивидуумом и

современным обществом, является ключевым элементом, оказывающим влияние на способ адаптации человека к окружающей его среде.

Государственная политика – есть комплекс гарантированных государством мероприятий, ориентированные на повышение качества и уровня жизни своего народа. В России с принятием Концепции развития социального обслуживания населения в августе 1993 г., наблюдается в социальной сфере переход от принципов социального обеспечения к системе социальной защиты. В основе, которой забота государства, «включающая как устранение причин, препятствующих человеку, семье, достичь оптимального уровня благосостояния, так и организацию индивидуальной помощи. Раскрывая деятельность социальных служб в работе с семьями на местном уровне хотелось отметить довольно результативный опыт работы в Чеченской Республике. Так, принятые меры на уровне руководства и духовенства республики в целях укрепления семьи (особенно молодых семей) и профилактики распространения ВИЧ инфекции среди молодежи за последнее десятилетие дали свои результаты. Первым нестандартным новшеством в этой области явилось принятие мер по поводу молодых девушек и юношей, которые планируют вступить в брак. Каждый молодой человек и девушка обязаны пройти медицинское обследование и предоставить представителям духовенства (Мулле) справку до вступления в брак о том, что они не являются ВИЧ инфицированными или больными СПИДом. Только после предоставления этих справок молодым разрешается совершать бракосочетание (Никах – у мусульман). Благодаря только одному этому нововведению сократилось число разводов, разногласий и семейных конфликтов в Чеченской Республике (ЧР). Следующим важным решением руководства ЧР в целях укрепления молодых семей, стало принятие решения о запрете давней традиции как «Кража невест», так как в следствие такие браки часто распадалась. Посодействовало органам социальной службы и принятие решения о запрете употребления и продажи алкогольных напитков в Республике. Анализируя работу социальной политики в отношении поддержки различных типов семей: малообеспеченных, многодетных, неполных, молодых семей мы убеждаемся в необходимости проведения воспитательной и профилактической работы с молодежью еще с раннего возраста. Знакомить детей с лучшими традициями и обычаями своего народа, с духовными и семейными ценностями. Не менее эффективным примером и нововведением работы с семьями в ЧР является проект воссоединения разведенных многодетных семей, который был запущен в июле 2017 года, благо детей – легло в основу этого проекта. Проект строился в форме переговоров и консультации, где

бывшие супруги могли обсудить накопившиеся проблемы не только между собой, но и со специалистами. Так уже в августе 2017 года были воссоединены (по данным СМИ ЧР) около тысячи семей в Чеченской Республике.

Развод в Чеченской Республике чаще больнее ударяет по женщине, так как она теряет связь с детьми (по традиции «Вайнахов» - чеченцев и ингушей, дети остаются в семье отца). Общеизвестно, что браки у Вайнахов не обязательно регистрируются, а проводятся по религиозному обряду, в связи с чем женщина после развода просто остается ни с чем, и уходит в никуда. В прежние времена о проблемах семьи не принято было говорить: считалось, что всё, что происходит в семье, должно в семье и решаться, особенно на Кавказе. Но поскольку мы видим, что число разводов непрерывно растёт, становится очевидным, что достаточно много проблем остаются не решенными и создание комиссии по вопросам и проблемам семей в Чеченской Республике подтверждает существование такой проблемы.

Наша страна ныне переживает нелегкие времена в своей истории, она проходит серьезные испытания на прочность, поэтому весьма важно всемерно укреплять ее духовную мощь, что предполагает выявление и нейтрализацию наиболее реальных и опасных угроз духовной безопасности нового поколения России и ее регионов [2. с, 86].

Человек приобретает ценность в обществе в результате становления личности, а формирование этой личности требует необходимых условий и целенаправленного влияния. Таковым необходимым условием является семья, со своей постоянной и естественной природной средой формирующей мировоззрение ребенка. Из обозначенных важнейшей пространственной сферой, где происходит регенерация гендерных стереотипов, является семья. Семья во все времена являлась уникальным социальным институтом воспитания человека как носителя социальной, культурной и этнической информации [9. с, 191]. Семейные традиции и ценности всегда являлись духовным стержнем личности, его внутренней культуры.

Список литературы:

1. Гиреева Х.А., Бетильмерзаева М.М. Проблема подростковой среды в современной семье. Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. 2018 г. С 102-105.
2. Гадаев Р.В., Гадаев В.Ю. К вопросу об угрозах духовной безопасности северокавказской молодежи. Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. 2018 г. С 81-86.

3. Митина Л.М. Личностное и профессиональное развитие человека в новых социально-экономических условиях // Вопросы психологии. 2012. -167 с.

4. Курбанова Л.У. Роль стереотипов в конструировании и функционировании гендерной идентичности: теоретический аспект. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. 588 с.

ДЕВИАЦИЯ КАК ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

Л.М. Исмаилова

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

Врожденные дарования подобны диким растениям и нуждаются в выращивании с помощью ученых занятий.

Ф. Бэкон

Аннотация. В данной работе исследуются особенности девиантного поведения, причины и типология девиаций. В работе раскрываются понятия девиантное поведение, социальная норма и отклонения от неё. В работе приведены примеры позитивного девиантного поведения, как двигателя прогресса и развития человечества. Определена взаимосвязь между позитивным и негативным девиантным поведением. Сделаны выводы о необходимости использования научных знаний в реальной жизни общества для сокращения негативных девиаций, путем предоставления максимальных возможностей для развития позитивной девиации.

Ключевые слова: девиантное поведение, проблема, культура, социальные нормы, ценности, личность, общество.

Проблема усвоения общечеловеческих ценностей в индивидуальном сознании относятся к числу важнейших. Человек - субъект культуры и в своей деятельности, поступках, мыслях, переживаниях он опирается на общечеловеческие нравственные ценности. Ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. Она оказывает вли-

яние на социальные интересы, выступает как мотиватор общественного сознания и поведения. Изучая ценности индивида, мы можем определить уровень его духовной зрелости и степень усвояемости личностью всего богатства человеческой истории. Поскольку общечеловеческие ценности затрагивают большинство сторон жизни современного человека и человеческого сообщества, к их изучению подключились представители общественных и естественных наук. Эта проблема освещается в социологии, педагогике, философии и других науках.

В социологии понятие общечеловеческие ценности выступает в качестве регулятора поведения (доброта, отзывчивость, ценность, сопереживания, любовь, дружба, патриотизм и другие). Ценности формируются в результате осознания субъектом своих потребностей соотношения с возможностями их удовлетворения. Решающее влияние на формирование общечеловеческих ценностей оказывает определение личностью своего места в системе общественных отношений. Здесь имеют большое значение социальные, человеческие отношения, складывающиеся в рамках формальных и неформальных структур. Ценности, их объект зависит от того, в какой мере данный субъект соблюдает нормы и требования общества, микро-группы. Многие современные проблемы вызваны отрицательными последствиями тех кардинальных изменений, которые претерпело наше общество. Наиболее существенными из них являются дегуманизация общества и общее снижение культурного уровня, падение нравов и духовности в обществе. В результате происходят изменения в ценностных ориентациях, мировоззрении и поведении индивидов [1, с. 127].

Проблема социальной нормы и отклонения от неё имеет свою специфику. Эта проблема вызывает повышенный интерес у психологов, педагогов и широко рассматривается в психологических, социологических исследованиях. Авторы исследуют психологию отклоняющегося поведения индивида, феноменологию данного явления, классификацию видов, механизмы детерминации и функционирования, методы социально- психологической превенции и интервенции (Е.В. Змановская). В своих исследованиях анализирует девиации как социально- педагогическую проблему: их предпосылки и причины, типологию девиаций М.А. Галазунова.

Само слово девиация произошло от латинского «deviation», что в переводе означает отклонение. Соответственно девиантное поведение, то есть отклоняющееся, другое название этого термина понимается в двух смыслах в узком и широком. Под девиацией в узком

смысле слова понимается негативные, неодобряемые отклонения от социальных норм, такие как пьянство и алкоголизм, наркомания, бродяжничество и т.д. Существуют множество мнений ученых о причинах девиантного поведения. Так, среди причин девиантного поведения видят несовершенство человеческой природы и тягу к чрезмерному удовлетворению своих желаний (З. Фрейд). Выделяют биологические и психологические особенности (причины) основоположником этой теории является итальянский исследователь, врач-психиатр Ч. Ламброзо.

Третья теория причины девиантного поведения заключается в социальных условиях жизни, то есть в воспитании и образовании индивидов, автором данной теории является американский социолог Р. К. Мертон. Он считает, что общество само провоцирует людей на девиантность, поощряя стремление к определенным целям и ценностям, не всегда создавая при этом условия для их достижения. К примеру, современное общество поощряя стремление молодых людей получить высшее образование, но при этом создают препятствия на пути достижения этой цели, делая образование во-первых конкурсным, не каждый человек может выдержать это испытание, во вторых платным, где не каждый человек снова же может заплатить за обучение. Из формулировки понятия «Девиантное поведение» понятно, что это отклоняющееся (девиантное) поведение, то есть действия и поступки людей, социальных групп, противоречащие социальным нормам либо признанным стандартам поведения. Соответственно девиантное поведение выражается в несоблюдении требований социальной нормы, выборе иного варианта поведения, что ведет к нарушению взаимодействия его с обществом, приводит к негативным последствиям и в большей степени к преступным деяниям.

Под девиацией в широком смысле слова понимается любое действие, не соответствующее социальным нормам и стереотипам данного общества. Такая девиация может быть, как со знаком плюс, так и со знаком и минус.

Девиантное поведение – это нарушение официально установленных либо принятых в обществе правил. Девиантное поведение может быть негативным, разрушающим общественные отношения, начиная с небольших отклонений как азартные игры и заканчивая алкоголизмом, наркоманией, преступностью и т.д.

Но существует и другое, позитивное девиантное поведение, не наносящее вред обществу, а способствующее ее развитию, созиданию. К ним относятся необычный дар или талант, величайшие ум-

ственные способности, самоотверженный героизм, самопожертвование. В живописи, нарушающим привычные стандарты явился импрессионизм, который не воспринимали никак и даже не допускали на выставку, сегодня, это классика и самые дорогие картины. Затем появление экспрессионизма повлекло не менее негативную реакцию общества. В техническом творчестве весь прогресс в развитии человеческого общества начиная с первобытности и до сегодняшнего дня или века информационных технологий есть позитивные технологические изменения, безусловно они нарушают привычные нормы общества. Прогресс, который происходит в обществе благодаря позитивным девиантам - гениям, одаренным, вундеркиндам, - это процесс, который не оценим в обществе. Без таких людей мир был бы довольно однобоким и однообразным, поэтому мы можем смотреть на него с разных сторон.

Необходимо заметить тот факт, что чем более эволюционно девиантное поведение, чем больше девиация отличаются от действующих норм, тем агрессивнее относятся к ней современники (Я.И. Гилинский). Позитивные девиации – это следующая ступень от старого к новому, к осуждаемому обществом, потому что во все времена новшество признавалось обществом с осторожностью и даже болезненно, всегда найдутся те, чьи взгляды будут задеты. Однако благодаря таким скачкам и преобразованиям происходит человеческое развитие. Как говорил Вольтер: «Без великих препятствий не может быть великих достижений»!

Говоря о развитии, вернее о положительном девиантном поведении как о двигателе прогресса, данная тема остается актуальность не только сегодня, но и вечно (покуда существует человечество). Обратимся к истории и вспомним тех, кто стал жертвами своих открытий, это сожжение Джордано Бруно, тюремное заключение Галилео Галилея, приговор к смертной казни Михаила Ломоносова. Многие другие ученые в науке, политике, искусстве, в литературе и других областях деятельности, которые пропали в недрах сталинских репрессий. Нет ничего труднее, опаснее и неопределеннее, чем руководить введением нового порядка вещей, потому что у каждого нововведения есть ярые враги, которым хорошо жилось по – старому и не уверенные, смогут ли они жить по-новому (Н. Макиавелли).

В качестве яркого примера такой девиантности можно привести Альберта Эйнштейна - гениального физика-теоретика, одного из основателей современной физики, создавшего частную и общую теории относительности, автора основополагающих трудов по квантовой

теории света и мн. др., но совершенно беспомощного в быту, чрезвычайно рассеянного и оторванного от жизненной действительности.

Позитивное девиантное поведение – это действия, направленные на смену устаревших ценностей и норм, которые препятствуют дальнейшему общественному развитию. Оно может проявляться в творчестве, политической деятельности или просто личном протесте. Несмотря на то, что на начальном этапе общество может негативно отнестись к подобным явлениям, примеры позитивного девиантного поведения доказывают эффективность данной модели: Г. Перельман – это гениальный математик, который прославился доказательством теоремы Пуанкаре (другие ученые бились над этим более 100 лет). Как результат, он был номинирован на несколько престижных премий. Но от всех наград Перельман категорически отказался, что является дурным тоном в научных кругах. Тем не менее никакого вреда обществу такое поведение не принесло. К тому же Перельман посчитал ненужным принижать вклад других математиков и вообще переводить науку в коммерческую плоскость. Некоторые примеры положительного девиантного поведения оказали существенное влияние на нашу сегодняшнюю жизнь. Так, в конце 60-х годов компьютеры были размером с жилую комнату, настоящую революцию в этой сфере произвели Стив Джобс и Билл Гейтс. То, что многие считали безумием, они воплотили в жизнь. Сегодня практически у всех есть компактный и функциональный компьютер. В настоящее время мы живем в постоянно трансформирующейся реальности, которая не совсем хорошо осознается обществом. У нас появились неограниченные возможности оказаться за несколько часов в любой точке земного шара или общаться по скайпу с приятелями, которые находятся в другой стране.

Сегодня ученые изучают проблему взаимосвязи позитивного и негативного девиантного поведения. По мнению Я.И. Гилинского (отца девиантологии в России): взаимосвязь между позитивным и негативным девиантным поведением существует, кроме того, ведутся исследования и необходимо использовать эти знания в реальной жизни общества, для сокращения негативных девиаций, путем предоставления максимальных возможностей для развития позитивной девиации [3, с.14]. Если школьник нуждается в самоутверждении, есть два выхода, либо он пойдет в дополнительные кружки творческие, технические, спортивные по его интересам и будет реализовывать свой потенциал или будет устраивать драки, курить, пить и совершать другие негативные поступки. В любом обществе существует баланс социальной активности индивидов, проявляющийся либо в законопо-

слушности и примерном поведении, либо в негативном поведении. Сегодня задача педагогов, родителей, общества и государства в том, чтобы предоставить больше возможности молодым людям для проявления социального творчества, соответственно тем меньше будут негативные проявления. Безусловно, искоренить преступность, алкоголизм, наркоманию полностью невозможно, таким образом, но изменить соотношение двух девиаций, повысить число позитивного девиантного поведения и снизить негативные отклонения, на мой взгляд, в наших силах.

Список литературы:

1. Девиантное поведение детей и подростков в современных социокультурных условиях [Электронный ресурс]: учебное пособие/ В.В. Семикин [и др.]. – Электрон. текстовые данные. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2013. – 183 с.

2. Гишинский Я.И. Девионтология. – М., Издательство: Юридический Центр Серия: Политика и право, 2007.

3. Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна. – М.: Издательство: Алетейя, 2017.

ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК АКТОР ВЛИЯНИЯ НА УРОВЕНЬ НАПРЯЖЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ В РАМКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ ГАНЫ)¹

С.Ю. Калинин, С.Ю. Скарעדов

Россия, г. Барнаул

Алтайский государственный университет

E-mail: kalininlaw@gmail.com

Asante Kissi, Ph.D

GHANA

Ghana Institute of Management and Public

Administration Greenhill (GIMPAGreenhill)

¹ Русскоязычные авторы искренне благодарны своему коллеге из Ганы за участие в работе и представленную информацию посредством обсуждения проблематики с использованием сети facebook.

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор проблемы с актуализацией и рассмотрением вариантов разрешения этнорелигиозных проблем на конкретном механизме сглаживания этнорелигиозных конфликтов посредством применения на практике квотирования интересов этносов и религий в государственных органах и органах местного самоуправления, что позволяет минимизировать социальные издержки. В настоящее время Гана демонстрирует одну из самых стабильных демократий на Африканском континенте, и именно избирательная система является главным инструментом разрешения конфликта интересов межэтнических групп на государственном уровне.

Ключевые слова: этнорелигиозная толерантность, этнорелигиозные конфликты.

Один из важных социальных факторов, влияющих на политическую сферу – усилившиеся в последние годы миграции населения, в том числе этнические. Они характеризуются в литературе как "совокупность миграционных потоков, в каждом из которых численно преобладают лица с общей этнической самоидентификацией, отчуждающиеся от отпускающего общества и отчуждаемые им, ощущающие угрозу своей этнокультурной безопасности и вынужденные перемещаться из одного государства в другое, чтобы избежать этой угрозы" [1]. Мы видим на примере Европейского миграционного кризиса, представляются актуальными вопросы этнорелигиозной толерантности и уровень их влияния на напряженность политического поля. Современное полиэтничное российское общество переживает период глубинной всесторонней трансформации, находящейся под влиянием различных социальных факторов. По нашему мнению Актуальность темы исследования также обусловлена тем, что в России происходят коренные изменения в социокультурной, политической и экономической сферах жизнедеятельности общества. Различные трансформационные процессы приводят к изменению межнациональных и межконфессиональных отношений, часто способствуя обострению этнорелигиозных конфликтов. Ответы на эти вопросы можно получить, в частности, проанализировав не только социально-этнические процессы, но и изучив конкретные примеры социальной инженерии применяемые в мировой практике.

В этой связи представляется интересным опыт Республики Гана (РГ), которая с 1992г. является президентской республикой с конституционно-демократической формой правления. Этнический состав РГ: акан 45,3 %, моле-дагбон 15,2 %, эве 11,7 %, га-дангме 7,3 %, гуан 4 %, гурма 3,6 %, грусси 2,6 %, и другие племена (по переписи 2000

года). Республика Гана – светское государство, не имеющее государственной религии. Конституция страны предусматривает свободу вероисповедания. Большинство населения страны исповедуют христианство (69 % – 75 % населения). [2].

В Гане наряду с традиционными африканскими верованиями представлены практически все мировые религии. Таким образом, этнокультурная мозаика региона обуславливает широкую представленность вероисповедных направлений.

Целью данной статьи является рассмотрение характера отношений (толерантности – интолерантности), возникающих в ситуациях контактов и социального взаимодействия этнических групп в полиэтничной среде, при осуществлении внутренней миграции населения в Республике Гана в этнорелигиозном разрезе.

Статья базируется на исследовании, в котором был использован комплекс традиционных методов и апробированных методик, в частности метод сравнительного анализа и другие.

Правовая система Ганы носит смешанный характер. Ее основными элементами являются английское общее и африканское обычное право. Последнее преобладает в регулировании брачно-семейных, наследственных и земельных отношений. Так согласно ст.11 Конституции источниками права Ганы являются: Конституция, законодательство, существующее право и общее (т.е. прецедентное) право. Под "существующим правом" подразумевается любое писаное и неписаное право, действовавшее на момент вступления Конституции в силу. Статья 272 Конституции предусматривает, что Национальная палата вождей должна предпринимать усилия по изучению и кодификации обычного права с целью унификации его норм и отмены устаревших и социально опасных обычаев [3].

Результаты исследования свидетельствуют о большей интенсивности и активности межэтнических контактов. Величина показателей отрицательного опыта в межэтнических контактах достаточно высока. Аналогичная ситуация и с религиозным фактором. Однако, в РГ данные конфликты разрешаются на стадии возникновения.

В качестве основного инструментария разрешения межэтнических и религиозных конфликтов используются органы местного самоуправления – сельские, городские, муниципальные, окружные и областные советы. Около 1/2 мест в советах могут занимать вожди племён, которые по факту являются представителями конкретных этнических групп исповедующих определенную религию. Генеральный инспектор полиции, по должности - председатель Национальной палаты вождей, которая формируется, основываясь на следующей схе-

ме: по одному представителю от каждой из областей Ганы и 11 других членов, назначаются Президентом. [4, 5, 6].

Таким образом, в стране выработан конкретный механизм сглаживания этнорелигиозных конфликтов посредством применения на практике квотирования интересов этносов и религий в государственных органах и органах местного самоуправления, что позволяет минимизировать социальные издержки. В настоящее время Гана демонстрирует одну из самых стабильных демократий на Африканском континенте, и именно избирательная система является главным инструментом разрешения конфликта интересов межэтнических групп на государственном уровне.

Все это подтверждает необходимость дальнейшего научного анализа степени этнорелигиозной толерантности отношений как в случаях внутренней миграции и внутренних межэтнических и религиозных конфликтов и противоречий, так и между этническими мигрантами и принимающей средой, что возможно поможет разрабатывать положения и меры региональной социальной политики целевого и адресного характера по отношению к конкретным группам этнических мигрантов; способствовать оптимизации процессов социальной адаптации этнических мигрантов и стабилизации межэтнических отношений в местах их проживания.

Список литературы:

1. Панарин С. Центральная Азия: этническая миграция и политэтнические субъекты воздействия на миграционную ситуацию // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. М., 1998. С. 10.
2. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Ганы.
3. www.gov.gh
4. Amankwah H. A. Ghanaian Law: Its Evolution and Interaction with English Law // Cornell International Law Journal. 1970. Vol.4.
5. Daniels J. Ghana // International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. 1. 1975.
6. Redden K. R. Ghana // Modern Legal Systems Cyclopedia. Vol. 6. Buffalo; N. Y., 1990.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА)

Н.А. Каныгина

Россия, г. Липецк

администрация города Липецка, управление

Октябрьским округом

E-mail: werty-79@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы духовной безопасности человека на примере возрождения духовности российского общества. Показано, что на разных этапах его формирования, проблемы духовной безопасности сопровождали и сопровождают Российскую Федерацию и ее многонациональный народ. Эти проблемы создавались и создаются по разным причинам: внешнее влияние, проблемы в руководстве страной, в образовании, в личностных отношениях и др. Предложены пути устранения сложившихся проблем.

Ключевые слова: проблемы духовной безопасности человека; духовная безопасность российского общества; пути решения проблем.

Становление российского государства прошло через долгий путь язычества, когда духовное формирование руссов (россов) происходило на основе сложившихся родовых традиций, семейных ценностей и окружающей их природы. Свою духовность, наши предки черпали в окружении своих богов, которые величались по названию деревьев, земли, воды, огня, солнца и др. Например, берёза, высаживаемая у жилища, называлась Берегиней; считалось, что Бог Солнца – Ра, приносит тепло, радость.

Многобожие не мешало формированию таких качеств, как любовь к дому, семье, спланивало не только членов рода, но и помогало выстраивать добрососедские отношения. Утверждение о том, что славяне Древней Руси были бездуховны и представляли собой дикарей, беспочвенно. Именно в этот период стало формироваться коллективное художественное народное творчество получившее название фольклор, и были заложены основы педагогики - этнопедагогики.

Главным источником и хранителем педагогических традиций, основным воспитателем была семья. Это была та художественная среда, куда ребенка помещали после рождения и где долгое время он слушал колыбельные и потешные песенки. Помимо общепедагогических функций: уложить спать, развлечь, научить говорить и совер-

шенствовать речь, познакомить с явлениями окружающего мира, песни и потекши, имели и музыкально воспитательное значение. Семейный музыкальный быт сохранял значение, как в раннем, так и в подростковом и юношеском возрасте. Воспитание детей в семье, практически не отличалось от воспитания детей в семьях представителей других религий. По мере взросления детей, постепенно расширялась среда, в которой они черпали жизненный опыт: формировалось бережное отношение к матери и вообще к женщине; в ходе коллективной охоты прививались не только навыки владения оружием, но и построения хитрых комбинаций заманивания зверя в ловушку; большое внимание уделялось приобретению юношами военного мастерства [1].

Историки отмечают, что руссы-воины того периода, часто приглашались греками и римлянами для участия в военных походах. И об их бесстрашии, физической силе и военном умении владеть оружием неоднократно писали зарубежные историки. С принятием христианства на Руси, происходило освоение новой религии и новой культуры во всех направлениях художественного творчества [2].

Княгиню Ольгу и послов князя Владимира заинтересовали не псалмы и словесное изложение других религиозных песнопений. Их заворожила божественная красота внутреннего оформления храмов. Именно это ощущение прекрасного, получаемого нашими предками с раннего детства, стало первопричиной крещения Руси.

Процесс привыкания к новым богам, то есть, процесс повсеместного признания православия, был длительным и болезненным. Однако он был и полезным: появились русские мастера в церковной архитектуре (строение храмов), иконописи, написании фресок, орнаментальной росписи, чья работа представлялась как «полезная для души» [3]. В дальнейшем эта «полезность» проявлялась в формировании русской культуры: создании «великого» и «могучего» русского языка, в искусстве, великой русской литературе, живописи, в различных отраслях науки [4]. Более того, православная духовность объединила россиян и создала возможность единения народа и элиты.

Существует утверждение, что кризисные ситуации в любой сфере жизни российского государства, обновляли понятие «духовность», наделяя новыми признаками людей, проживающих в нем. Именно в такие кризисные моменты проявлялась духовность или бездуховность. Веками, народы нашего государства, с первых дней своей истории вынуждены были, в жестоких боях отстаивать свою территориальную целостность, свою независимость, показывая примеры ге-

роизма, беззаветной любви к своей Родине и отдавая за неё жизнь. Угрозу духовной безопасности несли не только войны, но и разного рода конфликты, которые чаще всего возникали на религиозной почве. Двадцатый век стал веком тяжелейших испытаний для российского народа: гражданская война, революция и Великая Отечественная война, в которых погибли миллионы людей. Многие из них не просто умерли, они положили свои жизни, защищая Родину, обеспечивая её государственную и общественную безопасность, духовную безопасность каждой личности. Однако, не прошло и пяти десятков лет, когда в союзе братских республик наступил разлом в виде реальных угроз: территориальной и духовной безопасности России. К числу таких угроз относились:

- фактическое уничтожение советской армии;
- серьезные проблемы в экономике государства;
- межнациональные проблемы;

- отказ от отечественных культурных ценностей и пропаганда ценностей, противоречащих духовности характерной для представителей всех религий - народов, проживающих на территории бывшего советского государства;

- распространение иностранных религиозных организаций, насаждающих свои «ценности», экстремизм в молодежной среде;

- снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения России (рост религиозной бездуховности, распад семей, свобода сексуальных отношений, отказ от детей, рост общей преступности и, преступности среди несовершеннолетних, в том числе – девочек);

- падение результативности деятельности правоохранительных и правоприменительных органов, а так же средств массовой информации (подтасовка, искажение), что вызывает негативные реакции в обществе;

- снижение уровня педагогического воздействия и мастерства в школах, средних и высших учебных заведениях. Преступным следует признать начало изучения истории России с изучения истории древней Греции и Рима. По-видимому, в программах по истории не нашлось места, как для истории России, так и для истории народов, проживающих на территории Российской Федерации. Поэтому, не удивительно, что российские учителя по истории не прошли тестирование организованное РОСОБРНАДЗОРом России [5].

Та же картина сложилась и в программе по преподаванию литературы, той литературы, которая создавалась: А.С. Пушкиным, М.Ю.

Лермонтовым, Л.Н. Толстым, Н.В. Гоголем и др., а также представителями нашего многонационального народа. Прекрасные произведения, не доходят до студентов и не служат источником их духовного совершенствования. Источником духовности служит и литература республик, составляющих Российскую Федерацию. Она включает в себя 18 литератур. По мнению критиков, и читателей, творения северокавказских поэтов и прозаиков, отличает особая красота слога, напевность. А то, как искренне и горячо выражают свою любовь к Родине авторы, заслуживает искреннего уважения. Поэтому, у горцев хорошая книга, всегда считалась достойным подарком [6].

Способствует совершенствованию духовности в молодежной среде Татарстана, устойчивая политика руководства республики и ее религиозных деятелей.

Сегодняшние педагоги, должны помнить, что «лишь школа, тесно связанная с окружающей жизнью, с интересами ребенка, открывающая ему различные сферы применения своих сил, создает условия для развития человеческой личности. В советской школе воспитание коллективиста должно быть соединено с воспитанием всесторонне развитого, внутренне дисциплинированного человека, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организованно действовать» [7].

Для решения возникших проблем, следует глубоко, всесторонне проанализировать сложившуюся ситуацию в образовании и принять продуманные меры, возвратившись к положительному опыту советского государства. Отказаться от создания нескольких многопрофильных ВУЗов в одном регионе. Например: юрфак (МВД) – в Белгороде, Воронеже – по линии МВД и Верховного Суда и т.д. Зачем плодить безработных, обозленных неудачников?

Несмотря на существующие проблемы, государством проделана большая работа по их устранению:

создана армия, способная противостоять любой военной угрозе;
достигнуты ощутимые успехи в области экономики, сделаны шаги в улучшении материального обеспечения отдельных категорий граждан;

качественно улучшились межнациональные отношения, в которых главенствующую роль играют духовенство и руководство регионов;

проводится работа в образовательной системе по повышению качества преподавания во всех видах учебных заведений и повыше-

нию правовой культуры граждан, по сохранению культурного достояния всех народов России;

особые требования предъявляются к СМИ: вводится запрет на использование эфирного времени в электронных средствах массовой информации, проката для программ, пропагандирующих насилие и др.

Несмотря на указанные недостатки, можно утверждать, что Россия встала на путь возвращения к истокам национального духа, укрепления своих позиций в глазах мирового сообщества. Нужно признать, что в сознании нашего народа идут процессы, ведущие к его процветанию и международному уважению.

Устранение проблем возрождения духовной безопасности российского государства будет способствовать стремлению каждого гражданина России к самореализации, к самосознанию, к постижению подлинности смысла таких слов как, любовь, добро, истина, красота.

Список литературы:

1. <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch08.htm> – В.О. Ключевский. Курс русской истории.
2. Корнетов Г.Б. Гуманистическое образование: традиции перспективы. – М., 1993. – С.73.
3. Русская православная церковь. – М., 1990. – С. 53.
4. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №1. – С.70.
5. <http://www.grso.ru/articles/dobrovolnyj-proval-polovina.html> – Газ. «Гражданин созидатель».
6. <https://kavkazsuvenir.ru/blog/literatura-narodov-severnogo-kavkaza> - Литература народов Северного Кавказа.
7. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаетова М.Ф. История педагогики. – М.: Просвещение, 1982 г.

РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

П.А. Корпачев

Россия, г. Москва

РХТУ имени Д.И. Менделеева

korpachevpa@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен религиозной радикализации и его восприятие в современном западном академическом дискурсе. Целью работы является раскрытие наиболее влиятельных концепций, осмысление основных предложений западных исследователей по преодолению религиозного радикализма.

Ключевые слова: религиозный радикализм, духовная безопасность, религиозный экстремизм, дерадикализация, толерантность.

На протяжении всей истории человечества насилие было одним из путей к достижению политических, экономических и идеологических целей. Лишь последние десятилетия XX в. стали для западного мира временем относительной стабильности и внутренней безопасности. Однако этот спокойный период был кратковременным, и теракты 11 сентября 2001 года в США положили начало новому витку насилия. Эти события стали настоящим потрясением для западного общества, побудив крайне острую политическую реакцию: принятие «Патриотического Акта» в США и сходных законов в Великобритании, Канаде, Франции, Италии и Германии, резолюции Совета Безопасности ООН, а также начало военных кампаний, получивших общее название «Война с террором» и даже сравнивавшихся Дж. Бушем – младшим с крестовыми походами в своей символической значимости [5, с. 293]. В академическом сообществе случившаяся трагедия также нашла живой отклик, результатом которого стали многочисленные междисциплинарные исследования феномена религиозного экстремизма или, более широко, религиозной радикализации, порождающей в конечном итоге экстремизм.

Радикализация в современном религиоведческом и социологическом дискурсе обыкновенно понимается как процесс приобщения индивидов и групп к экстремистским или радикальным формам мировоззрения [1, с. 3]. Однако многие исследователи считают такое определение слишком широким, полагая необходимым связать радикализм

с насильственными действиями, целью которых является достижение ясно определённых целей [1, с. 8]. Именно в таком, более узком, фокусе стоит трактовать религиозный радикализм и на наш взгляд.

Одна из первых попыток систематического рассмотрения проблемы обострения радикализма в западном мире была предпринята М. Силбером и А. Баттом, выделившими в своём исследовании четыре основные фазы процесса радикализации: «пре-радикализм», самоидентификацию, индоктринацию и «джихадизацию» [7, с. 15]. В основание своего исследования ими был положен тщательный анализ событий 11 сентября 2001 г., а также последующих террористических актов в Мадриде (2004), Амстердаме (2005), Лондоне (2005) и Торонто (2006). Работа Силбера и Батта, в которой они попытались найти общие черты «внешнего» и «внутреннего», т. е. зародившегося в западном обществе, экстремизма, считается на сегодняшний день одним из самых авторитетных исследований по проблеме религиозной радикализации [3, с. 101-103].

Особого внимания заслуживает предложенная Силбером и Баттом сегментация процесса радикализации. По их мнению, каждую ступень можно ясно отличить от последующей и предыдущей, поскольку на любой из них индивид или группа имеют набор признаков для их демаркации. Так, на первом этапе, названном «пре-радикализм», отмечается лишь религиозность субъекта без каких-либо тревожных признаков, на втором – самоидентификации – почти всегда происходит «травмирование» индивида со стороны общества через экономическую или социальную маргинализацию, приводящую его к осознанию необходимости ответить на причинённую несправедливость. Этап индоктринации отличается от предшествующих тем, что именно на нём происходит принятие радикальной идеологии как необходимого завершения уже имеющихся религиозных воззрений. Четвёртая же ступень неразрывно связана с осознанием субъектом собственной принадлежности к «избранной» группе, ведущей «священную» войну и вследствие этого имеющей санкцию свыше на совершение террористических актов [7, с. 10].

Критика теоретических построений Силбера и Батта заключается, по преимуществу, в том, что они преимущественно говорят об исламском радикализме, почти ставя знак равенства между экстремизмом и исламским фундаментализмом. Подобный подход грешит непостыжной неполнотой, оставляя за пределами научного изучения феномен радикализации в других, в том числе христианских, конфессиях [3, с. 13]. Вследствие этого, полиция Нью Йорка впоследствии

переиздала работу 2007 г. с уточнением касательно применимости предложенной её авторами схемы к исследованию множества религиозных направлений [1, с. 6].

Вторым не менее влиятельным подходом к изучению проблемы религиозного радикализма является концепция А. Али, предложенная ею в работе 2011 г. и быстро получившая широкое признание в академическом сообществе [1, с. 18]. Поставив перед собой цель объяснить рост радикальных настроений во всём мире в последние четыре десятилетия, Али сформулировала следующие три положения: а) корни современного религиозного радикализма кроются не столько в маргинализации отдельного индивида, сколько в ухудшении экономического положения целых народов на Ближнем Востоке; б) причиной означенного ухудшения являются не внутренние общественные процессы, а внешняя политика Соединённых Штатов Америки, в частности вторжения в Афганистан и Ирак, а также поддержание крайне тесных связей с Израилем; в) питательная почва для появления «домашнего» радикализма в странах западной цивилизации появляется вследствие ошибок в политической и социальной сферах, приводящих к росту социального неравенства [6, с. 19]. Интересно отметить, что в качестве классического примера для демонстрации как влияния социального положения, так и необходимости прохождения всех четырёх ступеней процесса радикализации и Али, и Силбер с Баттом указывают террориста Джека Роша, после обращения к радикальному исламу планировавшего осуществить теракт у посольства Израиля в Австралии [1, с. 8].

Обобщая работу исследователей последних двух десятилетий, можно выделить следующие три основные положения современной теории религиозной радикализации:

1. Радикализация обычно предшествует жестокому поведению, поэтому противодействие ей – дерадикализация – является лучшим способом предотвращения террористических актов;

2. Несмотря на то, что не существует общепринятой схемы радикализации религиозных групп и индивидов, можно обозначить основные четыре этапа, через которые обязательно проходит каждый субъект этого процесса;

3. Ошибочным является отождествление идеологического радикализма и радикализма поведенческого. Эти феномены должны быть чётко дифференцированы и исследованы самостоятельно [2, с. 4].

Как явствует из первого положения, наряду с феноменом радикализации современное западное научное сообщество стремится рассматривать и противостоящий ей процесс дерадикализации, в резуль-

тате которого можно не только предотвратить жестокие акты насилия, но и вернуть индивида к полноценному существованию в социуме. Стоит отметить особую актуальность для современного общества разработанной Силбером и Баттом теории необходимой связи маргинализации и порождаемого ею радикализма. Единственным способом обращения вспять этого процесса является уважительное принятие религиозных меньшинств в по преимуществу монорелигиозной среде. Вместе с тем, А. Али и многие современные авторы обоснованно дополняют это предложение призывом отказаться от необдуманных решений в рамках провозглашённой США «войны с террором», ведущих лишь к большим жертвам среди мирного населения и значительным экономическим потерям, однако не только не способных замедлить радикализацию религиозных групп на Западе, но и ускоряющих этот процесс [4, с. 16].

Итак, одной из ключевых особенностей современных западных исследований религиозной радикализации является принятие утверждения о постепенном характере протекания этого процесса и чёткой дифференциации различных этапов повышения радикализма индивида или социальной группы. Следовательно, предотвращение жестоких проявлений религиозного радикализма осуществимо лишь при условии внимательного анализа поведения отдельного индивида, а также его полной социализации, сопряжённой с усилиями по искоренению социального неравенства, продвижением идей толерантности и мультикультурализма, и, наконец, отказе от американской концепции «войны с террором» в её нынешнем виде.

Список литературы:

1. *Aly A.* Terrorism and Global Security: Historical and Contemporary Perspectives. Melbourne: Palgrave Macmillan, 2011.
2. *Bjoro T., Horgan J.* Leaving terrorism behind: individual and collective disengagement. Oxon: Routledge, 2009.
3. *Mandel D. R.* Radicalization: What does it mean? // Home-grown terrorism: Understanding and addressing the root causes of radicalisation among groups with an immigrant heritage in Europe. Amsterdam, Netherlands: IOS Press, 2010. PP. 101-113.
4. *Motilla A.* Problemas y retos de la inmigración islámica en Europa; la posición de la Unión Europea // Revista Electrónica del Departamento de Derecho de la Universidad de la Rioja, 9, 2011. PP. 7-26.
5. *Norton S., Upal A.* “Narratives, Identity, and Terrorism”. Religious Radicalization and Securization in Canada and Beyond. Toronto: University of Toronto Press, 2014.

6. *Shlezinger N. Dangers Down Under: A history of terror in Australia. AIJAC, 2005.*

7. *Silber, M., Bhatt, A. Radicalization in the West: The homegrown threat. New York: New York City Police Department, 2007.*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ РАДИКАЛЬНОГО РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*З.Х. Кочесоков, М.К. Кочесокова
Россия, г. Пятигорск*

*Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС
E-mail: kochesokova92@mail.ru*

Аннотация: Благодаря действиям сирийской армии и международных сил безопасности, в том числе и России, произошло значительное снижение экстремистских проявлений радикального религиозного фундаментализма в Сирии. Однако нет четкого, согласованного взаимодействия между государствами, участвующими в этом процессе.

Ключевые слова: кризис, радикальный религиозный фундаментализм, международные отношения, международное право, пренебрежительное отношение, катастрофа.

Несмотря на огромные усилия, прилагаемые мировым сообществом в деле противодействия с экстремизмом и терроризмом, в настоящее время продолжают происходить террористические акты в мире [1,2].

Дело в том, что во многом терроризм и экстремизм в современном мире являются следствием и продолжением международной политики США и их союзников в мире, что проявляется, как нам представляется, наиболее отчетливо на примере сирийского кризиса [3].

Под лживым предлогом наличия химического оружия они постоянно вмешиваются во внутренние дела сирийского государства, нанося ракетно-бомбовые удары, разрушая его инфраструктуру, политическую, экономическую и культурную самобытность.

Более того, они способствовали тому, чтобы большая часть ее территории была в свое время захвачена радикальными религиозными фундаменталистами.

По этой же причине, как показывает анализ, во многих других странах в настоящее время разгул бандитизма, нищета, невыносимые условия жизни, голод, антисанитария. В частности, в Ираке, Ливии.

Как следствие, в поисках лучшей жизни население этих стран стремительно мигрирует в Западную Европу.

США и их союзники не только провоцируют международный терроризм, но и являются известными их спонсорами.

При их поддержке на территориях многих государств возникли незаконные вооруженные формирования, в том числе и «Исламское государство» в Сирии со своей идеологией, финансами, экономикой и т.п.

В мире произошло нарастание угрозы радикального религиозного фундаментализма, против которого в настоящее время, как показывает анализ, нет должного, взаимосогласованного действия всего мирового сообщества.

Россия имеет большой опыт противодействия экстремизму и терроризму. Однако по известной причине США и их союзники отказываются от сотрудничества с Россией.

Западная коалиция, включающая в себя более 69 государств, предпочитает действовать самостоятельно.

Дело в том, что конфликт в Сирии есть столкновение интересов разных геополитических сил в мире, где одна из сторон активно манипулирует радикальными религиозными фундаменталистами для достижения своих целей, направляет их, управляет ими.

«Исламское государство» - самое одиозное террористическое государство в истории развития человечества, поддерживаемое западными спонсорами и заинтересованными в них региональными государствами.

Они же способствовали значительному расширению географии распространения радикального религиозного фундаментализма в мире. Зародилась на территориях Сирии и Ирака, точнее сказать, на границе между этими двумя государствами.

В данной связи напомним, что Сирия как государство сформировалось на территориях богатых природно-сырьевыми запасами, в том числе и нефтью.

Полиэтническое и поликонфессиональное государство, которое включает в себя также части многомиллионного курдского народа, составляют приблизительно 15% населения Сирии, а в Турции еще больше, народ, который не оставляют попыток создания собственного независимого государства уже в течение длительного, продолжительного времени.

Разумеется, участие России в сирийском кризисе обусловлено защитой ее национальных интересов. К примеру, в Сирии много выходцев из России в составе «Исламского государства» и других террористических организаций воюют против сирийских войск.

Кроме «Исламского государства», как было отмечено выше, на территории Сирии действуют и другие религиозные террористические организации. Среди них, к примеру, «Джабхат ан-Нусра», которая раньше называлась «Аль-Каида», группировка, которая возникла значительно раньше, создавалась западными спецслужбами для борьбы против советских войск в Афганистане.

Бен Ладен - ярчайший представитель «Аль-Каида», в свое время террорист номер один в мире, которого, как известно, в течение долгого времени разыскивали все спецслужбы мира, был выпестован США для борьбы против СССР в Афганистане.

Сейчас террористические акты совершаются не только в России, но и в странах Западной Европы, что говорит о значительном расширении географии их террористической деятельности. Среди них территории Англии, Франции и других.

Будучи вытесненными из Сирии в настоящее время радикальные религиозные фундаменталисты аккумулируются в Афганистане. Однако ныне Россия большей частью занимается разрешением сирийского конфликта.

Впрочем, Сирия для России и многих других стран представляет не только политический, но и экономический интерес. Ее послевоенное восстановление, разработка новых сирийских месторождений несет прямую экономическую выгоду, которой хотят воспользоваться все участники сирийского конфликта.

«Двойные стандарты», как показывает анализ, в подходах к оценке той или иной действительности, к тому, или иному явлению характерны на современном этапе для стран Запада, в том числе, как показывает анализ, и по отношению к современным международным террористам.

В этом плане, одни подпитывают радикальных религиозных фундаменталистов деньгами, всем необходимым, есть даже лагеря для их подготовки, обеспечивая их «полноценное» функционирование.

Преследуя свои интересы, США и их союзники готовы на любые ухищрения, руководствуясь в своей деятельности давно известными принципами «цель оправдывает средства», «разделяй и властвуй».

В настоящее время, применяя технологию «двойных стандартов» в сирийской компании они оберегают, «подкармливают» так называемую «свободную сирийскую армию», на самом деле, представляющих собой части международной террористической организации, воюющих против сирийской армии, убивающих женщин, стариков и детей.

В то время, другие государства занимаются ликвидацией, уничтожением боевиков, организацией мирной жизни сирийских граждан, разрешением конфликтов, противоречий.

И все же, усилия, предпринимаемые в настоящее время Россией, Ираном и Турцией по стабилизации межэтнических, межрелигиозных противоречий в Сирии, дают положительные результаты.

Как нам представляется, США в дальнейшем продолжат использование радикальных религиозных фундаменталистов для достижения своих целей. Они заигрывают с ними, используют их для борьбы с неудобными им политическими режимами в мире.

И все же, как было отмечено выше, противодействие экстремистским проявлениям радикального религиозного фундаментализма требует четкого, согласованного взаимодействия многих стран и народов.

В настоящее время России, Ирану и Турции практически удалось переломить кризисную ситуацию в плане противодействия радикальному религиозному фундаментализму в Сирии. Более 90% территории Сирии уже освобождено.

До того, как появились там ВКС России, коалиция, возглавляемая США уже «успешно» боролась с международным терроризмом, что вызывает больше вопросов, чем ответов.

В этом смысле, вызывает недоумение тот факт, что проводимая ныне США международная политика направлена на дестабилизацию современных международных отношений.

Против своих оппонентов чаще используют «грязные технологии», точнее говоря, незаконно применяются санкции, действия противоречащие нормам международного права, в том числе и против ЕС, который, по сути, является их союзником.

В частности, США пытаются вытеснить Россию из энергетического рынка Запада. Выступают против строительства газопровода «Северный поток-2», предлагая взамен свой дорогой сжиженный газ.

Также угрожают санкциями странам, покупающим дешевое российское оружие, которые значительно лучше, чем их американские аналоги.

Недоумение вызывает еще и тот факт, что законы США выступают часто как экстерриториальные. Они незаконно задерживают граждан других государств на территориях третьих стран. В этой связи, в настоящее время в тюрьмах США незаконно пребывают более 40 российских граждан.

Еще добавим, что внутривластные процессы в США часто отражаются на отношениях с другими государствами в угоду заинтересованной в этом части американской политической элиты.

Так, в политической борьбе против президента США Д. Трампа активно используются якобы его связи с Россией.

В средствах массовой информации умышленно муссируется его обвинения о тайном сотрудничестве с российскими властями.

Ныне против Ирана объявлены невыполнимые санкционные требования. Среди прочих требований, предъявляемых к Ирану вывод войск из Сирии и другие, с которыми он никак не может мириться.

Как известно, иранские войска находятся в Сирии по приглашению властей, в строгом соответствии с международным правом, как и Россия.

Иначе говоря, США пытаются разорвать давно сложившиеся связи и отношения между странами, государствами, политические и экономические, преследуя собственные интересы.

Как показывает анализ, современные международные отношения динамичны. Они быстро меняются. В этой связи обнаруживаются высокий уровень интеграции и дезинтеграции стран, народов.

В частности, приближаясь к границам России, расширяется НАТО. Как будущих членов НАТО все чаще на Западе называют Украину и Грузию. В этой связи растет международное напряжение. Естественно, что со стороны России этот шаг вызовет ответную реакцию.

В современных условиях важно найти взаимоприемлемые и взаимовыгодные пути решения всех проблем, возникающих между странами, государствами.

Ключевыми в этих вопросах должны стать государства, имеющие наибольшее политическое влияние в мире. Ныне действия США в этом плане, как было отмечено выше, вызывают больше вопросов, чем ответов.

В мировом развитии США и их союзники, преследуя собственные интересы, эскалируют международные отношения. Им безразличны национальные интересы других стран, народов. Взаимовыгодного сотрудничества не ищут. Их интересует безраздельное господство, власть и деньги.

Вместе с тем объективные процессы мирового развития диктуют международному сообществу иные связи и отношения.

Вопреки желанием, устремлениям США и их союзников однополярный мир постепенно сменяется многополярным.

Под угрозой оказалось доминирование США и их союзников в мире, что вызывает болезненную реакцию с их стороны. В этой связи придумываются разные технологии международной изоляции России.

Список литературы:

1. Кочесоков З.Х., Кочесокова М.З. Проблема радикального религиозного фундаментализма в контексте национальной безопасности современной России // Научный портал МВД России. 2015. № 2 (30). С. 77-80.

2. Дуреева Н.С. Глобализация как конструирование нового мирового порядка // Философия образования. 2008. №4 (25).

3. Кочесоков З.Х., Арипшев А.М. Факторы, влияющие на развитие радикального религиозного фундаментализма на современном этапе // Научный портал МВД России. 2013. № 3 (23). С. 100-106.

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНСКИХ, ЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Л.У. Курбанова, Ш. Чибвур
Россия, г. Грозный
ФГБОУ ВО «Чеченский
государственный университет»
medna59@mail.ru*

Аннотация. В статье дана попытка анализа проблемы концептуализации проблемы гендерного равенства в исследованиях американских, европейских и российских исследователей. Ведь человек включается в преобразование окружающего мира не только как универсальное существо, но и различными сторонами своей родовой сущности. В этом процессе он участвует, в том числе и как половое существо: женщина или мужчина. Вопросы его встраивания в родовую сущность, вопросы воспитания его в рамках природной половой идентичности с детства – одна из стабильных проблем современной цивилизации. Эти параметры социальной реальности по-разному осмысливаются в разных социокультурных средах: американской, европейской и российской.

Ключевые слова: гендерное равенство; традиционные роли, гендерная социализация, гендерная нейтральность, модель семьи.

Проникая в основные элементы социальной структуры (личность и общество, семью и государство, т.д.), неравенство полов вышло за пределы личностных взаимоотношений людей и приобрело общественное значение. В общественном сознании общества социальное неравенство полов оценивалось неоднозначно. Долгое время оно оправдывалось мужским "превосходством", имеющим якобы "божественное" или "естественное", биологическое происхождение. Когда авторитет данных утверждений стал ослабевать, на свет появились теории, обосновывающие неравноправное, по сравнению с мужчинами, положение женщин в обществе различными социальными факторами (экономикой, культурой и т.д.).

Между тем, в социально-философской мысли все больше укреплялось стремление к социальному равенству полов. Аналогичная идея, трансформируясь в многочисленные теории полового воспитания и в целом была направлена на признание женщин и мужчин равнозначными субъектами общественного процесса. Эту парадигмальную основу необходимо было встраивать в модель социализации поколения, детерминированную социальными, культурными, политическими изменениями того или иного общества. Тема эта нашла неоднозначное толкование в научной литературе американской, европейской и российской.

В американской литературе происходит концептуализация проблемы гендерного равенства еще с XVII века. Согласно Кваффа [1], во время американской революции женщины участвовали в экономической деятельности косвенно. В 1765 году женщины оказывали влияние на мужчин в разработке политикоторговли, поскольку Америка торговала с Великобританией. Это стало началом реализации женщинами своих способностей выполнять роли, в которой доминировали мужчины.

В результате провозглашения гендерного равенства, американские исследователи выяснили, что женщина продолжает выполнять двойную нагрузку и равенство только усугубило ее занятость. Это подтверждается Скоппе [2], который утверждал, что еще одна область, в которой существует, стойкое неравенство, - это выполнение нескольких неоплачиваемых работ женщинами, например, работа по дому и уход за детьми в одно и то же время. Перекосы такой модели проявились в двойной занятости матерей и постепенной коррекции самой модели гендерного воспитания, а именно: поднимать детей пу-

тем введения новых норм и ценностей, таких как воспитание детей в гендерных нейтральных отношениях. Ряд американских исследователей настаивают на отсутствии необходимости социализации детей по признаку пола. [3] Хотя это мнение находит поддержку не у всех экспертов, настаивающих, что традиционное воспитание детей в рамках их биологического пола, может служить гарантией их психологической стабильности во взрослой жизни.[4]

Однако в результате гендерного равенства. Традиционная модель семьи перестала быть единственной моделью, где четко очерчены роли мужа и жены. В условиях динамично меняющейся социальной реальности и смывание прежних социальных структур, поддерживающих традиционную семью, появляются семьи с самым разным набором социальных практик. Единые стандарты больше не применимы ко всем семьям, которые приняли гендерное равенство. [5] Действительно, семья не может быть описана просто как набор четко определенных ролей, она меняется на ежедневной основе, построенная путем взаимодействия между партнерами на микроуровне и под влиянием макроструктур в политической и экономической сфере.

Следовательно, осуществление гендерного равенства в Америке повлияло на воспитание детей, поскольку оно приобретает большую социальную значимость. Многие родители и опекуны больше не ожидают, что их дети будут вести себя стереотипно «мужским» или «женским», даже детей могут похвалить за то, что они выходят за рамки своих гендерных ожиданий. Американские исследователи приходят к выводу, что воспитание детей нужно строить по принципу не ожидая их соответствия гендерным нормам. Это может позволить им развивать широкий потенциал во многих областях, а не ограничивать рамками своего пола, заданной биологией.

Однако исследования показали, что многие родители боятся практиковать гендерное равенство на ранних стадиях развития ребенка, поскольку многие результаты исследований свидетельствуют, что гендерное равенство открывает путь к каким-то гомосексуальным поведенческим тенденциям среди детей. Девочка, воспитываемая и учащаяся в роли мужественности, с большей вероятностью развивает мужественность и наоборот.

С другой стороны, в Европе гендерное равенство является международной общепринятой концепцией, и многие страны Европы разделяют универсальное определение этой концепции. Женщины несут свою основную традиционную роль в обществе, они воспитывают детей.

Гендерное равенство не сняло с женщины ее традиционной роли и за воспитание детей она по-прежнему ответственна. Часто они не рассматривают возможность других договоренностей, которые могут быть предпочтительными. Женщины гораздо более уязвимы перед социальным упреком за отказ от ответственности за воспитание детей, но при этом, они также хотят участвовать во всех сферах жизни общества.

Кроме того, Гиссела [6] отмечает, что гендерное равенство привело к снижению прочности браков, удвоению коэффициентов разводов, росту тенденции к нетрадиционным семейным образцам. Наметилась стойкая тенденция увеличения неполных семей. Семья перестала быть необходима как экономическая безопасность: женщина сама спокойно может прокормить и воспитать ребенка. Институт отца, потеряв экономический рычаг необходимости, сложно встраивается в новые вызовы, необходима «перезагрузка» сущностной основы семьи, считают исследователи [7]. Эта тенденция в структуре семьи ставит под вопрос доминирующую важность финансовой роли отца. Для обеспечения благополучия ребенка и повышения ориентации на семейные духовные ценности, необходимо формирование новой морали для семьи и ее микромира. В Европе многое делается в этом направлении. Так, Европейский союз разработал политику, позволяющую решать проблемы декретного отпуска для обоих родителей. Появилась тенденция к осуществлению политики отпусков по уходу за родителями, также известная как «папы месяца» или «квоты папы». Потенциальными целями этой политики являются повышение гендерного равенства как в семье, так и на рынке труда, улучшение баланса жизни и труда для семей и укрепление связей между отцом и ребенком.

Таким образом, Европа сформулировала данную политику в целях повышения эффективности гендерного равенства в семье для защиты прав детей иметь институт отца и институт матери, где мать и отец выполняли бы новые роли, диктуемые реалиями жизни, не нарушая права ребенка на полноценную семью.

В российском обществе в течение длительного времени проводилось четкое различие между мужской и женской половой ролью, основанной на разделении труда. В настоящее время изменения в общественном производстве и характере труда, правовое и политическое равенство полов, повышающие роль женщин в обществе, привели к эрозии традиционной системы социальных ролей мужчин и женщин, оказали влияние на сексуальную дифференциацию, способствовали феминизации мужчин и маскулинизации женщин. Отличи-

тельным признаком гендерной социализации в российском обществе является то, что проблемы культуры и пола оказались взаимосвязанными в России. В более узком смысле: образовательная и профессиональная сегрегация, более низкий уровень заработной платы женщин, недостаточное представительство женщин в процессе принятия решений или общая гендерная асимметрия относятся к культурному сектору[8]. Гендерное равенство заняло свое место не только в политике, экономике или образовании, но и в семье и воспитании детей. Логинова А.С.[9] приходит к выводу, что изменение гендерных стереотипов касается не только роли мужчин и женщин в общественной и промышленной сферах, но и их семейных ролей. В жизни современной семьи мужчина не всегда является главным кормильцем, часто женщина берет на себя материальную поддержку семьи, в то время как отец может уделять больше внимания воспитанию детей.

В России, несмотря на концептуализацию гендерного равенства, государство сохраняло свою идеологию по отношению к женщинам, она практически всегда занимается воспитанием детей. основой, несмотря на декларируемое гендерное равенство. В этом есть базовое сходство с американскими и европейскими обществами. Но своеобразие парадигмы гендерного равенства в российской реальности сводится к следующему: Россия, сочетает в себе многие традиционные особенности пола и рождаемости (такие как универсальное и раннее деторождение) с очень современными чертами, такими как высокий уровень образования и заработная плата женщин, а также большая автономия в принятии решений в области репродуктивного здоровья.

Различные гендерные роли стали привычными для женщин (например, работающая мать, профессиональные женщины, домохозяйка). Уровень трудового участия женщин в России высок, исключительное материнство не характерно, и женщины по-прежнему в основном отвечают за уход за детьми и домашние дела[10] Российские исследователи тоже говорят о перегруженности женщин, поскольку они пытаются сбалансировать как семейные обязанности, так и работу.[11] Тем не менее, гендерный контракт домохозяйки является приемлемым в современной России, и есть доля женщин, которые выбирают традиционную семейную роль и уходят из занятого труда (по крайней мере временно), если мужья находятся в роли успешных кормильцев. Распространенная модель, где сочетаются профессиональные и семейные обязанности.

Проекция влияния смены моделей или, скорее их многополярность на гендерную социализацию детей имеет свои особенности. Семенова Л.Е. [12] считает, что изменения традиционных гендерных

ролей привели к изменениям в сознании детей: девочки становятся агрессивными, грубыми, а мальчики принимают женское поведение. Многие девочки лишены скромности, нежности, терпения, они не знают, как мирно разрешать конфликтные ситуации. Мальчики, напротив, не знают, как выделиться для себя, они физически слабы, испытывают недостаток в выносливости и эмоциональной стабильности, и им не хватает культуры поведения по отношению к девушкам. Кроме того, играющие дети не знают, как вести переговоры, назначать роли и в процессе работы, дети не знают, как самостоятельно назначать обязанности на основе пола партнера.

Таким образом, проблемы гендерного равенства в процессе воспитания детей почти универсальны в Америке, Европе и России. Исследователи считают, что гендерное равенство охвачено во многих странах и привело к изменению семейных структур, традиционных гендерных ролей мужчин и женщин. Эти изменения побудили родителей обучать своих детей гендерно нейтральным путям. В результате дети теперь сталкиваются с путаницей гендерной роли. Философия природы воспитания ребенка должна сводиться к возможности его гармоничного сосуществования в мире с себе подобными, ориентированность гендерного воспитания на социокультурную природу индивида может стать гарантией стабильности и предсказуемости человеческого сообщества.

Список литературы:

1. Quaff, A. Overview of the history of gender equality in the United States of America.
2. Skoppe-Sullivan, C (2017) Daddies are more involved in Parenting, yes, but moms still put more work. Ohio State University.2016.
3. Fulcher, M. (2014) Gender and Sexual Orientation in the Family: Implications for the Child Welfare System, 21 Wash. & Lee J. Civ. Rts & Soc. Simply. 95. 2014.
4. Gornik, C and Meyers, M.K. Gender Equality and Transparency Family Labor Department. 2009.
5. Huerta, M., W. Adema, J. Baxter, J. Hahn, M. Laisten, L. Rae-Huysk, and J. Waldfogel, Fathers Fathers, Fathers Involvement, and Child Development: Are They Connected? Data from four OECD countries. 2013.
6. Gornik, C and Meyers, M.K. Gender Equality and Transparency Family Labor Department.2009.
7. Quaff, A. Overview of the history of gender equality in the United States of America.2016.

8. Чернова З. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб .: Изд-во «Норма».2008.

9. Логинова.А.С. Текущие вопросы гендерного образования детей дошкольного возраста. М.: - 2015.

10. Чернова. З. Родительство в России: от государственной обязанности до личной ответственности и взаимного сотрудничества. Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики, СПб -2012.

11. Владимирова Н.У. Серия для консультаций по гендерному образованию. М.: - 2014.

12. Семенова Л.Е.Содержание основных моделей процесса гендерной социализации в обществе Модерн. М.: -2009.

**ПРАВОСЛАВНО-ИСЛАМСКИЙ ДИАЛОГ, ЕГО ФОРМЫ
И МЕТОДЫ НА ФАКТАХ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
В КАЛУГЕ ВИДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ, РЕЛИГИОЗНЫХ
ССЫЛЬНЫХ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА СЕРЕДИНЫ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

И.В. Лыцева

Россия, г. Грозный

Комплексный научно-исследовательский

институт им. Х.И. Ибрагимова

Российской академии наук

E-mail: izabellalysceva@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются основания и возможности православно-исламского диалога в социально-историческом контексте на фактах повседневной жизни ссыльных горцев в социуме старинного города Калуга – общественных и религиозных деятелей Северного Кавказа. Рассматриваются межконфессиональные и межрелигиозные взаимоотношения, выявляются процессы формирования механизмов взаимодействия.

Ключевые слова: православно-исламский диалог, межрелигиозные отношения

Сложные политические процессы и религиозные отношения отражены в практике внедрения «военно-народного управления» заместителями края М.С. Воронцовым и А.И. Барятинским. Убеждение генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова: «Я не допускаю воз-

возможности управления Кавказом из центра, без напряженного внимания к нуждам и потребностям местного населения, разнообразного по вероисповеданиям». Генерал Барятинский исходил из «убеждения своего опыта»: «Чтобы замирить кавказское население на века, нужен двадцатилетний мирный период» [1]. Предлагая программу реставрации народной жизни – «патриархальной адатовой демократии», наместники края рекомендовали создавать модели мирного хозяйствования. Воспринимать кавказский ислам в форме суннитского суфизма – «источника особой идентичности, мифов, ценностей, норм, самобытного мышления и веры», существующего как «адаптационно-охранительная система» [2]. Применяя методику изучения православно-исламского диалога: догматического, гуманитарного, социального, духовно-опытного, как новизну изучения, автор дополняет исследования ученых различных сфер жизни горцев: этнографических, социокультурных, историко-религиозных [3].

Исследователи почетной ссылки имама Шамиля отмечали, что он вглядывался в русскую жизнь с уважительным интересом. Шамиль на Кавказе идеолог радикального мюридизма, шариатского государства. В Калуге он мирянин, проживающий в трехэтажной усадьбе купцов Билибиных с садом, и выстроенной молельней. «Калужские губернские ведомости» в светской хронике освещали пребывание Шамиля в России. Отвели семье дачу «в селе Азарово, Ермолово тож» в имении В.Г. Даниловича. На содержание «мини Кавказа» в Калуге из 22 членов семьи имама ежегодно отпускалось свыше 20 тыс. руб. серебром, а пенсия Шамиля составляла до 15 тыс. руб. [4]. Приверженец исламских законов, имам был терпим к чужой культуре. Русские перебежчики отправляли православные обряды в имамате, «в котором гяурская молитва звучала, казалось бы, неслыханным кощунством» [5]. Предрасположенность к веротерпимости способствовало постижение основ суфизма – мистико-аскетического течения, вобравшее философию мировых религий: античных учений Платона, Священного канона пророка Зороастра, мистического учения в иудаизме об эманации, философии средневекового мыслителя ибн Араби о единобожии. Имя «Шамиль», родственно ветхозаветному имени Шамуил – «выпрошенный у Бога» и одному из имен Аллаха – «всеобъемлющий». Военнопленный имам подписывал документы на арабском языке: «...я бедный, боящийся Бога, пленник (чужестранник), Шамуил» [6]. В Петербурге и Царском селе поразила гравюра с изображением Христа и статуя Спасителя. В калужской мужской гимназии, увидев Евангелие на арабском языке, изучив, поделился с приставом:

«Много хорошего написано, такого, чего я не знал, и такого, чего русские не исполняют». На вопрос пристава Руновского, есть ли на Кавказе продолжатели его дела, он ответил: «Нет, теперь Кавказ в Калуге» [7]. Молодая жена Шуанат, была пленницей наиба Шамиля при набеге на Моздок. «Ревнивый владыка Чечни и Дагестана не мог смириться с мыслью, что его красавицей-женой любовался наиб Думи», по приказу был ослеплен. Супруга военного начальника Калужской губернии записала диалог с Шамилем: «А что, если-бы Шуанат сделалась христианкой, взяли бы ее к себе как жену?» «Возьму!» – был ответ. 16-летняя Анна из православной армянской семьи купца Ивана Улусова, добровольно приняла новую веру, выучила язык, привлекая внимание имама тактом и образованностью. Волнуясь за жизнь военнопленного мужа, писала брату в Моздок: «Молитесь за него так же горячо и искренне, как молимся мы» [8]. Шуанат разделила с мужем превратности судьбы, жизнь лишь расставила акценты, подчеркивая природу духовных ценностей каждого. Жизнь мирянина Шамиля дала основы православно-исламских отношений на духовно-опытном и гуманитарном уровне. Ученый суфий «интересовался православной церковной жизнью». В храме Святого Георгия, не привлекая внимание, наблюдал за ходом службы, вел беседы с православными проповедниками. К рождению сына Мухаммада-Камиль губернатором, были преподнесены карманные часы с дарственной надписью: «1863 г. В.А. Арцимович. В подарок имаму Шамилю. В честь рождения сына». [9]. Если встречи с Александром II рассматривать как дипломатические приемы, и как «политические игры» Императора, на тот исторический момент диалог с Кавказом был необходим России. Принятие присяги в Калужском Дворянском Собрании в 1866 году на верность России, получение российского гражданства и дворянского титула, можно расценивать и как приобщение неординарной мусульманской личности к международной дипломатии в ранге российского подданного. Для Александра II это был обдуманый политический шаг. Взаимоотношения князя Александра Барятинского с Шамилем продолжались и при жизни его в Османской Турции, Аравии – в Мекке и Медине до последних дней – в 1871 г. имам «переселился к чистоте его милосердия» [10]. «Победители» не всегда знали, как вести себя с «побежденным». То ли дарить шубу, то ли «портрет Государя во весь рост». Преподнесли портрет, висел в усадьбе. Мария Чичагова: «первое, что представилось моим глазам – это портрет Государя во весь рост, поразительного сходства». Воспоминания Льва Лисицына, учившегося в 1947 г. в мужской школе в «Доме Шамиля»: в зале

между окон, «выходящих на храм Святого Георгия, висел портрет Сталина во весь рост, в военной форме и золотой Звездой Героя Советского Союза» [11]. Парадоксы истории!

В отсутствии национальной государственности духовенство Чечни в рамках «мирного мюридизма» пришло к созданию религиозно-духовных просветительских сообществ. В Калуге с 1912 г. пребывали религиозные проповедники, шейхи, получившие почетное звание глав суфийских братств кадирия и накшбандия тарикатов: Бамат-Гирей Хаджи Митаев, Сугаип Мулла Гойсумов, Чиммирза Хаджи, Батал Хаджи Белхороев, Кана Хантиев, Абдул-Азис Шаптукаев, Магома Назиров и Омар Хаджи. Они высланы были под гласный надзор полиции как «наиболее влиятельные представители мусульманской секты «Зикра». Обвиненные в «порочных связях» с абреком Зелимханом на основе свидетельств «добытых агентурным путем», о предложениях Зелимхана известным шейхам принять имамство Чечни и Дагестана. В «Прошение Зелимхана» Председателю Государственной Думы от 15 января 1909 г. автор аргументировано, излагая личные претензии к местной власти, называл причины партизанской войны против царской администрации. Для создания «Прошения» и общественного резонанса были задействованы влиятельные общественные деятели Чечни и депутаты Государственной Думы. Адвокат Данилбек Шерипов, сотрудничавший с издательством «Терек», «Север Кавказа». Муса Курумов, внук генерал-майора русской армии Курумова, советника генерала Барятинского. Публикация социал-демократа А. Цаликова текста «Прошения», спровоцировала запрос 58 депутатов Государственной Думы и «Заявление» Наместника по поводу незаконных действий администрации Терской области. Генерал-адъютант Воронцов-Дашков докладывая Императору в 1910 г. о масштабных репрессиях, экзекуциях, ссылках, высказывал перспективы толерантности в «целях насаждения гражданственности»: создание русских школ, проведение дорог, поземельного устройства, развитие земледелия и промышленности. «Бороться с разбоем одними карательными мерами – не достаточно» [12].

Чеченский проповедник Митаев, был векилем Кунта-Хаджи Кишиева, основателя Северо-Кавказской школы кадирия тариката, учение которого заложил персидский средневековый мыслитель Абд ал-Кадир Джилани (Гилани). Один из постулатов кадирийского тариката был созвучен библейской заповеди из Нагорной проповеди Христа: «не противиться злу насилием». «Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура, дружба и взаимопомощь, прощение вза-

имных обид», – проповедовал Устаз Кишиев. [13]. В Калуге Бамат-Гирей Хаджи проживал с 1912 года большой семьей. Ему была предоставлена внаем усадьба на улице Ивановской Алексея Ивановича Холуянова, коллежского секретаря, инженера-технолога. Жить в ссылке на свои средства позволяла принадлежность к привилегированному сословию. Согласно «Посемейному списку селения Автуры от 1886 года» Бамат-Гирей родился в 1843 года. Хадж в Мекку совершил в 1873. Сыновья шейха высланы не были. Из Донесения 1913 г. ротмистра Дагестанского полка Мусалаева: «...сыновей Бамат-Гирей-Хаджи Митаева никто не обязывал открывать у себя в селе русскую школу» с педагогом-просветителем Тазуевым. Али Митаев первый из чеченцев отозвался в ознаменование 300-летия Дома Романовых, «превознося жаркие молитвы» [14]. Фотографии Митаевых во Владикавказе 1911 г. и Калуге 1912-1913 г. бережно хранятся в фамильных архивах известных родов Эпендиевых-Митаевых, потомков шейха. К нему приезжали его последователи-мюриды: Делал Джамбулатов из села, Новые Атаги и Абу Муслим из Центороя, считая свои долгом посетить устаза в ссылке. Мюриды и родные шейха провожали в последний путь Митаева в родовой аул, где Али Митаевым был возведен зиярат. В 2004 г. бойцы сводного отряда МВД Калужской области блокпоста села Автуры с главой администрации села посетили мавзолей: «Никогда до этого христиане не заходили в зиярат, они первые. Отношение жителей села к калужанам хорошее. Бойцы, улыбаясь, говорят, Митаев не только ваш, он и наш!». Видео-запись, вошла в программу автора на ТВ-Центр-Москва и ТВ «Ника» Калуга [15]. Примечательно, что на соседней улице Ивановской, Тележной, были выкуплены дома для татарской общины (свыше 77 семей), мусульманской школы и мусалли. По данным Всеобщей российской переписи в Калуге в 1900 г. проживало 148 магометан. Первым имамом в Калуге был Салахетдин Алимов. В Калуге у С. Алимова родилось 8 детей. Дочь, Мухсини Салахетдиновна Ишмуратова-Алимова, вспоминая, уточняет факты взаимоотношений чеченских духовных лиц с членами татарской общины [16]. Яркие события жизни семьи Митаевых в фамильных легендах, имеют под собой реальные факты. Митаеву удалось наблюдать в калужском небе «при большом скоплении публики полет аэроплана» и воочию увидеть пилота на ипподроме, «пройдя расстояние до самолета легким шагом». «На летном поле стояло нечто, скорее похожее на стрекозу, чем на техническое приспособление. На поле появилась фигура в кожаном коричневом пальто и кожаном шлеме. Это и был Кузминский». Из-

вестный авиатор, офицер разведки, сын сенатора А. Кузминского. Среди присутствующих на трибуне был губернатор Горчаков и «исполняющий полицейские обязанности любезнейший и изящнейший генерал Евгений Иванович Трояновский». Во время второго полета, произошла катастрофа – при посадке, левое крыло задело землю. «Кузминский выскочил, как ни в чем не бывало, целым и невредимым» [17]. История русской разведки богата курьезами, но, чтобы на летном поле встретились офицер разведки с «горцем, политически неблагонадежным» в присутствии губернатора и городского полицмейстера, такого политического казуса в истории ссылки, видимо, не было. Парадоксы истории!

В истории русской ссылки Чиммирзы Хамирзаеву (Таумирзаеву) отведены особые страницы. «Как один из восьми главных зачинщиков «Шалинского дела», мюрид Устаза Кишиева, Чиммирза в 1864 году был выслан на каторжные работы в крепость Свеаборг (Финляндия). Село Шали играло роль центра округа с населением около 3700 душ. «Собравшиеся фанатики с кинжалами и шашками, без выстрелов, шли как иступленные», – «красочно опишет» в рапорте о «кинжальном бое», Командующий войсками Терской области. Сторонники арестованного Устаза Кишиева противостояли шести хорошо вооруженным батальонам. В ауле погибло свыше 150 мусульман. Письма соратников Чиммирзы из Свеаборга свидетельствуют о тяжелых условиях жизни политкаторжан и о стойкости духа, веры и мудрости людей: «Не печальтесь о нас, мы живы, не гневайтесь ни на кого из-за нас, ибо то, что с нами случилось, есть Божие определение, просим прислать каждому по рубашке, если власти позволят» [18]. Получив в 1911 году административное поселение в Калужской губернии, определи в Калугу на улицу Ивановскую в один из домов Власова, владельца торгового дома в центре города и первого «синематографа «Унион». Пять малолетних дочерей и жену Хурамат, Дукка шейх оставил в селе Майртуп. Чиммирза «имел дом с земляной крышей об одной комнате с сенцами». Последователи вирда Чиммирзы над «домом с сенцами» с тамбуринами для зикра, возвели купол, поставили новый дом. Автор побывала в доме шейха, снимая фильм о чеченских просветителях [19]. В Калуге в семье Чиммирзы произошло радостное событие – супруга Субайхат родила долгожданного сына, которого нарекли, по благословению Митаева, именем в честь города – «Калугой». В калужских архивах в графе о семейном положении Чиммирзы так и записано – «сын Калуга». Семейные архивы хранят калужскую фотографию супруги шейха с малолетним сыном. После рожде-

ния сына-первенца, родились сыновья – Дардаил и Исраил (умер в младенчестве). Внук шейха Насруддин, носивший отчество «Калугович», Заслуженный врач ЧР, живет с сыновьями в Грозном. Паспорт хранится как историко-мемориальный документ. Розетта Шуаитова, внучка Муллы Бауддина Шуаитова, ссыльного Гулага 1948 г. поведала: «Узнав среди заключенных горцев Дардаила, Мулла помогал политкаторжанину выживать в тюремных условиях. Девочкой запомнила его очень худым и больным человеком, с большим слуховым аппаратом» [20].

Один из шейхов, прибывший в Калугу вместе с другими ссыльными, был Сугаип-Мулла Гойсумов. Он родился в 1837 году в родовом селе Белкатой в семье духовного авторитета Гойсума Моллы Даудова. По суфийской традиции Апти-Шейх из Аксая, посвятил Гойсумова в шейхи накшбандийского тариката. Сугаип-Мулла Шалинский, а среди своих последователей – «устаз Хайба», был почитаем как кадий, ученый-арабист, филолог. Автор ряда книг по проблемам судопроизводства, чеченской филологии, вопросам теории и практики религии, поэтических сборников. Работал над созданием национального алфавита [21]. В ссылке социальная ориентация на основе практической деятельности способствовала взаимопониманию православных и мусульман на принципах здравого смысла. Не удивительно, что шейх Сумгаит-Мулла, владея арабским, турецким, персидским, кумыкскими языками, изучал в калужской ссылке русский язык, овладевать которым помогал, пристав 1-ой полицейской части. К занятиям приобщилась и молодая жена Гойсумова. По семейному преданию, родные отпускали шейха «в большой город Калугу одного не хотели ни при каких обстоятельствах». В Чечен-ауле сосватали девушку. О верности и преданности Петимат ходили легенды. Сохранились фотографии супругов, почтенный седовласый Сугаип-Мулла и статная горянка Петимат. Она понимала русскую речь, читала и писала по-русски, что помогло выжить в период депортации чеченцев в 1944 г. Свой приют нашла в Киргизии, была предана чужой земле [22].

События Первой мировой войны, создание Кавказской Туземной конной дивизии, добровольного воинского многонационального соединения, внесли коррективы в повседневную жизнь ссылки чеченских проповедников. Сам факт создания «Дикой Дивизии», вошедшей в историю, свидетельствовал о поисках особых форм взаимоотношений России с Кавказом. Журналист граф Илья Толстой, очевидец событий на Юго-Западном фронте, напишет: «60 лет назад эти люди порно воевали с нами, а теперь они настолько слились с Россией, что

добровольно пришли сюда». Воины Чеченского конного полка, обратились с ходатайством к Начальнику Терской области дать возможность «дожить последние дни на родине» Сугаипу-Мулле и Мамат-Гирей-Хаджи. 24 сентября 1914 г. чета Гойсумовых отбыла в Чечню, получив помилование. Шейх Митаев ушел в мир иной 13 сентября, не получив амнистии [23]. Политические события, человеческий фактор вносили коррективы в систему российской ссылки, способствовали созданию моделей межрелигиозных отношений, как инструментов организации социальной жизни.

Социальная среда губернского города с многовековыми устоями на рубеже веков XIX – XX пыталась учитывать отличия российского и кавказского менталитетов. Интересна интерпретация циркуляра 1913 г. калужского губернатора Горчакова полицмейстеру, полученного из Департамента духовных дел о пересмотре законоположений «с усилением религиозно-национального движения». Губернатор рекомендует корректно собрать сведения о мусульманах «не предавая особой огласки, во избежание возникновения в среде мусульман каких-либо превратных толков» [24]. Противоречивая система административной ссылки пыталась находить основания и возможности формировать социальные, гуманитарные и духовно-опытные межрелигиозные отношения. Для социальной среды губернского города эти формы толерантности были приемлемыми и принимались горцами на разных уровнях: здравом смысле, интуитивно-обыденных прозрениях. Осмысление взаимоотношений Православия с миром Ислама и предполагает корректные подходы – историзм, знание ценностей различных ветвей Ислама, бережное отношение к духовным традициям двух мировых религий, где духовность, показатель определенной иерархии ценностей.

Список литературы:

1. «Всепогоднейшая записка» // Родина.2000. №1-2.– С. 150. АКАК. Акты Кавказской археологической комиссии. Т.12. – С. 1287.
2. Мчедлова М.М. Религиозные смыслы современной политики: потребность в новой эпистемологии // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2013. – №1. – 74.
3. Фарапонова М.А. Православно-исламский диалог в современной России: основания и возможности // Гуманитарные и социальные науки. Серия философии. 2015.№ 1. Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д, 2004. Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в

Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX веков. – Калуга, 2009.

4. ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 703. Л. 299-319. Калужские губернские ведомости. Неофициальная часть. – 1860. – №3.

5. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: SPSL. – «Русская панорама», 201. – С. 286.

6. Ермаков И.А. Ислам в культуре России в очерках и образах. – М.: Агентство «Издательский сервис», 2001. – С. 100. ГАКО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 703. Т. 1. 31. Л.1. Перевод с арабского И. Лысцевой.

7. Руновский А.И. Записки о Шамиле. – СПб., 1860. Гл.1. – С.21. Гл.2. – С. 38, 56. Гл. 3. – С. 16.

8. Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Библиографический очерк. – СПб., 1889. – С.108-120, 127. Духаев А. Эпоха шайхов. – Грозный. – 2009. – С. 9

9. Лысцева И.В. Часы, подаренные бывшим губернатором // Калужское слово. 2014, №5(18). Стрельцов М.Е. Дагестан. – Калуга, 2012. – С. 99.

10. Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых битвах. Ч.2. – Махачкала, 1990.– 78, 121.

11. М.Н. Чичагова. Указ.соч. – С. 154. Лисицын Л.М. Дом с окнами на Оку. – Калуга, 2013.

12. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 894. Л. 13. Гудаев Л.Р. Абрек Зеллихан: факты и документы / Л.Р. Гудаев. – Грозный, 2010. – С. 420. «Дело об абреке Зеллихане» // Звезда. – 2006. – №4. – С. 119-142. «Бороться с разбоем одними карательными методами – не достаточно» // Ахульго. 2010. №12. – С. 10-11.

13. Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа.– Ростов н/Дону, 2008. – С. 73, 96. Гарсаев Л.М. Поучения достойного шейха и совершенного Устаза Кунта-Хаджи Кишиева Чеченского // Вестник МГУ. Серия 132. Востоковедение. – 2001. – №4. – С. 99 – 112.

14. АУП ЧР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 17. Л.21. Заурбеков М. Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений – эталон справедливости и чести. – М. 2005. – С. 98. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 146. Д. 635. Ч. 2. Л. 172.

15. Лысцева И.В. Повседневная жизнь ссыльных горцев в Центрально-Европейской части России на рубеже XIX-XX вв. // Вестник РАН Чеченской Республики. 2015. №2 (27). Архив И. Лысцевой. Видеосъемка с. Автуры ЧР

16. Алимов Салахетдин Алимович / И. Лысцева //Ислам в Центрально-Европейской части России. Энциклопедический словарь. Серия «Ислам в Российской Федерации». Выпуск IV. Нижний Новгород, 2009. – С. 17 – 18.

17. Заурбеков М.Д. Шейх Али Митаев. Изд. 2-е, исп. и доп. – Грозный, 2008. – С. 30. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына.– М.: ОАО «Радуга», 2008. – С. 66-68.

18. Духаев А. Эпоха шайхов. Указ. соч. – С. 10, 128. ГАРФ. Ф. 102. Оп.146. Д. 635. Ч.2. Л. 92. Ибрагимов З. Х. Царское прошлое чеченцев. Политика и экономика. – М., 2009. – С. 104.

19. Лысцева И.В. Русская православная церковь и ссыльные горцы Северного Кавказа в Центрально-Европейской части России в середине XIX – начала XX вв. // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. –Калуга: Изд.: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2015. – 204-205.

20. ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 146. Л. 23, 26об., 28об. Лысцева И.В. Дневник экспедиции. Розетки Шуаитовой-Дидаевой. 16.12.2015 год. Грозный. ЧР.

21. Киндаров А.-Х. Шейх Сугаип-мулла Гойсумов. Биографический очерк. – Грозный: ФГУП «ИПК Грозненский рабочий», – С. 114-115,128-129.

22. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 146. Д. 635. Ч.2. Л. 92, 115, 173. Духаев А. Эпоха шайхов. Указ соч. – С. 114. Абдул-Кадыр Гойсумов. 2016 год. Калуга. РФ.

23. Абадиев Б.В. Достойные сыны Отечества. – Магас: Издательство «Сердало», 2008. – С. 45-47.ГАКО Ф. 783.Оп. 1. Д.1097. Л.36. Там же. Д. 1195. Л.26.

24.Объявления калужского губернатора С.Д. Горчаков // Калужский курьер.– 1914. 24 июля, 9 августа.

ФРАНЦУЗСКАЯ МОДЕЛЬ В ФИЛОСОФИИ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ДИАЛОГ ТРАДИЦИЙ?¹

А.А. Львов

Россия, г. Санкт-Петербург

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»*

E-mail: a.lvov@spbu.ru

Аннотация. В предлагаемой вниманию статье мы предлагаем описание французской модели философствования в контексте исторических традиций и современной ситуации. Для этого нам необходимо выделить присущие этой модели основные черты, и проанализировать те особенности ее распространения в Европе, которые способствовали становлению французской традиции как конкурентоспособной в современном интеллектуальном пространстве. Также мы предлагаем анализ взаимоотношений французской, британской и немецкой моделей национальной философии как основания формирования международных интеллектуальных ценностей в результате диалога этих традиций.

Ключевые слова: философия Франции, рационализм, французская модель в философии, национальная традиция, диалог культур, международные ценности.

Культурно-образовательную среду невозможно представить себе в отрыве от исторических процессов, которые сопровождали и обуславливали ее возникновение и развитие. Каждая национальная традиция привнесла в историю мысли свой неповторимый стиль мышления, обогатив философию и в отношении рассматриваемых тем, и в отношении опыта постановки исследовательских задач, вопросов, обоснования истинного пути познания и авторской методологии.

Поэтому изучение национальных традиций в историко-философском аспекте представляет, с нашей точки зрения, самостоятельный интерес. Мы полагаем, что посредством анализа и интерпре-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-011-01189 «Французская философия классической эпохи как национальный проект: история и самосознание».

тации жизнедеятельности таких особенных форм существования философии можно приблизиться к осознанию присущего ей международного и вневременного статуса как особой форме духовной деятельности человека. В перспективе это, несомненно, даст возможность обосновать конвенциональный набор универсальных ценностей, свойственных различным культурам и народам вне зависимости от их регионального своеобразия. Впрочем, нам особенно хотелось бы сделать особый акцент и на том, что указанные ценности не подразумевают отказ от этнического или цивилизационного своеобразия; напротив, подобные аксиологические доминанты должны по нашей мысли стать закономерным следствием обогащения культур.

Описываемые процессы, с нашей точки зрения, хорошо видны на примере французской философии и того особого стиля, который исторически сложился в рамках национальной франкоязычной культуры и стал активно распространяться по миру, начиная с конца XVI столетия. Отметим, что многими отечественными исследователями (среди которых необходимо указать И. С. Вдовину, К. И. Нехорошеву, В. Ю. Быстрову, А. В. Дьякова, А. С. Колесникова, А. А. Кротова, Н. В. Литвака, и др.) уже были проанализированы отдельные аспекты исторического развития французской философии, в том числе и на ее современном этапе. Мы выделим основные черты, присущие французской модели философствования, а также проанализируем особенности распространения французской модели философии в Европе, дав оценку взаимоотношениям французской, британской и немецкой моделям национальной философии.

Нередко французский стиль в философии характеризуют как «ясный и отчетливый», вполне в духе картезианской традиции, на методологических принципах которой, кстати, выстроено философское образование во французских школах различного уровня [1, с. 2]. В связи с этим необходимо также отметить и тот факт, что французские мыслители как классического века, так и последующих эпох очень тщательно следят за стилем изложения своих идей, и нередко французских философов изучают на филологических и лингвистических факультетах. Это хорошо заметно на примере получивших большое распространение в англо-американских университетах образовательных программ *French studies*, в рамках которых в свое время получили американскую известность Жак Деррида и Рене Жирар. Неслучайно поэтому именно французский автор впервые отождествил философию и литературу, а Бертран Рассел в своей «Истории западной философии», говоря о Декарте, особо отмечал литературные достоин-

ства его стиля: «<...> это поразительно превосходный стиль. Большая удача для современной философии, что родоначальник имел такой замечательный литературный талант» [2, с. 663].

С одной стороны, французские философы XVI—XVIII веков тесно взаимодействовали с современными им интеллектуалами, играя роль «почтовых лошадей просвещения» (по выражению А. С. Пушкина). Так, во многом именно через активную деятельность энциклопедистов (Вольтера, Дидро, Руссо, Монтескье, Тюрго) французская публика познакомилась и восприняла работы Исаака Ньютона и Давида Юма, Адама Смита и Джона Локка; из сочинений Монтеня и Декарта известно также о пристальном их внимании к идеям и открытиям современников – например, Никколо Макиавелли и Галилео Галилея.

С другой стороны, вполне закономерно, что французские мыслители всегда тянулись к обмену мнениями со своими коллегами как внутри границ своего отечества, так и за его пределами. Так, именно французские философы были активными организаторами переписки между ведущими учеными мудрами своего времени – прекрасно демонстрирует вторая часть «Рассуждений о первой философии» Декарта, в которой он перечисляет возражения, присланные ему корреспондентами. По-видимому, не будет ошибкой сказать, что такого рода обмен мнениями уже к 1641 году были обычной практикой в жизни европейского ученого. К этой же особенности существования французской мысли следует отнести и ту привлекательную франкофонную среду, которую удалось создать исследователям классической эпохи. Именно по-французски изложены основные идеи Гольбаха и Лейбница (не считая, разумеется, повсеместно принятой в Европе латыни), на французском изъяснялся Фридрих II Прусский. Интересным витком такой франкофонной тенденции в эпистолярном жанре в XX столетии может служить переписка Ж. Бофре с М. Хайдеггером, которая нашла свое отражение в знаменитом «Письме о гуманизме» [3, с. 249—250]. Конечно, нельзя здесь не сказать и о том, что Франции была одной из первых стран, в которых было учреждено постоянно действующее научное сообщество – Французская академия наук (*Académie des sciences*, 1666 г.).

Как уже было сказано, французская мысль развивалась в постоянном контакте с современными течениями и веяниями в истории философии. Французские философы оказывали на современников и потомков огромное влияние начиная с публикации «Эссе» М. Монтеня и разработки самого жанра доверительных интимных рассужде-

ний, не говоря уже о распространении картезианства в Голландии, Германии, Италии и Англии. Благоприятной особенностью здесь оказалась, с нашей точки зрения, та среда из которого развилась французская традиция – это прежде всего форма эссе, ненавязчивого галантного сочинения, в котором автор доверительно поверяет читателю плоды своих трудов и размышлений. Этот жанр прижился во многих странах Европы – так, например, в Англии его взяли на вооружение и разработали Фр. Бэкон и Д. Юм. Несмотря на то, что английская эмпирическая традиция содержательно формировалась достаточно автономно по отношению к континентальной философии (что замечает уже Гегель – см. [4, с. 397–399]), она в большое влияние французской философской словесности, нежели германская мысль. Дело в том, что изначально философские сочинения на Британских островах были адресованы досужим джентльменам, а потому должна была сформироваться достаточно взыскательная и к способу, и к стилю изложения публика – вспомним знаменитые слова Локка о том, что его главная книга написана «не для тех, кто уже сведущ в предмете и тщательно изучил свой собственный разум, а для моего собственного уяснения и для удовлетворения немногих друзей, которые признали себя недостаточно исследовавшими предмет» [5, с. 81–82]. В этом, конечно, налицо расхождение с французами, которые в своих сочинениях всегда осознанно обращались *urbi et orbi!*

Отлична по своей природе французская модель философии также и от ученой строгости немецких университетов. Если в германских княжествах и королевствах наука была делом университетских деятелей уже с XIV–XVI веков, когда университеты в Гейдельберге, Лейпциге, Йене, впитавшие с самого своего основания местные земельные традиции и принцип организации средневековых университетов, представляли собой закрытые корпорации наподобие цехов. Подобная организация союзов и обществ по цеховой модели является весьма характерной приметой устройства немецкого сообщества – не только научного, но и политического, и рабочего и даже самой образовательной системы. Как отмечают исследователи, «средневековая цеховая традиция оставила свой след даже на системе народного образования» [6, с. 64]. Поэтому, хотя и было сильное влияние французских идей при дворе, в обществе и на умы отдельно взятых исследователей, едва ли можно говорить о том, что французы оказали существенное влияние на самую образовательную модель, очень зависящую в Германии от изучения классической филологии и религиозной обстановки.

Несмотря на кажущуюся «современность» постмодернистов и их «победительных» проектов по разрушению сложившегося доминирования субъекта, стремление ослабить его, выявив его историчность и т.п. – все равно мы не можем не заметить, что те творческие принципы, которые исповедуют французские авторы рубежа тысячелетий, остаются глубоко укорененными во французской образовательной традиции и стилистических особенностях обоснования своей позиции. Эти черты суть неотъемлемые элементы национальной модели философствования. Кроме того, свойственный французам парламентаризм и свобода высказывания своей позиции, сколь бы непривычной или подчас шокирующей она не была, является неотъемлемой частью их политической культуры. Многие аналитики сходятся в этом; в самом деле, еще Алексис де Токвиль склонен был оценивать стремление американцев XIX века реализовывать политические свободы и пропагандировать личную политическую активность как *французские par excellence черты*. А Жан-Поль Сартр видел «[з]аслуг[у] Декарта <...> именно в том, что он заложил основы демократии тем, что сделал человека свободным и автономным» [7, с. 60].

Таким образом, мы видим, что французская философская традиция оказывала сильнейшее влияние на соседние национальные, а впоследствии и интернациональные философские поиски, при помощи особого *рационалистического* стиля, который был изначально заложен в философствовании главным образом (не единственно) Рене Декарта. Кроме того, политическая активность, порою доходящая до экзальтированности и даже эскапизма также может быть объяснена крайне важной для французского самосознания *субъектностью*, которая, помимо картезианства, была превосходно выражена в интимном философском самосозерцании Мишеля Монтеня и которая распространилась посредством жанра эссе. Наконец, *гуманистические устремления*, присущие школьной системе Франции, которые направлены на раскрытие творческого личного потенциала и воспитания гражданина [1, с. 3], с одной стороны несут на себе историческую печать католических коллегий XVII–XVIII вв., а с другой – направлены на формирование идеала самостоятельно мыслящего, социально ответственного человека, который не только не замыкается в границах своей малой родины, но целью которого становится *приобретение всего мира*.

Список литературы:

1. Нехорошева К. И. Роль философии в развитии критического мышления: опыт Франции // Философская мысль. – 2018. – №3. – С. 1—7.
2. Рассел Б. История западной философии. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – 992 с.
3. Быстров В. Ю. Посол Хайдеггера во Франции. / Бофре Ж. Диалоги с Хайдеггером. Греческая философия. – СПб: «Владимир Даль», 2007. – 244—253.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии (в 3 тт.). – СПб: Наука, 2007. – Т. 3.
5. Локк Дж. Сочинения (в 3 тт.) – М.: «Мысль», 1985. – Т. 1.
6. Пленков О. Ю. Триумф мифа над разумом. – СПб: Издательство «Владимир Даль», 2011. – 608 с.
7. Нехорошева К. И. Картезианский метод – философская основа современной демократии? // Философская мысль. – 2018. – №7. – С. 55–61.

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ И ИСЛАМА В ПОДДЕРЖКЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ

А.В. Ляпанов
Россия, г. Владимир
ФГБОУ ВО «Владимирский
государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
E-mail: Lyapanov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мировоззренческие проблемы, связанные с развитием российского общества под воздействием глобализации. Проникновение западных ценностей приводит к утрате самоидентичности. Православие и Ислам, как самые многочисленные конфессии в России, должны выступить на страже традиционных ценностей нашего общества.

Ключевые слова: православие, ислам, ценности, массовая культура, современное общество.

Современное общество, его можно называть информационным, постиндустриальным, открытым и т.д., обладает одним неоспоримым

качеством – оно очень быстро развивается. Результатом социального развития является новое количественное и качественное состояние общества, изменение его структуры и организации.

Существует множество подходов к определению общества: детерминистский, функциональный и пр.. Нам ближе всего системный подход, который исходит из того, что общество это универсальный способ организации социальных связей, взаимодействия и отношений людей. Общество как социальная система обладает следующими системно-интегративными качествами: целостность, социальность, устойчивость, автономность и самодостаточность, способность к саморегуляции. Также можно сказать, что большинство современных обществ относится к системам открытого типа, то есть способны к информационному и иному обмену с окружающей средой (в том числе и с другими обществами), к восприятию нововведений.

Быстрое развитие, восприимчивость к иному, с одной стороны, являются важными факторами современной жизни, с другой же, могут привести к утрате самобытности, потере жизненных ориентиров и смыслов.

Чтобы этого не происходило общество должно обладать определенным консерватизмом, устойчивостью и селективностью, т.е. избирательным подходом, например, к переносу ценностей из другой культуры. Заимствуя что-либо, общество должно быть готово к восприятию данных инноваций, они не должны разрушать традиционные устои.

В это смысле велика роль ценностей и норм, принятых в обществе, которые действуют как своего рода «цензоры», разрешающие или запрещающие какие-то новшества. Чаще всего в качестве подобных норм выступают религиозные ценности.

Рассмотрим роль мировых религий в ценностном ориентировании современного человека. Напомним, что «мировая религия» означает такую религию, которая открывает путь к спасению всем людям независимо от их национальной, государственной и социальной принадлежности и за счет этого получает распространение по всему миру. К числу мировых религий принадлежат буддизм, христианство и ислам. Для придания анализу большей предметности имеет смысл сосредоточиться на православии и исламе как религиях наиболее распространенных в современной России. Это подтверждается и данными официальной статистики. На конец 2017 г. в России было зарегистрировано 30193 религиозных организации Русской православной церкви и 5663 исламских [1,166].

Традиционность данных мировых религий выражается, в том числе, в тесном контакте светской и духовной властей. Так, оформившийся еще в Византии союз стал именоваться «симфонией Царства и Священства». При этом, Православная церковь в отличие от Католической настаивает на том, что вероучительные каноны, сформулированные на первых семи Вселенских соборах, представляют собой абсолютную истину, которая не нуждается ни в каких изменениях и дополнениях. За все время существования православной церкви она не отказалась ни от одного из этих догматов и ничего к ним не прибавила. Именно этим обстоятельством обусловлено название конфессии. Слово «православие» следует понимать как «умение правильно славить Бога». Сегодня в России примерно 75 % россиян причисляют себя к православным христианам.

Ислам также очень традиционен. Священными книгами мусульман являются Коран и Сунна. На их основе сформировался шариат (по-араб. – правильный путь). Это совокупность норм и предписаний, которыми мусульманин должен руководствоваться во всех жизненных ситуациях. Шариат охватывает самые разные стороны человеческого бытия, начиная с вопроса о заключении брака и вплоть до ритуала принятия пищи. Поэтому ислам следует рассматривать не только как религию, но и как определенный образ жизни. Шариат составляет содержательную основу мусульманского права – фикха. В Российской Федерации примерно 10 % населения являются мусульманами. Они живут в основном на Северном Кавказе, в Поволжье, на Урале, а также в крупных городах Европейской части страны (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и др.). К числу народов России, традиционно исповедующих ислам, относятся татары, башкиры, чеченцы, ингуши, аварцы, кабардинцы, карачаевцы, балкарцы и некоторые другие.

С самого начала своего существования ислам также как и православие был тесно связан с государственной властью, поэтому он регламентирует не только религиозную жизнь верующих, но и их сугубо мирские дела. На сегодняшний день по численности последователей ислам уступает только христианству. В России эта религия является одной из традиционных конфессий и по количеству приверженцев занимает второе место после православия.

В условиях глобализации, повсеместного проникновения массовой культуры, западных ценностей, во многом именно традиционные мировые религии являются «последним оплотом» самобытности и патриархальности в самом положительном смысле этого слова. И пускай некоторые исследователи обращают внимание на то, что это

приобретает характер межцивилизационных конфликтов и Запад по отношению к другим цивилизациям находится сейчас на вершине своего могущества [2], однако, одно дело, принятие технических нововведений (начиная с Петра I – это превратилось уже в обычное дело) и совсем другое дело, принятие новых ценностей, например, в семейной жизни (однополое браки), в повседневной жизни (потребительская модель поведения), в культуре (распушенность, вплоть до порнографии) и пр.

Само российское общество не вполне справляется с наплывом западных ценностей. Советский, закрытый период существования не привил людям здоровое чувство селективности и критического восприятия нового. Особо явно это проявилось в 90-е годы прошлого столетия. Да и сегодня таких проявлений предостаточно. Усиливается культурно-коммуникативная апатии, ослабевают интерес к чтению книг, посещению театров, музеев и т.д. Церковь может и должна выступить на страже традиционных ценностей нашего общества.

Традиционные для большинства российских народов ценности – это тот мировоззренческий шаблон, который формировался на протяжении веков на основе их глубинных религиозных представлениях. Нарушение традиционного мировоззрения начинается с малого. И сегодня, когда России навязываются извне фундаментальные извращенные духовно-нравственные ценности представители мировых религий в Российской Федерации не остаются в стороне. Патриарх всея Руси Кирилл: «Единый прямой путь к возрождению нашего народа – это созидание крепкой семьи, духовно-нравственное воспитание и образование, возвращение к историческим корням, к подлинной культуре. Пришло время возрождать истинные традиции «Добротолубия» и «Домостроя», повышать в общественном сознании ценность семьи как малой Церкви и Церкви как большой семьи». РПЦ выступает решительно: межсоборные присутствия, многочисленные форумы, круглые столы, открытые совещания и публичные заявления Предстоятеля, иерархов, духовенства, монашествующих и православных мирян в СМИ – определяют соборное единоначалие церковной политики в этом остром вопросе [3].

Представители ислама в Российской Федерации также занимают очень принципиальную позицию, несмотря на массированные информационные атаки со стороны так называемых правозащитных международных организаций.

Президент России В.В. Путин поздравляя мусульман России с праздником Курбан-байрам в 2015 г., особо подчеркнул, что на протяжении веков в нашей стране развивались традиции просве-

щённого ислама. Традиционный ислам и сегодня – неотъемлемая часть духовной жизни нашей страны. Его гуманистические ценности, как и ценности других наших традиционных религий, учат людей милосердию, справедливости, заботе о близких [4].

В заключение обратим внимание на то, что в условиях трансформации гуманитарного пространства особенно важно, чтобы и мусульманская и православная молодежь воспитывались на традиционных ценностях. Необходимо пресекать попытки навязать чуждые мировоззренческие установки.

Список литературы:

1. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб./ Росстат- М., 2018. 522 с.
2. Сэмюэль Хантингтон Столкновение цивилизаций? // URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498> (дата обращения: 22.10.2018)
3. Мономенова М. На страже традиционных ценностей всяя Руси / URL: http://www.religare.ru/2_98489_1_21.html (дата обращения: 22.10.2018)
4. Ислам – традиционный, страна – многоконфессиональная / URL: <http://archive.redstar.ru/index.php/newspaper/item/25878-islam-traditsionnyj-strana-mnogokonfessionalnaya> (дата обращения: 22.10.2018)

ИСТИННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ЗНАНИЯ

А.Н. Магомедова
Россия, г. Махачкала
ФГБОУ ВО «Дагестанский
государственный университет»
E-mail: an-dsu@mail.ru

Аннотация. Паремиологические единицы с разными кодами культуры отражают образ человека, то, каким он должен быть и как должен поступать в разных ситуациях. Так как паремии обобщают общечеловеческий опыт, то нередко они носят назидательный характер. В паремиологических единицах, как и во фразеологизмах, отражается образ человека (его практическая деятельность, образ мыслей, духовная культура, отношение к другим людям и т.д.). Достаточно большая часть аварских паремиологических единиц носит антропоцентрический характер, так как ориентирована на человека, на его внутренний мир, практическую деятельность и т.д. Такое утвержде-

ние имеет отношение к паремиологическим единицам любого лингвокультурного общества, представляющего собой тот или иной народ, носитель того или иного конкретного языка и культуры. Цель исследования заключается в представлении значимости изучения аварского паремиологического фонда, как основного составляющего морально-нравственных ценностей.

Ключевые слова: язык и культура, ценности нации, самосознание, традиции, истинное представление.

Культура, понимаемая как все то, что создано людьми, дает возможность выделить в ней различные ее виды: художественная культура, культура труда, культура речи и т.п., но для нас в данном контексте важность составляет познавательная культура, включающая в себя и рациональное и иррациональное. Познавательную культуру можно «понимать, как исторически и логически сложившуюся совокупность специфических средств и приемов, норм и предрассудков, традиций и идеалов приобщения отдельного человека или целого общества к знаниям, социальным нормам и культурным ценностям» [1, с. 7].

Самосознание – не просто отдельная часть самосознания, а ядро, цементирующее все остальные сферы сознания. Это касается и индивидуального самосознания, и, особенно, коллективного. В этом плане познавательная культура – важнейший механизм, формирующий самосознание. Это касается и национального самосознания. Пожалуй, среди других нациообразующих признаков, в современной культуре именно этническое самосознание выдвигается на передний план социальной и индивидуальной идентификации. В условиях высокой социальной мобильности населения территориальный или языковой признак этносов перестает играть определяющую роль [2, с. 186].

Как и в других языках мира, в аварском языке паремиологические единицы представляют собой такие структуры языка, в которых отражается материальная и духовная культура народа, его менталитет, религиозные представления, ценности ислама, особенности мировосприятия и т.д.

В этом плане аварский паремиологический фонд выступает в качестве фрагментов языковой картины мира, одного из источников изучения истории и культуры народа, его религиозных представлений, морально-нравственных ценностей [3, с. 76].

Язык, религия, традиции, обычаи, фольклор и другие обстоятельства определяют ценности, лежащие в основе этнической культуры. Оценка человеком своего знания, нравственного, религиозного

облика, идеалов и мотивов поведения определяется через понятие самосознания.

Весомым элементом познавательной культуры представляется культура мысли, которая характеризует степень подчиненности мышления как формально-логическим правилам, или, иначе говоря, логическому мышлению, так и логическому мышлению, учитывающему неформальные, содержательные правила. В выявлении сути и места познавательной культуры в структуре общественного сознания существенны аспекты, соотносимые с типами, целями, функциями культуры. Познавательная культура имеет свои исторические формы, аккумулирующие средства, идеалы и нормы творческих усилий общества в ту или иную конкретную эпоху.

Любая этническая культура заслуживает того, чтобы ее сохранили в своей изначальности, придавая дальнейшему своему росту фундамент и разнообразие, вектор развития.

В составе национальной психики на первый план выступают особенности интеллектуального порядка, из чего следует, что национальные отличия – по преимуществу отличия в психологии мышления и умственного творчества. Национальная психика складывается из элементов интеллектуального и волевого порядка, которые сводятся к психологии приемов мышления и различным способам проявления активности воли.

Список литературы:

1. Билалов М.И. Суфизм и познавательная культура. Махачкала, 2003.
2. Магомедова А.Н., Лабазанова Х.Л. Влияние познавательной культуры на самосознание: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов «Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых» (г. Грозный, 13 мая 2016 г.). Махачкала, 2016. С. 185–188.
3. Магомедова А.Н. Аварские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры // Исламоведение. № 4. 2012. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2012. С. 76–81.

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ НАКАЗАНИЯ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

М.В. Максименко

Россия, г. Пермь

ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»

E-mail: m_maximenko@inbox.ru

Аннотация. Целью исследования выступило изучение философско-этических подходов к сущности уголовного наказания и к праву назначения наказания за совершение преступления. Практически в любом современном обществе уголовное наказание формализовано в действующем законодательстве, закреплены его принципы и функции. Однако понимание нравственной природы уголовного наказания, прежде всего правоприменителями, является необходимым условием справедливости его назначения и эффективности исполнения.

Ключевые слова: уголовное наказание, нравственные основы уголовного наказания, теория наказания, функции наказания, исправление преступника, предупреждение преступлений.

Вопрос об этических основах назначения наказания является одним из центральных вопросов в философии уголовного права. Очевидно, что нравственность распространяет свой контроль на общественную и государственную жизнь [1, с. 33]. В истории науки говорили не только об основаниях наказания, но и о «праве наказания». Формулировка философской основы наказания сводится к двум вопросам: о нравственном оправдании наказания и о нравственной допустимости наказания. Позиция исследователей в отношении этих вопросов выступает мировоззренческой базой юридических концепций наказания.

Достаточно глубоко раскрывает противоположные позиции относительно уголовного наказания творчество русских мыслителей 19 века. Так, Лев Николаевич Толстой утверждал, что наказание есть зло и что нельзя посредством зла бороться со злом. Возражая ему, религиозный мыслитель и публицист Владимир Сергеевич Соловьев писал, что доводы Л.Н. Толстого нельзя признать убедительными, ибо согласно философским взглядам Л.Н. Толстого человек должен воздерживаться не только от плохих, но и от хороших поступков, от всякой деятельности вообще, поскольку в отдаленном времени они (по-

ступки) могут принести зло [2, с. 195]. Необходимо отметить, что критика взглядов Л.Н. Толстого, как и критика теории «непротивления злу насилием» вообще, остаются достаточно распространенными и наиболее популярными этико-юридическими позициями.

Некоторые теоретики возражали против наказания потому, что нравственный закон требует уважения человеческой личности, а наказание унижает человека. Итальянский ученый Луиджи Дольчи, например, полагал, что государство, как и глава семьи, должно исправлять, а не наказывать своих членов и что личность неприкосновенна.

Небезынтересны утопичные взгляды французского ученого Эмиля де Жирардена, который полагал, что воздавать злом за зло – значит подражать злу. Он выступал против всех видов наказания, особенно против лишения свободы, полагая, что наказание ничего, кроме вреда, не приносит. Видя в качестве причины преступной деятельности человека, его социально-политическую непригодность, Эм. Де Жирарден решающее значение придавал профилактическим мерам (например, надзору общины, надзору семьи) и компенсации имущественного ущерба, причиненного злодеянием. Эм. де Жирарден утверждал, что, отменив систему наказаний, общество ничего не потеряет, так как применение наказания не связано с количеством преступлений.

Идеология ненасилия в социальной практике была поддержана одним из лидеров освободительного движения в Индии Махатмой Ганди. В отличие от Л.Н. Толстого идея ненасилия воплотилась у М. Ганди в активной социальной практике – «стремлении к истине», а само ненасилие провозглашалось нравственным идеалом [3, с. 118].

Сторонники идеи необходимости наказания обосновывали его нравственную возможность и допустимость различными способами, которые условно можно сгруппировать в следующие теории: теории возмездия, теории устрашения, теории целесообразности, теории психологического принуждения, теории заглаживания вреда. Все эти теории в той или иной мере были результатом влияния на общественную мысль выдающихся мыслителей древности – Протагора, Платона, Аристотеля.

Исторически первой можно считать теорию наказания-возмездия, получившую свое выражение в древнем принципе талиона как платы равным за равное. Протагор впервые выступил против наказания как отщипания и выдвинул наряду с целью устрашения идею об исправлении преступников и об обезвреживании неисправив-

мых. Ему принадлежит образное высказывание, что наказание – это средство для выпрямления искривленного сосуда [4, с. 160]. Платон, перенося идею воплощения всеобщего блага на личность преступника, рассматривал наказание как очищение души, но не причинение зла. Наказание по Платону не должно носить характер нанесения вреда, но обязано сделать наказываемого лучшим или менее испорченным. Аристотель допускал возможность наказания как возмездия, исходящего от государства, но в пределах, ограниченных рамками справедливости и законности и принципом равенства.

Представители школы естественного права обосновывали необходимость наказания как блага для общества и для самого нарушителя. Гуго Гроций, в частности, говорил, что в наказании нужно видеть благо преступника, пользу обиженного, пользу общественную. Томас Гоббс исходил из отрицания наказания, но выступал за устрашение: покарать преступника за уже совершенное, чтобы другие не совершали подобного. Тем самым наказание по Т. Гоббсу выполняет функцию общего предупреждения преступлений, но лишено частной превенции, поскольку преступление, за которым следует наказание уже совершено.

Идею соизмеримости степени тяжести совершенного преступления с понесенным наказанием высказывал французский просветитель Шарль Луи де Монтескье. В знаменитой работе «О духе законов» он, протестуя против жестокости в борьбе с преступлениями, подчеркивал: «...жестокость законов препятствует соблюдать их. Когда наказание безмерно, ему часто приходится предпочитать безнаказанность» [5, с. 92]. Хорошо также известны прогрессивные взгляды итальянского мыслителя Чезаре Беккариа. Наиболее популярно его высказывание о том, что сила наказания не в жестокости, а в неотвратимости.

В теориях и законодательстве Европы периода буржуазных революций широко представлены естественно-правовые идеи, в том числе идеи о нравственном содержании наказания, о приоритете его исправительной и воспитательной функций. Популяризация социологической школы уголовного права внесла свои коррективы, отвергая идею философского обоснования необходимости и предназначения уголовного наказания для личности в пользу так называемой социальной защиты. Объединившись с антропологами, представители социологической школы вновь возрождали идею «преступного человека», а в теории наказания все меньше оставляли места для этического обоснования наказания, а значит, и для памяти о том, что наказание

обращено к человеку, хотя и совершившему преступление, но человеку.

Итальянский ученый-криминалист Франческо Каррара как представитель классической школы уголовного права считал, что наказание – это восстановление внешнего порядка в обществе. Наказание не преследует цели сделать человека, совершившего преступление, нравственно хорошим – это было бы непосильной для наказания задачей. Его цель – лишь предупредить преступление. Ф. Каррара говорил, что наказание не должно вселять страх в граждан, а лишь должно стремиться к тому, чтобы утвердить в обществе, у людей убеждение в том, что закон осуществит содержащуюся в нем угрозу. Нетрудно увидеть, что эта мысль – своеобразная модификация или, точнее, толкование теории неотвратимости наказания.

Идеалистические с теологической основой идеи Ф. Каррара предполагают обращение при исполнении наказания к нравственному началу, содержащемуся в разуме человека. Именно поэтому наказание не должно вселять в людей страх, а должно быть профилактическим средством. Этика наказания Ф. Каррара присутствует, прежде всего, в отрицании жестокости и отрицании пренебрежительного отношения к человеческой личности.

Идею нравственного обоснования уголовного наказания абсолютизировал немецкий ученый-тюрьмовед Карл Рёдер. Он полагал, что наказание – это разумное и необходимое средство уничтожения у преступника преступной воли. И поскольку преступление – это неправда, то она должна быть уничтожена не только в форме внешнего бытия, но и воли человека. Таким образом, наказание уничтожает безнравственную волю и нравственную порчу. Отсюда цель наказания – нравственно исправить преступника, довоспитать его. Поскольку наказание применяет государство и преступник находится под его опекой, последнее может длиться до тех пор, пока не будет достигнуто исправление. Таким образом, идеализирование воспитательной функции наказания привело к идее о безнравственной мере – неопределенных, практически бессрочных приговорах.

Рассматривая приведенные позиции теоретиков уголовного наказания, можно заключить, что в равной степени недооценивание и абсолютизация нравственных оснований уголовного наказания опасны для правопонимания. В то же время критическое осмысление философского содержания, нравственной природы, гуманистических функций наказания за совершение преступления необходимы для правильного, социально и индивидуально полезного применения норм уголовного и уголовно-исполнительного права.

Список литературы:

1. Максименко М.В. Этические начала в науке уголовного права // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы пятого международного круглого стола. 2018. С. 33-34.
2. Уманец В.С. К проблеме наказания и его целям при применении статьи 64 Уголовного кодекса РФ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2014. - № 2 (97). - С. 195-202.
3. Пряхин Н.Г. Социальная философия ненасилия: к истории вопроса // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 1-3 (55). С. 117-119.
4. Гринберг М.С. Понятие наказания в уголовном праве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 3 (20). С. 159-167.
5. Монтескье Ш. Л. О духе законом. М.: Мысль, 1999.- 674 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЮБВИ И ПРОБЛЕМЫ ЛЮБОВНОЙ ЗАВИСИМОСТИ С ПОЗИЦИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О.П. Макушина, Д.А. Пукасев
Россия, г. Воронеж

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
e-mail: svyatogor988@yandex.ru

Аннотация. Целью данного исследования является дифференциация таких чувств как любовь, влюбленность и любовная зависимость, их научная интерпретация и правильное соотношение в интересах укрепления духовной безопасности.

Ключевые слова: любовь, влюбленность, любовная зависимость, аддикция, духовная безопасность.

Духовная безопасность – важный фактор формирования и устойчивого развития культурно-образовательной сферы общества – система отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для созидательной духовной жизни и здорового социально-нравственного развития. Это также система условий, позволяющих обществу сохранять свои жизненно важные параметры (прежде всего культурного, этического и интеллектуального характера), в пределах исторически сложившейся нормы [4, с. 12].

В настоящее время отклонением от этой нормы и ощутимым препятствием для укрепления духовной безопасности является искаженное понимание многими людьми такого чувства, как любовь, а точнее ошибочное использование понятия истинной любви в отношении феномена любовной зависимости. Кроме того, существует тенденция к отождествлению понятий любовь, влюбленность и любовная зависимость в массовой культуре, поп-музыке, кинематографе, литературе, что также способствует некорректному формированию нравственного сознания людей, являющегося важной формой духовной сферы жизни в тесной взаимосвязи с эстетическим, политическим, религиозным, научным и правовым компонентами.

Столетиями сложившееся искаженное понятие любви, изображенное во многих произведениях искусства, воспетое в литературе, прочно закрепилось в общественном сознании. Свою деструктивную роль здесь играет образование, содержащее в своей программе изучение поэзии и литературы, в которых происходит грубая подмена понятия любви на влюбленность и любовную зависимость, влекущие за собой самопожертвование якобы во имя прекрасного чувства. Если обратиться к словарям, а также современной научной литературе по философии и психологии, можно привести несколько определений любви, имеющих общие критерии.

Любовь – чувство, свойственное человеку, глубокая привязанность и устремленность к другому человеку или объекту, глубокая симпатия [1, с. 8].

Любовь – глубоко позитивное чувство, направленное на самого себя, другую личность, человеческую общность, вещь или идею. Зик Рабин – автор первой психодиагностической методики любви, определяет любовь, как чувство, сопровождающееся заботой (бескорыстием), влечением (привязанностью) и доверием (интимностью). В своей «Триангулярной» модели Роберт Стернберг, характеризует чувство любвитрема качествами: интимностью, страстью и решением (обязательством) [3].

Любовь – это чувство, характеризующееся активной озабоченностью жизнью и благополучием того, кого мы любим [14].

Опираясь на вышеизложенные определения, а также точку зрения Э. Фромма, можно выделить базовые характеристики любви, наличие или отсутствие которых может сказать о способности или неспособности человека любить, либо об имеющихся отклонениях в протекании этого процесса:

Испытывать любовь может только зрелая, целостная, независимая личность;

Любовь – это союз, при котором сохраняется целостность личности каждого индивидуума;

Любовь проявляется исключительно в условиях свободы, а не принуждения;

Полноценная любовь выражается в активной деятельности, а не в пассивном пребывании в некоем эмоциональном состоянии;

Любить – в первую очередь давать, а не брать.

Любовь – это активная озабоченность жизнью того, кого мы любим;

Любить – быть способным и готовым добровольно и бескорыстно откликнуться на высказанные или невысказанные потребности другого;

Любовь предполагает уважение, как озабоченность тем, чтобы другой человек мог развиваться, сохраняя верность себе, и исключает использование одного человека в целях другого;

Важный элемент любви – понимание, как способность познавать другого человека, не нарушая его целостности и индивидуальных личных границ.

Чувства являются составляющей духовной жизни, как сферы общественной жизни наряду с верой, знаниями, переживаниями, потребностями, способностями, стремлениями и целями людей [12], а значит любовь, являясь чувством, оказывает влияние на производство и распределение духовных ценностей, удовлетворение духовных потребностей человека. Но существует другое чувство, ошибочно отождествляемое с истинной любовью – это влюбленность.

Любовь между мужчиной и женщиной может быть только взаимной. Если чувство без взаимности – это не любовь, а одна из форм влюбленностей [10].

Влюбленность – сильное положительно окрашенное чувство (комплекс чувств), направленное на другого человека [11].

Влюбленность – острое эмоциональное переживание, влечение к объекту сексуального выбора. Оно обязательно характеризуется наличием полового влечения [17]. В отличие от более постоянного и устойчивого чувства любви имеет тенденцию к быстрому насыщению. При этом в объекте влюбленности выделяются преимущественно внешние, поверхностные черты и качества.

Под «влюбленностью» обычно понимается чувство, в основе которого лежит страстное влечение к человеку (объекту влюбленности).

Согласно З. Фрейду, влюбленность – чувство, которое основывается на сексуальных влечениях, суть которого есть перевод какой-либо доли нарциссического либидо на объект влюбленности [5]. С точки зрения длительности чувства, влюбленность может быстро угаснуть или же перейти в более или менее устойчивое чувство полноценной любви.

Влюбленность можно назвать особой формой эмоционального возбуждения, состоянием неудержимого желания слиться с возлюбленным человеком [7].

Основным различием влюбленности и любви является половая страсть. Она появляется вместе с различными эмоциями и эмоциональными состояниями.

Признаки влюбленности:

Основывается на физических ощущениях, сопутствующих, например, прикосновениям – возбуждению, дрожи, учащенном сердцебиении;

Бывает разрушительна, парализует волю, заставляет забыть жизненные реалии;

Скоротечна, если не подкреплена сексуальными взаимоотношениями, где наличие секса – ненадежная опора;

Заставляет идеализировать партнера, не замечать его недостатки;

Эгоистична: партнеру интересно лишь то, что он может получить;

Чаще встречается у молодежи;

Обычное для нее начало – конец предыдущих отношений;

Обычно не бывает длительной;

Допускает использование другого в своих целях;

У древних греков глагол «erasthenai» – влюбиться. Однокорневое с «eros» – эрос, чем обозначается не столько преобладание возвышенных чувств, сколько стремления к сексуальному утешению друг друга [Шестаков].

Влюбленность возникла в ходе эволюции для обеспечения временного скрепления пары, чтобы способствовать зачатию потомства и их кормления первые несколько месяцев или лет жизни. Она характеризуется гиперактивностью всех психических, физических и даже экстрасенсорных сфер жизнедеятельности. Являясь механизмом, который развился с целью облегчить развитие маленького ребенка, влюбленность, по логике, не должна длиться дольше, чем необходимо для периода ухаживания, свадьбы или начала совместной жизни, за-

чатия, рождения ребенка и, возможно, его кормления до тех пор, пока он не начнет ходить (а может быть, и говорить). Для этого нужно примерно четыре года, а именно на четвертый год приходится большинство разводов, предположительно, когда угасает влюбленность, а более крепкая любовь не вытесняет ее [9].

Если опираться на взгляды Э. Фромма о том, что найти любовь нельзя, а лишь можно уметь или не уметь любить, а также на утверждение, что любовь бывает только взаимная, мы можем сделать вывод, что при участии в таких взаимоотношениях человека, не умеющего любить мы получим только лишь затянувшуюся, не угасшую влюбленность, в лучшем случае, плавно перетекающую в симбиотический союз, в худшем – в любовную зависимость одного партнера от другого [14]. Зачастую предпосылкой к возникновению влюбленности является так называемая невротическая потребность в любви.

Различие между любовью и невротической потребностью в любви заключается в том, что главным в любви является само чувство привязанности, тогда как у невротика первичное чувство – потребность в обретении уверенности и спокойствия, а иллюзия любви – вторичное [9].

Психолог О. Куракин в своей статье «Невротическая любовь» выделяет схожие признаки невротической любви [6]:

1) Переоценка любви, свойственная, прежде всего, определенному типу женщин, которые чувствуют себя в опасности, несчастными и подавленными всегда, пока рядом нет никого бесконечно им преданного, кто любил бы их и заботился о них.

2) Ненасытность, выражающаяся в ужасной ревности.

3) Требование безусловной любви.

4) Чрезвычайная чувствительность к отвержению.

Существует феномен, при котором симптомы невротической любви связаны с конкретным отдельно взятым индивидом. Этот феномен получил название любовной зависимости.

Любовная зависимость – это аддикция отношений с фиксацией на другом человеке. Такие отношения, как правило, возникают между двумя аддиктами; они получили название соаддиктивных, или созависимых [2].

Любовная зависимость – это расстройство личности сексуального характера, имеющее в своей основе и невротическую потребность в любви и защите [13].

К основным симптомам любовной зависимости по А.Ю. Егорову относятся:

Ощущение своей зависимости от партнера; ощущение пребывания в ловушке унижающих вас, контролирующих взаимоотношений;

Низкая самооценка;

Потребность в постоянном одобрении и поддержке со стороны партнера, чтобы чувствовать, что у вас все идет хорошо;

Ощущение своего бессилия что-либо изменить в деструктивных отношениях;

Потребность в алкоголе, пище, работе, сексе или в каких-либо других внешних стимуляторах для отвлечения от своих переживаний;

Неопределенность психологических границ;

Ощущение себя в роли мученика;

Ощущение себя в роли шута;

Неспособность испытывать чувство истинной близости и любви.

На сегодня недостаточно данных, чтобы классифицировать некоторые случаи «любви страсти» в рамках клинического расстройства с названием «любовная зависимость» в официальной диагностической номенклатуре или классифицировать его как поведенческую зависимость или расстройство импульсного управления [16].

В популярной литературе по психологии любовная зависимость получила распространение термин «синдром Адели», которым описываются случаи страстной безответной платонической любви, однако такой «синдром» не входит в классификацию DSM-IV и является не более чем литературной метафорой. В МКБ-10 она имеет шифр F63.8 – «Другие расстройства привычек и влечений».

На сегодняшний день современное общество испытывает проблему дифференциации таких чувств как любовь и влюбленность, а также проблему отличия истинной любви от невротической потребности в ней и любовной зависимости. Этот процесс активно стимулируется массовой культурой, из поколения в поколение прививающей людям ложные стереотипы, что может привести к распаду общества, как целостной системы в связи с разрушением структурирующих его духовно-нравственных оснований. Для этого важно корректно интерпретировать и соотносить такие понятия, как любовь, влюбленность, невротическая потребность в любви и любовная зависимость, а также знать основные признаки каждого из них.

Список литературы:

1. Аверинцев С. С. Большая советская энциклопедия / С. С. Аверинцев, А. Г. Спиркин. – URL:<http://bse.sci-lib.com/article071981.html> (дата обращения: 8.11.2018).

2. Егоров А. Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции (обзор) / А. Ю. Егоров // Аддиктология. – Санкт-Петербург: 2005. – № 1. – С. 65-77.
3. Зинченко, В. П. Большой психологический словарь / Под редакцией Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. - Москва: Машиностроение, 2009. - 816 с.
4. Концепция национальной безопасности Российской Федерации// Утверждена указом Президента Российской Федерации № 24 от 10 января 2000.
5. Короленко Ц. П. Социодинамическая психиатрия / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – М. : Академический проект, 2000.– 460 с.
6. Куракин О. Г. Невротическая любовь / О. Г. Куракин. – URL:<http://www.lyubi.ru/psy65.php> (дата обращения: 8.11.2018).
7. Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб. : Питер, 1997. – 561 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. Палмер Д. Эволюционная психология. Секреты поведения *Homo sapiens* / Д. Палмер, Л. Палмер. – URL:<http://coollib.com/b/293732/read> (дата обращения: 8.11.2018).
10. Пушкарев Е. Различные чувства любовь и влюбленность / Е. Пушкарев. – URL: <http://www.lyubi.ru/psy3.php> (дата обращения: 8.11.2018).
11. Свободная энциклопедия Википедия, Влюблённость / <https://ru.wikipedia.org/wiki/Влюбленность> (дата обращения: 8.11.2018).
12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. М., 2009.
13. Уайнхолд Б. Освобождение от созависимости / Б. Уайнхолд, Д. Уайнхолд; Пер. с англ. А. Г. Чеславской; под ред. В.М. Бондаровской, Т. В. Кульбачки. – Москва: Класс, 2002. – 223 с.
14. Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм; пер с англ; под ред. Д.А. Леонтьева. – 2-е изд. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 219с.
15. Шестаков В. П. Эрос и культура: Философия любви и европейское искусство / В. П. Шестаков. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. – 464 с.
16. Reynaud M., Karila L., Blecha L., Benyamina A. Is love passion an addictive disorder? // *Am J Drug Alcohol Abuse*, – 2010. – №. 5, P. 261-267.
17. Tennov D. Love and Limerence / D. Tennov. – Мэриленд: Дом Скарборо, 1979. – 340с.

ГАРМОНИЧЕСКОЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА, ПРИРОДЫ, ЦИВИЛИЗАЦИИ

М.В. Маслакова

Россия, г. Тюмень

*ФГБОУ ВО «Тюменский государственный
институт культуры»*

E-mail: mary_nosoreva@mail.ru

Аннотация. Экологическое равновесие или гармония экологии – многостороннее во всех отношениях взаимодействие Космоса, Социума и Природы. Человек должен гармонично взаимодействовать со всеми одновременно, уметь сохранять личностное равновесие для поддержания общего равновесия.

Ключевые слова. Взаимодействие Космоса, Социума и Природы, гармония, гармония экологии, информационная культура, информационная экология, экологический кризис, экологическое равновесие, экология.

Дисгармоничность явлений и процессов в пределах земного пространства очевидна. Экологическое равновесие или гармония экологии – это трудное и многоплановое взаимодействие человека и природы, и для экологически и гармонически согласованного земного функционирования и развития нужны знания: возможности взаимодействия человека со средой, постижение глобальных связей жизни и места в них человеческого общества, применение принципов системно-гармонического универсума, являющихся базой информационной экологии, рассматриваемой как научное направление о взаимодействии сущностей с окружающей информационной средой, поэтому феномен гармонии является основообразующим.

Философы Древней Греции явились первопроходцами, определившими сущность «мира» как гармоничном целом с внутренними противоречиями. Идея греков о всеединстве мира заключалась в величии и микрокосма, и космоса

Человек одновременно выступает субъектом отношений с тремя типами универсумов: Космосом, Социумом и Природой, стремящихся обладать большей целостностью по отношению к соседствующим универсумам и данное противоборство сказывается духовно-нравственном мировоззрении субъекта. И одной из составляющей

идеи гармонии является универсальная цель всех объектов природы – поддерживать её общее равновесие.

Проявления гармонии в природе и жизни шире, чем это способна охватить любая гармоническая система. При этом, во все времена наблюдалось, человечество стремится к гармоничному состоянию, к «совершенству» как основной форме прогресса, действующей с естественной необходимостью.

С давних пор, и исследования ученых, и различные институты интересуются проблемами соотношения души и тела человека, духовности и материальности мира, имеющие и четко выраженный экологический аспект. Первоначальное изучение данных проблем выявлено при зарождении, становлении и развитии человека и общества, взаимодействии человека и окружающего его мира в разных ипостасях. Умозаключения философов, биологов, экологов и прочих специалистов возможностей разрешения этих проблем оказала большое влияние, и на состояние человека, и на окружающую его природу. Актуальность проблематики соотношения духовности и материальности и ее влияние на экологию свидетельствует соизмеримость возможностей человечества с возможностями природы.

Соотнося категорию «гармония» с экологической проблематикой, следует считать состояние гармонии моментом «единого целого», т. е. общего отношения общества и природы как структурных элементов системы более высокого уровня. Следовательно, чтобы говорить о гармонии, необходимо анализировать взаимодействие природы и общества не просто как отношение, а как диалектическое противоречие, т. е. взаимодействие в развивающемся противоречии.

Итак, в общем понимании, гармония означает согласованность, соответствие, соотношение между всеми компонентами реальности. Но всё это в большей мере присуще понятию информационная экология, поэтому понятие «гармония» может быть использовано в качестве критерия оценки экологической системы. В общей экологии целостность природы рассматривается с точки зрения стабильности ее компонентов. Обновления и совершенствования, имеющие информационную основу происходят в природе постоянно, при этом человечество деятельно обживаете в окружающей его среде. Подобное познание и обустройство «мира» определяет гармоническое предназначение внутреннего мира человека с природой. Из чего можно заключить о возможности гармоничного развития и функционирования человека, общества и

природы. Для познания этой гармонии человеку стоит представить себя и природу в единстве и общности желаний и потребностей. По мнению Н. Н. Моисеева, такую же область совпадения интересов человека и природы «нельзя увидеть чисто эмпирически: чтобы её найти, надо знать те общие законы, которым следует природа и человек, её неотъемлемая составная часть, закономерно возникающая на определённой стадии развития биосферы» [1, с. 170].

Создание гармоничной личности, общества необходимо для гармоничного взаимодействия общества и природы. Огромна роль информационной экологии в формировании мировоззрения человека, т. к. данное научное направление является основой развития экологически чистого мышления. Ведь цель человека – достичь гармонии, познать её и обустроить свой мир в соответствии с законами природы и человека, представляя человека и природу в единстве и поддерживать гармоническое равновесие среди всех универсумов (Космос, Социум, Природа), во избежание цивилизационного кризиса (Рис.1).

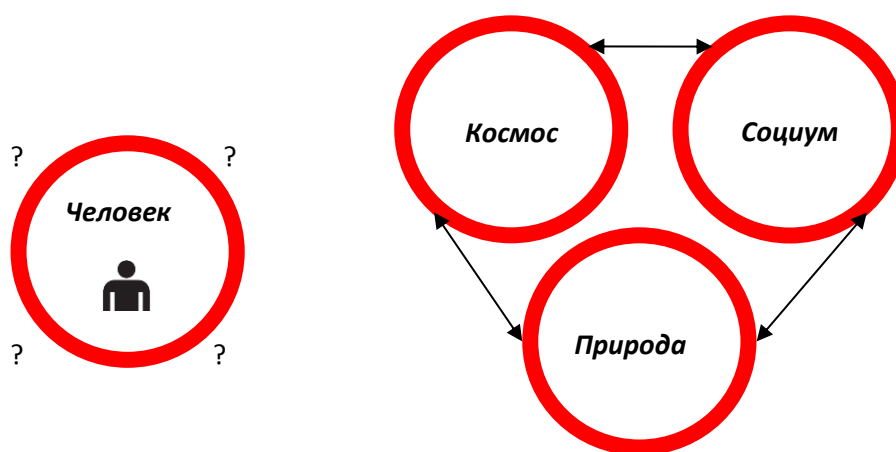

Рис. 1. Взаимосвязь универсумов: Космос, Социум, Природа

Но не все специалисты/эксперты согласны с таким подходом. Историки полагают, что человек ближе всего к социуму; экологи, что человек находится в социуме, и в то же время является частью природы, т. к. благополучие человека зависит от целостности и сравнительной неизменности природной среды и использование понимания знаний в практической деятельности. С философской точки зрения космос и природу разделять нельзя, а человек является элементом социума, природы и космоса одновременно, и если изобразить этот подход схематически, то это выглядит следующим образом (Рис.2):

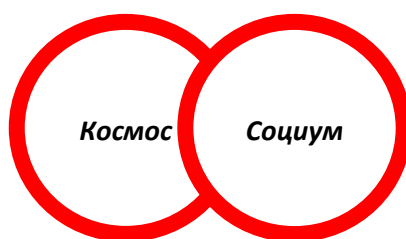

Рис. 2. Взаимосвязь универсумов: Космос, Социум, Природа

Медицинские работники, инженеры, педагоги и др. отводят человеку центральное место в системе отношений Космос, Природа, Социум: Часть социума – индивид. Часть природы – Homo sapiens. Часть космоса – единство тела и души (Рис.3):

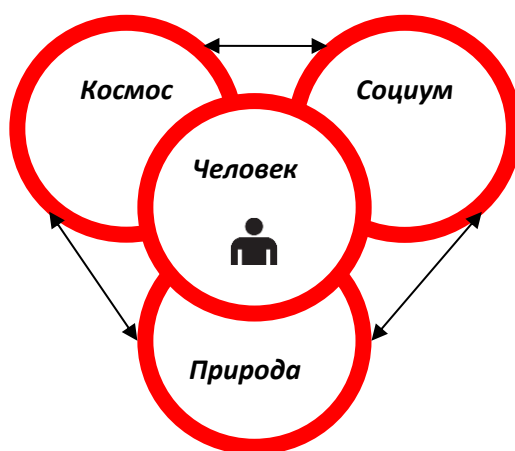

Рис. 3. Взаимосвязь универсумов: Космос, Социум, Природа

И ещё одно мнение ряда специалистов, считающих, что человек – это неотъемлемая часть и космоса, и социума, и природы. Он в них, они в нём. Эта связь человеком осознаётся и видится, а поэтому столь безалаберно его отношение к природе, космосу. Делая плохо природе, человек делает плохо себе и т. д. и наоборот. Место его в центре, т. к. именно он своими мыслями влияет на развитие и Природы, и Космоса, и Социума. Если человек разумен, то он живёт, не нарушая общепланетарные законы развития, понимая, что нарушение закона ведёт к гибели.

Проблемы гармонического развития человечества, как и экологические проблемы современности, однако, столь тревожны, что заставляют мыслить и действовать, во избежание кризиса техногенной цивилизации.

Известный французский эколог Ж. Дорст полагает, что измерять степень цивилизации нужно, в том числе, ростом моральных и духовных мерил, мудростью людей, гармонично развивающих цивилизацию с законами природы [Цит. по 2, с. 40].

Экологический кризис является вторичным, т. к. он результат негативного состояния окружающей среды, которая в свою очередь – результат неправильного мышления. Несколько поколений россиян учили безжалостности к природе, это впитывалось в сознание со школы и являлось правилом отношения к природе, к миру в целом. Человек – царь природы, и он ставит её себе на службу, не догадываясь, что все существующее живёт по строгим космическим законам и непонимание их уничтожает нарушителя. «Победить природу можно только подчинившись ей», постигая смысл законов развития и живя в соответствии с ними. Еще Марк Аврелий говорил, что пора не только согласовывать свое дыхание с окружающим воздухом, но и мысли со всеобъемлющим разумом.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что:

1. Исходя из значения гармонии в современном обществе для здоровья человека и общества, рассматривается роль междисциплинарной науки – информационной экологии как системы знаний, необходимой для оздоровления окружающей информационной среды и развития в личности гармонического мировоззрения, где особую роль следует уделить экологически чистому мышлению [3, с. 61]. Информационную экологию формирует мысль, а информационная экология – основа экологий всех сфер жизни (ландшафтной, медицинской, химической и т. д.). От качества мысли зависит уровень экологической безопасности человечества в целом.

2. Экологическое равновесие или гармония экологии, есть весьма сложное и многостороннее во всех отношениях взаимодействие Космоса, Социума и Природы. Человек должен гармонично взаимодействовать со всеми одновременно, уметь сохранять личностное равновесие, только тогда он сможет поддерживать общее равновесие [4]. Для достижения человечеством гармонического состояния необходимо представить человека и природу в единстве, а для этого следует знать общие законы, которым следует и природа, и человек.

3. Экологические проблемы взаимодействуют с гармоническими и их следует решать человеку во избежание цивилизационного кризиса.

4. Следует сказать, что одной из главных задач «источников информации» (культурных, образовательных, информационных институтов) является обучение пользователей защите от информационной агрессии, распространению экологически чистой информации, например, посредством дисциплины «Информационная культура личности», являющейся основой профессиональной составляющей,

обеспечивающей качество профессиональной деятельности и самореализацию личности [5, с. 115], т.е. заниматься и экологическим воспитанием пользователя с помощью информационно-медийных средств, что способствует формированию ответственного отношения к окружающей (в том числе информационной) среде.

Список литературы:

1. Моисеев, Н. Экология человечества глазами математика: (Человек, природа и будущее цивилизации) / Н. Моисеев. – Москва: Молодая гвардия, 1988. – 254, [2] с.

2. Киселёв, Н. Н. Мировоззрение и экология / Н. Н. Киселёв; отв. ред. А. Я. Мороз; АН УССР. Ин-т философии. – Киев: Наук. думка, 1990. – 216 с.

3. Информационная экология: учеб.-метод. пособие / С. Е. Демидова, М. В. Носырева, М. Ф. Кряжева, Е. В. Фоменко, Е. В. Маклакова, Т. В. Кузьмина, Т. Б. Сабина; под общ. ред. С. Е. Демидовой. – Москва: Литера, 2010. – 128 с.

4. Маслакова, М. В. Экологическое воспитание личности библиотечными средствами [Электронный ресурс] / М. В. Маслакова. – URL: <https://www.libway.ru/program/5b03f4923eb1740b98dae54c>.

5. Маслакова, М. В. Формирование общепрофессиональной компетенции выпускника: место и роль информационной культуры в образовательном процессе вуза / М. В. Маслакова // Инновации в образовании. – 2017. – № 4. – С. 115–123.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*А.К. Махадов, А.А. Гусейнова
Россия, Махачкала*

*Дагестанский государственный университет
E-mail: ahmed020895@mail.ru*

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема этноконфессиональных противоречий на фоне активизации процессов глобализации. Регион выбран не случайно, потому что именно на Северном Кавказе в условиях полиэтноконфессионального социума этот процесс проходит наиболее остро, так как в регионе смешались гео-

политические, цивилизационные, этноконфессиональные, этнокультурные проблемы и противоречия. Одновременно в Российской Федерации в настоящее время идет процесс формирования общенациональной идентичности.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, этнос, конфессия, социум, Северный Кавказ, Республика Дагестан, Чеченская Республика.

Глобализация стала наиболее зримым явлением и показателем вступления современного мира в качественно новую стадию своего развития. Глобализация охватила практически все сферы жизни общества, начиная с экономической и заканчивая духовно-нравственной и социокультурной сферами. Представляя собой объективный процесс мирового развития, она является своеобразной формой интернационализации жизни человечества, объединяющие основные свойства локальных систем. В современных условиях множество социальных, экономических, политических, этноконфессиональных, культурных и иных отношений и связей приобретает всемирный характер. Интенсификация этих процессов способствовала расширению функций и сфер ответственности национальных государств, с одной стороны, и угрозу их возможностям эффективно справляться с предъявляемыми к ним требованиями. Очевидным фактом является то, что процесс глобализации может осуществляться экстенсивно и интенсивно. Экстенсивная глобализация предполагает ее движение вширь, по горизонтали, когда социальная ценность внедряется во все более широкий круг людей, стран и народов. Интенсивная глобализация означает углубленное усвоение социального опыта различными субъектами. [1, с. 82]

Культурное многообразие России представляет собой сумму этнических и конфессиональных идентичностей более 100 народов, проживающих на территории страны. Феномен современного российского самосознания возник на основе межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия и взаимовлияния, имеющего многовековую историю. Мы рассматриваем этническую и религиозную идентичности в качестве базовых ценностей, оказавших решающее влияние на становление общероссийской культурной и цивилизационной традиции. В нашей стране в настоящее время идет процесс формирования общенациональной идентичности.

В России сегодня на государственном уровне предпринимаются попытки сформировать единую общенациональную идентичность

различными средствами. По нашему мнению, эти попытки не всегда успешны в силу того фактора, что воплощение предлагаемых на государственном уровне идей, которые способствовали бы формированию общей идентичности, сталкивается с серьезными препятствиями. Одной из серьезных причин такой ситуации, как мы полагаем, является социокультурная поляризация и как следствие этого нетерпимость. Являясь прямым следствием неспособности примирить те или иные этнические, социокультурные и конфессиональные различия, нетерпимость сегодня стала крупнейшим препятствием на пути становления общенациональной российской идентичности. Эта тенденция характерна не только для России. Радикальная модернизация всех общественных отношений, осуществляемая в пределах очень короткого исторического периода, неизбежно приводит к обострению ряда проблем – политических, экономических, культурных, социально-психологических, межнациональных и межконфессиональных. В современных условиях фокус внимания все больше смещается в область взаимодействия различных социально-экономических, политических, социокультурных тенденций, которые определяют параметры отношений между человеком и природой, государством и обществом, властью и индивидом. Динамика глобализации вовлекает в себя все государства, независимо от типов политического устройства и экономического развития их регионов. Поэтому сегодня очень важно исследовать внутренние механизмы глобальных процессов, попытаться определить их возможные пути и долговременные перспективы. По нашему мнению, этничность и государство теряют значение в условиях глобализации. Взаимодействие глобализации, регионализации и этноконфессионального факторов – новая для исследователей проблема. Глобализация сделала относительными и зыбкими любые национальные, этнические и религиозные границы. В условиях глобализации этнокультурное пространство народов размывается, становится диффузным. «Процессы этнокультурной идентификации протекают под влиянием таких интенсивных процессов, как локализация и глобализация. Под влиянием глобализации происходит все большая межкультурная коммуникация, взаимодействие и взаимовлияние различных культур. Постоянно происходящая модернизация большинства локальных сообществ, этнополитическая интеграция, все более растущая доля массовой культуры приводят к стандартизации национальных традиций. Естественной реакцией на эти процессы стало развитие процесса локализации, который характеризуется определенной долей сепаратизма и противопоставления себя «центру». Чаще всего

процесс локализации направлен на сохранение отличий одних людей от других. [2, с. 4]

Глобализация и локализация представляют собой две диалектические тенденции единого развития мира. Человечество на рубеже третьего тысячелетия охвачено новой волной трансформаций, межкультурных конфликтов, акций международного терроризма. Для современного мира характерны параллельные процессы интеграции и дезинтеграции. Г.И. Юсупова рассматривает, с одной стороны, глобализацию как фактор объединения, расширения общих тенденций в социально-экономической, политической и духовной сферах, информационных и коммуникационных технологиях, общественном сознании. С другой стороны, глобализация как сложный процесс всех общественных трансформаций не может не сопровождаться столкновением интересов, усилением противоречий. Глобализация угрожает этнокультурной независимости и безопасности стран и народов. [3, с. 67]

Перспективы развития любого государства, в том числе и России, не столько определяются успехами в каких-то отдельных областях, технологий, сколько зависят от степени эффективности инновационных механизмов взаимодействия в обществе политических, культурных, духовных ценностей, включая религию и религиозные традиции. Происходящие в России трансформационные процессы являются следствием глобальных геополитических, экономических, политических, социальных, культурных, экологических, информационных изменений в мировом пространстве. Поэтому общероссийская идентичность весьма затруднительна вне цивилизационного контекста. Современное российское социокультурное пространство исторически складывалось в результате синтеза многих цивилизационных этноконфессиональных и этнокультурных традиций. В настоящее время в Российской Федерации проживает более 100 национальностей. Специфика ситуации состоит в том, что на долю русского народа приходится 81%, а лишь 19% - на все остальные. В постсоветский период стихийно сформировалась впечатляющая по своим масштабам религиозная инфраструктура. Сегодня можно констатировать наличие достаточно стабильного конфессионального ландшафта. Православный и исламский пояс существенно различаются по консолидированности, наполненности, интенсивности религиозных проявлений. На территориях традиционного распространения ислама отмечаются высокое число и высокая плотность религиозных организаций. Абсолютно и с большим отрывом лидируют Дагестанское нагорье и Кара-

чаево-Черкесия (карачаевские районы). Православный пояс отстает по обоим показателям в разы (Карачаево-Черкесская Республика) и в десятки раз (Республика Дагестан). Сверхрелигиозные центры включают также Чеченскую Республику и Республику Ингушетию.

За последние годы в мире, в том числе и в России, интерес к исламской проблеме значительно возрос. Он обусловлен крупномасштабными процессами, происходящими в современном арабомусульманском мире. События глобального характера, происходящие на Ближнем Востоке, привели к образованию противоречий и проблем, которые опасны для всего мира. Ислам играет активную роль не только в урегулировании региональных событий, но и оказывает значительное влияние на мировую геополитическую картину. Наиболее конфликтогенный характер этноконфессиональные отношения на Юге России носили в 90-е годы XX века. Взаимоотношения между народами России носили сложный и противоречивый характер. Осложнению ситуации способствовала нестабильность политического правления, социально-экономические и социокультурные трансформации, которые носили неуправляемый и непредсказуемый характер. Этническая и религиозная мобилизация развивается в условиях глобализации как ответ на условия, угрожающие самосохранению этносов и конфессий, который является попыткой не допустить их растворения в универсальном политико-правовом, социально-экономическом и культурном пространствах, когда эволюционный путь развития ведет к утрате этнической и религиозной идентичности. В эпоху глобализации проблемы стирания этнического своеобразия культур, сохранения языков и преемственности традиций в той или иной мере ощущают все народы мира. Особенно остро этот процесс протекает в условиях полиэтноконфессионального социума. Ярким примером может служить Северный Кавказ, где отдельные народы претендуют на роль лидеров, стремясь поглотить или свести к минимуму значение своих собратьев по северокавказскому сообществу. Их действия в последние десятилетия приобрели ярко выраженные этноцентрические черты. Можно также выделить такие характеристики этноцентризма, распространенные в современном северокавказском социуме, как этноэгоизм, этнофобия, бытовой шовинизм, национализм, этносепаратизм. Подобные идеи распространяются сегодня в северокавказских республиках двумя основными способами: действиями национально-политических элит и повседневной дискриминационной практикой среди местного населения. Первый способ можно рассматривать как определяющий, так как он в настоящее время приобрел форму политики этнократического национализма, а именно

территориальных претензий, обеспечения привилегированного положения своего народа, экономического приоритета, мобилизации культурно-этнических, языковых, религиозных и иных идентификационных черт для сплочения «своих». Как правило, этнические и религиозные чувства тесно связаны между собой. Они оказывают сильное влияние на общественное сознание не столько взятые в отдельности, сколько взаимосвязанные. Поэтому историческую связь этнического и религиозного используют в своих сепаратистских и экстремистских целях лидеры национальных и конфессиональных движений. Этническая и религиозная идентичность являются элементами общественного сознания. Формирование этнической идентичности нередко может быть обусловлено, наряду с прочими факторами, принадлежностью к определенной конфессии. На манипулировании общественным сознанием строят свою деятельность политические лидеры и партии на пути к власти и в целях ее удержания. Поэтому, как я полагаю, вопрос о соотношении конфессионального и этнического моментов в этнокультурной традиции в нынешней России имеет зачастую политическую подоплеку и мотивы. В то же время при всем единстве перед Северо-Кавказским Федеральным Округом проблем и перспектив развития, следует выделить достаточно широкий диапазон различий между его субъектами и населяющих их народами. Отметим, прежде всего, природно-географические различия, наличие природных ресурсов, транспортная инфраструктура, интеллектуальный потенциал, уровень занятости населения, доходы и уровень прожиточного минимума населения, экономический потенциал и т.д. именно поэтому Северный Кавказ сегодня отличается высоким динамизмом геополитических процессов, что обусловлено объективными факторами, среди которых аналитики выделяют, как правило, важное геополитическое положение региона, чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав населения, особенности этнорегиональной идентичности, нестабильную социальную и общественно-политическую обстановку. В последние десятилетия возросла роль Северного Кавказа на геополитическом и цивилизационном уровнях. Интегральный анализ данной проблемы позволяет нам сделать вывод, что в регионе смешались геополитические, цивилизационные, этноконфессиональные, этнокультурные проблемы и противоречия. Такое тесное соприкосновение и взаимовлияние двух религий и миров – мусульманского и христианского определяет специфику геополитического анализа региона, которая должна быть учтена при проведении государственной национальной политики. [4, с. 152]

Список литературы:

1. Воронович Б. А., Торукало В. П. Глобализация и национальные интересы. // Этнопанорама 2003, № 3-4. С. 82.
2. Магомедова М. З. Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского социума. Махачкала, 2009. С. 4.
3. Юсупова Г. И. Глобализация и социокультурные трансформации на юге России. // Вестник ДНЦ РАН №36, 2010. С. 67.
4. Котеленко Д. Г. Конфессиональные границы на Юге России. Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов. Материалы Всероссийской научной конференции 21-22 сентября 2009 г., Ростов – на – Дону, 2009. С. 152.

ВЛИЯНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА УСПЕШНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.А. Мусхаджиева

Россия, г. Грозный

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*

E-mail: tiana-00@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает индивидуальные особенности людей, включенных во взаимодействие и совместную деятельность как значимый фактор оптимизации отношений в команде и эффективности спортивной деятельности. Психофизиологические и личностные качества спортсменов и тренеров, проявляясь в их взаимодействии, могут оказывать различное влияние на успешность деятельности. Их взаимовлияние зависит от конкретных ситуаций, от характера совместной деятельности, от стажа совместной работы и многих других факторов.

Ключевые слова: индивидуальные особенности, взаимодействие, подобие, общность, контраст, взаимодополнение, однородность – разнородность, оптимизация, психофизиологические качества, мотивация, эффективность деятельности.

Индивидуальные особенности людей, включенных во взаимодействие и совместную деятельность, образуют потенциал их возможностей, которыми обладает каждый участник и вкладывает их в общий результат. Это профессиональный опыт, психофизиологические, интеллектуальные, личностные, социально-психологические характеристики. Степень близости или противоположности этих качеств создает подобие и общность людей. При этом значимость определенного полюса континуума однородности – разнородности для достижения успеха зависит от характера деятельности. Для одних видов деятельности в большей степени важно подобие и сходство, для других контраст и взаимодополнение [2, с.144].

Важнейшую роль в достижении успехов в спорте играет психологическая однородность – разнородность спортсмена и тренера. Успешность взаимодействия спортсменов с тренером является значимым фактором оптимизации отношений в команде, и эффективности спортивной деятельности.

Психофизиологические и личностные качества спортсменов и тренеров, проявляясь в их взаимодействии, могут оказывать различное влияние на успешность деятельности. Их взаимовлияние зависит от конкретных ситуаций, от характера совместной деятельности, от стажа совместной работы и многих других факторов. Близость или взаимодополняемость психологических характеристик тренера и спортсмена обуславливает их межличностные отношения, принятие спортсменом тренера как лидера и наставника, формирует спортивную мотивацию. При высокой однородности их качеств общение протекает спокойно и конструктивно, конфликты либо не возникают, либо эффективно преодолеваются. Это выступает основой для взаимопонимания, открытости в выражении своего мнения как тренером, так и спортсменом, способствует личностному развитию спортсменов [3, с.109].

Сходство психофизиологических качеств тренера и спортсмена повышает продуктивность спортивной деятельности. Позитивное влияние на достижения спортсмена оказывает и сходство личностных характеристик, ценностно-смысловых установок, стилей взаимодействия спортсменов и тренеров. Однако, если у спортсмена и тренера наблюдаются одинаково выраженные качества, препятствующие сотрудничеству и конструктивному взаимодействию, такие, как эмоциональная неустойчивость, авторитарность, упрямство и т.п., эффективность их совместной работы является низкой. Особенно важное значение психологическая однородность тренера и спортсмена приобретает в ситуациях их длительного и систематического взаимодей-

ствия, например, на выездных соревнованиях или в ситуациях длительных и интенсивных тренировок.

Позитивный характер взаимоотношений в паре «тренер – спортсмен» опосредован их сходством по таким волевым качествам, как целеустремленность, самообладание, организованность. Одинаковые взаимные оценки социально желательных качеств личности характерны для тренеров и спортсменов, близким по уровню целеустремленности и инициативности. Сходство целеустремленности и организованности обуславливают близость в оценках активности тренером и спортсменом друг друга. Однородность выраженности смелости и настойчивости влечет за собой сходное восприятие силы личности у спортсмена и тренера. Однородность настойчивости, самообладания и организованности опосредует высокую срабатываемость. Необходимо отметить, что в большей степени однородность волевых качеств влияет на взаимоотношения и срабатываемость тренера и спортсмена. При этом наибольшее влияние оказывает сходство таких качеств, как целеустремленность и организованность.

Сходство выраженности честности опосредует позитивные взаимоотношения тренера и спортсмена, взаимные оценки личностных качеств. Одинаковый уровень трудолюбия оказывает позитивное влияние на взаимоотношения, срабатываемость, близость взаимных оценок силы и активности личности. Однородность по выраженности коллективизма опосредует взаимоотношения и срабатываемость. Сходство по интеллектуальным качествам – любознательности и эстетическому развитию – обеспечивает однородность межличностного восприятия личностных качеств друг друга спортсменом и тренером. При этом сходство по трудолюбию в наибольшей мере влияет на отношения и срабатываемость тренеров со спортсменами [1, с.79].

Данные показывают, что в наибольшей степени на показатели отношений и срабатываемости оказывает влияние авторитарность и дружелюбие; причем, наиболее конструктивные отношения и сходство межличностного восприятия прослеживается в парах, разнородных по авторитарности и сходных по дружелюбию. Сходный уровень эгоистичности и подозрительности (по результатам качественного анализа, это одинаково низкий уровень) определяет позитивный характер отношений и сходство межличностного восприятия социально желательных качеств личности друг друга; одинаковая агрессивность влияет на взаимное восприятие силы личности тренером и спортсменом.

Разнородность по подчиненности опосредует позитивные отношения и срабатываемость тренера со спортсменом. Разнородные по зависимости тренеры и спортсмены поле позитивно оценивают друг

друга. Сходство по альтруизму определяет взаимоотношения и близость взаимных оценок коммуникативной активности.

Сходное восприятие силы личности друг друга тренером и спортсменом зависит от однородности в сфере таких ценностей, как материальный успех, свобода, интересная работа, профессиональные качества. Наибольшая срабатываемость определяется сходной значимостью таких ценностей, как материальный успех, профессиональные и нравственные качества, общение. В наибольшей степени ценностное единство влияет на гармоничность взаимоотношений спортсмена и тренера. При этом решающее влияние на характеристики отношений и срабатываемости оказывает сходная для тренера и спортсмена значимость ценности нравственных качеств личности [5, с.212].

Одинаковая мотивация на материальное вознаграждение опосредует удовлетворенность совместной деятельностью. Сходство мотивации достижения позитивно влияет на соревновательный эффект, общую оценку успешности тренерами, спортсменами и экспертами и удовлетворенность деятельностью. Таким образом, единство ведущих мотивов обеспечивает успешность совместной работы тренера и спортсмена. В особенности, это касается однородности мотивации на процесс и результат спортивной деятельности.

При сходном уровне честности и коллективизма тренер и спортсмен получают больше позитивных эмоций от совместной работы. Таким образом, на успешность совместной деятельности тренера и спортсмена в наибольшей степени влияет трудолюбие. Однородность нравственных качеств опосредует общую продуктивность работы и ее воспитательный эффект.

На успешность совместной деятельности влияют разнородность тренеров и спортсменов по уровню авторитарности, коммуникативной агрессии и подчиненность и однородность – по дружелюбию и альтруизму. Наибольшее значение в этом плане имеет сходство уровня дружелюбия.

Анализ проведенных исследований показал, что психологическая однородность обуславливает не только непосредственно успешность совместной деятельности тренера и спортсмена, но и влияет на их психологическую совместимость, срабатываемость, на характер их взаимоотношений, что, в свою очередь, также способствует достижению высоких результатов.

Список литературы:

1. Александров, А.А. Психотерапия: учебное пособие / А.А. Александров. – СПб., Питер, 2014.

2. Николаев, А.Н.. Психология тренера в детско-юношеском спорте / А.Н. Николаев. – СПб., СПбАПО, 2015.
3. Обозов, Н.Н. Психология межличностных отношений / Н.Н. Обозов. – К.: «Лыбидь», 1990.
4. Почебут, Л.Г. Организационная социальная психология / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер. – СПб., Речь, 2012.
5. Решетень, И.Н. Вопросы педагогического мастерства тренера / И.Н. Решетень, М.И. Фролова. Малаховка, 1978.
6. Ушхо Ю. Д. Формирование основ авторитета тренера – преподавателя в процессе профессиональной подготовки (на примере футбола) автореф.... дисс. канд. пед. наук. / Ю.Д. Ушхо. – Майкоп, 2007

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ¹

И.В. Мусханова

Россия, г. Грозный

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*

E-mail: vinter_65@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость в поиске духовных и психологических механизмов, способных обеспечить защищенность личности в связи с актуальностью проблем духовной безопасности. Цель данной работы заключается в исследовании взаимосвязи духовности, религиозности и психологической устойчивости личности. Сделан вывод о том, что главным условием внутреннего благополучия человека, определяющим духовную безопасность, является ощущение целостности и устойчивости собственной личности.

Ключевые слова: личность, духовная безопасность, религиозность, психологическая устойчивость, защищенность, целостность, ценности.

Ритм жизнедеятельности современного мирового сообщества предполагает широкий спектр угроз и опасностей. Как показывает

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 18-412-200001 «Модели исследования коммуникативного поведения чеченцев-билингвов».

мировая практика, часто опасности носят не столько природный, сколько социальный характер. Угрозы политического, экономического, военного, криминального направлений актуализируют проблемы безопасности как для мирового сообщества, так и для России. Исследование различных аспектов духовной безопасности находит отражение в трудах современных ученых [1, 2].

В связи с вышеуказанным возникает настоятельная необходимость в поиске духовных и психологических механизмов, способных обеспечить защищенность личности. Как правило, таким механизмом для человека выступает религия, как совокупность норм и правил, гарантирующих защиту посредством религиозности. На основании изложенного, нами поставлена цель исследовать взаимосвязь духовности, религиозности и психологической устойчивости личности. При каких условиях человек обращается к религии, как это связано с духовностью, безопасностью, защищенностью и устойчивостью личности?

В общем смысле понятие безопасность предполагает: отсутствие опасности, угрозы, непричинение вреда защите. Одним из психологических аспектов безопасности является. Как отмечено в работе [4] **«психологическая защищенность – устойчивое эмоциональное положительное состояние, основанное на осознании личностью стабильной возможности удовлетворения своих базовых потребностей; обеспечивается чувством принадлежности к устойчивой социальной группе, личностными возможностями, реалистичным уровнем».**

Вера, отражение религии в психике человека проявляется через религиозность. Дискурс гуманитарной науки определяет религиозность как социально-психологическое свойство личности, отражающее степень принятия элементов религии. Такие авторы как В.П. Баранников, В.И. Веремчук, А.И. Демьянов, М.Ф. Калашников, В.Г. Пивоваров, Д.М. Угринович, Л.Н. Ульянов, И.Н. Яблоков считают, что религиозность проявляется в сознании и поведении человека. Согласно определению, данному в [5] религиозность – это многоплановый свойство, которое включает когнитивный, эмоциональный, поведенческий, идентификационный и нормативно-ценностный компоненты.

В контексте рассматриваемой в работе проблематики интересны функции, выполняемые религией. Выделяют социальную, психологическую, компенсаторную и реабилитационную функции религии, направленные на обеспечение защиты, благополучия, оказания помощи в тяжелых жизненных ситуациях и духовное очищение, «катарсис» личности.

Исходя из семантических и психологических предпосылок мы считаем актуальным и обоснованным выделить психологическую функцию религии, которая заключается в обеспечении безопасности личности. Главным условием внутреннего благополучия человека является ощущение целостности и устойчивости собственной личности. Оно позволяет устанавливать нормальные взаимоотношения с окружающими.

Осмысление психологической функции религии проводится в работах многих выдающихся зарубежных и отечественных психологов. Так, в трудах У. Джеймса впервые была предпринята попытка утверждения истинности религии исходя из ее полезности. Ученый определял религию как чувство, действие и опыт отдельной личности. У. Джеймс считал, что существенным компонентом религиозного сознания является воля. В данной работе мы разделяем точку зрения ученого, которая не утратила своей актуальности и в настоящее время. В исламе одной из главных интенций. Приобретающей психологический смысл является собар, терпение и доьналла, воля. Собар, согласно исламу, человек должен проявлять как в горе, так и в радости.

Основатель психоаналитического направления психологии З. Фрейд считал, что в основе формирования религиозного мировоззрения лежит фактор человеческой беспомощности перед силами природы и внутренними инстинктами. Он полагал, что в будущем религия уступит свое место науке, а функции религии на уровне личности будут компенсированы в результате личностного роста.

Особо значимым на наш взгляд, является подход логотерапии В. Франкла, главный тезис которого заключается в том, что жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах; смысл жизни всегда может быть найден.

В сложных жизненных ситуациях религиозному человеку намного легче найти такой смысл. Он принимает произошедшее как predetermined свыше, как испытание, за которым наступает облегчение. В исламской религиозной философии трудности, с которыми сталкивается человек в процессе жизни, будь это болезнь, материальные затруднения, либо не зависящие от человека обстоятельства, война, смерть – все это воспринимается индивидом как символ избранности Всевышним. Верующий человек безропотно принимает случившееся как данность и терпеливо совладевает с этим, сохраняет свою религиозность. Он верит в то, что становится ближе к Создателю, он смиренен перед Его волей и это помогает человеку достичь гармонии в интрапсихической жизни.

Чеченское общество в процессе своего развития столкнулось с социокультурными кризисами. Достаточно сказать о некоторых из них, произошедших в XX начале XXI вв. Одним из ярких проявлений психологической устойчивости этноса и личности как представителя этноса является поведение и жизнь чеченцев в условиях депортации в 1944-1957 гг. и в период войн 1994-1996 гг., 1999-2000 гг.

Психологическая устойчивость личности в науке характеризуется как способность переносить экстраординарность ситуации без какого-либо ущерба для себя и преодоление ее последствий с помощью способов, совершенствующих личность, повышающих уровень ее адаптации и социальную зрелость. Исходя из данного определения можно говорить о некотором адаптивном потенциале личности, способствующем преодолению тяжелых жизненных ситуаций. На наш взгляд, это наличие пассионарного духа личности, позволяющего превзойти самого себя в сложных ситуациях. Сложно определить компоненты психологической устойчивости, в научном сообществе не сложилось пока единого мнения по данному вопросу. Здесь уместно сказать о совокупности когнитивного, эмоционально-волевого и мотивационного компонентов, составляющих суть психологической устойчивости личности. В зависимости от социокультурного контекста наполнение данных компонентов психологической устойчивости личности будет, естественно, разным.

Вера является важной характеристикой психики человека. Для каждого человека вера – это часть самосознания, особое состояние, когда он на безусловном уровне без логической, доказательной базы принимает те или иные сведения, явления, события. Тем самым вера составляет стержень личности человека и формирует модель его отношения к миру. Именно вера позволяет человеку сохранить себя и выстоять в череде жизненных испытаний. Чем тернистее жизненный путь, тем более верующий человек укрепляется в вере.

В выборке интервьюируемых нами респондентов представлены люди различных возрастных категорий в разных жизненных ситуациях. На вопрос, что им помогло перенести тяжелые испытания, смерть близких, долгую разлуку с родными, необоснованную жестокость и несправедливость, они все на первое место ставили веру.

Так, моя бабушка (мать моего отца) Гехаева-Бехаева Халипат, 1900 г.р., безвинно оклеветанная и осужденная на десять лет лагерного заключения, вспоминала: «В первые дни после заключения в тюрьму я не находила себе места, выплакала все слезы. Дома у меня оставались четверо несовершеннолетних детей, рядом с ними не было ни одного родственника ни с отцовской, ни с материнской стороны.

Мне казалось, что жизнь остановилась, мир померк, настолько я отчаялась. Я не могла ни есть, ни пить. И вот, спустя неделю, вечером, я как будто прозрела, что это я делаю, подумала я. На все воля Всевышнего, помолилась, попросила у Бога прощения за свое поведение и милости детям. Молитва принесла мне облегчение, в эту ночь, впервые за все время я заснула, и мне снились цветные сны».

А вот Бопаевой Лиде 1947 г.р., жительнице с. Мартан-чу, у которой 17 апреля 2000-ого года без вести пропала дочь Луиза 1972 г.р. ислам, вера, молитва, обращение ко Всевышнему стали опорой в тот тяжелый период жизни. Луиза, мать двоих детей, на седьмом месяце беременности третьим ребенком приехала в г. Грозный, район «Минутки» забрать кое-какие вещи для детей из квартиры. Попутчицы высадили ее у дома, видели, как она заходила в подъезд, дальше о ее судьбе ничего не известно. Ее мать Лида в беседе с нами говорила, что, если бы она знала о том, что дочь мертва, ей было бы намного легче. Именно ислам помогает Лиде жить дальше, потому что он содержит в себе абсолютные критерии духовности и отвечает на центральные вопросы, связанные с пониманием смысла жизни, смерти, посмертного существования души, свободы человеческой личности, с формированием высших ценностей.

И таких случаев, к сожалению, очень много в чеченском обществе, в связи с известными событиями, произошедшими в республике на стыке тысячелетий.

В работе [3] нами сделан вывод о том, что этническая система чеченцев в условиях депортации сумела сохранить этноидентифицирующие признаки: язык, культуру, благодаря объединению этноса вокруг религиозных и этнокультурных ценностей. Действительно, для чеченцев в этот непростой период их жизни, тринадцать лет, проведенные в чуждой геоэкологической, социальной и политической сфере, вечные идеалы системы исламских и этнокультурных ценностей придали устойчивость и способность сохранить целеустремленность и желание жить. Вера помогла чеченцам выйти за рамки физического существования, она была и есть «сверхценность», которая упорядочивает всю смысловую структуру сознания. Вера не просто придавала им силы жить, но и выступала в качестве ориентира для достижения цели и стремлений. Каждый из депортированных в Среднюю Азию и Казахстан чеченцев не терял надежду вернуться на родину. В самый драматичный период депортации, в первые дни, когда их выгоняли на рассвете в холодное февральское утро без предупреждения, сажали в вагоны для перевозки скота, они говорили друг другу: «Са ма гатта

де, Дела воцучу махка ца дуьгу вай» (в перев. - Не переживайте, ведь нас не везут в край, где нет Бога).

Таким образом, вера человека независимо от религиозной принадлежности, помогает не только принимать случившееся как данность, но и формирует мировоззрение, этические взгляды и влияет на психическое здоровье. В сознании верующего человека создается своеобразная модель мира, которая становится для него смыслом существования. Религия помогает человеку найти ответы на центральные вопросы, связанные с пониманием смысла жизни, смерти и продолжением жизни в ином мире. Религия оказывает непосредственное влияние на психологическую устойчивость личности, содействуя духовному росту, а утрата веры порождает чувство бессмысленности жизни.

Список литературы:

1. Бетильмерзаева М.М. Духовная безопасность как предмет исследования в современном гуманитарном дискурсе (по материалам конференций). – С. 124-132 // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 1-3 декабря 2017 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. – 672 с.

2. Викторов А.Ш. Духовная безопасность как фактор жизнеспособности современного российского общества. – С. 92-98 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Грозный, 19 декабря). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015.

3. Дадашев Р.Х., Мусханова И.В. Синергия этнической системы чеченцев в условиях депортации // Материалы I Международного конгресса: «Пространство этноса в современном мире» 29-31 октября 2014г., Грозный, 2014. – С. 71-75.

4. Еникеев М. И., Кочетков О. Л., Общая, социальная и юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь. – М.: Юридическая литература, 1997. – с. 368.

5. Толерантность в обществе различий: коллективная монография/Под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова, А. Ю. Зенковой Вып. 15. – Екатеринбург: Полиграфист, 2005.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

О.А. Павловская

Республика Беларусь, г. Минск

ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»

E-mail: olga.pavl@tut.by

Аннотация. Целью исследования является определение духовно-нравственной безопасности как социокультурного феномена и одного из ведущих факторов развития и консолидации современного общества.

Ключевые слова: духовно-нравственная безопасность, мораль, духовный мир человека, личностная культура, гражданское общество

В комплексе решения задач по обеспечению национальной безопасности традиционно на первые позиции выводятся проблемы экономической, политической, военной, в последнее время – еще и экологической, информационной безопасности. Конечно же, никто не станет оспаривать их значение в создании прочных материально-технических и политических основ государства и общества. Также известно, что именно человек был и остается главной производительной силой, субъектом созидательной деятельности, ведущей силой в природоохранном комплексе, объектом всевозможных информационных воздействий. Тем самым подразумевается и признается конкретное участие человека в решении экономических, политических, экологических и других социально значимых задач. Поэтому в современных условиях все более начинает возрастать значение гуманитарной безопасности, в рамках которой большое значение отводится духовно-нравственным компонентам. В этой связи целесообразно говорить о духовно-нравственной безопасности как важной составляющей процесса обеспечения безопасности человека, общества, государства.

В последнее время существует достаточно распространенная точка зрения, согласно которой решение проблем духовно-нравственной безопасности теснейшим образом связывается с возрождением религиозного сознания. Однако важно не забывать, что религия является лишь одной из форм общественного и индивидуального сознания, что исторически сложились различные виды религиозных вероисповеданий, между которыми существовали и ныне существуют весьма острые противоречия.

События конца XX в.– начала XXI в. свидетельствуют о динамизации социальных процессов, усилении проявления индивидуаль-

но-личностных начал в общественной жизни, качественных изменениях в культурно-цивилизационных парадигмах. В этих условиях общественное сознание, его различные структуры находятся в нестабильном, противоречивом, разбалансированном, кризисном состоянии. Поэтому сами эти структуры могут стать источником социальных волнений и потрясений, а, следовательно, превратиться во внутреннюю угрозу национальной безопасности. В этой связи в определении духовно-нравственной безопасности и в процессе ее реализации на первом месте должен находиться реальный человек, который является как объектом воздействия различных угроз и внутренним источником социальной опасности и напряженности, так и субъектом обеспечения личной и национальной безопасности.

На наш взгляд, духовно-нравственная безопасность представляет собой систему социальных условий и факторов, обеспечивающих состояние защищенности и самозащищенности человека, его сознания, отношений с окружающим миром от воздействия различного рода угроз, что способствует возвышению человеческой духовности, гармонизации межличностных отношений, формированию благоприятного социально-психологического климата, стабилизации в целом общественных отношений [1, с. 464].

В системе духовно-нравственной безопасности в первую очередь говорят об опасности, которая исходит от внутренних угроз, которые проявляются как на уровне личности, так и на уровне общества.

На уровне личности к внутренним угрозам следует отнести неразвитость индивидуальных чувств и интеллектуальных способностей, различные неудовлетворенности, нездоровые амбиции, разочарование, неадекватность оценок и самооценок, деформации жизненных ориентаций, а подчас и полная личностная деградация. В моральном отношении угрожающий и разрушительный характер для самой личности и ее окружения носят зависть, ненависть, жадность, жестокость, безответственность, беспринципность и другие негативные проявления человеческой природы. Такого рода угрозы исподволь, постепенно накапливаясь, способны превратиться в мощную силу, выходящую за пределы внутреннего мира человека, и стать серьезной опасностью как для жизни его самого, так и для функционирования различных общественных институтов. Поэтому духовно-нравственная безопасность как социальный феномен напрямую зависит от образовательно-культурного уровня развития личности, от степени освоения ею нравственных ценностей, от меры ее воспитанности и цивилизованности.

На уровне общества к числу внутренних угроз духовно-нравственной безопасности относится нарастание кризисных явлений и процессов в жизни общества, его различных структур, которые непосредственно сказываются на дестабилизации, дезорганизации социально-нравственных связей и отношений, разбалансированности механизмов моральной и правовой регуляции, снижении эффективности работы системы образования и воспитания, ухудшении социально-психологического климата в обществе. Более конкретно здесь можно рассматривать негативное воздействие на морально-психологическое состояние человека и общества таких социальных явлений и процессов, как социально-имущественное расслоение населения, безработица, бюрократизация, нарушение прав человека, социальное сиротство, нелегальная миграция, коррупция, криминализация, «дедовщина» и др.

В качестве внешних угроз духовно-нравственной безопасности выступают различного рода идеологические и психологические «вторжения» в индивидуальное и общественное сознание с целью дезориентации, расшатывания и разрушения смысловых установок и нравственных ориентаций. В настоящее время действия подобного рода активно осуществляются как через СМИ, так и через новые средства информационных коммуникаций. Особо в этой связи следует сказать об информационном поле Интернета, в котором ценность свободы зачастую превращается в различные формы распушенности и вседозволенности, открыто пропагандируются бездуховность и асоциальность. Тревогу вызывает деятельность новых религиозных организаций (неокультов), которые в условиях так называемого «религиозного ренессанса», осуществляют целенаправленные «атаки» на духовный мир личности [1, с. 466-467].

В системе национальной безопасности на современном этапе главными субъектами по решению духовно-нравственных проблем должны стать: во-первых, человеческая личность, ориентированная на свое духовно-культурное развитие и моральное совершенствование, во-вторых, государство как ведущий социальный институт, осуществляющий организационные и управленческие функции в масштабах общества, в том числе и культурно-образовательного и нравственно-воспитательного характера, в-третьих, гражданское общество как человеческое сообщество, представляющее совокупность межличностных отношений и различных социокультурных, общественно-политических, экономических структур, независимых от государства и способствующих реализации индивидуальных и групповых потребностей и интересов, проявлению духовной свободы личности.

На уровне личности с точки зрения обеспечения духовно-нравственной безопасности необходимо выделить два основных направления, которые теснейшим образом взаимосвязаны между собой: 1) личностное развитие человека, в котором непосредственно проявляется его неповторимая духовно-нравственная сущность, 2) гражданское развитие человека, посредством которого он идентифицирует себя с определенной общностью людей, государством, в котором живет и трудится, историей и культурой того или иного народа (нескольких народов) и целенаправленно проявляет свои физические и духовные силы на их благо [1, с. 468].

На уровне государства обеспечение духовно-нравственной безопасности непосредственно связано с повышением роли самого государства, что непосредственно предполагает целенаправленные действия по созданию благоприятных условий для интеллектуального и нравственного развития личности, формированию здорового морально-психологического климата, эффективному осуществлению культурно-образовательной работы, совершенствованию методов и средств воспитательной работы.

В системе духовно-нравственной безопасности одним из важнейших факторов является нравственно-профессиональная культура руководителя. Руководитель, постоянно придерживающийся позиций честного служения интересам государства, ответственного и добросовестного отношения к делам, социальной справедливости и человеческой порядочности, выступает в качестве личного примера должного исполнения профессиональных и гражданских обязанностей, по существу оказывает сильное нравственно-воспитательное воздействие на окружающих его людей.

Чрезвычайную актуальность на современном этапе приобретает и такое направление государственной деятельности, как предупреждение и преодоление социальных девиаций. Следует отметить, что масштабы распространения и отрицательные последствия различных моральных деформаций и видов девиантного поведения уже достигли критической черты. Очевидным становится то, что игнорирование острейших социальных проблем, бездействие в этом отношении может послужить причиной грядущих катаклизмов. Поэтому государство как основной субъект управления и организации должно сконцентрировать усилия для быстрого и эффективного противодействия различного рода противоправным действиям и асоциальным явлениям.

На уровне гражданского общества обеспечение духовно-нравственной безопасности непосредственно связано с активизацией деятельности различных его институтов в плане оздоровления социально-психологической обстановки. В системе социальных связей и взаимодействий гражданское общество выступает особым субъектом, что выражается как в совместных интересах и действиях граждан, являющихся частными лицами и связывающих свою жизнь с тем или иным государством (страной), так и в деятельности социальных институтов, имеющих в той или иной степени независимость от государственных структур. К числу институтов гражданского общества относятся: семья, учебный и трудовой коллектив, профессиональные союзы, СМИ, церковь, социально-демографические группы, общественные объединения и политические партии, творческие союзы, неформальные группы, и др. Особой структурой гражданского общества на современном этапе является и Интернет-сообщество, представители которого могут выражать свое личное мнение по поводу тех или иных проблем, объединяться между собой в различные неформальные группы по интересам и т.д.

Гражданское общество представляет собой своеобразное социальное пространство, открывающее широкие возможности для личностного развития человека. Но следует отметить, что этот процесс не может быть односторонним и однонаправленным, сам человек по мере своего духовно-нравственного взросления (созревания) начинает оказывать обратное влияние на различные социальные институты, в чем непосредственно проявляет себя как субъект гражданского общества. Раскрытие духовно-нравственного потенциала человека, действия субъектов образовательной и воспитательной деятельности, направленные на его культурное развитие и личностное совершенствование являются основанием для создания развитого гражданского общества.

В контексте формирования гражданского общества значение имеет проблема соотношения морали, права и религии, что непосредственно выражается в осознании и реализации права на свободу совести. В свое время Кант утверждал, что достижение особого гражданского состояния непосредственно связано в экономическом плане с «все более решительным упразднением ограничения личности в ее деятельности», а в духовном плане с «все большим расширением всеобщей свободы вероисповедания» [2, с. 20]. Достижение этого становится возможным благодаря такому «великому благу», как просвещение людей, в ходе которого человек обретает «способность пользо-

ваться собственным умом», что, по словам Канта, позволяет ему перейти от состояния несовершеннолетия к совершеннолетию своего духа. При этом особо подчеркивается теснейшая связь рациональных способностей человека и его нравственной природы: вместе с просвещением появляется «и некая неизбежно возникающая душевная заинтересованность просвещенного человека в добром, которое он постигает полностью» [2, с. 20].

Важнейшим «катализатором» процессов морального оздоровления и духовного возрождения общества должна и может быть совесть человека (как в религиозном, так и в светском понимании). Уникальность совести как морального феномена заключается в том, что она, ее «голос» есть первый шаг человека на пути к самому себе, актуализации своих духовных сил, своего самосовершенствования. Нравственное совершенствование личности есть тяжелый труд ее души, выращивание, культивирование в самой себе собственно человеческого. Этот процесс напрямую связан с открывающимися возможностями для проявления внутренней свободы человека, с реализацией его права на моральный выбор, а также с повышением уровня его личной культуры, гуманитарной образованности и нравственной воспитанности.

Список литературы:

1. Павловская О. А. Моральный фактор в жизни человека и общества: исторические уроки и современные проблемы. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 578 с.
2. Кант И. Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6.

ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СУБЪЕКТА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.Ю. Почтарева

Россия, г. Екатеринбург

*ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»*

E-mail: sshsa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются психолого-педагогические вопросы личностно-профессионального самоопределения педагога в контексте самодетерминации субъекта педагогической деятельности. Автор рассматривает данную проблему в русле актуальных ориентиров гуманистического личностно-развивающего образования. В статье анализируются содержательные и организационные аспекты педагогической деятельности, которые определяют реализацию развивающего потенциала образования.

Ключевые слова: субъектность, самодетерминация, самоопределение, развитие, педагогическая деятельность, образовательная среда, образовательный процесс.

Гуманистический подход, в соответствии с которым развитие субъектности личности является ведущим целевым основанием образования, определяет личностно-ориентированную направленность педагогической деятельности. Развивающие ориентиры образования трансформируют педагогическую деятельность, обуславливая перенос акцента с обучающих воздействий педагога на личностно-развивающее начало. Новые требования к педагогической деятельности определяют актуальность проблемы личностно-профессионального самоопределения педагога. Единство личностного и профессионального в контексте самоопределения педагога актуализирует психолого-педагогическое наполнение труда учителя.

Личностно-профессиональное самоопределение связано с развитием профессионализма педагога, которое проявляется в реализации личности, определяющей способность педагога быть субъектом деятельности. В современных исследованиях субъектность личности рассматривается в контексте феномена самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан, К. Шелдон, Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, Т.О. Гордеева, Л.Я. Дорфман и др.), который определяет стремление субъекта труда реализовывать свой потенциал в разнообразных сферах жизнедеятельно-

сти, социально-профессиональную адаптивность, умение использовать объективные ситуации деятельности для личностного развития, готовность к совершенствованию собственной деятельности и, как следствие, ориентацию на высокие профессиональные достижения.

Мы считаем возможным выделить три ключевых параметра личностно-профессионального самоопределения педагога: удовлетворенность трудом, диалогичность педагогического взаимодействия, вариативность образовательной среды.

1) Удовлетворенность трудом как самореализация, самосовершенствование, самоопределение воплощает гуманизирующий смысл образования, раскрывающий развивающий потенциал педагогической деятельности как условие аутентичности, смысложизненной и ценностной реализации личности.

К.А. Абульханова связывает удовлетворенность профессиональной деятельностью с поиском психологического смысла труда, который субъект осуществляет в процессе жизненного пути [1, с. 40-65]. К. Замфир включает в факторы, благоприятствующие удовлетворенности трудом, смысл, содержание и мотивированность к профессиональной деятельности субъекта труда [2]. Н.С. Пряжников подчеркивает взаимосвязь удовлетворенности и субъективной значимости деятельности [3]. М.В. Ермолаева рассматривает удовлетворенность трудом как интегрированную оценку личностно-профессионального саморазвития субъекта деятельности [4].

Характеристика удовлетворенности, с точки зрения В.Н. Гордиенко, является критерием личностно-профессионального развития педагога. Переживание удовлетворенности – неудовлетворенности, по мнению автора, возникает не столько под воздействием внешних по отношению к личности факторов, сколько в результате влияния личностных субъективных образований, среди которых ведущая роль принадлежит осмысленности жизни, особенностям мотивации, ценностных ориентаций, самоотношения, субъективного контроля педагога [5].

Ведущими психологическими факторами удовлетворенности трудом педагога в исследовании Р.В. Охотенко определены ценностно-смысловые ориентации и профессионально обусловленные характеристики эмоциональной сферы. Удовлетворенность педагогической деятельностью автор связывает с позитивным самоотношением, профессиональным самопониманием, педагогической рефлексией, которые способны противостоять профессиональным деструкциям личности педагога [6].

Подход Э. Деси и Р. Райана обосновывает эвристическое представление об удовлетворенности как сущностной категории, определяющей самодетерминированность личности. В русле гуманистического подхода к мотивации авторы определяют существование базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности, подчеркивая важность внутренних факторов, влияющих на активность личности.

- Потребность в автономии определяет стремление человека ощущать себя самодостаточной, независимой личностью, иметь выбор и осуществлять выбор с опорой на собственные представления.

- Потребность в компетентности выражает направленность личности к эффективности поведения и деятельности, осуществлению продуктивной активности.

- Потребность в связанности воплощает стремление личности к взаимосвязи с людьми, значимость которых для человека образует поддержку, заботу, дружбу, ощущение принадлежности к группе [7, с. 183-184].

Удовлетворение базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности обуславливает продуктивность функционирования, личностный рост и психологическое благополучие, достижение которых становится возможным в случае реализации базовых потребностей во всех сферах жизни и деятельности личности.

2) Диалогичность педагогического взаимодействия определяет трансформацию педагогической реальности, преобразуя традиционный подход к образованию, в котором педагогический процесс осуществляется как функционально-ролевая, учебно-дисциплинарная модель, в личностно-ориентированный процесс педагогического взаимодействия. Диалог, являясь важнейшей частью образовательного процесса, актуализирует значение субъектной позиции, субъект-субъектных отношений педагога и обучающегося.

Г.М. Андреева, рассматривая взаимодействие с точки зрения процессов, обуславливающих воздействие людей друг на друга, отмечает, что во взаимодействии происходит взаимная трансформация системы потребностей и социальных ориентаций личности, ее поступков и межличностных связей [8, с. 67-96].

Приоритетная направленность образования на ценность личности, ее самовыражение и самоосуществление в подходе Л.М. Митиной обуславливает понимание педагогической деятельности как профессиональной активности, направленной на решение задач развития,

обучения и воспитание как побуждение ученика к позиции активного субъекта самоуправления, самоопределения, самореализации [9, с. 67-74].

По мысли А.А. Алтуховой педагогическое взаимодействие представляет собой два взаимосвязанных процесса: сотрудничество и межличностный диалог педагога и обучающегося. При этом межличностные процессы в совместной деятельности обуславливают субъект-субъектные отношения как результат общения и субъект-объектные отношения в предметной деятельности, в которой личность выступает субъектом этих отношений [10].

О.И. Малахов видит сущностную черту взаимодействия в педагогической деятельности в том, что реализация образовательно-воспитательных процессов в основе своей опирается на цели и мотивы как движущие силы педагогической деятельности [11].

Диалогическая направленность педагогической деятельности обеспечивает личностное развитие субъекта, которое, по мнению О.А. Галановой, происходит в процессе взаимодействия человека с людьми, социумом, обществом и культурой в целом, которое порождает становление, формирование и развитие познавательных процессов, индивидуально-личностных и социально-эмоциональных особенностей участников образовательного процесса [12].

Специфический аспект педагогического взаимодействия актуализирует отсроченный во времени, а не сиюминутный характер педагогической деятельности, что становится особенно важным, по мнению Е.Л. Федотовой, в связи с социокультурной востребованностью развивающей перспективы образовательного процесса, когда взаимосвязи и взаимовлияния в образовательной среде обуславливают процесс «с профицитом» как взаимообогащение ресурсами и потенциалами субъектов образования [13].

В этих условиях находит свое воплощение становление и развитие личностного потенциала субъекта, который, по мысли Д.А. Леонтьева, определяет внутреннее движение к личностной зрелости, базовым признаком которой является самодетерминация как «форма проявления личностного потенциала» и «главный феномен личностной зрелости» субъекта [14, с. 9].

Д.А. Леонтьев подчеркивает принципиальное отличие концептов «личностное развитие» и «развитие личности», отмечая, что собственно личностное развитие образует особую реальность жизненного мира субъекта, определяющую способность субъекта конструктив-

но и творчески выстраивать собственную жизнь в разнообразных ее сферах и проявлениях.

Личностный потенциал образует специфическое содержание и организацию субъектных, интеллектуальных, ценностно-смысловых, эмоционально-волевых, социальных особенностей индивидуальности, определяющих способность к автономии, саморегуляции, эффективности деятельности, интегрирующих стабильность и устойчивость внутренних ориентиров, а также гибкость и ситуативность реагирования на изменения вовне и внутреннего мира субъекта [14].

3) Вариативность образовательной среды предполагает гибкость образовательного процесса и педагогической деятельности с целью создания условий для развития образовательных потребностей и интересов обучающихся и педагога.

Вариативность – одна из основополагающих ценностей современного образования, направленность которого на индивидуализацию образовательного процесса, обуславливает возможность выбора в связи с потребностями каждого обучающегося, образуя потенциальность среды образования, в соответствии с которой педагогическая деятельность характеризуется поиском и определением сочетаний образовательных программ, педагогических технологий, методических приемов и техник, психолого-педагогического инструментария деятельности педагога, создавая возможности для личностного развития каждого ребенка и всех субъектов образовательного процесса.

Направленность на вариативность образовательной среды предопределяет содержание профессионально важных качеств педагога, среди которых ведущее значение принадлежит такой профессиональной характеристике учителя как педагогическая гибкость.

Личностно-профессиональное развитие учителя в подходе Л.М. Митиной образовано единством когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер личности педагога: интеллектуальная гибкость обуславливает способность педагога к восприятию и принятию точки зрения другого человека, внешней оценки его труда, актуальных состояний, потребностей и мотивов; эмоциональная гибкость обеспечивает разнообразие эмоциональных реакций педагога, воплощающих многообразие социально-эмоциональной сферы учителя; поведенческая гибкость определяет владение педагогом широким спектром инструментально-стилевых умений педагогической деятельности, стремление к расширению арсенала педагогических стратегий [9, с. 220-245].

Развивающая сущность вариативной образовательной среды, по мнению Е.В. Коротяевой, в основе своей обусловлена направленностью педагогической деятельности в первую очередь на социально-эмоциональное развитие личности, и с необходимостью предполагает, что все составляющие такой среды будут эмоционально-развивающими. Автор выделяет условия, совокупность которых обеспечивает эмоционально развивающий характер образования: эмоционально-поддерживающий компонент среды, образующий взаимоотношения между всеми участниками образовательного процесса; эмоционально-развивающий компонент, включающий вопросы организации распорядка образовательного процесса; эмоционально-настраивающий компонент, определяющий внешние условия среды; активизирующий компонент, обеспечивающий организацию занятости обучающихся; эмоционально-тренирующий компонент, предполагающий вовлечение детей в эвристическую совместную деятельность [15].

Э. Деси и Р. Райн подчеркивают важность средовых факторов, которые могут способствовать становлению и развитию самодетерминации ребенка, а могут и, наоборот, препятствовать проявлению врожденных тенденций к свободе и автономии. Авторы выделяют характеристики среды, которые обуславливают такие проявления внутренней мотивации детей, как любознательность, инициативность, эмоциональный отклик на окружающих, стремление к новизне, исследовательское поведение, самостоятельные манипуляции с игрушками, коммуникативная и игровая активность, то есть такое поведение, которое при благоприятном для личности варианте социальной ситуации развития ребенок демонстрирует уже в самом раннем возрасте.

Таковыми характеристиками среды являются:

- направленность на автономию, когда взрослые выражают поддержку инициативе ребенка, предоставляют возможность выбора в решении возникающих сложностей, субъективно значимых для ребенка;

- структура, которую взрослый выстраивает для ребенка как пространство возможностей для осуществления его активности, становясь при этом проводником, а не «указующим» руководителем, содействуя образуемым представлениям ребенка об окружающем в первую очередь как мире возможностей, а не ограничений;

- включенность, определяющая временные ресурсы взрослого, проведенные вместе с ребенком, внимание, которое взрослый уделяет ребенку, предоставляя возможность проявить себя в спонтанной активности [16].

Однако далеко не всегда ситуация в семье складывается для развития личности благоприятным образом, причем это могут быть как асоциальные семьи, так и семьи внешне благополучные, в которых родители из благих побуждений могут блокировать свободную активность ребенка посредством контроля и подкрепления его активности. Поэтому особое значение приобретает образовательная среда, предоставляющая возможность самостоятельности, самовыражения и самореализации личности [17].

Концепт вариативной образовательной среды методологически тесно связан с психолого-педагогическими подходами развивающего образования. С этих позиций образовательная среда характеризуется насыщенностью как ресурсным потенциалом и структурированностью как способом ее организации (Т.А. Осипова) [18], взаимосвязью субъектов образовательного процесса и разнообразных условий практики образования, таких как социокультурные, пространственно-временные, дидактические, психолого-педагогические, технологические и др. (Т.Г. Егорова) [19], интегративность которых обуславливает реализацию наряду с обучающей, воспитывающей, развивающей, информативной функциями образовательного процесса, диалоговые, эстетические, экологические, гуманные, одухотворяющие начала образования (В.С. Кукушкин) [20].

Таким образом, выделенные нами параметры личностно-профессионального самоопределения педагога являются важнейшим условием его мотивации, реализации творческо-деятельностного потенциала. Педагогическая деятельность в настоящее время становится полифункциональной, полимотивированной, определяя многообразие задач, которые решает образование, поскольку образование становится одним из ведущих факторов экономического и социального развития общества.

Становление, формирование и развитие личности обучающегося во многом определяется личностно-профессиональными особенностями педагога (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, А.К. Кузьмина, Л.М. Митина, А.К. Маркова, И.А. Зимняя, А.Г. Асмолов, В.А. Сластенин, В.И. Слободчиков, Д.И. Фельдштейн, В.Д. Шадриков и др.).

Направленность образования на развитие самостоятельной, ответственной и мобильной личности обучающегося, способной к успешной социализации и адаптации в социуме, побуждает педагога к саморазвитию, личностному росту, профессиональному совершенствованию личностно-профессионального самоопределения на протяжении всей трудовой деятельности педагога.

Список литературы:

1. Абульханова К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 158 с.
2. Замфир К. Удовлетворенность трудом: Мнение социолога. М.: Политиздат, 1983. 142 с.
3. Пряжников, Н.С. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 365 с.
4. Ермолаева М.В. Субъектный подход в психологии развития взрослого человека. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2006. 414 с.
5. Гордиенко В.Н. Удовлетворенность профессиональной деятельностью как психологический критерий личностно-профессионального развития учителя: дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2004. 150 с.
6. Охотенко Р.В. Влияние ценностно-смысловых ориентаций и самосознания на удовлетворенность трудом учителя средней школы: дис. ... канд. психол. наук. М.: 2011. 266 с.
7. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory: A Macrotheory of human motivation, development, and health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49. No. 3. P. 182–185.
8. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2005. 288 с.
9. Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 376 с.
10. Алтухова А.А. Формирование субъект-субъектных отношений учителя и учащихся в учебном процессе общеобразовательной школы: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2004. 203 с.
11. Малахов О.И. Проблема взаимодействия в психолого-педагогических исследованиях // Юридическая психология. 2011. № 2. С. 35-37.
12. Галанова О.А. Диалогичность в педагогических системах // Медицина и образование в Сибири. 2013. № 6. С. 55-63.
13. Федотова Е.Л. Педагогические основы взаимодействия учителя и учащихся. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2003. 80 с.
14. Леонтьев Д.А. Введение: личностный потенциал как объект изучения // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 5-11.
15. Коротаева Е.В. Тема к обсуждению: нужна ли школе воспитывающая среда? // Экспресс-опыт. Приложение к журналу «Директор школы». 2001. № 4. С. 44-45.

16. Ryan R.M., Deci E.L., Grolnick W.S. Autonomy, relatedness, and the Self: their relation to development and psychopathology // Developmental psychopathology / Ed. by D. Cicchetti, D.J. Cohen. N.Y.: Wiley-Interscience, 1995. Vol. 1. P. 618-655.

17. Ryan R.M., Niemiec C.P. Self-determination theory in schools of education: Can an empirically supported framework also be critical and liberating? // Theory and Research in Education. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 263-272.

18. Осипова Т.А. Социально-личностное самоопределение учащихся в условиях художественно-эстетической среды: дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2006. 188 с.

19. Егорова Т.Г. Образовательная среда как педагогический феномен. URL: <http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2013/2013-2-10.pdf> (дата обращения 15.11.2018).

20. Кукушин В.С. Общие основы педагогики: учебное пособие для студентов педагогических вузов. Ростов н/Д: Изд-во МарТ, 2006. 224 с.

О НЕКОТОРЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА

Д.Х. Сайдумов

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Академия наук Чеченской Республики

E-mail: bulatto@mail.ru

Аннотация. В статье представлены отдельные исследовательские работы, подготовленные чеченскими учеными из исторической и правовой научной отрасли представляющие интерес для специалистов широкого профиля. Появление исследовательских трудов с новым авторским видением проблемы, применение широкой источниковой базы, имеет общее положительное значение для раскрытия различных вопросов культуры, языка, национальной идентичности чеченского народа. Нарративная форма накопления и систематизации отдельных сведений (и такой же способ их подачи) вводимых в научный оборот в представленных исследованиях, не выступает негативным фактором, характеризующим подобные работы. Эта методологическая модель, заставляет объективно анализировать – соглашаться или подвергать сомнению тот или иной авторский вывод.

Ключевые слова: исследование, актуальность, государственность, политика, право, закон, территория, история.

Государственность как строгая системная организация основных институтов является стержневой основой вокруг, которой концентрируется понимание общества о самом себе. Ассоциация себя с народом и его позиционирование происходит не только по естественным характеристикам: язык, культура, ментальные особенности, – но и способностью консолидироваться в нечто большее –стремящееся к строгой организации, способности противостоять внешним угрозам (которые возникают, как правило всегда у общества, заявляющего о своей территориальной или культурной автономности в силу различных причин: нежелания жить в мире и проявления агрессии со стороны окружающих народов, территориальных притязаний, религиозного миссионерства и других возможных обстоятельств вмешательства во внутренне пространство).

История каждого народа складывается не только из хронологически закономерных периодов, но и конкретных важных событий оставивших незаурядный след в общем историческом хронографе. Не является исключением в этом жизненном процессе и чеченский народ. Национальная принадлежность к народу с богатой историей заставляет нас, с одной стороны, безмерно гордиться его прошлым и настоящим; с другой стороны, соблюдая рамки этики (в т.ч. и научной), мы предоставим право дать подобные объективные оценки специалистам «из вне»: всем тем, кто будет, исследовать вопросы чеченской истории с позиции изучения их материальной, нематериальной, правовой культуры, и конечно же их государственности. Этим проблемам были посвящены наши ранние работы [1], где мы задавались рядом вопросов, актуальных и ныне. В этой связи, мы приветствуем появление аргументированных научных исследований, в которых с опорой на богатый фактологический материал происходит реконструкция важнейших исторических событий и персоналий в совокупности, с внесением нового авторского вклада в ту сложную структуру, которую называют историей.

Было бы глубоко неверным с позиции академической науки отождествлять понятие «государственность» имея ввиду только известные институты с их современными названиями и терминами. Это, кстати, можно применить и к русскому народу, прошедшему сложный многовековой путь исторического становления и консолидации разнородного состава в единый народ. Современная Россия с многонациональной палитрой, вызывает не проходящий интерес у других

государств (в т.ч. не всегда с сугубо миролюбивыми и дружественными целями). За последние десятилетия он проявился в различных внешних действиях (создание фондов интеллектуальной поддержки, образовательных программ за пределами государства, где завуалированно проявляются стремления сыграть на национальных чувствах, исторических обидах или, напротив великих исторических победах, национальной гордыни и т.д.). Одно дело, когда этот интерес носит сугубо академический характер, другое – когда за этим исследовательским интересом стоит конкретная цель дестабилизационного характера. В этой связи, прямая задача современных ученых подготовить глубоко аргументированные исследовательские работы, которые не позволят различного рода злопыхателем от науки использовать те или иные события в конъюнктурных целях.

В нулевые годы XXI столетия мы вновь подняли тему этнического права чеченцев, правовой культуры, государственности опираясь на труды авторитетных предшественников (среди которых были и наши уважаемые наставники). Обозначенные вопросы, безусловно, представляли интерес всегда, но до недавнего времени у исследователей в самой Чеченской Республике находились в некотором «спящем режиме». Наша задача сводилась к тому, чтобы методами реверсного обращения и систематизации провести реконструкцию известных фактов и событий, с каждой последующей работой заявить академическому сообществу о наличии не просто этнического права чеченцев, а именно *чеченского права*, как исторической данности, в основе, которой лежит правовая культура с системными институтами. Введение этого термина в научный оборот встретило ожидаемую долю сопротивления в академических кругах страны (преимущественно со стороны сторонников позитивного права), смотрящих на все иное, кроме самого позитивного права, как на исторические анахронизмы. Наша цель, как мы считаем, была достигнута по наличию двух факторов: академическое сообщество способствовало апробации признания наличия чеченского права, как правового феномена: издание соответствующих трудов в специализированных научных изданиях (по их же приглашению) [2] и второе (и, по нашему мнению, это главное) продолжение исследования данной темы и сопутствующих ей вопросов в различных ракурсах, в виде регулярно появляющихся разработок исследователями из Чеченской Республики [3]. Вопросы государственности чеченского народа одинаково интересны в различных исторических плоскостях: в далеком прошлом или на этапах новой и новейшей истории [4]. Было бы глубоко неправильным считать, что эти вопросы могут быть исчерпывающе раскрыты нами или нашими колле-

гами в рамках одной или двух работ. В этих вопросах нет и не может быть монополии или категорично-сингулярной точки зрения. Но ее постановка в различных интерпретациях, умение анализировать, стремление познать все это может способствовать положительным результатам для чеченского народа, а это есть главный фактор, на который должны быть по хорошему «заточены» все исследователи, работающие во благо чеченского народа.

С этой главенствующей целью необходимо подходить к исследованию сложных, но очень важных вопросов прошлого, являющихся проводниками в осознание проблем настоящих. Одними из таких разработок, которые способствуют новому прочтению ряда вопросов исторического прошлого чеченцев, являются работы исследователя З. А. Тесаева. Для нас представителей правовой научной отрасли закономерно представляют интерес вопросы, поднимаемые им в контексте государственного устройства Чечни (в заданных им временных рамках).

Мы исследовали одну из глав (гл. I) с названием «Государственное устройство Чеченской Республики в XVI-XVIII вв.» в составе комплексной работы, посвященной правителям Чечни (институту «Мехк-дай», равно как и успешно апробированную им ранее комплексную работу «Чеченская «География XV в», составленную по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара». (Грозный, 2018. 256 с.) [5]. Данная работа имеет исторический уклон и позволяет изучить социально-политическую картину на Кавказе и в Закавказье в заданных хронологических рамках. Представляет исследовательский интерес введенные автором в научный оборот чеченские субэтнотопонимы. Однако, главной, как нам представляется, выступает авторская идея, посредством «Географии» подготовить научный плацдарм для последующей работы, посвященной различным институтам и конкретным персоналиям, осуществлявшим административно-управленческие функции. «Чеченская «География XV века» (основанная на документальной фиксации в виде рукописи ученого-богослова, аланского историка) Аздина Вазара позволяющая обозначить более аргументированную постановку вопросов как о древней истории чеченцев в целом, так и о важнейшем для представителей различных научных отраслей вопроса чеченской государственности требует детального ознакомления. Работа без сомнений, представляет объективно актуальный интерес для представителей различных научных отраслей: истории, филологии, географии, права. Единственный вопрос, возникший у нас, вызвала карта –вкладыш «Европа 1648 г. Владения (после Вестфальского мира 1648 г.)» [5, 220-221], указание

Тбилиси на данной карте, в то время как в официальных документах в русских (советских) источниках город обозначается Тифлисом до 1936 г. В целом, работа первая в своем роде, следовательно некоторые возможные погрешности возникающие, как в и в любом исследовании в случае последующей переработки и дополнения, всегда устранимы. Они не влияют на общую положительную характеристику работы исследователя.

Возвращаясь к вопросу рецензирования указанной выше главы, отметим, что ее название в целом соответствует содержанию 5 параграфов вошедших в нее как по структуре, так и по содержанию. Предлагаемый понятийный и терминологический аппарат опирается на большую источниковую базу. Автору удалось, используя обширный материал, применяя доступный языковой метод изложения (обработать, как ранее широко апробированные сведения, введенные в научный оборот), так и внести свое авторское прочтение и по научному аутентичное видение проблемы. С первого параграфа аргументированно, задействована база источников, направленных на классификацию республиканской формы правления. Второй параграф посвященный территориальному делению, как нам видится, несет особую актуальность в процессе фокусирования над фундаментом государственности, которая является, по всей видимости прологом всей исследовательской работы автора. Параграф раскрывает территориальную структуру Республики; содержание параграфа ориентировано на консолидацию нахского общества (ознакомление с ним будет полезным не только для исследователей из Чеченской Республики, Республики Ингушетия, но и для всех остальных не владеющих подлинно вопросами градации древнего нахского общества на академическом уровне и тем самым, стремящимся внести смуту и раздробленность). Мы сознательно пропускаем параграфы, представляющие в большей степени интерес для историков и сфокусируем внимание на четвертом параграфе «Органы государственной власти». Трудно не согласиться с преамбулой параграфа в части того, что органы государственной власти всегда выступают фундаментальным признаком государственности. В подтверждении данного суждения автору, удалось последовательно реконструировать саму структуру и разделение властей: законодательную, судебную, исполнительную. Сопоставляя и сравнивая различные сведения и мнения, автор методично выстраивает территориально-пространственную систему присутствия или если выразиться более точно,—географического распределения властных институтов по Республике, показывая своего рода федеративный принцип. Логически и последовательным выглядит закрепления в

указанной главе атрибутивной части свойственной государству: флаг, геральдика, гимн.

В целом настоящая глава дает объективное представление о наличии государственности в древнем чеченском обществе. В работе нет ярко выраженных категоричных суждений и выводов, рождающих диаметрально противоположное видение заданного вопроса, высказывается вполне аргументированное авторское видение, которое, возможно, подвигнет коллег или последователей автора к постановке и обсуждению как затронутых, так и новых вопросов.

Список литературы:

1. Сайдумов Д.Х., Сайдумов М.Х. Суд и судопроизводство по обычному праву чеченцев// Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5-2 (64). С. 263–272. Ахмадов Ш.Б., Сайдумов Д.Х. Мехк-кхел чеченцев в исследовательских трудах отечественных ученых. Сборник тезисов научно-практической конференции. Юридический факультет Чеченского государственного университета, 15 ноября 2005 г., г. Грозный. С. 24-28. Сайдумов Д.Х. Обычное право как регулятор общественных отношений у чеченцев. Право народов Северного Кавказа –теоретический аспект: Сборник тезисов научно-практической конференции. Юридический факультет Чеченского государственного университета, 15 ноября 2005 г., г. Грозный. С.76-91. Сайдумов Д.Х., Сайдумов М.Х. От Мехк-кхела до Парламента. Теоретико-правовые вопросы становления чеченского парламентаризма. В сборнике: Динамика научных исследований Materiały VI Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji. 2010. С. 18-23.

2. Хасбулатов А.И., Сайдумов Д.Х. Правовая культура. Чеченцы. Народы и культуры. – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН.М.: Наука. – 2012.С. 310-317.

3. Магомадов О.У. Чеченская государственность в трудах российских исследователей. Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Международная научно-практическая конференция "кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии". Грозный, 25-26 сентября 2018 г. С.222-226. Сайдумов М.Х. Конституция Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана: Чечня в процессе становления государственности (1917–1918 гг.)// Евразийский юридический журнал. № 3 (118). 2018. С. 199-202. Сайдумов М.Х. Становление и развитие чеченской советской государственности до 1944 г. XX столетия: правовые основы зарождения, развития и ликвидации. № 7 (122).

2018. С. 108-114. Сайдумов М.Х. Некоторые хронологические этапы становления и развития чеченской государственности (XX-XXI вв.). / Материалы Всероссийского студенческого форума «Россия – наш общий дом». 4-6 июля 2017 г. Грозный. С.42–46. Сайдумов Д.Х., Шовхалов Р.Р. Право и правосудие в имамате. VII всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов "Наука и молодежь" Грозный, 27 ноября 2013 г. 2013. С. 249-253. Оздамирова Л.М., Умарова М.А. Суд, право и правосудие у чеченцев: историко-правовой анализ. Проблемы совершенствования межнациональных отношений и противодействие идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. Грозный, 2017. С.172-176.

4. Сайдумов М.Х. Чеченская автономная область в системе развития федеративных отношений на юге России в 1920-ые гг./ Сборник российской научной конференции "Развитие национально-государственного строительства на Юге России в период октября 1917 г.-1920 г". Элиста: Издательство Калм. ун-та, 2017. 470 с. С. 120-126. Сайдумов М.Х. Чеченская государственность - ключевые вопросы государственно-правового возрождения автономии после восстановления Чечено-Ингушской АССР в 1957 г. XX в. / Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции Эволюция государства и права: история и современность, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск 25-27 мая 2017 г. С. 43–47. Сайдумов М.Х. Советская чеченская национальная государственность - как практическая форма реализации права наций на самоопределение. Международная научно-практическая конференция: Полиэтнические государства и нормативно-юридические системы народов Кавказа: понятие, разновидности, историческое значение для формирования национальных государств. Нальчик 22-23 июня 2017 г. С. 201–206.

5. Тесаев З. А. Чеченская «География XV в», составленная по данным ученого-богослова и путешественника Аздина Вазара». Грозный, 2018. 256 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕДЛОЖЕНИЯХ И РЕКОМЕНДАЦИЯХ ДЛЯ ВКЛЮЧЕНИЯ В ЕДИНУЮ КОНЦЕПЦИЮ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Д.Х. Сайдумов

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Академия наук Чеченской Республики

E-mail: bulatto@mail.ru

Аннотация. В статье предлагаются практические рекомендации, направленные на содержательное совершенствование отдельных положений Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики, а также некоторые практические механизмы ее реализации в целях эффективного применения на местах. Делается акцент на ее целевом назначении и восприятии как чеченского продукта социального влияния.

Ключевые слова: концепция, предложения, механизмы, Чеченская Республика, молодежь, профилактика, духовность, Конституция, закон.

Актуальность настоящей работы определена самой жизнью. Политические события и процессы, в которые было вовлечено чеченское общество с начала 90-х гг. XX столетия, вывели республику и ее многонациональный народ из устойчивого процесса культурно-образовательного и социально-экономического формирования нации с 1957 по 1991 г. Все, что началось позднее, несмотря на столь короткие промежутки (1991-1994 гг.) послужило прологом к многолетней трагедии национального масштаба, последствия, которой очень звучно отзываются и ныне.

Проблема духовной безопасности посредством накоплений гуманитарных знаний стала в последние годы объектом серьезных исследовательских разработок в данном направлении со стороны исследователей М.М. Бетильмерзаевой В.Ю. Гадаева, А.М. Динаева и других исследователей [1].

Чеченская Республика с 2006 г. стала инициатором и успешным проводником многих (на первый обывательский взгляд) резонансных социальных нововведений, но глубоко положительных (в своем ко-

нечном результате) практических действий, ставших примерами социального подражания. Эти действия нашли либо общественное одобрение за пределами республики, либо перенимаются и применяются в других регионах. Кратко сформулируем перечень отдельных из них:

- запрет на всей территории Чеченской Республики работы салонов с денежными игровыми автоматами;
- ликвидация социальных приютов для детей, методом их распределения по родственникам и неравнодушным людям;
- пресечение и полный запрет салюта с применением огнестрельного оружия на свадьбах (являющимся общим для кавказских республик отрицательным и широко распространенным атрибутом торжеств);
- введение обязательной процедуры прохождения медицинского обследования на наличие заболеваний для лиц, вступающих в брак с целью защиты здоровья будущей семьи;
- уход за кладбищами без деления по конфессиональному признаку, обращение внимания на национальные корни с целью сохранения национальной идентичности, подвергающейся мощнейшей атаке со стороны различных деструктивных сил;
- уважительное отношение к женщине, закрепленное соответствующими указами на республиканском (государственном) уровне;
- популяризация национальной формы одежды (ношение ее в праздничные дни, приуроченные ко Дню чеченской женщины, Дню чеченского языка и т.д.);
- создание просветительских программ по сохранению национальной аутентичности;
- коренной запрет на заключение брака способом «похищения девушек» (без исключения, с их согласия или вопреки ему)

Все это в совокупности со стороны можно было бы охарактеризовать как успешный «чеченский *mainstream*» XXI столетия. Но для самих чеченцев, в которых нормы социального договора между собой и обществом явление, не требующее кодификации, это формула их обыденного состояния в любом социуме и на любой территории. Главная особенность этого социального договора зиждется на постоянной зависимости объекта в моральном плане перед обществом, которое либо его осудит, либо возблагодарит (создав дальнейший положительный прецедент из его благого деяния). Право (*бакъо*) и мораль (*гиллакх*) в чеченском обществе настолько переплетенные взаимозависимые явления, что трудно различить их границы. Но нельзя

исключать и возможные некоторые противоречия даже в этом тесном переплетении.

В Чеченской Республике была проведена обширная и положительная работа по созданию адаптивного базового документа, сочетающего в себе теоретическую направленность и механизмы практического применения в массах. Юридически это работа оформилась в 2013 г. в «Единую концепцию духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики» (утверждена Главой Чеченской Республики Р.А. Кадыровым 14 февраля 2013 г.) [2]. Концепция, инициатором которой с целью тотального внедрения ее в массы выступил Глава Чеченской Республики, Герой России Р.А. Кадыров, явилась результатом работы группы общественных, государственных деятелей, представителей научно-образовательного сообщества Чеченской Республики. Она представляет программный документ, состоящий из введения и 10 разделов. В документе векторное разветвление охватывают самые разные стороны жизнедеятельности; единая цель – формирование культурной, образованной и физически развитой личности, способной противостоять внешним и внутренним угрозам, направленным на слом чеченской аутентичности.

Нельзя не отметить, что документ, несмотря на свою очевидную востребованность и пространственную эффективность, по прошествии времени, как и многие другие программные документы, нуждается в некотором совершенствовании содержания, без изменения основных принципов и задач. В этой связи к его обсуждению (на площадке Департамента по связям с религиозными и общественными организациями Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики) летом 2018 г. была привлечена группа ученых из Академии наук Чеченской Республики. В настоящей работе мы представим наши авторские видения и предложения, озвученные для возможного включения в указанную Концепцию. В целях сокращения объемов излагаемого материала, мы не приводим полный текст самой концепции, поскольку она находится в свободной доступности при обращении к ней через любую известную поисковую систему. Это обстоятельство всегда является положительным фактором. Дополнения, предлагаемые для внесения, выделены курсивом и обозначены полужирно.

Настоящая Концепция разработана в соответствии с Конституцией Российской Федерации, *Конституцией Чеченской Республики* (в частности ст. 35, п.4), Законом Российской Федерации «Об обра-

зовании», на основе ежегодных посланий Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации и обусловлена глубинными экономическими, социально-политическими и психологическими потребностями человека и общества Чеченской Республики. Необходимо уточнить наименование и закрепление обозначенного центра:

- **создание единого центра (??)** (координационно-консультативного института) по реализации мер, направленных на духовное возрождение общества;

- формирование у молодого поколения нравственного **абсолютизма** (не совсем корректное употребление термина, предлагается заменить простым, но широким по содержанию термином *образ*, согласно которому существуют вечные и незыблемые общечеловеческие идеалы и ценности);

- главной целью духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения, как записано в Концепции, является воспитание и социально-педагогическая поддержка становления и развития духовно- нравственного, ответственного, образованного, креативного, **инициативного и компетентного гражданина России**. **Предлагается заменить на патриота Отечества** (здесь под Отечеством понимается более широкая формулировка в условиях того, что Концепция является чеченской).

Основное ударение необходимо делать на подчеркивание аутентичности. *Чеченская Республика – уникальный регион, сохранивший национальную самобытность, не противоречащую современному развитию интеллектуального, социально-экономического и промышленного прогресса.*

В абзаце: Нужно повышать знание учащихся о важных исторических событиях. Важно воспитывать молодежь на примерах выдающихся исторических личностей. Для этого необходимо проводить симпозиумы, конференции, различные мероприятия научного характера, содействовать изданию научных трудов; проводить различные конкурсы, доводить информацию до учащихся во время классных часов, размещать ее на стендах и т.д. Дополнить настоящий пункт: **разработать минипрограммы:**

- **«20 выдающихся чеченцев», чьи имена и жизненный путь во имя славы чеченского народа ты должен знать всегда» (Академия наук Чеченской Республики);**

- **даты истории чеченского народа, которые ты обязан знать и помнить (исторические факультеты высших учебных заведений);**

- как должен вести себя молодой человек на свадьбе, что можно, что недопустимо по чеченскому менталитету (министерство культуры Чеченской Республики);

- как вести себя на похоронах (тезете), религиозных обрядах (мовлиде), (зикре), при посещении кладбища, святых мест, основные молитвы и дуа (Духовное управление мусульман Чеченской Республики, РИУ им. Кунта-Хаджи);

- Ты лицо народа, ты его часть – краткий свод морально-нравственных действий для тех, кто олицетворяет себя с чеченским народом и выезжает за пределы Чеченской Республики на учебу, работу.

Особое внимание стоит обратить на структуру и содержание программ.

Настоящие программы должны быть компактными, легко читаемыми, распространение в массы бесплатно, как печатно (обязательно), так и электронно для быстрого доступа с целью использования посредством приложений на телефонах на платформах (Андроид, Гугл маркет и т.д.). Содержательная часть разрабатывается указанными министерствами и ведомствами, полная издательская и информационная – посредством создания приложений осуществляется министерством по национальной политике, печати и информации Чеченской Республики.

Отношения дошкольного учреждения с родителями (законными представителями) воспитанников регулируются в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации, Конституцией Чеченской Республики, Законом Российской Федерации «Об образовании», Законом Чеченской Республики «Об образовании», Международной Конвенцией «О правах ребёнка», Типовым положением о дошкольном образовательном учреждении, Уставом дошкольного учреждения и договором между администрацией дошкольного учреждения и родителями (законными представителями) воспитанников, **дополнить вербальными нормами традиционного чеченского этикета, ориентированного на принцип взаимного уважения.**

10. Задачи органов государственной и муниципальной власти и общественных институтов по внедрению и реализации Концепции. Департамент по связям с религиозными и общественными организациями Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики:

координация, определение целевой аудитории, разработка программ и проектов, формирование и обобщение передового опыта ду-

ховно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения, способствованию распространению наиболее результативного опыта в этой деятельности – стратегия внедрения. **Конкретизировать** следующим дополнением: *Департамент создает постоянно действующий консультативный совет от представителей каждого ведомства исполнительной власти Чеченской Республики для обсуждения и выработки механизмов, направленных на реализацию настоящей концепции в части, касающейся конкретного министерства и ведомства. С системной отчетностью о проделанной работе за квартал. Создание при каждом ведомстве исполнительной власти информативного отображения хода реализации настоящей Концепции путем представления регулярной транспарентной (открытой) информации на сайтах учреждений со специальной вкладкой «Реализация концепции»...*

В части упоминания: Министерство территориального развития, национальной политики и массовых коммуникаций Чеченской Республики – изменить название в соответствии с действующим наименованием.

Предложения для включения в концепцию. Необходимо исходить из того, что концепция имеет целевое предназначение, прежде всего для Чеченской Республики и молодежи Чеченской Республики. Существующая концепция в том виде, в каком она существует в виде неоспоримых базовых принципов, ныне широко адаптивна, мы должны внести в нее ту обозначенную «чеченскую модальность», как ключевой фактор идентичной аутентификации её национальной основы, в этом случае концепция будет еще более оригинальной и адресной. Поэтому текст концепции, как нам видится, нуждается в некоторой оригинальности, чтобы он не сливался с устоявшимися шаблонами и терминами.

В этой связи предлагается сделать основной акцент на использовании норм традиционного менталитета, имеющих латентное, но при этом очень мощное воздействие на поведенческие отношения, как базовом факторе достижения успеха в части реализации ориентированных задач и целей настоящей Концепции. Они, по сути, очень просты и достигаемы, это обращение к уникальному явлению *нохчийн Гиллакх* (чеченский поведенческий этикет, мораль). Внедрение вербального чеченского института «*Члагло-Нугат*» («Присяга-Намерение») как пилотного добровольного проекта, к примеру, при получении водительского удостоверения, при поступлении в высшее учебное заведение, при поступлении на государственную граждан-

скую службу, правоохранительные органы. В этом нам видится исключительно положительный фактор использования норм традиционного общества, который не может быть поставлен под сомнение или в противовес законодательству (как федеральному, так и республиканскому). В этой связи предлагается, чтобы данная присяга осуществлялась на добровольных принципах (по волеизъявлению). Это своеобразная форма вербального договора между индивидуумом и обществом, когда первый берет на себя ответственность не нарушать права и достоинство других, не пренебрегать принципами чеченского этикета.

Тотальное создание в буквальном смысле культа, уникального чеченского феномена, именуемого *Гиллакх*. Этот фактор нуждается в скорейшей реанимации. *Гиллакх* должен проявляться в отношении всех, кто заслуживает его проявления, а не путем дифференциации, когда он игнорируется в отношении одних, и напрочь забывается с другими, в подобных случаях это имитация именуемая чеченцами емко – *моттарГанаиш (имитация)*. Достижение этого сложного явления представляется путем широкой популяризации принципов социального договора, заложенных в традиционном этикете:

- непререкаемое уважение к старшим, тактичность во всех проявлениях и действиях, здесь же и старшие должны ощущать себя старшими и не переходить черту *ойхъазвалара (переход грани дозволенного)*;

- уважительное отношение к собеседнику (понимание того, что перед тобой такой же носитель прав, свойственных чеченскому менталитету);

- уважительное отношение на дороге, взаимное соблюдение «*некъан низам*» (дорожного порядка), как пешеходами, так и водителями;

- недопустимость сквернословия. В последние годы, нередко можно наблюдать ситуацию, когда дети мужского пола школьного, а иногда и дошкольного возраста позволяют между собой в играх и состязаниях ненормативную лексику, а также обращения, к примеру, на чеченском языке – «иди сюда», используя окончания женского рода, это было неприемлемо еще 10-20 лет назад. Для личностей, воспитываемых с детства на принципах *Нохчалла (Чеченскости)*, подобное обращение выглядит оскорбительным, что логически приводит к конфликтным ситуациям. Сама допустимость такого обращения говорит о вялотекущем процессе вымывания основ чеченскости, где личность формируется с малого возраста и не считает себя ниже другой, где за сказанное и сделанное придется нести ответственность.

В качестве противодействия здесь опять же видится фактор использования *нигата* (намерения) или *чIагIо* (присяга). Сама процедура *нигата* (как намерения) может быть очень положительным, сдерживающим фактором. *Нигат* может проявляться в общественных местах, к примеру, после каждого завершения пятничного намаза во всех мечетях, все, кто считает себя ответственным перед Всевышним, ненадолго задерживается на 5 минут и произносит общий *нигат* (намерение) с имамом. Примерный текст: *Везачу Аллахь доьхь ас нигат до – некъ низам ца бохо, ас нигат до адамий сий лар да, ас нигат до сайх цхъанна бусулбана а, керстана, Аллахьо кхоьллина адамийн новкъало ца ярна, сан махкана а, нохчийн халкана а пайдехь а, маьрша хиларна, цха а тайпа зуламе а, вониг ца да, гиллакках а, собарех а ца воха! Ас нигат до къинхетаме хиларна, вуон дош, тешнабехк а, ямартло ца ярна, ас нигат до хъагI а, куралла, а сон-талла а сан даг чу ца йосийта! (Во имя Всевышнего Аллаха я намереваюсь не нарушать правил дорожного движения, уважать права и честь людей, я намереваюсь не причинять препятствий ни мусульманам, ни христианам, ни другим сотворенным Аллахом людям, быть полезным для Отчизны, чеченского народа, быть свободным, не делать никаких преступных и злых деяний, быть в состоянии спокойствия и соблюдения чеченского этикета. Проявлять милосердие, не сквернословить, не совершать коварства и подлости, не допустить проникновения гордыни и надменности в мое сердце!).*

Может подобным способом удастся заложить какие-то сдерживающие стропы. Для богобоязненных людей это намерение, заложенное в них по умолчанию и являющееся жизненным мериллом, не составит никакой трудности следовать этим намерениям. *Нигат*, сделанный прилюдно, это еще и большая ответственность в первую очередь перед Всевышним Аллахом, самим собой и обществом.

ЧIагIо – форма присяги в виде вербального договора между индивидуумом и обществом, сфера использования обширна. Приводится на добровольных началах, в присутствии религиозного деятеля, родственника, работодателя. К примеру, поступает молодой человек (юноша или девушка) в вуз (или скажем на работу). Понятно, что существует нормативная основа регулирования отношений: устав высшего учебного заведения, договорные отношения между вузом и студентом, положение, трудовой договор и т.д. В условиях традиционного общества в большинстве случаев они бездействуют (т.е. по сути – «мертвая норма») и возможно возникновение ситуаций, которые не регулируются нормативными актами. В таких случаях как раз исполь-

зование *члагло* видится сдерживающим фактором недопущения внештатных ситуаций. В отличие от *нигат*, *члагло* – это присяга не допустить со своей стороны проявления любого недостойного поведения. Нарушивший ее несет моральную ответственность перед Всевышним, самим собой и членами, перед которыми она была дана.

Чеченцам всегда была свойственна, наряду с мужеством и стойкостью, искренняя доброта. Антиподами им выступают жестокость и желание навредить, сделать зло, зависть – это неизменный камуфляж трусости. Вот почему благородных с детства принято характеризовать «*цхьа борз ю и клант*» (юнец как волк) и таковых в чеченском обществе подавляющее большинство. Но в силу того, что в чеченском обществе, как и в любом другом обществе, бывают носители, проявляющие себя противоположным качеством, свойственным волку, мало кто даже знает точное название на чеченском языке зверя антипода, что приходится прибегать к русско-чеченскому словарю – *члагалкх* (*шакал*). Такой контингент является ресурсоснабжающим материалом для всякого деструктива. Это единично встречающиеся исключения, которые можно сравнить с персонажем *Табакви* из широко известного произведения Р. Киплинга «Книга джунглей». Их адаптивность к любой ситуации, быстрый поиск и группирование с такими же носителями указанных качеств – результат порождения деградации духовно-нравственных ценностей в любом обществе. Трудно назвать одну или несколько причин, повлиявших на их внутренний мир: отсутствие в них авторитета среди сверстников в детском и юношеском возрасте, генный фон и т.д.

Среди причин мы можем назвать и потерю морально-нравственных координат, подмену правильных принципов на мнимые, нужные по ситуации. Доброта и порядочность у них ассоциируется со слабостью. У такой категории, воспринимающей таким образом доброту (как закономерность), ее смена на адекватное воздаяние вызывает агонию непонимания смены ситуации. Неоцененная ими доброта и терпение закономерно сменяются на симметричные действия в отношении их самих. Это происходит из-за непонимания (или же устойчивого нежелания ими осознавать) ключевого принципа жизни – добрый и мужественный человек не может быть завистливым и трусливым. Добрый и мужественный человек оценит достойно заслуги того, кто заслужил это, равно как и воздаст за негативное действие. Зависть – это главный негативный реактор, вырабатывающий всю совокупность отрицательных человеческих пороков. Завистливый человек находится в постоянно активированном режиме трусости

и подлости, он не способен отвечать за свои слова и поступки. Девальвация доброты, справедливости, благородства и мужества, попытка заменить их показной мужественностью, жестокостью, внешними атрибутами и словесной бравадой – явление, характерное современному дню. Чувства мужества и справедливости проявляются необязательно, в каких-то необходимых характерных ситуациях, где это выглядит всегда очевидным и закономерным. Их отсутствие незавуалированно проявляется, когда человек начинает заискивать, проявлять мнимое уважение перед лицом, даже когда оно откровенно ведет себя неправильно, но в силу наделённости какими-то привилегиями, статусом опасаясь, что с его стороны можно ожидать отрицательных действий. При других же обстоятельствах проявляется абсолютная противоположность, выраженная в отношении к тем, кто находится в ином статусе (даже в отношении людей старшего возраста). Как это классифицировать? Не сингулярное поведение и проявление вариативных форм. Справедливость, мужество и доброта, если они присутствуют, то не должны поддаваться коррозии и дифференцированному применению. Вряд ли можно назвать обладателями таких качеств тех, кто применяет их дифференцированно (в зависимости от ситуации и визави).

Очевидно и понятно, что невозможно находиться в состоянии перманентного геройства, ведь жизнь не всегда этого и требует, но быть человеком, в котором заложены благие принципы, не только возможно, но и должно быть в режиме по умолчанию всегда. Именно человечность позволяет активировать режим истинного мужества не только в требуемых по факту ситуациях, но и априори следуя правилу справедливости. К глубокому сожалению современные трансформации ценностей губительны. Они проявляются в тщедушности отдельных коварных, слабых и завистливых людей (прежде всего, не способных реализовать себя достойно, на каком-либо поприще) в силу отсутствия морального стержня, базовых нравственных принципов, но при этом в них сосредоточена негативная энергетика зла с наличием коварства, амбиций, основанных на зависти, лжи, откровенной трусости. Не способные двигаться самостоятельно, отвечать за свои слова и поступки, они со свойственным им подхалимством, подобно персонажу из произведения Р. Киплинга, на каком-то отрезке находят временную защиту у тех, кто сразу не смог определить под маской их истинное состояние. Но конечный результат их сущности всегда известен.

Трудно не согласиться с выводом известного исследователя М.А. Бетильмерзаевой, считающей, что человек должен воспитываться в пространстве духовной свободы, где он обладает свободой выбора [3, с.66]. Но выбор всегда происходит между добром и злом. Советская система образования (если хотите, воспитания в купе с традиционной культурой чеченцев) давала свои положительные результаты. Можно, конечно, возразить: были в ней и отрицательные стороны. С этим мы не спорим. Но то, что произошло после ее утраты, характеризуется нами временным коллапсом потери социальных и нравственных координат, которым воспользовались деструктивные силы Запада и Ближнего Востока. Очень долго по времени пришлось выводить наше общество из состояния падающего самолета в штопор. И вот здесь не лишним будет обратиться к советскому опыту, прибавив к нему национальные особенности (на примере чеченского народа).

Игровое художественное кино советского периода во многом учило добру. Детские фильмы, которые транслировались в период каникул, носили не только элемент развлекательного характера, но и имели глубокий смысловой посыл, где различалось добро и зло, наблюдалась взаимовыручка и братство. Очень трудно воспитывать человека в возрасте, когда он, сформатировался. Лучшими упреждающими действиями является его духовно-нравственная «огранка» в детском возрасте через призму объяснения конкретных примеров сначала на национальных сказочных персонажах, к примеру, чеченский «Чирдиг», затем в более взрослом возрасте на жизненных примерах известных личностей.

Характеризуя состояние современной молодежи, А.М. Динаев отмечает, что современная молодежь все меньше читает, но все больше поглощает информацию через визуальные образы – фотографии, картинки, видео [4, с. 65–66]. Следовательно, наша реакция должна быть адекватна этим формам. Вся многогранная работа должна быть ориентирована на формирование внутреннего достоинства, именуемого чеченцами *яхь*, которому активно противостоит другая отрицательная категория, именуемая *хьагI* (зависть).

Духовная безопасность имеет шансы реального успеха через призму всеобщего образования. Образования не атрибутивного и мнимого, а глубинного основательного. Ведь внешние атрибуты: галстук, деловой костюм или даже наличие диплома о высшем образовании, ученой степени, не всегда говорят, что их обладатель образованная, нравственная и интеллектуальная личность.

Вот почему в знаниях нужна духовность, а в праве столь необходима мораль. Чеченскому обществу стратегически необходимы в перманентном режиме высокообразованные специалисты в различных отраслевых амплуа, необходима системно-целевая, бессрочная программа стимулирования поступления в высшие военные учебные заведения, высшие технические учебные заведения.

Возвращаясь в заключении к вопросу о предложениях, мы хотели бы предложить введение такого общенародного института поощрения достойных людей (летопись о которых должна вестись пока существует чеченский народ) как «*Яхь йолу нех театар*» («Книга достойных людей»), куда вошли бы и регулярно вписывались люди, внесшие различный положительный вклад в развитие Чеченской Республики и чеченского народа (и для чеченского народа, применительно к другим национальностям), проявившие те или иные благородные действия, неважно маленькие или большие по масштабам, но чтобы эта связь доброго и положительного была непрерывной. Мы сознательно избегаем предложения внедрения иной книги, куда могли бы записываться люди, проявившие себя недостойно, поскольку искренне верим, что таких единицы и рано или поздно чеченское общество достигнет того искомого состояния, где честь, милосердие, доброта, уважительное отношение будут непоколебимыми характеристиками каждого без исключения чеченца.

Список литературы:

1. См.: Бетильмерзаева М.М. Место и роль гуманитарного знания и духовной безопасности в контексте мультикультурализма. Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 19 декабря 2015 г.). Махачкала, 2015. С. 74-82; Гадаев В.Ю. Проблема духовно-патриотического воспитания молодежи в условиях противоборства идеологий. Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 19 декабря 2015 г.). Махачкала, 2015. С. 96-112; Динаев А.М. Особенности пропаганды «Исламского государства» и ее влияние на молодежь. Проблемы совершенствования межнациональных отношений и противодействие идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. Грозный, 2017. С. 63-67

2. См.: Единая концепция духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики. Грозный,. 2013. 42 с. Режим доступа: <https://www.google.ru/search?>

newwindow=1&ei=gZLyW-PcKsm2swG7sJxw&q=%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0. Дата обращения: 10.10.2018 г.

3.См.: Бетильмерзаева М.М. Духовная безопасность как гарант общества. Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 13 декабря 2014 г.) Махачкала, 2015. 288 с.

4. Динаев А.М. Особенности пропаганды «Исламского государства» и ее влияние на молодежь. Проблемы совершенствования межнациональных отношений и противодействие идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. Грозный, 2017. 252 с.

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Н.А. Саркарова
Россия, г. Махачкала
ФГБОУ ВО «Дагестанский
государственный университет»
E-mail: nailafil@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме самореализация, связанной с современным «кризисом идентичности». Автор отмечает, что приходом новой информационно-компьютерной среды появляется представление о формировании нового типа человека.

Ключевые слова: духовность, идентичность, самореализация, техническая цивилизация, виртуальное пространство.

Век информационных технологий, когда на первый план выходят информация и коммуникация, предъявляет повышенные требования к внутреннему потенциалу личности, творческим способностям, желанию и умению реализовать свои возможности и всесторонне проявиться.

Современный человек находится в состоянии постоянной трансформации и незавершенности, что связано с современным «кризисом идентичности», проявляющимся в утрате человеком чувства целостности и преемственности. Вместе с тем способность человека изменяться и адаптироваться к постоянно обновляющимся условиям существования связана не только с требованием эпохи.

В качестве приметы нашего времени можно констатировать обострение потребности в общении: человек, общающийся по мобильному телефону или Интернету - привычная картина повседневной жизни. Это можно объяснить и возрастающим объемом информации, и темпом жизни, требующим ускорения процессов обмена информацией, и появившимися, благодаря новым средствам связи, дополнительными возможностями коммуникации, и возникающим как следствие этого, дефицитом живого общения. В современном обществе, акцент переносится, главным образом, на сферы услуг, науку и образование – сферы, в которых важны коммуникативные способности.

В таких условиях актуализируется такой процесс как самореализация, в котором обнаруживаются фундаментальные антропологические константы: само тождественность, целостность, открытость, свобода, творческая активность, предусматривающая сочетание в личности человека самобытности с одной стороны и включенности человека в различные отношения, с другой.

Истоки проблемы самореализации личности можно обнаружить в идее всестороннего развития личности, которая приобрела особое значение в гуманизме эпохи Возрождения, немецкой классической философии, марксизме, в «философии жизни» Ф. Ницше, экзистенциализме Ж.-П. Сартра. В отечественной философии интерес к данной проблеме был проявлен со стороны социальной философии с конца 1970-х годов.

Самореализация – это раскрытие и использование каждым человеком своего личностного потенциала, она сопряжена с бесконечным поиском себя, всегда связана со стремлением к самосовершенствованию, так как потребность в самореализации заложена в каждом, и в любых социокультурных и исторических условиях человек призван решать для себя вопрос о том, как состояться, чтобы не чувствовать себя неполноценным, ущербным, и не считать свое существование бессмысленным. Самореализация, поиск человеком сферы приложения своих потребностей и возможностей, являются важными практическими проблемами и задачами, которые предстоит решать каждому человеку. Рефлексия над проблемой самореализации осуществляется каждый раз по-новому в каждом конкретном поколении с учетом специфики современных ему общества и культуры. Самореализация человека в современное время связана с процессом информатизации, о которой стали широко говорить с появлением концепции «информационного общества», разработанной в конце 1960-х – начале 1970-х

гг. в Японии. Эта концепция оказалась составной частью теории постиндустриального общества, основные положения которой были изложены в трудах Э. Тоффлера («сверхиндустриальное общество»), З. Бжезинского («технотронное общество»), Я. Масуды («информационное общество»).

На современного человека обрушиваются потоки информации, которая беспорядочно разбросана и не систематизирована, что лишает возможности ее правильно понять, осмыслить, проанализировать. Темпы осмысления информации не успевают за ее ростом. Информация становится товаром, который «производится и транслируется в количестве, превышающем возможность одного человека удержать его в памяти, и потребляется в количестве, превышающем возможность обдумывания». Из-за нарастающего количества информации изменяется характер межличностного общения, становящееся все более информативным, но одновременно теряющего свою глубину. В итоге у человека не остается времени для осмысления информации, и он вынужден просто ее принимать. С одной стороны, объем информации переполняет жизнь человека, с другой – поток неосмысленной информации (рекламные ролики и объявления, краткие сообщения новостей и т.д.), которая живет в нашем сознании. «Возникает ситуация смысловой пустоты при одновременном количественном заполнении сознания огромным объемом информации» [1, с.135]. Это создает стрессовые ситуации. Активный информационный обмен между индивидом и средой уменьшает возможности индивида задуматься о себе, погрузиться в саморефлексию. Таким образом, он постепенно превращается «в оператора по переработке внешней информации». Современный человек становится «существом без внутреннего» (Ф. Бретон), которое живет, постоянно обмениваясь информацией, принимая и передавая ее, реагируя на «реакцию». Человек при этом не отказывается от анализа мышления и становится совокупностью «арифметических процессов».

Такой поток информации способствует аморфности и разбросанности современного человека, превращая его интерактивное существо, в человека, который не успевает анализировать полученную информацию. Поскольку потребность в самореализации заложена в каждом, и в любых социокультурных и исторических условиях человек призван решать для себя вопрос о том, как состояться, чтобы не чувствовать себя неполноценным, ущербным, и не считать свое существование бессмысленным.

Самореализация, поиск человеком сферы приложения своих потребностей и возможностей - являются важными практическими про-

блемами и задачами, которые предстоит решать каждому человеку. Рефлексия над проблемой самореализации осуществляется каждый раз по-новому с учетом специфики современных ему общества и культуры.

Ряд исследователей (И.В. Болдышев [2], Ю.А. Ляшенко [3], М. Б. Ракитных) как следствие информатизации отмечает появление пассивного, бездумного потребителя информации. Возникновение у людей определенной «лености мысли» зависит от пассивного потребления информации, которое постепенно вытесняет активные формы творчества, досуга, познания, препятствует гибкости мысли, лишает людей непосредственного общения друг с другом. Такой человек не участвует в процессе создания объекта, он его только использует и поглощает, теряя свои творческие умения и навыки. У него развиваются лишь репродуктивные навыки потребителя, чему способствует символический характер потребления. Исследователи пишут о характерном для современного человека «лоскутном мировоззрении» (Ю. А. Ляшенко), «мозаичном мышлении» (О.В. Павловская), «клиповом сознании», отсутствии целостного видения мира (Н.В. Гоноцкая).

Отсутствие целостного видения мира связывается с тем, что человек получает знания о мире из множества разрозненных и случайных источников. Современный человек вынужден создавать свой собственный образ действительности из кусков разрозненного материала, продуцируемого в огромных количествах средствами массовой информации. В качестве примера можно привести телевидение, предоставляющее большое количество зачастую интересных сведений из различных областей человеческой жизни (политики, науки, спорта, искусства, экономики), но, в отличие от книги, характеризующейся организованностью материала, эти сведения подаются разбросанно и бессистемно. Они подобны рассыпанной мозаике, которая не может дать целостной картины мира. В результате «формируется «лоскутное» мировоззрение, отчужденное и легкомысленное отношение к жизни» [3; с. 118]; «мозаичное мышление» связанное с общим бессистемным потоком информации.

В сознании современного человека складывается фрагментарность модели мира, присутствует бессвязность мышления, пониженная способность к рассуждению и размышлению, воображению, обусловленные восприятием, сформированным экранной, а не книжной культурой, когда коллажи и фрагменты монтируются так, что вместо создания целостного впечатления приводят к его разрушению. «Вместо того чтобы конструировать собственную идентичность последовательно человек стремится через ряд «новых начинаний» экспериментировать с мгновенно собираемыми и легко разбираемыми формами, нанося один слой краски на дру-

гой; поистине, это напоминает палимпсест древности – текст, написанный на пергаменте поверх другого. Это та разновидность индивидуальности, которая подходит миру, где искусство забвения является не менее, если не более ценным качеством, чем искусство запоминания, где забывание в большей мере, чем обучение, является условием постоянного поддержания себя в необходимой форме» [4; с.109]. И это можно объяснить переизбытком и неупорядоченностью информации.

Новая психологическая среда, в которой оказывается современный человек благодаря усиленному информационному воздействию, способствует формированию у него новых умений и способностей, необходимых для существования и успешного функционирования в этой среде. Благодаря использованию компьютера для реализации творческих идей происходит развитие воображения, творческих способностей, познавательных потребностей. Результатом процесса компьютеризации общества становится обогащение мышления людей. Для мышления становятся характерны быстрота и гибкость, слияние образного и логического отражения реальности, когда логическое преподносится в форме образов благодаря образному и мозаичному компьютерному мышлению, делая восприятие более доступным. Так появляется новый тип мышления человека – оно становится техническим, компьютерным. Духовный начинает идентифицироваться с информационным. Прагматизм, расчетливость и критерий практической пользы выходят на первый план, заслоняя собой эмоциональное восприятие мира.

По мнению Н.А. Бердяева - техническая цивилизация «требуется активности человека, но не хочет, чтобы он был личностью» [5, с. 49]. С приходом новой информационно-компьютерной среды появляется представление о формировании нового типа человека – «*homo informaticus*». Основными характеристиками этого нового типа оказываются креативность, постоянное стремление к познанию нового, готовность к диалогу [6, с.8-27]. Персональная идентичность в современном мире становится трансформирующейся, а одним из основных типов идентичности выступает «виртуал», осуществляющий свою самоидентификацию многократно в виртуальном пространстве Интернета, который предоставляет неограниченные возможности в плане «экспериментирования» в виртуальной реальности с собственной идентичностью.

Список литературы:

1. Мальковская И.А. Коммуникативные измерения интерсубъективности в эпоху "Информационного взрыва" // Вестник РУДН. Серия: Философия. №1. – С.135.

2. Болдышев И. В. Виртуализация социальной действительности и социальная практика. Нальчик, 2006. – 131 с.

3. Ляшенко Ю. А. Феномен отчуждения человека в условиях информатизации общества. Горно-Алтайск, 2007. – 150 с.

4. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. Москва: Логос, 2002. – 390 с.

5. Бердяев Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. Москва: Хранитель, 2006. – 414 с

6. Рейнгардт, Н. В. Трансформация идентичности человека в информационно-компьютерном мире. Курск, 2006. – 136 с.

АКСИОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Э.И. Сугаипова

Россия, г. Грозный

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*

sugaipova20@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – анализ ценностной природы религиозного сознания. В статье определена специфика религии и ее место в духовной жизни человека. Отмечена сущность и важность ценностной категории в системе бытия. Также в содержании определена краткая характеристика иерархической структуры ценностей в истории философской мысли. Обращает на себя внимание определение ценностной структуры в философии христианства и ислама, которая позволила автору выявить основной идеал, определяющий специфику ценностных ориентиров данных религий.

Ключевые слова: религия, религиозное сознание, аксиология, ценности, абсолют, духовность, иерархия, структура, философия.

Ценностное освоение мира человеком – интересная категория исследования. Автор рассматривает высший уровень психики человека, коррелирующий с ценностным освоением реальности и социальной связью. Таким уровнем является духовность – высший уровень идеального. Исходя из «Абсолютной» первопричины, культивирует дух совершенства – религия. Такую позицию четко аргументирует И. А. Ильин, полагая, что тот, кто ищет религиозный опыт «вступает в ту сферу, где обитает и обретается само Совершенство». <...> Религиозный опыт есть опыт Совершенства, приобретаемый на путях сер-

дечного созерцания» [2, с. 56]. Совершенство Божие, любовь к нему, как отмечает И. А. Ильин, есть «лоно творческого вдохновения, опора истинной науки, чистой совести, характера, месторождение окрыленного гениального искусства, фундамент правосознания и патриотизма, гарантия дисциплины и храбрости» [2, с. 66]. Ценностное сознание в ходе естественного развития неизбежно пересекается с Совершенством Божьим. Такое утверждение аргументировано историей народов.

Религия – ценность человека. А. М. Ковалев полагает, что в религии, как в науке и искусстве «человек и общество в целом находят смысл и цели своего существования, не сводимые к повседневным бытовым потребностям. Она предполагает культ, то есть действия, призванные утверждать и возобновлять связь с принятыми сверхценностями» [3, с. 237]. Религия содержит в себе корневые ценности, без наличия которых человек лишается человеческого облика, а социум распадается в стихии разгула инстинктов. Она важный компонент ценностной природы религиозного сознания. Так, например, ценностная структура в философии буддизма персоноцентрична и сконцентрирована на идеале надеяния, постижении и преобразовании самого себя, самообустроенности во взаимоотношениях личности, культуры и общества.

Ценностная структура в философии христианства христоцентрична, поскольку Христос – истинный человек, воплощающий в себе принципы любви. Нравственная культура занимает особое положение во взаимоотношениях личности, общества и культуры, так как призвана гармонизировать отношения. Идеал соборности в христианстве определяет добровольное единение в свободе и любви.

Ценностная структура в философии ислама социоцентрична, что проявляется в первую очередь в подчинении личности социальным процессам и коллективизме. Идеал справедливости занимает первое место в структуре ценностей. Определенно главенствующая позиция сосредоточена в отношении монотеизма и авторитета Творца как необходимое условие регулирования поведения и гарантия соблюдения законов [4].

Ценности являют собой важное структурное свойство всякого явления. Взгляды на существо ценностей принципиально различны. История философской мысли трактует ценность как некий восходяще-нисходящий ряд свойств предметного мира, исходящий из ценностного абсолюта (верхней точки своего полного воплощения) и движется к своему антиподу (нижней точке этого ряда). Так, например, в системах материализма и пантеизма ценностный абсолют не

покидает пределов ни природы, ни общества. Б. Спиноза природу делит на порождающую (*natura naturans*) и порожденную (*natura naturata*), где «под порождающей природой, мы разумеем существо, которое мы понимаем ясно и отчетливо (через самого себя и без чего-либо иного, необходимого ему, как все атрибуты, до сих пор определенные нами), т.е. Бога» [5, с. 107]. Порожденная же природа выполняет функцию Бога и сосредоточивает в себе все признаки совершенства.

В философии идеалистических систем ценностный абсолют находится где-то за пределами бытия: либо в мире идей Платона, либо в сознании человека в виде специфичного элемента. Следовательно, аналогия между ценностным сознанием и сознанием ценностей недопустима в силу того, что ценностное сознание есть сознание, в основании которого лежат нормы мышления научного познания, нравственного сознания и эстетического чувства. Сознание ценностей, в свою очередь, представляет собой результат философской рефлексии над нормами науки, нравственности и искусства. Так, философское осмысление ценностей как норм сознания представляет собой аксиологию. Эту позицию отстаивают неокантиканцы, которые полагают, что у философии есть единственная исключительно важная познавательная цель – стать наукой о ценностях. В. Виндельбанд конкретизирует данную мысль: «Философия никогда уже не утратит идеала, повелевающего ей быть общим сознанием высших ценностей человеческой жизни» [1, с. 117].

Таким образом, обобщая сказанное, можно полагать, что ценностное отношение человека к миру формируется в контексте культуры и конкретной эпохи человеческого существования. Ценности образуют диалектическое единство рационального и чувственного, субъективного и объективного отношения к реальности.

В поисках новых идеалов, ценностей человечество постоянно приходит к духовности, возвращается к духовным первоосновам. Условия, окружающие человека постоянно требуют не только нового мышления, нового сознания, основанного на духовных ценностях, но и на ценностях, восходящих к религии.

В контексте развития глобализирующихся процессов важно обнаружить изменения в ценностных структурах мировоззрений, в формировании которых играют не маловажную роль ценности религиозно-философских доктрин. Ценностное измерение являет собой основу социокультурного самосознания.

Ценностные ориентации напрямую зависят от мировоззрения человека. Мировоззренческая система специфична. Ценностные пред-

ставления напрямую зависят от мировоззренческой системы. Так, теоцентризм на высшую ступень выдвигает Бога. Натурализм и гуманизм в иерархии ценностного статуса главенствующее положение отдают человеку. Культуроцентризм обнаруживает уровень культурного развития человека как высшую духовную ценность. Социоцентризм предпочтению отдает социальной структуре. Так, например, К. Маркс, крайней точкой иерархии ценностей называет общественно-экономические формации, ведущие к светлому будущему – коммунизму. Следовательно, мера ценности человека определяется с конкретным элементом социума.

Таким образом, иерархическая структура ценностей делается универсальным признаком ценностных качеств различных сфер бытия и может служить методологическим средством познания онтологических оснований всяких ценностей.

Таким образом, автор видит возможным сделать следующие выводы:

Сознание как ценность, как идеал есть результат постепенного присвоения человеком различных ценностей, где все стороны бытия воссоединяются в единое целое. Что бы ни понимать под сознанием, какие бы формы его проявления не исследовать, его ценностная природа является ядром и внутренней основой культуры народа, общества.

Религиозное сознание представлено с позиции теории ценностей для жизненной ориентации и развития личности. Аксиология религиозного сознания представляет собой ценностный взгляд на сущность и значение религии в ходе человеческого развития. Ценности как исходные начала религиозного сознания определяют саму религиозную специфику, становясь центральным звеном и внутренней основой культуры народа. Ценностная природа религиозного сознания высока. Неразвитость религиозного сознания – признак кризиса культуры, поскольку культура определяется степенью реализации ценностей и ценностных отношений. В религии как духовной сфере духовные ценности могут быть воплощены практически безгранично. Таким образом, аксиология религиозного сознания становится не только одной из форм общественного сознания, но и одним из средств философского познания не только на современном этапе, но и на протяжении всех этапов исторического развития.

Аксиология и философия ценности является для изучения сознания исходным методологическим принципом. Аксиология религиозного сознания становится не просто одним из средств философского познания, а подлинным сознанием человека, являющимся предста-

вителем конкретного этноса и исповедующим определенную религию, на современном этапе его развития.

Список литературы:

1. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М.: Юрист, 1995. – 687 с.
2. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: Исследование. Т. 1. – М.: ООО «Рарогъ», 1993. – С.56.
3. Ковалев А. М. Способ духовного производства в структуре общества: Идеи, размышления, гипотезы. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – 387 с.
4. Кривых С. Е. Аксиология мировых религий. Дисс... канд. филол. наук. – Армавир, 2009. – 174 с.
5. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 631 с.

ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

***Р.Р. Сулейманова**
Россия, г. Грозный*

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
E-mail: rummi999@mail.ru*

Аннотация. Ценностные смыслы в современной культуре обусловлены теми запросами и угрозами, которые предъявляются глобализирующимися реалиями. Ценностные смыслы сегодняшнего дня сохраняют тенденции характерные гуманитарному пространству издревле. Духовность и гуманизм в ценностном контексте взаимообусловленные понятия.

Ключевые слова: дух, духовность, ценность, гуманитарное пространство.

Духовная сфера личности является одной из важных исследовательских тем, изучение которой позволяет нам приблизиться к пониманию места и роли человека в культурном пространстве. На протяжении длительного времени духовное противопоставлялось материальному, и настаивалось на приоритете материального над духовным, обнаруживая влияние материального контекста на формирование духовного. Но в со-

временных условиях новое мышление человека глобализирующейся эпохи сделало не только актуальным дискурс о духовности, но и представило предмет нашего анализа в различных ракурсах, сделав его одной из базовых проблем трансформирующегося мира.

Сегодня, как никогда, понятно, что возвышение духовности, предоставление адекватной оценки ее содержания и формы, играет немаловажную роль в формировании высших потребностей и интересов современной молодежи. Ценностные аспекты духовности находят отражение в формировании идеалов и в их реализации в практической деятельности личности.

В отечественных исследованиях длительное время на протяжении нескольких десятилетий XX-ого века понятие «духовная жизнь» использовалось как синоним понятия «общественное сознание». Более глубокое философское изучение духовной жизни общества началось с начала 60-ых годов прошлого века, когда в своих исследованиях В.С. Барулин, В.В. Журавлев, Л.Н. Коган, В.Ж. Келлеи другие, начали выяснение качественных особенностей духовной жизни в рамках анализа структуры общественного сознания. Важный вклад в исследование духовной жизни общества внес А.К. Уледов. Другой ряд работ известных отечественных философов М. Мамардашвили, Ю.К. Плетникова, М.С. Кагана, Э.С. Маркаряна и многих других были связаны с исследованием различных сторон духовной жизни.

В последние десятилетия в российских исследованиях заметно изменилась тенденция оценки места и роли духовного в жизни человека.

Понятие «духовность» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль дефинирует как «состояние духовного. Духовный, бесплотный, не телесный, из одного духа и души состоящий, все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля». Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, «духовность – это свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными». Философия диалектического материализма слова «дух», «душа» и «психика» синонимичны. В марксистской философии понятие «дух» и «сознание» также синонимичны. В русской философской традиции почти все религиозные философы прошлых веков под духовной реальностью понимали Бога, который является царством истины, добра, красоты и святости. По мнению многих ученых (Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Вернадский, В. Зеньковский, В. Соловьев, С. Франк) сущность человека никогда не ограничивалась только биологической и социальной сторонами, но была наполнена и духовным содержанием.

Современные исследователи понятия «духовность» предлагают различные определения данного феномена. Например, В.Ю. Гадаев пишет, что «духовность – это верхний слой духовной сферы, высший уровень развития и саморегуляции личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности» [1, с. 82]. В контексте исследования В.Ю. Гадаева ценностными аспектами духовности определяются такие качества как честь, совесть, достоинство, подлинная любовь к Отечеству, к земле предков, гордость за свою историю, глубокое знание и почитание своих родовых, национальных корней, искреннее уважение к родной культуре и к культуре других народов, масштабность мышления и т.д. [1, с. 82-83].

Бетильмерзаева М.М. отмечает, что «духовность есть, в первую очередь, жизнь в соответствии со своим духом, и в этом смысле каждый человек духовен, ибо он движим силой, потенцией, энергией, волей быть» [2, с. 88]. Ценностные аспекты духовности, согласно цитируемому автору, заключаются в мере свободы человека в проявлении своих духовных начал. Духовность есть «процесс, запускаемый духом человека, процесс, требующий наличие свободного духа, который имеет право и возможность собственного выбора, живя в обществе тех, кто этим правом обладает. А не так, что б взрослеющий индивид вынужден был приспособливаться к лживому миру вокруг себя, деградируя духовно и имея лишь выбор между плохим и очень плохим: или приспособиться, став винтиком системы, пользуясь, быть использованным самому; или озлобиться на все, свернуться калачом, стагнировать или инволюционировать. Любой из этих вариантов не могут гарантировать безопасность ни человеку, ни нации, ни государству» [2, с. 90].

Ценностные аспекты духовности подрастающего поколения обусловлены мерой обнаруживаемых в ней смыслов. «Потеря смыслов, стирание границ между добром и злом, утрата меры... становится причиной дегуманизации социокультурного пространства» [3, 83].

Таким образом, вследствие проведенного исследования автор находит, что ценностные смыслы в современной культуре обусловлены теми запросами и угрозами, которые предъявляются глобализирующимися реалиями. Ценностные смыслы сегодняшнего дня сохраняют тенденции характерные гуманитарному пространству издревле. Духовность и гуманизм в ценностном контексте взаимообусловленные понятия.

Список литературы:

1. Гадаев В.Ю. Духовность как фактор обеспечения духовной безопасности. – С. 79-85 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Материалы научно-практической конференции с международным участием (г.Грозный, 13 декабря 2014 г.). – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.М.), 2014. – 288 с.

2. Бетильмерзаева М.М. Эволюция духовности как необходимое условие безопасности общества. – С. 84-92 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря, 2016 г.). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016. – 408 с.

3. Бетильмерзаева М.М. Место и роль гуманитарного знания и духовной безопасности в контексте мультикультурализма. – С. 76-84 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 19 декабря 2015 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015. – 424 с.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС КАК ПРИЧИНА СУИЦИДА

З.Г. Султанахмедова, Б.М. Билалова
Россия г. Махачкала

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»

E-mail: zalina_oh@mail.ru

E-mail: bakhara.bilalova@mail.ru

Аннотация. Центральной темой статьи является экзистенциальный кризис и суицид, как одна из форм деструктивного исхода такого кризиса. В статье рассмотрены размышления философов на тему смысла жизни.

Ключевые слова: кризис, смысл жизни, суицид, ценности, экзистенциальный кризис.

Проблема смысла жизни интересовала многих философов и мыслителей прошлого, в современной философии она также находится в центре внимания.

Смысл жизни - это философская и духовная проблема, имеющая отношение к определению конечной цели существования, предназначения человечества, человека как биологического вида, а также чело-

века как индивидуума, одно из основных мировоззренческих понятий, имеющее огромное значение для становления духовно- нравственного облика личности.

Рассмотрим некоторые взгляды философов относительно смысла жизни человека. Одним из древнейших представлений о смысле жизни встречается в учении Экклезиаста. Он считал, что жизнь человека - это «чепуха», «нелепость», «бессмыслица», т.к. «один конец всех ожидает».

Смысл жизни А. Шопенгауэр сводил к страданию, ведь человеку постоянно приходится вести борьбу с природой, обществом и другими людьми [1].

Наш соотечественник Л.Н. Толстой видел смысл жизни в самой жизни человека, которая является прекрасной и красивой, а также несет человеку счастье.

Основатель психоаналитического подхода в психологии З. Фрейд считал, что люди стремятся к счастью и, следовательно, смысл жизни заключается в том, чтобы быть счастливым. Американский философ Э. Фромм писал: «Жизнь должна иметь смысл. Люди тянутся к счастью, истине, справедливости, любви, преданности» [2].

В психологии развития часто используется понятие кризиса. Кризис от греческого переводится как «решение», «поворотный пункт». Это понятие может использоваться в двух значениях:

Кризис - тяжёлое переходное состояние, вызванное болезнью, стрессом, травмой и т.д.

Кризис - эмоционально значимое событие или радикальное изменение статуса в персональной жизни.

В психологии и философии уделяется большое внимание изучению проблемы экзистенциального кризиса. Экзистенциальный кризис- это тревожное состояние либо ощущение всеобъемлющей психологической неуютности вследствие размышлений о сути бытия, смысле жизни. Он чаще встречается в юности и зрелости. Экзистенциальный кризис как психологический феномен является типичной проблемой разумного существа, у которого отмечается наличие свободного времени. Иногда данный феномен ложно диагностируют при депрессивном расстройстве, продолжительной изоляции, дефиците сна, серьезной психологической травмой [3].

Стремление понять смысл собственного существования появляется у большинства субъектов, но у одних доводы получаются примитивными и складными вследствие глубокой религиозности либо заданным «инструкциям» иного порядка.

Предпосылками данного кризиса являются: утрата родного человека, применение психоделиков, угроза собственному существованию, продолжительная изолированность, разлука с любимыми.

Кризис характеризуется высокой аффективностью но даже не значительные раздражители. Человек, находящийся в данном кризисном состоянии, может прийти к решению лишиться себя жизни, т.е. суициду [4].

Суицид - преднамеренное лишение себя жизни, как правило, самостоятельное и добровольное. По данным ВОЗ, каждые 40 секунд кто-то из жителей Земли уходит из жизни сознательно, заканчивая жизнь самоубийством.

Морис Фарбер писал, что суицид - это «сознательное, намеренное и быстрое лишение себя жизни».

Самоубийства можно условно разделить на истинные и демонстративные. В контексте нашего исследования особый интерес представляет истинный суицид. Часто истинный суицид, как деструктивный выход из экзистенциального кризиса, встречается у подростков и людей зрелого возраста. Так подростки и юноши, сталкиваясь с объективно не значимыми проблемами, начинают искать причину проблем чаще в себе («Почему я?», «Зачем я вообще нужен?», «Что мне теперь делать?» и т.д.) [5].

В реалиях современного мира человек чувствует себя отдаленным, изолированным от окружающих. Виртуальный мир вытесняет живое общение и сопереживание.

В психологии кризис сорока лет также называют экзистенциальным кризисом. Это период характеризуется переоценкой смысла бытия и ценностей, человек оглядывается в прошлое и пытается проанализировать свою жизнь. Когда внешняя ситуация начинает давить и ставит человека перед ситуацией какой-либо невозможности, невыносимости, боли, то те, кто внутренне крепок, в состоянии с этим справиться, а те, кто внутренне неустойчив, дают такие патологические реакции, как суицид.

Экзистенциальные тревоги в разной степени возникают у всех, но не всегда их можно ощутить из-за мощного блока подсознания. Все экзистенциальные тревоги делят на 4 основные группы:

Страх перед временем - человек боится состариться, стать беспомощным, умереть, переживает из-за неопределенности будущего;

Страх перед пространством - боязнь темноты, глубины, открытого пространства, перемен, желание четко упорядочить жизненный уклад и следовать только ему;

Страх жизни - переживания относительно загадочности, таинственности и одновременной бессмысленности бытия;

Страх перед собой - боязнь сойти с ума или потерять контроль, непонимание собственных стремлений или поступков.

При наличии глубоких переживаний и ощущении потери жизненного стержня человек безуспешно ищет силы, чтобы разрешить экзистенциальный кризис, преодоление которого состоит из двух основных этапов признания и нового смысла [6].

Проблема есть и ее нужно решать, и это возможно, каждый человек абсолютно свободен в своем выборе. Кризис означает изменение, перелом, т.е. переход на новый этап. Старые причины для того, чтобы жить уже не подходят и надо искать новый смысл жизни. Смысл можно найти и в получении максимума удовольствия от жизни, и в принесении пользы человечеству [7].

Таким образом, можно сказать, что экзистенциальный кризис часто является почвой для суицида и суицидальных мыслей человека. Однако такой исход не является обязательным условием. Правильно организованная психологическая профилактика общества, во многом определяет то, каким будет выход из экзистенциального кризиса (конструктивным или деструктивным).

Список литературы:

1. Вересаев В.В. живая жизнь. – М.6 Политиздат, 1991.
2. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1992.
3. Вассерман Д. (ред.) Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств. – М.: Смысл, 2005.
4. Бордуков О.В. Проблема смерти в экзистенциализме // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / под ред. Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. С.136-141.
5. Амбрумова А.Г. Проблема суицида и превентивная суицидологическая служба в СССР // Научные и организационные проблемы суицидологии / под ред. А.Г.Амбрумовой и др. –М., НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1983. С.7-20.
6. Лекомцев В.Т., Панченко Е.А. Социальные дисфункции и саморазрушающее поведение. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002.
7. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. – М.: Смысл, 1997.

АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ ВАЙНАХОВ

М.С. Тарамова

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

E-mail: madina763@mail.ru

Аннотация. В процессе глобализации, который объединяет мир, следовательно сталкивает и религии, выясилось, что есть верования, которые и сейчас определяют общественное существование. В частности, это относится к исламу, поскольку секуляризация не повлияла на мусульманские традиции, являясь особенностью христианского мировоззрения. В данной статье рассматриваются тенденции развития религиозных воззрений вайнахов, включающих в себя множество языческих представлений, которые продолжают существовать по сегодняшний день, в виде архаизмов.

Ключевые слова: современность, ислам, эволюция, язычество, теонимы, религия.

Религия отражает мировоззренческие взгляды и позиции определенной группы людей, имеет особую ценность, так как связана с духовной культурой людей, дает свою трактовку понимания человека, общества и природы. Утешение и духовное умиротворение, как психологические факторы, также, имеют важное значение. Религия должна способствовать развитию общенациональной толерантности, не стремясь подчинить, придавая положительное значение продолжительному процессу социального развития и способствовать утверждению идеала нравственной личности. Для успешного преобразования необходимо, чтобы традиционная религия сама стала детерминантом модернизации общества, подвергнуть подробному анализу и проверке унаследованные традиции прошлого, в чем заключается цель данной работы. Исламская религия вайнахов взаимосвязана с культурой, так как религия – важный элемент развития культуры, благодаря которому человек формирует свою веру, силу и самосознание.

В соответствии с логикой смены этапов верований, религиозное мировоззрение вайнахов включает в себя языческо-христианские и мусульманские элементы. Идея первоначала в средневековых языческих культах чеченцев и ингушей была намного ближе к раннему

христианству и исламу, нежели к другим монотеистическим верованиям.

Религиозные представления вайнахов формировались под влиянием различных культово-исторических факторов, взаимосвязанных с определенными тотемами. Тотемизм, как иллюзорное представление о мире, сформировавшееся под влиянием суеверного страха перед стихийной силой природы, животным миром, предопределило появление ложных культов и представлений первобытных людей. Существовали многочисленные пережиточные верования, связанные со сверхъестественными свойствами животных и растений. К примеру, отношение к дереву было очень трепетным, некоторые виды деревьев считались священными. Срубить деревья ради забавы считалось ужасным преступлением. Большое место занимают животные в фольклоре чеченцев и ингушей, где они принимают важное участие в жизни людей, являясь, как положительными, так и отрицательными героями [1, с. 309]. Дорога, также, является нравственной категорией, с древности все что связано с дорогой считалось священным, а то что могло осквернить дорогу запретным. С давних времен возводились домики у реки с очагом и тот, кто оставался ночевать оставлял что-нибудь в дар святым, которые в свою очередь покровительствовали путникам.

Исследователи установили огромное количество наименований богов у вайнахов. Среди них Дела – верховный бог, Села – бог грома и молнии, Елта – покровитель земледелия и т.д. Теонимы, имена божеств у вайнахов, давались исходя из особенностей языка и на протяжении веков их имена и религиозные образы сохраняли свою устойчивость. Интересны наиболее древние вайнахские теонимы: Хиннана - богиня воды, Лаьтнана – земли, Тушоли – богиня плодородия. Обычно они двойные, связанные с язычеством и матриархатом, во времена которого культ женщины, особенно матери, был необычайно силен [2, с. 320]. Наравне с языческими божествами, у вайнахов почитались духи, которые делились на добрых и злых, обитали в воде, на небе, жили в лесах. В древности люди верили, что после смерти, их существование будет таким же как и при жизни, лишь чередование дней и ночей будет обратным, так как потусторонний мир, в доисламских верованиях, находится под землей, следовательно, рассвет этого мира – закат потустороннего.

В XII веке христианство проникло в Чечню через Грузию. Грузинские цари помогали создавать храмы, аправляли сюда священников. Даже при наличии внешних признаков соблюдения христианства,

вплоть до принятия ислама во многих районах Чечни и Ингушетии существовали родоплеменные культы природы и стихии. Христианство стало центральным верованием вайнахов в XIII веке, следы которого сохранились во многих местах. Но христианские идеи не были приняты на Северном Кавказе, так как, были восприняты через призму язычества. Далее в эпоху нашествия монголо-татар, стал проникать ислам суннитского толка. В тоже время вайнахи вступили в тесные политико-экономические связи с остальными северокавказскими народами, которые к тому времени исповедовали ислам. Ислам, будучи совершенно новым типом сознания, был нацелен на замену язычества с его замкнутыми внутриродовыми интересами, сознанием надэтническим, надродовым. В сознании представителя родового общества отсутствовало представление об общем предке человека, не было оформившегося этнического самосознания. Ислам явил учение о едином человечестве, которое объединяет единое происхождение [3, с. 91];

Несмотря на исламизацию, в отдельных районах, а особенно в горах, все еще бытовали как христианские обряды, так и языческие культы. Древние традиции сосуществовали как с христианством, так и с язычеством, поскольку, воззрения, сформировавшие нравственно-этическую систему взаимоотношений между людьми, сохранились и продолжают существовать в виде суеверий и сказаний. Некоторые древние воззрения изменились и продолжают существовать не противореча канонам ислама, в свою очередь и мусульманские представления трансформировались в соответствии с понятиями вайнахов.

Окончательное распространение ислама в Чечне связано с религиозной деятельностью шейха Мансура, который проповедовал возврат к истинному исламу, носившему аскетический характер. Он объявил священный газават против языческих традиций и суеверий, которые, все еще продолжали существовать в виде адатов и обычаев народа. Призывая к духовному очищению, шейх Мансур возглавил борьбу против «неверных» и экспансии Российской империи. За короткий промежуток времени, он приобрел признание и огромное количество последователей. В это же время, распространяется суфизм, направление, носившее мистический характер. Последователи данного направления практиковали духовное очищение посредством аскетического образа жизни. Возможно, что распространение суфизма связано с практикой абсолютной социальной справедливости, ведь многие представители религиозного духовенства того времени не были озабочены проблемами социального равенства и гуманизма. После

подавления восстания горцев и смерти их духовного лидера, духовная сфера пришла в упадок. Но, затишье продолжалось недолго, первая половина XIX в., - это период вхождения большей части территории Чечни в имамат Шамиля. Попытки укрепить ислам путем полной замены горских адатов на законы шариата и уничтожения традиционной культуры, не только словом но и оружием, привели к выходу чеченцев из имамата.

В дальнейшем распространяется кадирийский тарикат суфизма, который приходится на последние годы правления Шамиля. Первым последователем становится Кунта-Хаджи Кишиев из Илсхан-Юрта. Кунта-Хаджи призывал к милосердию, братству, осуждал войну, проповедовал идеи нравственного совершенства, смирения и взаимопомощи. Духовная деятельность Кишиева и его последователей, объединяла людей, помогала не терять веру в годы тяжелых испытаний для народа. Антирелигиозные реформы в первой половине XX в., происходили под влиянием сложившейся социально-политической ситуации. Революционные комитеты отстраняли от власти и уничтожали наиболее влиятельных представителей мусульманского духовенства. Проводились массовые репрессии, закрывались мечети, уничтожались памятники духовной культуры вайнахов. В 90-е годы, после распада СССР, начинается процесс возрождения ислама, духовности, религиозных ценностей, которые подавлялись в течении долгого времени.

В XX веке религия была вытеснена и утратила значение как мировоззрение и институт в принятии важных социальных и политических решений. Несмотря на то, что на данном этапе, социальный статус человека не зависит от его веры и нравственных принципов, а определяющим фактором становится способность личности вписаться и стать частью системы, все же, религия продолжает объединять людей будучи неотъемлемой духовной составляющей.

Список литературы:

1. Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. - Грозный: Чеч.-Инг. изд.-полигр. об-ние "Книга", 1990.
2. Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. - Грозный: Чеч.-Инг. изд.-полигр. об-ние "Книга", 1990.
3. Бетильмерзаева М.М. Значение ислама в формировании целостного мышления этноса - Известия Чеченского государственного педагогического института. 2013. № 1 (7).

НАУКА И ТЕХНОЛОГИИ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.И. Туманова

Россия, г. Тверь

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный
технический университет»*

E-mail: maks69@bk.ru

Аннотация: Деятельность по обеспечению национальных интересов не только защищает суверенитет государства, но и обеспечивает развитие экономики, институтов государства и общества. Национальные интересы реализуются в первую очередь через систему национальных приоритетов. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации одним из таких приоритетов являются наука, технологии и образование. Статья посвящена анализу основных направлений научно-технологического прорыва, предложенного Президентом Российской Федерации в Послании к Федеральному Собранию 1 марта 2018 года.

Ключевые слова: наука; технологии; национальные интересы; технологический прорыв; национальные приоритеты.

Любая деятельность государства направлена в первую очередь на защиту и обеспечение своих национальных интересов. В соответствии со Стратегией национальной безопасности к ним относятся объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития [1]. По мнению исследователей, национальные интересы отражают единство устремлений гражданского общества и государства [2]. При этом процесс формирования и реализации национальных интересов является доминантным элементом политики государства [3]. Обеспечение национальных интересов осуществляется в первую очередь за счет реализации стратегических национальных приоритетов.

Выступая в качестве векторов политического, социального, культурного и экономического развития национальные приоритеты обеспечивают суверенитет и национальную безопасность государства.

Одним из мощных факторов успешности сильного современного государства является уровень его развития в области науки и технологий. Именно поэтому Стратегия национальной безопасности,

принятая в Российской Федерации в 2015 году выделяет научно-технологическую и образовательную сферы в качестве национального приоритета [1]. Обеспечение высоких показателей в данной сфере необходимо в первую очередь для стабильного развития государства в сложных внешнеполитических и внутреннеполитических условиях.

Особое внимание национальному приоритету науки и технологий было уделено в послании Президента России Федеральному Собранию 1 марта 2018 года. В обращении главы государства отмечалось, что именно технологическое отставание может стать одной из причин потери суверенитета государства [4]. Президент определил технологический и научный прорыв как вектор национального развития государства на ближайшую перспективу.

Среди конкретных шагов по реализации научно-технологического прорыва, предложенных главой государства можно выделить в частности:

- создание передовой законодательной базы для разработки и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли, технологий обработки больших данных;

- внедрение сетей передачи данных пятого поколения и технологии связи Интернета вещей;

- формирование собственных цифровых платформ, совместимых с глобальным информационным пространством;

- налаживание разработки и локализации ключевых технологий и решений, в том числе для освоения Арктики и морского шельфа, для новых систем в энергетике, на транспорте и в городском хозяйстве;

- поддержка высокотехнологичных компаний, выстраивание благоприятной среды для стартапов, для быстрого внедрения новых разработок в производство;

- реализация проектов современных исследовательских установок класса мегасайенс;

- создание мощного синхротронного ускорителя и ускоритель нового поколения;

- формирование правовой основы для работы в России международных исследовательских коллективов;

- формирование мощных научно-образовательных центров, которые будут интегрировать возможности университетов, академических институтов, высокотехнологичных компаний. Предполагается, что их работа будет направлена на реализацию крупных междисци-

плинарных проектов, в том числе в такой перспективной сфере, как геномные исследования;

- закрепление превосходства отечественной математической школы, что является сильным конкурентным преимуществом в эпоху цифровой экономики⁴

- модернизация системы профессионального образования, предполагающая качественные изменения в подготовке студентов, прежде всего по передовым направлениям технологического развития, формирование ступени «прикладного бакалавриата» по тем рабочим профессиям, которые фактически требуют инженерного образования;

- организация центров опережающей профессиональной переподготовки и повышения квалификации для уже работающих граждан;

- создание максимально удобных, привлекательных условий для работы талантливой иностранной молодежи [4].

Предложенные Президентом основные векторы развития сферы науки, технологии свидетельствуют о том, что именно научно-технологический прорыв становится ведущим направлением в развитие государства и общества на ближайшую перспективу. Иными словами, ставится задача новой индустриализации, опирающейся на возможности формирующегося технологического уклада [5]. По мнению исследователей, подобный акцент в обращении главы государства приводит к выводу о прогнозировании качественной смены курса, объективно детерминированной высокой степенью исчерпанности тех парадигм, в рамках которых страна развивалась на протяжении последнего пятнадцатилетия [6].

Основные положения Послания главы государства были закреплены в виде указа о национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [7]. Данный документ определил три основные цели в сфере науки. Среди них:

- вхождение страны в число пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития;

- обеспечение привлекательности работы в Российской Федерации для российских и зарубежных ведущих ученых и молодых перспективных исследователей;

- увеличение затрат на научные исследования и разработки [7].

Реализация стратегических целей в сфере научно-технологического развития предполагается в рамках национального проекта «Наука», который был представлен в сентябре 2018 года на заседании президиума Российской академии наук. В рамках данного

национального проекта были сформулированы конкретные количественные и качественные показатели, которые предполагается достигнуть в сфере науки и технологий к 2024 году.

Концентрация усилий и ресурсов со стороны государства, направленная на реализацию научно-технологического прорыва свидетельствует о развороте государственной политики. Определяя науку, образование и технологии в качестве национального приоритета развития страны, создаются предпосылки по формированию нового пространства, способного обеспечить не только потребности общества и экономики, но и обеспечить защиту интересов государства в условиях противостояния как внешним, так и внутренним угрозам.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации №1 от 4 января 2016 года (Часть II), ст. 212.

2. Трухачев В.В. Сущность и содержание политических механизмов формирования и реализации национальных интересов // Вестник РУДН, серия Международные отношения, 2010, № 2 С. 24

3. Хамов М.О., Пузиков В.Г. Понятие «национальный интерес» государства // Наука и общество: проблемы современных исследований. XII Международная научно-практическая конференция: сборник статей в 2 ч. – Ч. 1; под ред. д-ра филол. наук, профессора А. Э. Еремеева. – Омск : Изд-во ОмГА, 2018. С.68.

4. Послание президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 года // Консультант плюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения 12.11.2018 г.)

5. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Стратегические приоритеты: перспективы прорыва и наука России // Стратегические приоритеты №2 (18), 2018., С.58

6. Горшков М.К. Реальности пореформенной России: четверть века социальных трансформаций в социологическом измерении // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16 / отв. ред. М. К. Горшков – М.: Новый Хронограф, 2018., С. 14.

7. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации №20 от 14 мая 2018 года, ст. 2817.

ЯЗЫК КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДА

И.Д. Хабаев

Россия, г. Грозный

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*

Как ни говори, а родной язык всегда останется родным.

*Когда хочешь говорить по душе,
ни одного французского слова в голову нейдет,
а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело.*

Л.Н. Толстой

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию языка как основы духовной и национальной безопасности народа. Автор, на реальном историческом примере из жизни небольшой этнографической группы Европы, отражает проблему языковой безопасности в глобализирующемся мире и показывает позитивные и негативные последствия языковой рецепции.

Ключевые слова: этнос, народ, язык, духовность, национальная безопасность, родной язык, языковая безопасность, глобализация.

По данным компании «Ethnologue: Languages of the World» - «Этнолог: Языки мира» - крупнейшего в мире каталога языка, в настоящее время на нашей планете насчитывается 7097[9] живых языка.

21 февраля 2006 года в Париже на очередном заседании ЮНЕСКО, [4, С. 398] приуроченного к Международному дню родного языка, генеральный директор этой организации Коитиро Мацуура заявил о том, что в ближайшее столетие половина из ныне существующих в мире языков исчезнут навсегда.

В своем докладе господин Мацуура отметил, что исчезновение языков идет с поразительной быстротой. Согласно мониторингу ЮНЕСКО в мире каждые две недели в среднем исчезает один язык, а на грани исчезновения находится более 400 языков, половина из которых к середине XXI века, окончательно выйдет из употребления. Принято считать, что язык любого народа жив до тех пор, пока жив хотя бы один его носитель. Филологи заметили, что опасность исчез-

новения родного языка грозит, прежде всего, тем народам, у которых отсутствует собственная письменность.

Другой не менее важной причиной гибели языков является миграция населения и глобализация.[6] Отсутствие нормальных условий жизни и работы вынуждает миллионы граждан ежедневно покидать села и переезжать в города и мегаполисы, где они теряют родной язык, традиции, обычаи и свою культуру, приобщаясь к иному, не родному языку. Часто в качестве причины исчезновения родного языка выступает контакт его носителей с более сильной языковой общностью. Это в основном касается малых народов, не имеющих своей государственности.

Задавшись вопросом о том, где же все-таки находится та грань которая разделяет жизнь и смерть родного языка, мы обнаружили, что процесс его вымирания наступает тогда, когда родной язык изучает менее 65-70% детей этого народа. Во всех других случаях он обречен на смерть.

Принимая во внимание сложившуюся в мире ситуацию по вымиранию языков, в 1992 году в канадском городе Квебек состоялся Международный конгресс лингвистов, посвященный угрозе исчезновения языков народов мира. На нем по инициативе одного из самых крупнейших специалистов в области лингвистики, Стивена Вурма из Австралии единогласно было принято решение о сборе и публикации данных об исчезающих языках.

Через два года кропотливого труда появилась электронная версия «Красной книги исчезающих языков»,[11, С. 454] вслед за которой в 1996 году вышел в свет первый «Атлас языков, находящихся под угрозой исчезновения».[10] В вышедшем в 2010 году последнем номере этого издания собрана информация о 2500 вымирающих языках мира. Любопытно, что по данным атласа с 1950 года в мире исчезло 230 языков, а в настоящее время под угрозой исчезновения даже в развитой в культурно-экономическом плане Европе находятся еще 50 этносов. Интересно, что единственным исключением в этом списке является один из официальных языков Ватикана - латинский, являющийся мертвым.

Без сомнения - язык это дар сотворенный Богом. Об этом говорили еще древние мыслители, об этом говорят и священные книги иудеев, христиан и мусульман - Тора, Библия и Коран. Язык является единственным разумным и безальтернативным методом объяснения, не имеющий подобия в природе. Он помогает человеку думать и общаться с помощью отвлеченной, духовной, незримой и понятийной речи.

Божественность и дарованность языка, возлагает на его носителей особую ответственность перед Всевышним за его сохранение. В исламе это называется аманат.[7] Исламские богословы утверждают, что мусульманин, хорошо владеющий своим родным языком, показывает не только свою принадлежность к данному этносу, но и любовь, и уважение к нему. По их мнению, эти качества воспитывают в человеке аналогичные чувства и к остальным народам.

Бог создал человечество в виде этносов, народов и наций не ради потехи и праздности. В священном Коране Аллах говорит «О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга. Ведь самый благородный из вас пред Аллахом - самый благочестивый. Поистине, Аллах - знающий, сведущий!».[3]

Инструментом для познания друг друга Бог избрал язык, многообразие и мозаика которого только удивляет и поражает. С помощью языка люди знакомятся, общаются, познают быт, культуру, обычаи и традиции.

Российская Федерация - многонациональная и многоконфессиональная страна. По переписи населения 2010 г. в ней проживает 194 народа, из которых около 100 являются коренными, так как они проживают на своих исконных исторических территориях, и не имеют за пределами России исторической родины или государственного образования.

Практически у всех малых народов России ситуация с развитием родного языка находится в незавидном состоянии, отчего во всех национальных субъектах нашей страны приняты и плодотворно действуют Государственные программы направленные на сохранение и развитие национальных языков, в том числе и в нашей республике.

9 октября 2017 года Правительством Чеченской Республики принято постановление за № 243 о Государственной программе «Развитие образования Чеченской Республики», в которой сказано, что в задачу программы входит:

- совершенствование нормативно-правовой базы в языковой сфере Чеченской Республики;
- популяризация чеченского языка, чеченской литературы и культуры чеченского народа, в том числе и среди представителей чеченского народа, проживающих за пределами Чеченской Республики;
- создание условий для обучения по программам начального общего образования на чеченском языке;

- обеспечение образовательных учреждений республики учебниками по чеченскому языку, чеченской литературе, истории чеченского народа, учебно-методическими пособиями и художественной литературой на чеченском языке, а также учебно-методическими комплектами для обучения по программам начального общего образования на чеченском языке;

- подготовка, повышение квалификации и профессиональная переподготовка учителей (преподавателей) чеченского языка, чеченской литературы, истории чеченского народа, а также учителей начальных классов для обучения по программам начального общего образования на чеченском языке;

- использование информационных технологий в развитии чеченского языка.

Как видно из текста меры, предусмотренные для реализации в данной программе вполне способны обеспечить дальнейшее развитие чеченского языка, который деградировал до уровня бытового или как принято говорить «кухонного языка». Печально признавать, но большинство государственных чиновников Чеченской Республики, богословы, учителя, инженеры, врачи и прочие категории рабочих и служащих имея среднее и высшее образование, не могут похвастаться даже средним уровнем знания родного языка.

Реальное состояние дел в данной сфере очень легко выяснить наглядно при обзоре республиканских радио и телепрограмм. Лингвистический анализ интервью или беседы журналистов с рядовыми гражданами республики часто вызывает смех у телезрителей и радиослушателей, так как они отражают истинное положение родного языка у различных категорий населения Чечни. В первую очередь их недостатком является ограниченный словарный запас чеченского языка у большинства граждан, восполняемый ими в беседах заимствованными из других языков словами, в частности русскими, что закономерно.

Дело в том, что большинство чеченцев как и многие народы Кавказа билингвы, т.е. двуязычны и владеют русским языком наравне с родным. За последние два десятилетия чеченцы, эмигрировавшие в страны Европы стали полилингвами, т.е. трехязычными, так как, владея русским и чеченским, им пришлось в целях адаптации в новых условиях проживания выучить государственный язык той страны, которая предоставила им гражданство. С одной стороны это похвально, ведь «Знать много языков - значит иметь много ключей к одному замку» говорил Вольтер, но не нужно забывать, что потеря родного язы-

ка делает нас манкуртами, утратившими историческое и национальное прошлое. Поэтому спасение чеченского языка это спасение народа от исчезновения и заключается оно в сохранении и развитии чеченского языка.

Угроза исчезновения родных языков, а вместе с ним и его носителей стала объектом научного исследования современных ученых в различных странах мира, многие из которых считают, что в его основе лежат глобализационные процессы. В последние годы в научном обороте появился ранее неизвестный термин - «языковая безопасность», который по мнению Гриценко Е.С. «не получил пока системного описания в научной литературе и наиболее часто обсуждается в контексте проблем национальной безопасности, информационной безопасности, языкового суверенитета и языковой политики».[1, С. 9] Развивая дискуссию по этой теме, Елена Сергеевна суммируя высказывания отечественных и зарубежных ученых, отмечает, что «язык либо объект для разного рода угроз, либо условие для достижения/поддержания безопасности». [1, С. 9] Как нам кажется, именно в этих словах кроется универсальность языка выступающего одновременно как инструмент собственной безопасности, а также его различных форм.

Возвращаясь к теме языковой безопасности в «благополучной» Европе, где как мы писали выше, на грани исчезновения находятся десятки языков, преимущественно малых народов хотелось бы заметить, что не совсем гладко обстоят дела и с языками титульных народов некоторых европейских стран.

Так, например, экспансия английского языка, начавшаяся в середине 70-х годов XX века, вынудила Францию «принять в 1994 г. закон о защите французского языка (закон Ж. Тубона)», [1, С. 9] после чего с парижских улиц были сняты все вывески и рекламные щиты на английском языке, а владельцам магазинов, кафе, ночных клубов и других торгово-развлекательных комплексов было предложено в кратчайшие сроки привести названия своих заведений в соответствие с французским языком.

Аналогичные примеры из законодательной практики различных стран мира можно привести не один десяток, однако их перечисление не есть цель нашего исследования и поэтому мы остановимся на конкретных угрозах, сложившихся в отношении русского языка являющегося, наравне с чеченским «Государственным языком в Чеченской Республике».[2]

Каковы же основные угрозы, складывающиеся для русского языка на территории Российской Федерации? Этим вопросом задают-

ся ряд российских ученых исследующих данную тему. К ним, как правило, относят:

«- наводнение устной и письменной речи американизмами, гибридными англо-русскими сочетаниями и кальками, используемыми не только, а рекламе, названиях торговых предприятий, бытовом и профессиональном общении, текстах СМИ, но и в официальных выступлениях общественных и политических деятелей, дикторов телевидения, научной литературе и проч.;

- криминализацию русской речи, ее перенасыщение жаргонными выражениями, характерными для представителей криминального мира (слова «наезды», «разборки» и др. широко используются как представителями молодежи, так и старшего поколения, они часто встречаются в речи официальных лиц; нецензурная лексика становится модной не только в бытовом и он-лайн общении, но все чаще звучит со сцен театров;

- повсеместное снижение уровня грамотности и речевой культуры населения (особенно молодежи), связанное с ухудшением преподавания русского языка в школах и уменьшением количества часов на его изучение». [1, С. 10]

Как видно их перечня даже беглый обзор перечисленных угроз и их сравнение с угрозами сложившимися с родным языком в Чеченской Республике явно показывает их идентичность. Наглядным пособием их тождественности являются улицы и проспекты Грозного и других городов и сел республики на обочинах, зданиях и фасадах жилых домов и зданий которых размещены рекламные щиты и баннеры с названиями ведущих компаний Италии, Франции, Англии, Арабских Эмиратов, Китая и других стран-товаропроизводителей. Ну и что из этого спросит читатель, ведь размещение рекламы это нормальная мировая практика, и он будет в этом прав. Но дело в том, что за этими вывесками как, ни странно скрываются не сами фирмы и не их дочерние компании, поэтому в нашем случае такого рода действия можно расценить как слепое обожествление торговых марок этих стран. На Западе ни один уважающий себя бизнесмен не станет бесплатно рекламировать бренды и товары компаний, не имея с этого определенные дивиденды. Для нашего общества как ни странно это «нормальное» явление, несущее на бесплатной основе прямую угрозу безопасности национального языка, а говоря по-другому, эти действия не что иное, как контрпропаганда чеченского языка.

Но не «Все гнило в Датском королевстве» как говорил один из героев трагедии Шекспира Марцелло. Сегодня Глава, Парламент и

Правительство Чеченской Республики принимают немало усилий направленных на сохранение и преумножение родного языка. Ими издаются правовые акты, указы, решения и постановления, направленные на популяризацию, сохранение, совершенствование и развития чеченского языка, повышение его роли в развитии чеченской культуры и самобытности. В качестве отправной точки возрождения чеченского языка на современном этапе его развития, смело можно считать Указ Президента Чеченской Республики Р.А. Кадырова от 11.05.2007 г. за № 207 «Об объявлении Дня чеченского языка».[5] Примечательно, что эта дата была приурочена к 84-й годовщине выхода в свет первой областной газеты на чеченском языке «Серло», 100-летний юбилей которого мы будем отмечать через пять лет.

С 2005 года ежегодно в нашей республике проводится Международный конкурс журналистов памяти первого Президента, Героя России Ахмат-Хаджи Кадырова «Золотое перо». Одной из самых престижных на этом конкурсе является номинация на чеченском языке, что лишней раз доказывает возрождающийся престиж чеченского языка. Кроме того на радио и телевидении республики ежегодно увеличивается вещание на родном языке, издаются журналы и газеты на чеченском языке. В последние годы идет большая работа по переизданию литературных произведений классиков чеченской литературы, а также религиозной печатной продукции и видеопродукции для детей дошкольного и школьного возраста, в частности мультипликационных и художественных фильмов. Будем надеяться, что работа в этом направлении не ослабнет, и будет только нарастать.

Говорить о достижениях и недостатках в развитии языка отдельно взятого этноса, республики или страны, о проблемах национальной и духовной безопасности народов и способах их возрождения говорить можно долго и много. Однако завершить свой доклад мне бы хотелось рассказом о судьбе небольшой западнославянской этнической группы, проживавшей на территории Поморского воеводства Республики Польша - словинцах, которые называют себя лебскими кашубами.

Историческая судьба словинцев очень трагична и в то же время поучительна. Дело в том, что словинцы в отличие от своих кровных братьев кашубов, которые являлись католиками, придерживались протестантства. Как известно протестантские богослужения в Польше и Германии велись на немецком языке и по этой причине словинцы с конца XVII века перешли на немецкий язык, забыв свой родной язык, близкородственный кашубскому языку, а с ним заодно обычаи и традиции своего народа.

После Второй мировой войны, когда карта Европы перекраивалась на новый лад, территория Польши была расширена на Запад, однако словинцам на их исторической родине места не нашлось и они были изгнаны как немецкое население в Германию.

Некоторыми общественными и культурными деятелями Польши, прежде всего представителями словинского меньшинства, предпринимались попытки создания своей культурной автономии на территории Поморского воеводства, чтобы сохранить за ними право жить на собственных землях ввиду их славянских корней. Однако эти старания оказались тщетными.

В настоящее время словинская диаспора Европы полностью проживает в Баварии (ФРГ), недалеко от столицы республики Мюнхена, несмотря на то, что в Польше до сих пор существуют словинские города и села, а также топонимы и гидронимы словинцев, вопрос о возвращении их на родину предков окончательно закрыт по причине перемены языка. Историческая родина и земли словинцев за последние 70 лет стали объектом полонизации. Сюда еще в конце 40-х годов XX века в спешном порядке были переселены поляки из глубинных воеводств Польши. Таким образом, словинцы в одночасье потеряли свою родину.

Исторический пример трагедии словинского народа показывает, насколько опасны для этносов игры с родным языком и особенно пренебрежение им. Русский педагог, писатель и основоположник научной педагогики в России Константин Дмитриевич Ушинский говорил: «Язык народа - лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы - весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его. ... Он не только выражает собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык,- народа нет более!». [8, С. 145-159]

Под стать великому педагогу, старинная чеченская пословица гласит: «Есть язык - есть народ, нет языка - нет народа» и эта аксиома вероятно единственное условие для самосохранения каждого народа, живущего на планете Земля.

Список литературы:

1. Гриценко Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации. М.: Журнал «Власть». 2011.
2. Конституционный закон Чеченской Республики от 02.12.2007 № 2-РКЗ. <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1432704> Время обращения: 23.11.2018 г. 15 час. 18 мин.
3. Коран. Перевод смыслов Крачковского И.Ю. Сура 49 «Комнаты». Аят 13.
4. Международная организация по вопросам просвещения, науки и культуры при ООН, созданная в ноябре 1945 года. См.: БСЭ. Т. 49. М.: «Большая советская энциклопедия». 1957. С. 398.
5. Общественно-политическая газета Чеченской Республики «Вести Республики», № 69 (543), за 23 мая 2007 года.
6. Процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. См.: Глебов Г.И., Милаева О.В. Современные международные отношения. Учебное пособие. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
7. То, что Аллах вверил, поручил людям. Понимается как отданное на ответственное хранение, как нематериальных ценностей (язык, культура, национальность), так и материальных (вещи, недвижимость). [https://ru.wikipedia.org/wiki/Аманат_\(ислам\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Аманат_(ислам)). Время обращения: 22.11.2018 г. 01 час. 34 мин.
8. Ушинский К.Д. Избр. пед. соч.: В 2 т. - М.: 1974. - Т. 1. С. 145-159.
9. https://ru.wikipedia.org/wiki/Языки_мира#cite_note-4 Время обращения: 21.11.2018 г. 23 час. 11 мин.
10. Moseley, Christopher (ed.). 2010. Атлас мировых языков In Danger, 3rd edn. Paris, Unesco Publishing. Онлайн версия: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> Время обращения: 24.11.2018 г. 00 час. 34 мин.
11. Tapani Salminen. Endangered Languages in Europe / Matthias Brenzinger. - Language Diversity Endangered. - Walter de Gruyter, 2010. - P. 206. - 454 p.

КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ В ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФИИ

Х.З. Хажмурадова

Россия, г. Грозный

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
педагогический университет»*

E-mail: kh.kheda85@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается, что возросший интерес к проблеме отрицания обусловлен выводами древней философии об изменении основного вопроса философии. Данная постановка вопроса повлияла на осмысление социокультурной ситуации. Рассматривается имеющаяся в древней философской традиции диалектика небытия и бытия, которая не только не понижает статуса бытийного, но, напротив, дает ему вполне надежное основание и высокое значение.

Ключевые слова: философия, бытие, небытие, концепция, отрицание, факт.

Древнеиндийские философы – основатели концепции особой отрицательной действительности, допускали сущность, как бытия, так и небытия. Название этой концепции представляет собой как концепция особой отрицательной действительности. Деятели философской школы -вайшешики причисляли все предметы к классу бытия и небытия. Объекты материального мира принадлежали классу бытия (положительные действительности), а воображаемые вещи (отрицательные действительности) относились к классу небытия, и оно интерпретировалось ими как действительность. Отсутствие Солнца на ночном небе допускалось так же действительностью, как и наличие на нём звёзд и Луны. В школе вайшешиков небытие было принято делить на два вида. Первый вид предполагал, что между двумя реальностями не существует взаимосвязи, а второй-различие реальностей, т.е. одна реальность отличается от другой. Когда два объекта различаются между собой, то они не признают друг друга. Дерево и куст не имеют схожести, другими словами, дерево не является кустом. Обратная этому ситуация означает сходство, тождество реальных. В отрицательных суждениях по этой концепции речь идёт об особой отрицательной реальности, т.е. о небытии. Философы Древней Индии характеризовали категорию небытия как понятие несуществования, отсутствия, различия и др. Такое толкование небытия существовало и в других философских школах. Во внимание принималось то, что небытие выражалось так же просто, как и бытие, что органы чувств отсутствие чего-либо воспринимают так же, как и присутствие, а не существование, т.е. не-

бытие, трактовалось как определенный признак вещей. В концепции о непосредственности познания небытия в восприятии считалось, что и отрицательные суждения, и утвердительные суждения не имеют никаких отличительных элементов. [6, с.132].

Как пишет И.Н. Бродский, древнеиндийские философы допускали действительность бытия и небытия как признаки предметов. Философы Древней Индии полагали, что, не приняв действительность небытия, невозможно понять результат становления и изменения, феномен разнообразия явлений природы.[2, с.61]. В своем учении философы Древней Индии считали понятие небытия онтологическим объектом отрицательных суждений, рассматриваемых как ничем не отличающихся от утвердительных суждений.

А. Рейнах, Э. Гуссерль, Б. Рассел являлись последователями отрицательной реалии в европейской философии. Б. Рассел полагал, что в реалии необходимо наличие предмета, которому соответствовало бы, например, отрицательное суждение *Ручка не в пенале*. Рассел считал, что наличие предмета и есть отрицательный факт. Обсуждая объективный характер настоящих отрицательных суждений, он трактовал неимение фактов как особенные факты наряду с реальными фактами [4, с.211-215]. В связи с этим, И.Н. Бродский считал, что реально не существующий предмет можно назвать отрицательным *фактом*. Однако, подобное применение слова *факт* теряет тот смысл, который дает ему возможность быть внелингвистической действительностью и делать высказывание истинным. Слово факт, при использовании его для определения, реально существующего и реально несуществующего, утрачивает свою значимость, в котором и заключается цель его использования, т.е. различать между собой то, что мыслится и в то же время реально существует, и то, что только мыслится, но не существует в реальности [3, с.54]. Бродский показывает неспособность понятия особой отрицательной реалии такими словами: «Концепция, согласно которой истинные отрицательные высказывания говорят об отрицательной реальности и относятся к особому миру отрицательных фактов, противоречит опыту и практике. Отрицательные факты как нечто реально существующее нигде в опыте не встречаются. <...> Если же отрицательные факты не обнаруживают себя в опыте, то они и не факты» [2, с.15].

Понятие отрицания как знания об ином бытие развивалась в античной философии. Оно соединяло концепт отрицания не с отрицательной реалией, а с реалией, отличающейся от данной. Рассматривая диалектику бытия и небытия, Платон хотел найти онтологическое небытие, аналогичное логическому небытию, поэтому выделяет три типа бытия и анализирует связь между *бытием*, а также *движением* и

покоем. Все эти три типа бытия отличаются друг от друга, например, покой отличается от бытия или движения и т.п. Эти типы бытия Платон дополняет еще двумя типами - *тождественное* и *иное*. По словам Платона, *иное* само по себе не существует, «иное всегда существует лишь по отношению к иному» [235]. Бытие представляет собой что-то иное касательно других видов бытия, поэтому оно является небытием, например, бытие нечто иное в отличие от покоя или движения. А небытие представляет собой нечто индивидуальное, которое противоположно бытию, небытие-это сторона бытия, близкое бытию, как нечто иное. Платон, такими выводами обосновывал реальность небытия. ««Абсолютного небытия в действительности нет», – говорил Платон, – но зато существует небытие относительное. Когда говорят о небытии, всегда говорят о небытии чего-то определенного, но только отличающегося от реально существующего». Каждый отдельно взятый предмет отличается от других предметов, т.е. он является иным. Если предмету характерны какие-то свойства бытия, значит это связано с небытием в общем, а не с небытием какого-либо индивидуального бытия. Как говорит Платон, «когда мы говорим о небытии, мы разумеем, как видно, не что-то противоположное бытию, но лишь иное» [5, с.382].

Бродский полагал, что Платон в концепцию небытия вносит значение принципа различия и различения. Объекты, существующие в нашем мире, воспринимаются нами либо как схожие, либо как отличающиеся друг от друга. В ходе исследования выявляются сходства или различия предметов. Отличие является свойством, характерным одному объекту, и, которое отсутствует у другого объекта. Всякое отличие является выявлением в каком-либо объекте, чего-то неприсущего другим. Бродский полагал, что «определенность не может быть отражена без констатирования различия потому, что в самой действительности она не существует без последнего» [3, с.64-65].

Список литературы:

1. Антонов Г.В. От формальной логики к диалектике (вопросы теории суждения). - М., 1971.
2. Бродский И.Н. Об объективном смысле отрицания // Материалы к симпозиуму по логике науки. – м Киев, 1966.
3. Бродский И.Н. Отрицательные высказывания. - Л., 1973.
4. Бродский И.Н. Философские и логические аспекты проблемы отрицательных высказываний. Автореф. докт. дис. - Л., 1974.
5. Платон. Соч. в 3-х т., т. 2. - М., 1970.
6. Рой М. История индийской философии. - М., 1958.

КОНЦЕПТЫ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И «НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ» КАК ЦЕННОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В.Г. Циватый

Украина, г. Киев

Киевский национальный университет

имени Тараса Шевченко

E-mail: tsivatyi@gmail.com

Аннотация. Анализируется природа ценностей в глобализированном мире и новая роль гуманитарных знаний в контексте концептов «справедливость» и «несправедливость» в условиях новых вызовов и угроз XXI века. Акцентируется внимание на том, что моральным императивом эпохи глобализации стали образование, гуманитарное знание и духовная безопасность, учитывающие культурное многообразие человеческого сообщества и институционально-историческую концептуализацию ценностных компонентов современного гуманитарного знания и смысла жизни.

Ключевые слова: институционализация, гуманитарное знание, политика, дипломатия, справедливость, война, мир, история.

В начале XXI века учёные, политики и дипломаты разных государств осуществили попытку комплексной оценки эффективности действующей системы глобального управления с целью разработки путей её дальнейшего совершенствования и устранения диссонансов концептов «справедливость» и «несправедливость» в системе международных отношений и гуманитарного знания. Исторические события XVI-XVIII веков послужили истоками данного явления [1].

Глобализация, вынуждая правительства делиться своими полномочиями с другими институтами, сохраняет и даже усиливает их роль как наивысшего правового, политико-дипломатического и экономического авторитета.

Переход от традиционной к новой институциональной модели государственного регулирования международных отношений начался ещё в 1940-х гг., когда была образована ООН с системой международных правительственных организаций в областях, которые в середине XX в. были наиболее интернационализированными и требовали

коллективного регулирования. Роль ООН как моста между государствоцентричным и полицентричным мирами диктует необходимость её функционально-структурного реформирования с целью адекватного отображения глобального перераспределения сил и урегулирования диссонансности концептов «справедливость» и «несправедливость» в социальном мироустройстве и системе ценностных координат человека XXI века [2, с. 26-29].

Будучи объективно обусловленным процессом, глобализация существенно корректирует национальные и международные стратегии, наполняет деятельность микро- и макроэкономических структур качественно новым содержанием. В ассиметричных условиях развития корпораций, государств и международно интегрированных регионов формируются новейшие условия глобальной конкуренции и создаётся, соответственно, новейший политико-дипломатический инструментарий по урегулированию вооружённых конфликтов и несправедливых противоречий глобализированного мира, оказывая воздействие на ценностные компоненты современного гуманитарного знания.

Среди глобальных институтов регулирования социальных асимметрий (справедливость/несправедливость) ведущую роль играет на сегодня именно ООН, которая изначально была предназначена для обеспечения широкого политического сотрудничества стран с целью поддержания мира и безопасности, содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, устранению социальных противоречий мироустройства.

Не случайно именно ООН является наиболее представительным форумом для межгосударственных дискуссий по решению актуальных социальных проблем человечества и поддержанию социальной безопасности государств. Вообще сам факт основания ООН послужил институциональным фундаментом и катализатором активной деятельности правительств государств в деле разработки и принятия национальных и международных нормативных актов, регламентирующих минимальные социальные стандарты в странах, соблюдения базовых прав и свобод человека вообще, социального равенства людей, что, бесспорно, стало первым шагом к социализации глобальной международно-политической и экономической среды [3].

К сожалению, втянутые в водоворот глобальных взаимосвязей страны в большинстве своём не способны отстаивать свою национально-государственную идентичность, попадая под воздействие силового поля тех или иных крупных государств или макрорегионов.

Наряду с межгосударственным, всё больше актуализируется диалог междивизиационный, теоретическая подоплёка которого формировалась в рамках двух полярных подходов – общего «примирения» в соответствии с концепцией Ф. Фукуямы и раскола и столкновения цивилизаций согласно прогнозам С. Хантингтона. При этом нынешние локальные конфликты и войны, международный терроризм имеют видимые и невидимые не только социально-экономические, но и религиозно-этические междивизиационные истоки, и последствия их будут носить глобальный характер [4].

Современные глобальные институты регулирования социальных асимметрий используют диверсифицированный инструментарий разнообразных рычагов влияния на социально-экономическое положение граждан разных стран со стороны как национальных правительств, так и региональных и мировых институций. Наиболее авторитетными среди них, несомненно, в XXI веке являются подразделения ООН и структурные фонды ЕС. Что касается институциональных механизмов социализации глобальной экономики, то наиболее прогрессивными из них можно назвать Общую декларацию прав человека, Глобальную стратегию устойчивого развития, Декларацию и программы Целей развития тысячелетия, международные конвенции МОТ, Европейскую социальную хартию, Европейский кодекс социального обеспечения и Лиссабонскую стратегию.

Многолетнее функционирование указанных институтов дало возможность решить ряд острейших социальных проблем, в частности, касающихся распространению высоких социальных стандартов из развитой зоны мира на остальные страны, правовой и социальной защиты иммигрантов, региональной унификации уровней доходов определённых социальных групп и категорий и др. Тем не менее, в сегодняшнем полицентричном мире, современные институты регулирования социальных асимметрий нуждаются в существенной организационно-функциональной реорганизации.

Комплекс будущих мероприятий окажет содействие дальнейшему развитию глобальных институтов социального регулирования и обеспечит более слаженную межгосударственную координацию общих действий, направленных на эффективное реагирование на вызовы глобальной среды, угрозы для современного мироустройства и несправедливости в международных отношениях новой институциональной архитектуры мира.

В процессе исторического и политико-правового развития такие тандемные понятия, как «война» – «мир», «свой» – «чужой», «враг» –

«союзник», претерпевали качественные смысловые изменения в зависимости от характера эпохи, идеологии и религиозного мировоззрения государств, а в последнее время – и в связи с новыми геополитическими и экономическими факторами [5, с. 175-185].

Место оформления таких категорий как «война» – «мир» ограничено рамками политико-правового поля, в котором чётко прослеживаются отношения, связывающие эти понятия в тандемы (тандемы концептов).

Концепт в философии, истории и лингвистике – содержание понятия, смысловое значение имени (знака). Отличается от самого знака и от его предметного значения (денотата, объёма, понятия). В юриспруденции концепту соответствует правовой институт.

Существует несколько общеизвестных интерпретации понятия «война». Согласно первой любая война должна заканчиваться миром. Такая война носит название регулярной. Немецкий юрист и философ Карл Шмитт пишет, что война, в которой воюющие стороны «... и в войне уважают друг друга как противников и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, в результате чего заключение мира возможно, более того, оказывается нормальным, само собой разумеющимся окончанием войны». Кроме того, для регулярной войны характерен межгосударственный характер и уважение прав нейтральных стран.

Вторая интерпретация понятия «война» напрямую связана с восприятием врага через морально-религиозный концепт «зло». Подчинение понятия «война» законам политической теологии придаёт ему (понятию/концепту) религиозный характер. Религиозная война (в отличие от регулярной и справедливой) длится бесконечно и мира не знает, ибо «мир» (как перемирие) со злом невозможен в принципе.

В яркой международно-политической палитре времён раннего Нового и Нового времени концепты «война» и «мир» – особо актуализируются. В истории политической мысли и институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и её институты всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства как в мирных условиях, так и в периоды войн Средневековья и раннего Нового времени, войн Нового и Новейшего времени [6, с. 18-22].

В эпоху раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.), наряду с возникновением и эволюцией европейской системы государств, происходит объективно обусловленный процесс институционального

оформления европейской общественно-политической мысли и закономерный процесс ее влияния на становление и трансформацию, соответствующее развитие теории внешней политики и дипломатии государств Европы.

Международно-политическая или политико-дипломатическая конгруэнтность – это совпадение между «реальным я» (real self) и «идеальным я» (ideal self) в межгосударственных отношениях. Поэтому наличие взаимных и обратных связей по диагонали Запад – Восток или в системах международных отношений, политическое влияние государств-акторов на эти институциональные связи в целом присущи любым моделям межгосударственных отношений.

По сути, взаимные и обратные связи служат в государственных, политико-дипломатических и общественно-политических системах механизмом адаптации целевой деятельности политико-дипломатических институтов и институтов власти к целям, интересам и потребностям социума в эпоху раннего Нового времени, позволяя сделать сам управленческий процесс конгруэнтным общему запросу расстановки политических сил в изменяющейся системе международных отношений [7, с. 128-146].

Среди войн раннего Нового времени особое место занимают – Итальянские войны (1494-1559 гг.) и Тридцатилетняя война (1618-1648гг.). В ходе этих войн в теории и практике дипломатии формировались концепты «война» и «мир», усовершенствовались формы, методы и принципы переговорного процесса и формировался образ дипломата раннего Нового времени и Нового времени.

Институциональная память многих поколений и пристальное внимание исследователей к войнам раннего Нового времени во многом объясняется тем влиянием, которое они оказали на политико-дипломатическую жизнь Европы XVI-XVIII веков, и в последующем – и на международно-политические события XX-XXI веков.

С одной стороны, политические итоги этих войн изменили европейское общество, способствовали его трансформации, а с другой стороны – их масштабы способствовали ментальным сдвигам, т. е. во время войн постепенно начинает меняться мировоззрение, появилось новое поколение и новое светское мировоззрение, в т.ч. – и в сфере дипломатии.

Дипломаты раннего Нового времени неукоснительно соизмеряли каждый внешнеполитический шаг своего государства с позицией своего государства в системе международных отношений и концептов «война» – «мир», научились учитывать позиционное размещение

внешнеполитических сил и определять необходимый дипломатический инструментарий для реализации внешнеполитических задач.

Т.о., важными составляющими характеристики дипломатических практик в исторической ретроспективе – от практик раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) до практической дипломатии XXI века – являются внешние силы, воздействующие на личность дипломата извне или проникающие в его душу и образ, формируя его ценностные ориентиры, компоненты мировоззрения и критерии смысла жизни.

Фактор территориальной децентрализации в период войн предъявляет специфические требования к разрыву институциональных межгосударственных связей. В идеале, чтобы процесс выработки и реализации таких политик был эффективным, пространство акторов-государств и институциональное пространство региона (регионов) должны быть конгруэнтными, в частности по линии Запад – Восток.

Именно в период раннего Нового и Нового времени, в условиях противоборства концептов «война» – «мир» и военных перипетий, и происходит становление государств нового типа и нового современного миропорядка (Новая Европа).

Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня. Изменяющийся мир (общество, государство, личность, религия, безопасность), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства, дипломатического социума и дипломатических образов, интерпретаций концептов «война» и «мир», концептов «справедливость» и «несправедливость» в условиях новых вызовов и угроз полицентричного мира XXI века, а также формирует ценностные компоненты современного гуманитарного знания.

Список литературы:

1. Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle / Bernard Barbiche. – Paris: Presses Universitaires de France, 2012. – 369p.

2. Циватий В.Г. Поліцентричність сучасного світоустрою: мегатренд ХХІ століття: (інституційний контекст) / В. Циватий, О. Громико // Зовнішні справи. – 2014. – № 8. – С. 26-29.

3. International Relations. Edited by Stephen McGlinchey. – Bristol, England, 2017. – Part I: DIPLOMACY. – P. 26-36.

4. Бетильмерзаева М.М. Проблема кризиса идентичности: культурфилософский анализ // Общество: философия, история, культура. – 2017. – №7. – С. 18-21.

5. Циватый В.Г. Языковая картина мира и национальные менталитеты в контексте европейских дипломатических практик: исторические традиции и новации [Текст] / В.Г. Циватый // Молодёжь и наука: слово, текст, личность. Сборник научных статей. – Ульяновск: УлГПУ, 2015. – С. 175-185.

6. Бетильмерзаева М.М. Роль сознания в формировании человеческой субъектности / М.М. Бетильмерзаева // Актуальные исследования гуманитарных, естественных. Точных и общественных наук: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 25 ноября 2013г.). – Новосибирск: ООО «ЦСРНИ», 2013. – С. 18-22.

7. Абушенко В.Л. Проблема идентичностей: специфика культурфилософского и культур-социологического видения // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том IV. – С. 128-146.

8. Денисенко А.В. Духовна дипломатія: Навчальний посібник / За заг. ред. В.Г. Циватого. – Київ, 2012. – 396с.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДУХОВНОСТЬ» И «ПРАВО»

*Е.М. Чемурзиева
Россия, г. Грозный*

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
E-mail: elizabeth.liz@mail.ru*

Аннотация. Автор рассматривает соотношение понятий духовность и право как в рамках концепции правосознания русского философа прошлого века И.А. Ильина, так и относительно оценок данных феноменов в контексте современных исследований духовности и права.

Ключевые слова: духовность, дух, право, правосознание.

В научном дискурсе о духовности и праве, которые имеют в современных условиях особую актуальность, обращают на себя внимание различные подходы, определяющие сущность как духовности, так и права и соотношение феноменов духовности и права. Бытие человека, который представлен как биопсихосоциальное существо, обусловлено «как природным фактором, наследственностью, так и социальной средой» [1, с. 86], сущность человека находит выражение в его духовности [там же].

Актуальность вопроса, связанного с духовной сферой общества, обусловлена, как пишет И.В. Мусханова, «объективными причинами: во-первых, духовная безопасность включает в себя моральные, политические, правовые, эстетические, философские и религиозные общественные отношения; во-вторых, духовная сфера удовлетворяет потребность человека в самоактуализации и самореализации, при доминировании истины, добра, справедливости, красоты» [2, с. 413].

Размышляя над тем, как соотносятся понятия духовность и право, интересно обратиться к концепции правосознания русского философа прошлого века И.А. Ильина, который пишет, что «право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой, а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную верность» [3]. Правосознание, по И.А. Ильину, более широкое явление, чем сознание вообще. В становлении правосознания участвуют не только знание и мышление, но и воображение, воля, чувство, и душа человека. Человек обязан «обратиться к своему инстинкту и приучить его», что возможно при условии, если в нем живет духовность инстинкта, «достаточно сильная и определенная, чтобы усвоить духовный смысл права, его цель и его назначение» [3, с. 230].

Чаще всего научному дискурсу характерно противопоставление духа и инстинкта как несовместимых начал человеческого бытия, которые находятся в постоянном конфликте, борьбе за руководство устремлениями человека. Для И.А. Ильина несомненен факт их взаимодействия. Автор труда «Понятие право и силы» [3, с. 230] отмечает, что «бывают люди, почти не живущие духом, безразличные к духовному началу и духовным содержаниям», но в них «дух может внезапно загореться в глубине инстинкта», что находит выражение в совести, молитвах, праве, милосердии и т.д. Одна из важных задач правильного воспитания заключается в том, чтобы «с детства проявить в человеческом инстинкте духовное начало», которое не навязано со стороны, а пробуждается автономией свободной воли.

Следующая мысль И.А. Ильина о том, что «в глубине бессознательного живет способность человека отличать лучшее от худшего» демонстрирует, что с этого различения начинается духовность человека. Именно пробуждение инстинктивного чувства вкуса, совести, чувства справедливости, доброты души, чувства истины или очевидности, жажда молитвы в социальной жизни человека находит выражение в здоровом правосознании [3, с. 231]. «Потеря смыслов, стирание границ между добром и злом, утрата меры, как основной культу-

рообразующей категории», как пишет автор [4, с. 83], становится причиной дегуманизации социокультурного пространства и порождает пороки сущности правосознания.

В своей концепции правосознания И.А. Ильин определяет правосознание как «особого рода инстинктивное правочувствие, в котором человек утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей», на основе которых формулируются главные аксиомы правосознания:

- чувство собственного духовного достоинства,
- способность к самообязыванию и самоуправлению,
- взаимное уважение и доверие людей друг к другу.

Исходя из того, «что правосознание есть инстинктивная воля к духу, к справедливости и ко всяческому добру», корень его находится в религиозном чувстве и в совести, если же попытаться искать основания правосознания вне религии и совести, то обнаружится не качественное начало жизни, лишь черствая форма.

Естественно-правовое понимание права позволяет И.А. Ильину трактовать право как «право человека быть независимым духом», как «атрибут духа, его способ жизни, его необходимое проявление», а «правосознание есть воля к верному праву» [3, с. 232].

Предложенная логика рассуждений И.А. Ильина демонстрирует подлинную связь между правом и духом, гарантирующую жизнь нормального правосознания. Основанием, которое делает правосознание необходимым, по И.А. Ильину [3, с. 232], служит мотив, «вытекающий из самой природы человека как духовного существа и составляющий эту природу». Таким мотивом, универсальным жизненным влечением, данным каждому человеку, является воля к духу и духовности [3, с. 233].

К данной точке зрения И.А. Ильина близка позиция в определении духовности М.М. Бетильмерзаевой, которая пишет, что духовность «есть, в первую очередь, жизнь в соответствии со своим духом, и в этом смысле каждый человек духовен, ибо он движим силой, потенцией, энергией, волей быть» [1, с. 88]. Духовность, по мнению М.М. Бетильмерзаевой, не гарантирована образованностью, нравственностью, воспитанностью человека, так как их проявления могут иметь формальный, И.А. Ильин сказал бы, гетерономный характер, диктуемый обстоятельствами извне. Духовность предполагает автономии личности, волю духа не столько независимую от других, но требования других, сопрягающую со своими внутренними принципа-

ми, о которых выше мы уже писали: принцип духовного достоинства, принцип автономии и принцип взаимного признания.

Таким образом, в понятиях «духовность» и «право» находит отражение универсальный принцип равенства людей по праву рождения духовным существом.

Список литературы:

1. Бетильмерзаева М.М. Эволюция духовности как необходимое условие безопасности общества. – С. 84-92 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1-3 декабря, 2016 г.). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016. – 408 с.

2. Мусханова И.В. Психологическая устойчивость личности как сегмент духовной безопасности. – С. 412-416 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 1-3 декабря 2017 г.). – Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. – 672 с.

3. Ильин И.А. Понятие права и силы (Опыт методологического анализа) // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1994. – 624 с.

4. Бетильмерзаева М.М. Место и роль гуманитарного знания и духовной безопасности в контексте мультикультурализма. – С. 76-84 // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 19 декабря 2015 г.). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015. – 424 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТИКЕТНОЙ РЕЧЕВОЙ ФОРМУЛЫ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Ш.А. Шаваева, А.А. Шогенова
Россия, Нальчик

*ГБПОУ «Кабардино-Балкарский
гуманитарно-технический колледж»
E-mail: shavaeva001@mail.ru*

Аннотация. В данной статье проводится семантический анализ этикетной речевой формулы карачаевцев и балкарцев. В статье анализируются основные принципы этикета как поведения толерантности.

Представлен богатый материал по этикетным формулам карачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: ценность, толерантность, этикет, гуманизм, лингвокультура.

Этикет – это совокупность правил поведения, регулирующих внешние проявления человеческих взаимоотношений (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда).

Этикет в современном обществе отражает процесс демократизации и гуманизации социальной жизни. Правила этикета значительно упрощаются, становятся более свободным и естественным, приобретает смысл повседневного благожелательного уважительного отношения ко всем людям, безотносительно к их должности и общественному положению.

Учтливое обращение с женщиной, почтительное отношение к старшим, формы обращения и приветствия, правила ведения разговора, поведение за столом, обхождение с гостями, выполнение требований, предъявляемых к одежде человека в различных обстоятельствах, - все эти законы приличия воплощают общие представления о достоинстве человека, простые требования удобства и непринужденности во взаимоотношениях людей.

Мы знаем, что отношения между людьми весьма неоднозначны: есть отношения равноправные, неравноправные, родственные, дружеские, приятельские, теплые, холодные, высокомерные, легкие, тяжелые, натянутые, напряженные и т.п. Сложность в том, что все оттенки человеческих отношений находят свое отражение в этикете, в частности, в речевом этикете. Проблемами речевого этикета, другими словами, природой человеческого общения, его формами занимаются многие научные направления, такие, как психолингвистика, социоллингвистика, этнолингвистика и т.д. [1, с. 4].

Северокавказский регион отличается многообразием культурной и духовной жизни. Однако сходные условия проживания, развитие многовековых традиций общения и сотрудничества привели к тому, что ценности и нормы этих языков разделяются не только ими, но и представителями других народов.

Таким образом, формируется кавказский этикет, вбирающий в себя лучшие гуманистические ценности всех северокавказских этносов.

Проблема изучения речевого этикета принадлежит к актуальным проблемам современного языкознания. Речевой этикет представлен во всех языках и представляет собой языковую универсалию. Однако для речевого этикета каждого конкретного языка характерна яркая национальная специфика, обусловленная культурой, обычаями, ритуалами, невербальными средствами коммуникации конкретного региона.

Фактическая функция выполняется различными этикетными средствами при установлении, завершении и поддержании контакта. При установлении и завершении коммуникативного контакта наиболее распространены специализированные, ритуализованные этикетные средства. Формулы речевого этикета выступают социально заданными клишированными единицами общения. Это знакомство, приветствие, прощание, выражение благодарности, сочувствия и др. В данном случае особую значимость приобретает этикет народа **Тау адет, Тау намыс** «Горский этикет».

Основными функциями формул речевого этикета принято считать установление и поддержание контакта, осуществление которых практически невозможно без воздействия на участника коммуникативного акта вербальными средствами. Однако реальное место этикетных формул в жизни общества обуславливается заключенными в них социально и прагматически значимыми смыслами. Например, речевая формула **намысынг тѣппемде болсун** (букв.: пусть твоя честь будет на моей макушке) используется при обращении младшего к старшему или женщине и выражает проявление высокого уважительного отношения к адресату. А такие этикетные формулы, как а) **ингир ахшы болсун!** «добрый вечер!» *информируют об их отнесенности к адресату-ровеснику* и б) **ингиригиз ахшы болсун** «пусть вечер Ваш будет добрым!», *информируют об отнесенности к собеседнику, старшему по возрасту или статусу*. В карачаево-балкарской лингвокультуре неумение слушать, перебивание во время разговора являются свидетельством интолерантной модели поведения, поэтому они могут стать причиной межличностного конфликта. Если необходимо прервать речь собеседника, используются формулы речевого этикета с пожеланием добра и здоровья адресату: **сѣзюнгю игиликге бѣлейим, Аллах аурууунгу бѣлсун** «к добру да прерву я твою речь, пусть Аллах прервѣт твою болезнь»; **сѣзюнг тохтагъынчы аурууунг тохтасын** «пусть твоя болезнь прервется до того, как прервется твоя речь», формулы, подчеркивающие его превосходство по возрасту, уму, мудрости: **сен дуния жарыгъын менден алгъа кѣргенсе** «ты

увидел свет мира раньше меня», **сен менден минг кере акьыллыса** «ты в тысячу раз умнее меня». Соблюдение правил речевого этикета как способа социальных «поглаживаний» способствует созданию благоприятного межличностного общения и психологического комфорта. Как стереотипные знаки они направлены на исключение грубости, бестактности, неблагодарности, неучтивости, нетерпимости. При использовании адресантом стереотипных формул вежливости, адекватных ситуации общения, адресат испытывает чувство защищенности, получает удовлетворение от того, что его уважают, ценят. Такими формулами являются *поздравления с приобретением чего-либо*: **юсюнде тауусулсун! Сау кий, сау жырт!** «носи на здоровье! износи здоровым!», **муратынга жет, Аллах саулукь берсин; созданием семьи**: **толу юйюрлю болугъуз!** «пусть семья ваша будет полной!»; **тары кибик юйресинле!** «пусть семья множится подобно просу», **жастыгъыгъыз бир болсун! Сабийлеригизден къууаныгъыз! Аллах бир биригизден айыrmасын!**; *пожелания счастья*: **кёп насып Аллах берсин!** «пусть Аллах пошлет тебе много счастья!», **насыплы бол!** **Аллах суйгенледен бол!** **Аллах къызгъанmасын!**; *долгих лет жизни*: **ёмюрюнг узакь болсун!** «пусть век твой будет долгим!», **ачымай къал!**; *здоровья*: **саулукь Аллах берсин!** «дай Аллах здоровья!»; *соболезнования близким умершего*: **бек бушуу этдик, бушуу-угъузну къууанч унутдурсун** «очень скорбим, пусть радость заставит вас забыть о скорби»; **Аллах тёзюмлюк (къарыу) берсин** «пусть Бог даст Вам терпения (силы)» и др. Формулы речевого этикета включают в себя эмоционально-оценочный смысл, отражая в различных ситуациях общения такие качества коммуникантов, как почтительность, вежливость, человеколюбие, деликатность, скромность, чуткость. Например, эмоционально маркированная формула **келген аякъларыгъызгъа кёкюрегим кёпюр болсун, аркъа узунум жол болсун!** «пусть моя грудь станет мостом под вашими ногами, пусть моя спина станет для них дорогой!», **бу хычинлени этген адамны къолларныа Аллах саулукь берсин!** **Андан бери салып келген аякъларыгъызгъа къор болайым!** выражающая искреннюю признательность, благодарность гостям, характерна в основном для речевого поведения женщин. Яркой эмоциональной окраской отличаются также речевые формулы **жолунг мамукьдан болсун!** **жашау жолунг жарыкъ болсун!** «пусть светлым будет твой жизненный путь!»; **жаным сизге къурман болсун** «да будет моя жизнь жертвой за вас»; **юйюгюзге да игилик!** «добро Вашему дому!»; **байрамыгъыз къууанч болсун!** «пусть праздник ваш будет радостным!»; **жолунг ма-**

мукъдан! «мягкой дороги» (букв.: дороги из ваты); **жол болсун!** «успешного пути!» / «счастливого пути». Наиболее толерантно маркированными элементами речевого этикета в карачаево-балкарском языке являются благопожелания (алгъышла): **иги аякъ бла келсин** «да войдет (в дом) доброй ногой»; **къуру да былай келе туругъуз** (букв.: чтобы вы всегда так приходили (пожелание приходить по хорошему поводу); **сау къалгъын** «оставайся в добром здравии» (выражение сердечной признательности)); **хайыр болсун** (букв.: пусть будет полезным (пожелание, чтобы сон, который собираются рассказать, был во благо).

Концептуальную основу этикетных формул составляют любовь и уважение к человеку, жизнь и морально-нравственное благополучие которого рассматриваются как наивысшая ценность. Не случайно в структуре многих формул речевого этикета содержится компонент **сау** «живой, невредимый, здоровый», смысл которых связан с пожеланием быть живым (здоровым): **сау бол** «спасибо» (букв.: будь живым (здоровым)); **сау кел** «добро пожаловать» (букв.: приди живым (здоровым), **сау жырт** «носи на здоровье» (букв.: износи живым (здоровым)); **сау кёрюшейик** «до свидания!» (букв.: да встретиться нам живыми (здоровыми)); **сау къал** «до свидания!» (букв.: оставайся живым (здоровым). Некоторые этикетные формулы содержат семантические компоненты «добро», «благо», «хорошо», «радость», «спокойствие», «мир». Так, в тематической группе «приветствие» толерантные установки реализуются в пожеланиях-приветствиях с компонентами **ахшы, иги** «хороший, добрый»: **кюн ахшы болсун** «добрый день» (букв.: пусть день будет хорошим (добрым), **ахшылыкъ кёр!** «да видеть тебе только добро». Они полифункциональны: используются и при встрече на дороге, и при вхождении в чей-либо дом. Универсальной формулой приветствия, реализующей такой компонент толерантности, как забота об адресате, является **къалайса?!** «как дела?!», **къалайсыз?!** «как Ваши дела?!».

В карачаево-балкарском речевом этикете особой гуманистической глубиной отличаются благопожелания с компонентами «близкий», «добро», «радость», «спокойствие», «здоровье», «жизнь», которые как доминантные семы ориентируют речевые формулы на выражение толерантного отношения к гостю: **жууукъ болугъуз!** «добро пожаловать!» (букв.: «будьте близкими!»); **сау келигиз!** «добро пожаловать!» (букв.: «прибывайте живыми (здоровыми)!»); **къууанч бла келигиз!** (букв.: приходите с радостью!»); **хош келигиз!** «добро пожаловать!» (букв.: приходите во спокойствии). Приветствия-

благопожелания карачаево-балкарского языка обусловлены и родом занятий приветствуемого или приветствуемых (на пахоте, косьбе, уборке урожая, току, пастбище и т. д.): **къошха да игилик!** «добро вашему стану!»; **къошугъуз майлы болсун!** «пусть в вашей кошаре будет изобилие!»; **иш къолай болсун!** «успешной работы вам!»; **кёп болсун!** «да умножится!» (пастуху, чабану, табунщику); **бахча толу болсун!** «пусть огород твой будет полон!»; **базар болсун!** «удачной торговли». Во многих этих формулах благопожелание поддерживается использованием оптативной формы глагола бол «быть» - **болсун** «пусть будет». В качестве ответа на приветствие в карачаево-балкарском языке выступают этикетные формулы «благодарности-благопожелания», обусловленные определенной ситуацией: **сау бол, Аллах ыразы болсун** «будь здоров, пусть Аллах будет тобой доволен», **къууанчлагъа келичю бол** «чтобы ты приходил по радостным поводам»; **сау бол, жашауунг татлы болсун!** «будь здоров, пусть жизнь твоя будет сладкой».

Благопожелания тематической группы «прощание» содержат те же универсальные семы, ориентирующие речевые формулы на выражение доброго отношения к человеку: **сау къалыгъыз!** «до свидания!» (букв.: оставайтесь во здравии); **сау жыйылыгъыз!** «возвращайтесь живыми-здоровыми!»; **къууанчлада тюбеше турайыкъ!** «счастливой встречи» (букв.: пусть будем встречаться на радостных событиях!); **тынч кечели къалыгъыз!** спокойной вам ночи!»; **хайыр (огъурлу, къууанч, насып) иш этигиз!** «полезной (доброй, радостной, счастливой) вам работы!» (при прощании с работающими).

В благопожеланиях семантической группы «поздравление» выражается субъективное эмоционально-оценочное отношение адресанта к адресату в связи с радостным событием в его жизни (приобретение жилья, рождение ребенка, успешная карьера, бракосочетание и т. д.): **жашар сюекли болсун, тукъум-жукъ болсунла!** **жангы журтугъуз огъурлу болсун** «пусть будет добрым ваш новый дом»; **намыслы, насыплы болугъуз!** «будьте уважаемы и счастливы»; **Аллах бу сабийге сюек саулукъ берсин!** «пусть Аллах даст этому ребёнку крепкое здоровье» (букв.: крепкую кость!); **тукъумун иги бла айтдыргъан сабий болсун!** «пусть этот ребенок прославит свой род». В речевых формулах данной тематической группы содержится пожелание не только тому, кто родился, женился, но и его близким, родным: **къууанч кюнюне къууанч бла жетер насып Аллах берсин барыбызгъа да!** «пусть Аллах дарует всем нам счастье в радости дожить до его (ее) свадьбы!», **туугъанындан жашагъанына къууаныгъыз!** «радуйтесь его жизни больше, чем его рождению».

Многие ответные реплики на поздравления выступают как интенсификаторы признательности, благодарности адресанту: **ауузунг бал къапсын! Ауузунга – бал! Ахшы хапар айтычу бол!** «да будет у тебя мед во рту (то есть всегда сладко)!» «чтобы ты всегда приносил хорошие новости!». Доминантные семы «благо», «добро», «жизнь» являются компонентами и языковых единиц, входящих в тематическую группу «соболезнования». Этикетные формулы соболезнования в карачаево-балкарском языке имеют особый статус. Хотя они связаны с ситуацией смерти, в них также выражено, наряду с неизбежностью предначертанного, жизнеутверждающее, гуманистическое начало, поэтому эти формулы начинаются с пожелания долгой жизни родственникам умершего: **сен (сиз) кёп жаша(гъыз)** «живи (те) долго»; **жашауу сизге къалсын** «пусть его жизнь и его непрожитые годы останутся вам».

Примечательно, что выражение **къайгъы сёз** «соболезнование» с карачаево-балкарского языка буквально переводится как «печальное слово», а **къайгъы сёз берирге** «соболезновать» – как «произнести печальное слово». В нем действительно содержатся лексемы, выражающие сопереживание, соучастие адресату, соболезнование близким родственникам умершего и слова утешения: **Аллах сизге муну унутдуруп бушуу бермесин** «пусть Аллах не пошлет вам горя, которое заставит вас забыть об этом»; **Аллах энди келлик бушууладан сакъласын** «пусть Аллах сохранит вас от других бед»; **жазыуу болур эди, Аллах сизге иги къадар жазсын** «такова, видимо, была его судьба, пусть Аллах пошлет добрую судьбу»; **хар зат да Аллахны къолундады** «все в руках Аллаха». Часто слова соболезнования сопровождаются советами: **башынгы энишге ийме** «не опускай голову»; **кесинги къолгъа ал** «возьми себя в руки»; **эсинги жый** «приди в себя». К ним примыкают речевые формулы, реализующие такие принципы толерантности, как забота, милосердие, осознание необходимости проявлять терпимость к жизненным трудностям и невзгодам: **жюрегинге алма** «не принимай близко к сердцу»; **ол керекли сен къал** «пусть это будет единственное, чего тебе не хватает» (человеку, не сумевшему добыть что-либо); **Аллах къыйынынгы сууапха жазсын** «пусть Аллах зачтет твои труды как благодеяния» (человеку, чьи старания помочь не заслужили никакой благодарности); **андан хатадан къал** «не дай тебе Бог худшей беды»; **ол болсун кёрюр хатанг** «пусть это будет последняя (в твоей жизни) беда».

Таким образом, семантический анализ представленного языкового материала позволяет заключить, что в наивной картине мира ка-

рачаевцев и балкарцев горе, страдания, жизненные невзгоды воспринимаются как Божье предначертание. Человек не в силах изменить то, что суждено, но его моральным долгом является сострадание, сочувствие другому человеку, оказавшемуся в трудной ситуации.

Список литературы:

1. Формановская Н.И. Употребление русского речевого этикета.- Москва, 1982. – 196 с.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Л.Р. Эльбиева

Россия, г. Грозный

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Larossa_2014@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается влияние интеллигенции на развитие современного полиэтнического общества. Актуализируется значение научной интеллигенции, которая вынуждена искать новые ориентиры своей деятельности. Обзор дается с учетом специфики научной интеллигенции, ее градацию на такие группы как научно-техническую интеллигенцию и (гуманитарную интеллигенцию).

Ключевые слова: интеллектуалы, научная интеллигенция, социальный класс, образование, наука.

Исследования социологов в нашей стране и за рубежом показывают, что интеллигенции, как социального феномена, превосходят национальные границы. Он является составной частью структуры любого цивилизованного общества, расположенного в промышленном и информационном процессе производства.

В западном обществе, его появление связано с распределением интеллектуального труда в отдельной сфере деятельности. Американский социолог Алвин Гоулднер, появление класса интеллигенции связывает с моделированием рабочей группы, и выкристаллизацией из нее «нового класса».

В своей работе «Будущее интеллигенции и становление нового класса», А. Гоулднер, подразделяет новый класс на научно-техническую интеллигенцию и интеллектуалов (гуманитарную ин-

телигенцию). [1] Будучи новым классом интеллектуалов, они обладают культурным капиталом в форме знаний, навыков и критического дискурса (голос сообщества), который приравнивается к основанию профессионалов и интеллектуалов.

В современной западной социологии термин «интеллектуалы» более распространен и относится к профессиональным группам, связанным с трудоустройством в сфере интеллектуального труда, синонимом термина в социологической литературе является понятие «белый воротничок».

В российской историографии нет единого понимания происхождения интеллектуалов как социального класса. В европейских странах интеллектуалы образуют «высший класс» и являются «элитным классом», главная задача, которого - «создать интерпретацию мира для определенного общества» Это «профессионал», потому что тип интеллектуальной работы, которую (врачи, учителя, юристы) несет особую ответственность, означает высокий материальный статус и престиж. В России преобладают другие источники интеллектуального вербовки: она формируется «разночинцами», между полярными социальными классами - низшим классом (бедностью, но связанным с экономическим производством) и владельцем капитала (высшего класса).

Среднее положение предписывает особые функции и качества российской интеллигенции. Некоторые российские исследователи предполагают дифференциацию современной интеллигенции на «публичную элиту», «идеологов» и «социальную элиту», отмечая, что деятельность первой и второй направлена на разработку и политическую демонстрацию идей, вокруг которых мобилизуются различные этнические общности. [2]

Сегодня, наблюдая за развитием современного научного мышления, мы можем объяснить интенсификацию интеллектуальной деятельности. Независимо от причины этой деятельности, история показывает, что роль интеллигенции возрастает во времена кризиса, а именно в период «Идеологических блужданий». Интеллектуалы - самая чувствительная часть меняющегося общества, особенно когда речь идет о крахе ценностей, норм, идеалов и традиций, которые существовали на протяжении веков.

В процессе трансформации российского общества, перехода к рыночной экономике в кризисных ситуациях, вопросов, связанных с производством и воспроизводством научных кадров, и вопросов, связанных с развитием и функционированием социальных групп, обост-

рились и проблемы научной интеллигенции. В кризисные, а порой и трагичные для этноса исторические периоды, интеллигенция, и особенно ученые, взяли на себя ответственность за понимание и переосмотр социального и культурного процесса, создание механизма для защиты всей национальной культуры народа.

По мнению российских социологов, русские интеллектуалы имеют не только разный статус, но и духовные, и социальные цели. Н. А. Бердяев считает, что русские интеллектуалы - скорее культура, чем цивилизация. Культура по существу аристократическая, и ее влияние распространяется сверху вниз.

Современное человечество живет путем укрощения истины и новой технологии природы. Переход общественного внимания к экономическому развитию привел к гибели культуры и ослаблению духовных ресурсов.

Различие между культурой и цивилизацией, используемое Н. А. Бердяевым, может определять социальную цель интеллектуалов: защищать уникальную национальную культуру. Социальная функция интеллектуалов и современных технологических интеллектуалов заключается в развитии экономических и информационных технологий - основе цивилизации. Западные интеллектуалы никогда не принадлежали к «бессобреренникам», большинство из которых - высокооплачиваемые группы социальных профессиональных социальных структур. Напротив, российская интеллигенция никогда не была укоренена в экономической базе, долгое время она функционировала как маргинальный слой. В рамках социологического подхода изыскиваются объективные критерии для описания интеллектуалов как социальных профессиональных сообществ и определения их места в системе социальных отношений. Интеллектуальная оккупация стала атрибутом атрибута, позволяющим интеллектуалу быть разделенным на определенную социальную группу. Современные социологи классифицируют интеллектуалов в зависимости от характера и содержания их профессиональной деятельности.

Ученые рассматривают роль интеллектуалов в современном российском обществе с разных точек зрения. Русские интеллектуалы традиционно трансформируют достижения западной культуры во все общество, это заставило некоторых авторов взглянуть на подчиненных общества интеллектуалам, в том числе на характеристики мессианства, которые отстают в других частях мира. В этом случае интеллектуалы воспринимаются как яркие выразители глобальных тенденций. Когда страна достигнет наилучшего уровня развития, эта социальная роль исчезнет. Основные группы и классы определяются по

следующим критериям: основные (образование, наука, культура, образование), статус (лидерство, частный), поколение (советское, постсоветское, современное), территория (городская, сельская). В частности, мы отмечаем, что эти стандарты являются основой для исследований специалистов и других типов интеллектуалов для адаптации к рыночной экономике России.

Различные группы интеллектуалов, определенные по профессии, полу и региональным стандартам, имеют разные взгляды на условия труда. Более сложный корреляционный анализ выявляет следующие тенденции.

Чем выше профессиональный статус интеллектуалов, тем выше удовлетворение всеми аспектами профессии. Чем моложе профессиональный возраст, тем ниже удовлетворенность условиями труда и тем меньше вероятность развития практики устойчивого развития: удовлетворена третья часть «советского» поколения гуманитарных интеллектуалов, явление связано с фактором риска для профессиональной адаптации к гуманитарным наукам молодых людей. Ресурсный подход, используемый в современной социологии для социальной адаптации интеллектуалов, позволяет выделить «активы», которые влияют на процесс адаптации.

Следующими нормативными, и личными характеристиками являются ресурсы социальной адаптации интеллектуалов в профессиональной сфере: образование, активность, мотивационные характеристики, творческий потенциал, участие в социальных сетях и профессиональные ассоциации. Утилизация этих ресурсов в определенных приоритетах подразумевает различные стратегии поведения. Наиболее укрепившиеся, специализированные области адаптации к гуманитарному интеллектуальному сообществу - руководители, ключевые эксперты, пожилые люди (старше 50 лет), жители городских поселений.

Чтобы справиться с репликацией человеческого потенциала на разных уровнях качества, выбор и распределение эффективных образцов культурной и поведенческой практики, сами эксперты по знаниям не всегда включаются в разработку новых стратегий поведения и качества жизни.

В нынешней Чеченской Республике научная интеллигенция проявляет активное участие в процессе укреплении национальной интеграции, объединяющем все социальные силы для достижения всеобъемлющего возрождения социально-культурного, экономического и политического образа когда-то процветавшего региона России.

Когда в условиях социальных изменений формируется личное отношение, особая роль научной интеллигенции имеет большое зна-

чение. Г. Г. Дилигенский обратил внимание на то, что «в общем, люди редко выбирают свое уникальное отношение к социальным и политическим реалиям». [3] По его мнению, большинство людей часто заимствуют отношения с этой реальностью от других людей, социальных групп или социальных групп. Похоже, что научная интеллигенция является одной из таких социальных групп. Она создает информационную среду, в которой возникают определенные взгляды или стереотипы. Следует уточнить, что в некоторых случаях предвзятое, ненадежное и под влиянием национальных настроений научное знание восприятия человека может привести к возникновению негативных установок. В этом случае национальное самосознание самих научных интеллектуалов очень важно. Кроме того, выбор ситуации означает существование так называемого «нелинейного мышления», то есть перехода от линейного мышления к нелинейному мышлению.

В качестве участников промежуточного уровня процесса трансформации научная интеллигенция не обладает достаточными полномочиями для определения национальной политики. Тем не менее, он обладает достаточно высоким потенциалом (знаниями, культурой, информацией) в дополнение к нему и корректирует его в соответствии с социокультурными характеристиками района. В то же время, по словам Т. Заславской, «деятельность мезонов не имеет неотъемлемых положительных или отрицательных признаков - в зависимости от обстоятельств, она может быть конструктивной или правовой, разрушительной и неправовой». [4]

Исследования научной интеллигенции позволили выделить следующие сферы деятельности научных интеллектуалов: интеллект, психология, образование, политика и позиционирование личных качеств. В то же время, на наш взгляд, в условиях постоянно меняющегося состояния разнообразного общества роль научных интеллектуалов как позитивного социального субъекта также изменит свою роль в современном процессе. Когда мы приближаемся к состоянию относительного равновесия и стабильности, цель научных интеллектуалов может приобретать разные характеристики.

Будучи самым важным игроком в процессе национальной культуры на Северном Кавказе, используя свой потенциал в межэтническом общении и возможность распространения его на общество, он может играть важную роль в разрешении и предотвращении межэтнических конфликтов. Мы считаем, что именно с этой способностью научная интеллигенция может полностью осознать, что они являются социальными субъектами в постоянно меняющемся полиэтническом обществе.

Список литературы:

1. Гоулднер А. «Будущее интеллигенции и становление нового класса» // [Электронный ресурс] [https:// socio.rin.ru](https://socio.rin.ru)
2. Майборода Э.Т. Влияние интеллигенции на суперэтническую мобилизацию. Особенности процесса в Северо-Кавказском регионе // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России (материалы международной научной конференции 10-11 апреля 1998г.) / Под ред. В.А. Шаповалова и др. Ставрополь, 1998. Ч.1. С.112.
3. Диллигенский Г.Г. Социально – политическая психология. М.,1996. С.159.
4. Заславская Т.И. О субъектно – деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию. Акторы макро-, мезо -микроуровня современного трансформационного процесса / Под общей ред. Т.И. Заславской. М.,2001. С.11.

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК ЧАСТЬ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ СТРАНЫ

Э.С. Юлдашев

Узбекистан, г.Ташкент

*Министерство культуры Республики Узбекистан
«Креативные индустрии – это залог современного
развития культуры»*

Аннотация. Автор обосновывает мысль о том, что поддерживая духовность в рамках культурного богатства и искусства, а в современных условиях глобализации и в рамках креативной индустрии, наше государство уверенно стоит на достигнутом и уверенно шагает вперед в современный и быстроизменяющийся мир.

Ключевые слова: креативные индустрии, духовное возрождение, массовая культура.

Креативные индустрии в современном мире являются частью культуры и искусства страны и конечно народа в целом, они дают импульс и толчок для дальнейшего развития этих направлений в обществе как внутри страны, так и за её пределами, то есть работая на креативный, «культурный» экспорт, что уже является весьма интересным и необычным.

С приобретением Независимости в Республике Узбекистан начала активно развиваться область креативной индустрии, поддер-

живая уже накопленный опыт за предыдущие годы и духовно развивая новое государство далее по независимому пути, преодолевая различные нападки, речь идёт о «массовой культуре» которая не соответствует нашему менталитету, религии и культуре в целом, настоящая индустрия обогащала наше самосознание и самоопределение.

В начале 90-х годов при поддержке государства создаются Национальное агентство «Узбеккино», Эстрадное объединение «Узбекнаво» (ныне Государственное учреждение «Узбекконцерт»), Творческое объединение национального танца «Узбекракс», Камерный оркестр «Юные дарования Узбекистана» и Дирекция академических народных и художественных коллективов имени М.Кари-Якубова, с его восьми коллективами, а именно:

1. Государственная Хоровая Капелла
2. Камерный Оркестр «Туркистон»
3. Классический ансамбль «Мумтоз»
4. Группа «М.Юлчиевой»
5. Государственный ансамбль песни и танца «Узбекистана»
6. Государственный оркестр народных инструментов имени Т.Жалилова
7. Эстрадно-симфонический Оркестр «Б.Зокиров»
8. Камерный ансамбль «Солисты Узбекистана»

Эти ведущие художественно-творческие учреждения стали локомотивом культурно-духовного возрождения страны после тоталитарного режима и жесткой цензуры. Кроме того, переход республики на рыночную экономику тоже отразился в креативной индустрии, речь идёт о открывавшихся медиа-холдингов и медиа-корпораций, таких как ООО «Taron Records», ООО «Kamalov.UZ», ЧП «IOSIS», ГУП «SIAN» и многих других, этот частный сектор своим большим вкладом, также поддержал на первых порах высокое преобразование, культурное восстановление и духовное возрождение нашей родины.

На сегодняшний день, сквозь призму креативной индустрии, то есть культуру и искусство в стране также не приостанавливается дальнейшее развитие общества, культуры, образования и духовного содержания.

Во-первых, это отражается в деятельности Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева, все это мы видим в последних тенденциях государственной деятельности, а именно в постановлениях Президента:

1. «О мерах по дальнейшему развитию и совершенствованию сферы культуры и искусства» от 31 мая 2017 года;

2. «О мерах по дальнейшему развитию национальной кинематографии» от 07 августа 2017 года;

3. «О создании Фонда развития культуры и искусства при Министерстве культуры Республики Узбекистан» от 16 октября 2017 года;

4. «О мерах по дальнейшему развитию узбекского национального искусства макома» от 17 ноября 2017 года;

5. «О дополнительных мерах по совершенствованию механизмов внедрения инноваций в отрасли и сферы экономики» от 08 мая 2018 года;

6. «О дополнительных мерах по повышению качества образования в высших образовательных учреждениях и обеспечению их активного участия в осуществляемых в стране широкомасштабных реформах» от 06 июня 2018 года.

7. «О мерах по инновационному развитию сферы культуры и искусства в Республики Узбекистан» от 26 августа 2018 г.

Во-вторых, это наблюдается во вновь создаваемых государственных и коммерческих структурах республики в области креативной индустрии:

1. Профессиональное объединение негосударственных телерадиовещателей Республики Узбекистан – Национальная Ассоциация электронных средств массовой информации;

2. Центр узбекского национального искусства макома;

3. ГУП «Медиацентр Национальной телерадиокомпании Узбекистана»;

4. ООО «Yastreba»;

5. ООО «Tarona Media»;

6. ООО «ProLighting Media»;

7. ООО «Дирекция Международного фестиваля – Шарк Тароналари»;

8. ООО «Дирекция Международного фестиваля – Макома» (в народе прозван «Маком челлендж»);

9. ООО «Muvad Video»;

10. ООО «Azia Records»;

11. Фонд развития культуры и искусства при Министерстве Культуры Республики Узбекистан

12. ГУП «Национальный PR-центр» при Государственном Комитете Республики Узбекистан по развитию туризма

13. ООО «RizaNova»;

14. ГУП «Молодёжная киностудия»;

15. Негосударственная некоммерческая организация «Центр содействия развитию кинематографии»;

16. Союз молодежи Узбекистана;

17. Министерство культуры Республики Узбекистан.

Основной «бум» креативности довольно сильно ощутим в отечественном киноискусстве, здесь наша страна вышла на ведущие позиции регионе уверенно удерживает эту линию уже долгие десятилетия. В текущем году, первый раз открылся павильон узбекского кино на ежегодном Венецианском международном кинофестивале, нужно отдельно отметить, что инициаторами и представителями страны явились не только государственные учреждения, но в первую очередь негосударственные некоммерческие организации и совершенно новая волна молодых кинорежиссеров. Данные факты довольно отрадны для дальнейшего роста и прогресса в киноискусстве узбекской креативной индустрии.

Также акцент в этой области делается на получение образования, так отдельно создана Академия наук художеств Республики Узбекистан, а при ней Национальный институт художеств и дизайна имени К.Бехзода. При недавно созданном Государственном институте искусств и культуры Узбекистана создается совместный факультет ГИИКУз с Всероссийским государственным институтом кинематографии им. Герасимова в г.Ташкенте (ВГИК). В Государственной консерватории Узбекистана (бывшая Государственная консерватория Узбекистана имени Мухтара Ашрафи) по инициативе Президента Республики Узбекистан создан новый факультет «Национального искусства Маком».

По постановлению Президента Республики Узбекистан создается Ташкентский государственный институт кинематографии, который будет первым в своем роде в нашем регионе (Центральной Азии).

Суммируя вышеизложенное, складывается ясная и прагматичная картина свершившегося и будущего нашей страны. Поддерживая духовность в рамках культурного богатства и искусства, а в современных условиях глобализации в рамках креативной индустрии, наше государство уверенно стоит на достигнутом и уверено шагает вперед в современный и быстроизменяющийся мир, а духовным фундаментом и базой служит «креативная индустрия Узбекистана».

Научное издание

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

*Сборник материалов
V Международной научно-практической конференции*

г. Грозный, 7-8 декабря 2018 года

Подготовка оригинал-макета *Магомедова Л.Р.*

Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 26.11.2018 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 19,3. Уч.- изд. л. 18,3. Тираж 500 экз. Заказ №18-11-141.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru